

П.С. Лемещенко

**СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА:
В ПОИСКАХ ЛУЧШЕЙ ТЕОРИИ**

Глава 1. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРАКТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ОБЪЕКТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Дать объективную, полную и всеохватывающую оценку современной *мир-экономике*¹ — дело архиважное и сверхсложное, поскольку это требует в первую очередь правильного в научном отношении методологического подхода, а так-

¹ Термин "мир-экономика" нами употребляется в смысле, высказанном Ф. Бродецем, И. Валлеррстайном и др. Эта категория выходит за пределы привычного понятия "мировой экономики", отражая целостность, органическую взаимообусловленность и институциональное устройство мирового хозяйства [58, 72].

же использования адекватных категорий, многочисленных качественных и количественных параметров оценки хозяйственной деятельности, выходящих далеко за пределы представлений, отображаемых существующим научным знанием. И вместе с тем это крайне необходимо, поскольку понимание мировой структуры, тенденций и траектории социально-экономического развития дает возможность, прежде всего, верных подходов для *разрешения сложившихся глобальных проблем*. В свою очередь верная оценка своего места в "мировом экономическом порядке" выступает исходным пунктом в выработке адекватной экономической политики отдельных национальных государств [1, 11, 12, 406].

1.1. Современная мир-экономика как форма хозяйствования и аналитическая единица

Эволюция политико-экономических, социокультурных, технико-технологических отношений и взаимосвязей на разных уровнях хозяйствования привели к началу XXI века к формированию несколько иной по сравнению с прошлым единицы хозяйствования – мир-экономики. Социально-экономическое пространство вышло за национальные пределы, институционально закреплённое формами ТНК, обеспечивая тем самым минимизацию транзакционных издержек, возникающих в условиях международного разделения труда, специализации и обмена.

За последние 50–60 лет произошли коренные изменения в *субординации* национальных и международных экономических отношений. Международные экономические отношения *из вторичных превратились в первичные* со всеми вытекающими отсюда последствиями. Территориальный *национальный суверенитет* заменяется понятием функционального суверенитета, предполагающим передачу части функций отдельных государств вновь образованным наднациональным органам. Созданные соответствующие международные политические, экономические, военные и другие институты стали в конечном итоге определять цели и многие параметры национального развития. Эрозия национального суверенитета стимулирует потребность в активной деятельности международных организаций. "Чтобы могла работать глобальная экономика, – пишет Л. Туроу, – потребуется в значительной мере пожертвовать национальным суверенитетом. В течение некоторого периода времени мировая экономическая игра

будет происходить в среде, где правила изменчивы – и не вполне известны. Даже когда они будут написаны и известны, неясно, кто будет проводить их в жизнь. В периоды *кусочного равновесия* (выделено нами – П. Л.) уровень неуверенности чрезвычайно повышается" [465, с. 166]. По этому поводу И. Пригожин писал: "Специфической особенностью сложных систем является то, что наши знания о них ограничены и неопределенность со временем возрастает" [397, с. 247].

Буквально за последние десять лет произошла качественная *институциональная трансформация мирового рынка*. Национальные экономики через международные институты активно интегрируются в единый общепланетарный механизм с универсальной системой политических, экономических и социальных ценностей, взаимодействия финансовых институтов и макроэкономического регулирования [97, 118, 143, 155, 278].

В деятельности ТНК наблюдается *новый уровень международных слияний и поглощений*, опосредованных информационными технологиями и политическим влиянием международных организаций, что вносит существенные изменения в мировую конъюнктуру, концентрацию и централизацию капиталов, ценовую стратегию, международное разделение труда. Если внутри ТНК стали преобладать системообразующие и самообеспечивающие отношения, то между компаниями заключаются неформальные альянсы и соглашения. Особенно такие соглашения распространены в области НИОКР, которые требуют больших инвестиций при высоких рисках [393, 432, 498].

Анализ *мировой экономической динамики* за прошлые двадцать лет показывает неустойчивые и нестабильные темпы роста почти всех стран и регионов. Пик циклического подъема 2000 года сменяется резким падением конъюнктуры, неустойчивыми тенденциями в последующих годах [123, с. 3; 143, 246]. Для всех стран в плане роста оказался критическим 1993 г., когда наблюдались самые низкие экономические показатели. Исключение составляет Китай, который начиная с 1987 г. обеспечивает устойчивые и достаточно высокие темпы экономического роста — более 11 % в год, осуществляя реформы. Выделяются Южная и Восточная Азия в плане относительно высоких темпов роста, на уровне 6–8 %. Вместе с тем начало 2004 года подтверждает достаточно пессимистические оценки и нестабильные прогнозы (табл. П.2.1-П.2.8) на перспективу [55, 71, 121, 181, 319, 353, 351].

Резкий переход от подъема к замедлению наблюдается и в *системе мирохозяйственных связей*. Замедлились темпы роста мировой торговли. Сама торговля имеет тенденцию к сокращению в общей структуре транзакционных сделок, что подрывает мотивы инновационного развития производительного капитала как ее основы. После 1990 г. темпы роста международной торговли товарами (6.7 %) стоят на третьем месте после прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и торговли услугами (7–8 %). В 1990-2000 гг. торговля товарами выросла всего в 1.5 раза, в то время как ПИИ – в 3.5 раза. В структуре торговли начали значительно преобладать обрабатывающие отрасли. Конец XX начало XXI века характеризуется по-прежнему преобладанием товарных потоков в развитые страны (68–72 %). 24-27 % составляют развивающиеся и 4 % развитые страны. Доля взаимного экспорта внутри промышленно развитых стран занимает около 75 %. В сфере услуг наиболее динамично развивающимися оказались транспорт (25-30 % мирового экспорта), туризм (30 %) и другие наукоемкие виды деятельности: финансовые, телекоммуникационные, консалтинговые, компьютерные, исследовательские, управленческие, издательские [497, 498].

Спекулятивная мотивация, получившая самое активное распространение в поведении хозяйствующих агентов благодаря интенсивному развитию рынка ценных бумаг, проникла буквально во все "поры" экономических отношений, создав ситуацию неопределенности и риска, которые усилились к началу нового века. Мировая финансовая система превратилась, по существу, в глобальный конгломерат, функционирующий не в интересах развития национальных экономик, роста промышленного производства и уровня жизни людей планеты. Новая мир-экономика стала мало похожей на экономику *богатства* Смита и *начал* Рикардо. Особенно большим колебаниям на международных валютно-финансовых отношениях в 2001–2004 гг. подвержены валютные курсы и курсы акций высокотехнологичных транснациональных компаний или, как их еще иначе называют, "компаний роста".

Сегодня проблема глобализация (globe – земной шар) выходит из теоретического дискурса на практический уровень. Впервые о ней заговорили американцы в начале 80-х гг. XX в¹. Консультант Гарвардской школы бизнеса японец К. Омэ опубликовал в 1990 г. книгу "Мир без границ" [603]. В ней он утверждал, что экономический национализм отдельных государств не имеет смысла,

¹ Термин "общепланетарная деревня" появился еще в начале 60-х гг. в работах канадского социолога и историка Мак Луана.

поскольку мировая экономика к концу века определяется взаимозависимостью ТНК (глобальных фирм) и влиянием трех центров: ЕС, США и Японии. Если обратиться лишь к финансовому проявлению глобализации², то очевидным становится то, что мир финансов стал практически самостоятельным автономным космосом, утратившим прямую зависимость от физической экономической реальности. Возникновение мистифицированной финансовой *неоэкономики* связано с фатальным кризисом бреттон-вудской системы, который совпал с развитием *информационных технологий*, обеспечивших в свою очередь использование новых масштабных финансовых инструментов. К концу XX в. на планете уже сформировалось самостоятельное *номинальное поле* разнообразных валютно-финансовых операций с деньгами, обусловивших противоречивое столкновение этой *квазиэкономики* с экономикой реального сектора. Банк международных расчетов оценил объем производных финансовых инструментов в мире на конец 1997 г. в 103 трлн долл., а на конец 1998 г. эта цифра уже выросла до 150 трлн долл. За три осенних месяца 1998 г. Федеральной резервной системой США было напечатано 13.8 млрд долл., а общий объем наличных денег в обращении составил 457.9 млрд долл. На тот же момент показатель денежной массы M1 равнялся 1112.7, M2 – 4380.8 и M3 – 5940.1 млрд долл. [201, с. 263; 218, с. 21–31].

М. Алле еще в 1992 г. в работе "Монетарные условия рыночной экономики" писал: "...Мировая экономика как целое опирается сегодня на гигантскую пирамиду долгов, которые находятся в весьма сложном равновесии. Никогда в прошлом не было такого гигантского накопления обещаний платить. И, несомненно, никогда не было так трудно справиться с ними. Эта спекуляция с валютами или спекуляция на фондовых рынках свидетельствует, что мир стал одним огромным казино с игровыми таблицами, распределяемыми по всем широтам и долготам. Генерируется перманентная потенциальная нестабильность и растущее разъединение между финансовой системой и реальной экономикой" [506, с. 16]. Стремительно растущие дефициты и государственный долг, который, например, сегодня в США превышает более 5.5 трлн долл., создают о том, что "государства в настоящее время живут в бюджетной тюрьме, из которой нет выхода" [619, с. 216]. Сфера мировой экономики с ее информационными

² Экономическая наука на сегодняшний день сосредоточивает свое внимание на следующих направлениях глобализации: функционировании финансового рынка; информационной мировой сети; сформировавшимся и раз-

технологиями уже накопила критическую массу для возникновения *нового кризиса на глобальном уровне*. Осознавая вероятность грозящей катастрофы, вина за которую возлагается на МВФ и другие финансовые институты, предлагается превратить МВФ в "нечто вроде международного центрального банка" [428, с. 9, 11; 429]. М. Фридмен также пишет: "Финансовый кризис в экономиках Азии (кризис 1998 г. – П. Л.) был порожден комбинацией трех составляющих элементов: застоя в Японии, привязки центральными банками обменного курса национальных валют к американскому доллару, а также существования и политики МВФ" [481, с. 4]. Опасность никем не контролируемых огромных финансовых потоков постоянно обсуждается на совещаниях министров финансов ведущих экономических держав. Парадокс ситуации в том, что сама глобальные изменения и кризисность мира обеспечивают новый вид дохода – внушительную *глобальную ренту* финансовому капиталу, который проводит рискованные операции на фондовых и валютных рынках. В рамках мировой экономики с точки зрения создания национального богатства эти операции выступают всего лишь игрой с нулевой суммой, поскольку никакой общественной потребности. Ситуация на уровне глобальных финансов усложняется тем, что возрастает риск неуправляемости, неконтролируемости и, следовательно, очередного *всеобщего мирового кризиса*. Базирующийся в Базеле влиятельнейший банк в опубликованном летом 1997 г. отчете впервые констатировал характер *реальной угрозы срыва мировой финансово-банковской системы* и выход ее за пределы действенного контроля и профессионального прогноза. Парадокс состоит еще и в том, что развитие финансового сектора в рамках существующих неоклассических подходов расчетов обеспечивает рост ВВП в индустриально развитых государствах на уровне 10–19 %. Однако с институциональной точки зрения весь финансовый сектор попадает в разряд транзакционных отраслей [348, с. 206–207; 513] и они должны вычитаться из ВВП, а не суммироваться в качестве общих составляющих реального сектора экономики [627]. Поэтому подготовленный теоретически и методически переход от СНС (система национальных счетов) к системе социальных счетов (ССС) [102, с. 38–47, 313] позволит более четко зафиксировать роль и участие каждого сектора экономики в создании действительных ценностей, производство которых и позволит реализовать стратегию по устойчивому экономическому развитию отдельных госу-

дарств и мирового сообщества в целом, стоящей первым пунктом в принятом 18–20 июня 1999 г. коммюнике на заседании Группы семи [392, с. 11].

Колебания валютных курсов, которые характеризуют современную мирохозяйственную систему, объясняются в первую очередь внедрением в хозяйственную деятельность *"казино–экономики"*, а не падением деловой конъюнктуры. Спекулятивный характер поведения объясняет и падение курса акций, которое иногда связывают с перенакоплением капитала. Так называемый *ложный инвестиционный бум* в высокотехнологичные компании был создан широкой рекламной компанией, на которую вместе с затратами инвестиционных банков по первичному размещению акций, субсидирование стоимости услуг по привлечению услуг и другие "представительские" цели ушло, по некоторым оценкам, около 80 % привлеченных "капиталов"¹. Речь идет об элементарной расточительности и неэффективности использования привлеченных средств, которых из привлеченных 150 млрд. долл. в *реальное производство* американскими интернет-компаниями с 1995 по 1999 гг. было вложено лишь 20 % [392, с. 4]. Курсы акций "традиционных" компаний упали за последние годы несколько меньше по сравнению с компаниями первого вида, но под их влиянием, поскольку в этом секторе норма прибыли естественно прогнозировалась меньше и было выработано недоверие клиентов к ним.

В целом же можно отметить как в США, так и в Европе падение доходов не только компаний, но и располагаемого дохода населения, который вызвал, в конечном счете, снижение потребительского и инвестиционного спроса. Почти повсеместно *источниками роста* были личное потребление и приращение товарных запасов. Экспорт вносил положительный вклад в рост ВВП в Германии, Италии, Великобритании, Канаде и тормозил его в США, Японии и Франции. Повышение конъюнктуры опиралось и на рост капиталовложений (за исключением Японии и Италии).

В качестве следующей *причины* неустойчивого экономического роста с низкими показателями называется *десинхронизация региональных экономических циклов*. Последняя же выводится из влияния процентных ставок на конъюнктуру рынков, которые представлены национальными капиталами различных государств. Здесь связь прослеживается *косвенная*, а не та, которую пытаются представить монетаристы в своих работах. Более очевидной прослеживается

¹ Правильнее говорить не о капиталах в данном случае, а просто о ресурсах. В работе далее будет изложена современная интерпретация категории "капитал".

связь между неустойчивой тенденцией социально-экономического развития мир-экономики, отдельных ее регионов и сложившимися "хозяйственными порядками". Следствием такой ситуации является возникновение анти-экономики, парадоксально, но формирующей среду и условия против "человеческого развития"¹. *Основы цикла современной мир-экономики закладывает научно-образовательный цикл.*

Экспорт, который стал главным источником роста, выступает и главной ареной конкурентной борьбы, на которую в свою очередь влияют далеко не монетарные факторы. Но, тем не менее, политика международных институтов направлена *на сознательное снижение твердости национальных валют*, влияющих на внешнеэкономическую политику. И объяснений на чисто экономическом уровне здесь найти невозможно.

Исчерпал себя, по сути, мощный импортный спрос азиатских государств на промышленное сырье. *Постсоциалистические страны со своими экономиками больше не создают условий для роста.* Избыточные производственные мощности, размер которых достигает 30 %, больше не инициирует капиталовложения. Их образование означает, что ожидание коммерческого эффекта от сделанных ранее инвестиций не оправдали себя. Радикально изменилась специализация крупных компаний. Сегодня из их числа выпали более 40 % корпораций, составляющих в начале 80-х гг. элиту мирового бизнеса. По сути, это *креативные корпорации*, вырастающие из прежних организационных структур, но использующие интеллектуальный потенциал своих работников. Действующие здесь компании составляют более 1/3 списка "Global 500". Но крупные компании (типа "Майкрософт" или "Интел") оказываются сегодня уже не залогом устойчивости экономического общества, а той силой, которая подрывает основы устойчивости этого традиционного мира. *Дело в том, что сказывается противоречия мега- и макроуровней интересов* транснационального капитала, который часто не знает чему отдать предпочтение.

Современная практика свидетельствует, что не срабатывает механизм снижения процентных ставок на деловую активность. Происходит, образно говоря, "схлопывание" финансового пузыря, олицетворяющего виртуальную экономику. В 2000 году США, например, снизили уровень процентной ставки с 6.5 % до 5 %, а Япония установила даже нулевую процентную ставку, что никак не по-

¹ В аристотелевском смысле хрематистика начала доминировать над экономикой, поглощая последнюю. Публикуемые отчеты ООН о человеческом развитии подтверждают актуальность данной проблемы.

влияло на реакцию фондового рынка.

За последних десять лет значительно снизилась инвестиционная привлекательность развивающихся государств. Объем инвестиций сюда к 2000 г. упал вдвое и составил всего лишь 7.6 % мирового объема инвестиций, что в три раза меньше объема производства.

Мировой *рынок реальных инвестиций* серьезно затормозился, потеряв креативные и технологические параметры, из-за спекулятивной доминанты сложившегося политико-экономического механизма управления, принявшего спекулятивную норму поведения мирового финансовую сектора. Следствием этого стали серьезные противоречия в происходящих *технологических сдвигах*. Использование 5-го технологического способа производства, с одной стороны, наметили переход на следующий большой цикл постиндустриальной траектории развития¹. Однако, с другой – этот постиндустриальный этап трансформирует, *видоизменяет экономические отношения и формы классического рыночного типа*. Наконец, неравномерное распределение технологических достижений в мире обеспечили и усилили неравномерность *в возможностях будущего развития* различных стран. Международный терроризм подтверждает данную мировую проблему. Определенным ее этапом вызревания стал мировой кризис задолженности, признанный в 80-е годы² (табл. П.2.8-П.2.11).

Мировые *демографические изменения* свидетельствуют о том, что демографический взрыв во второй половине XX века изменил пространственную дифференциацию, как по этническому типу, так и по доходам. Динамику численности населения в мире с 1950 г. в мире определяют развивающиеся страны, где за 1950-2000 гг. население выросло в 3 раза, а его доля в мировой численности населения увеличилась с 65.8 % до 79.2 %. Доля же в приросте численности мирового населения увеличилась с 83 до 95 %. Экономический перекося выражается в том, что бедные страны становятся еще более бедными, богатые — еще более богатыми, о чем свидетельствуют увеличивающиеся за последние сорок лет коэффициенты децильности. Пятая часть населения планеты живет в состоятельных державах, потребляя около 86 % всех материальных благ, создаваемых в мире. В то же время другая пятая часть, проживающая в наименее развитых странах, потребляет лишь 1.3 %. Меньше всего бедных, например, в

¹ Усиленное внимание к системе образования у нас в стране и за рубежом подтверждают важность системы образования и науки, как главного циклообразующего элемента.

² Циклы и кризисы сегодня стали управляемым инструментом перераспределения глобальной ренты.

Швеции – 7 %, а больше всего в США, потребляющих около 40 % ресурсов планеты, что составляет примерно 17 %.

Во всех странах мира темпы роста доходов были почти в два раза выше темпов роста численности населения. В целом такая же картина по группе развивающихся стран кроме африканского континента. Но при значительном росте населения в развивающихся странах их доля в мировом производстве ВВП за 1950-2000 гг. выросла лишь с 22.2 % до 37.7 %. При общеэкономических различиях наблюдается тенденция роста индекса развития человеческого потенциала [98, 109, 122, 143, 144].

Страны с переходной экономикой демонстрируют низкие темпы прироста населения и по преимуществу не обеспечивающие прежний уровень динамики ВВП, что обусловлено системными трансформациями, а точнее ростом трансакционных издержек по реформированию. Эта группа стран по своим многим параметрам и проблемам вызывает дискуссии.

В конце 20 века возникло *еще одно неравенство* еще более глубокое, чем неравенство по уровню бедности и потребления. Оно явилось следствием формирования *"новой экономики"*¹. Суть его состоит в том, что глобальная сеть, созданная информационно-компьютерными технологиями, зафиксировала еще и *неравенство* стран и людей в *доступе к информационному ресурсу*, что по сути сегодня предопределяет возможности *выбора*. С экономической точки зрения это неравенство ставит пределы для нового этапа экономического роста и развития, которые находятся в области привлечения всех людей, способных работать в информационном экономическом поле. Кроме снижения в силу этого возможности преодолеть материальную бедность возникает серьезная социально–нравственная проблема *информационной дискриминации*, которая в свою очередь разлагает общественный капитал и тем самым нарушает хрупкое институциональное равновесие [203, 215]. Этому способствует, с одной стороны, сила высококонцентрированного современного капитала, объединенного глобальной информационной сетью, а с другой – разобщенность и атамизированность труда.

Современная мир-экономика, таким образом, представляет собой сложное структурное формирование, которое уже давно *не вписывается в предмет "Мировая экономика"*, традиционно преподаваемый в экономических вузах

¹ О феномене "новой экономики" будет изложен несколько ниже.

[201, 206]. Мировое хозяйство функционирующей модели при тенденции к глобализации обнаруживает свой предел к потенциальному развитию. Это проявляется в разделении мировой экономики на части, которые Л. Туроу назвал великими *мировыми разломами*. Опасность и сложность такой ситуации можно зафиксировать понятием *дезингрессии* [53, с. 161-169]. Это означает *рост совокупных издержек мирового хозяйства для сохранения своей организационной формы при снижении деловой активности*.

Некоторый парадокс в том, что современную экономику, с одной стороны, представляют страны с формирующимися рынками, которые представлены азиатским регионом, где пока наблюдается положительное сальдо внешнеторгового баланса. Другой полюс — это страны ОЭСР с их постоянным торговым дефицитом, который обусловлен бумом потребления как следствием проводимой политики "государства всеобщего потребления" и "общества изобилия", заложенной еще в 70-е гг. В свою очередь, страны ОЭСР также представлены тремя регионами: Евросоюзом, Америкой и Японией. Здесь не следует сбрасывать со счетов и Россию, которая пока находится на трудном пути самоопределения, на который влияют силы, формирующие "порядки" мирового пространства, но поведение которой также ощутимо для мирохозяйственных процессов. Такая ситуация классифицируется как переход от однополярного к многополярному миру без доминирующей державы [465, с. 167–195]. "Весь мир нуждается, — пишет Л. Туроу, — в такой же координации и гармонизации, какая теперь существует в Европейском сообществе. В Европе идеология движет идеологию; в мире экономика движет идеологию. Но как бы ни были направлены силы, движение направляется к одной цели" [465, с. 166].

Создание Евросоюза обусловило хотя и скрытое, но очень мощное противоречие США с их *сопутствующими проявлениями*. Прежде всего усиливается *противоречие культур*, которые, в конечном счете, определяют тип экономической системы, ее будущую динамику и развития. ЕС уже сделала *политико-экономический вызов* не только США, но и всему остальному миру [144].

В мировой практике сейчас сложилась такая ситуация, когда между странами, группами стран *объектом жесткой конкуренции* является *распределение функций* и ролей государств по участию в мировом управлении со всеми его атрибутами. Можно выделить, например, *первую* известную группу стран, занимающейся формированием политики на глобальном уровне, выступающей за-

конодателем и распорядителем финансов, производством и аккумуляцией знания, информации, выработкой технологии, производит некоторые весьма значимые материальные элементы основного капитала. *Вторая* группа стран обеспечивает производство вспомогательных элементов основного капитала и товаров массового потребления, которая заинтересована в выработке технико-экономических стандартов и торговых норм. *Третьей* же группе стран история оставляет лишь роль поставщика сырья, дешевой рабочей силы и региона сбыта морально устаревших и не совсем качественных товаров. В каждой же из этих групп существуют в свою очередь свои *правила, порядки, отношения*, которые также есть стремление у отдельных стран или регионов их изменить. В современном обществе наблюдается *замена производственных отношений хозяйственными связями*, в которых разрешается благодаря имеющейся коммуникативной связи с существующими компьютерными технологиями известное противоречие между трудом и капиталом. Это противоречие переходит в плоскость более глубокого противоречия между логикой *развития* капиталов и *культурными ценностями* человеческого бытия [342, с. 502–503].

Следует признать в целом и *переходный характер современной эпохи*¹, что актуализирует проблему поиска вектора, форм и приоритетов *развития* для мирового сообщества, для всех стран и регионов.

1.2. Противоречия развития теории в контексте мировых тенденций

Аспект *теоретического* освоения старых и новых проблем выходит на первое место. Именно с него может получить старт новый этап в истории мирового хозяйства и национальных государств. Первое, на что следует обратить внимание, так это на *предмет науки экономики*¹, который стал размыт и неопределенным. Ее инструменты мало имеют отношения к тому, что действительно происходит в реальном мире [36; 228, с. 78–105]. Делая инвентаризацию идей экономической теории Р. Хайлбронер замечает, что современная экономическая наука "с ее заикленностью на системных свойствах капитализма, может

¹ О переходности современной экономической цивилизации идеи высказывались еще в начале 90–х годов [40, 71, 465, 497, 535]. Новая стадия экономического развития, базирующаяся на информационной сфере деятельности во всех аспектах ее проявления, приобретает свою законченность и силу, если использование науки носит не эпизодический характер, а базируется на постоянном развитии теоретического знания. [40, с. 25; 211, 213].

¹ Здесь понятие "экономическая теория" тождественна понятию "есопотис", отражающем в неоклассической школе сферу знаний о законах и принципах функционирования экономики в рамках ограниченных ресурсах и безграничных потребностей.

предложить лишь узкую, статичную оценку его исторического места перспектив развития... Если судить о современной экономической теории по ее философскому и историческому содержанию, мы будем вынуждены определить ей место в надири, а не в зените ее истории" [485, с. 53.]

Во-первых, критически оценивая прошлое и заглядывая в будущее, нельзя не отметить того, что конечным итогом всего мирового исторического развития явилось обсуждение на заседании "Римского клуба" в 1968 г. всего комплекса накопившихся к этому времени острейших противоречий, которые в последующем стали обсуждаться как глобальные проблемы. Начатое здесь и стремительно продолженное в последующем их всестороннее и комплексное изучение подтвердило крах узкоспециализированного и технократического мышления, что, таким образом, завершает триумф эпохи индустриализма и в мышлении. Обнаружилась тупиковая ситуация, поскольку рухнула *предпосылка*, на которой основывалась модель индустриального типа экономики — *представление о неисчерпаемости природных ресурсов и безграничных возможностях природы к восстановлению нарушенного общего равновесия*. Исчезла жесткая детерминированность таких условий производства, как "техника — человек", а также произошла смена приоритетов в сфере мотивации общественно-трудовой деятельности человека, от которой всегда в своем анализе отталкивалась классическая и неоклассическая теория. Новые технологии, концентрация производств, видоизменившиеся экономические формы связей и системы управления модифицировали траекторию социально-экономического развития, которая до сих пор *воспринимается как линейно-эволюционное явление, имеющее причинно-следственную обусловленность и объективно детерминированную направленность, что уже не отвечает действительности*.

Общие фундаментальные проблемы, получившие название глобальных, а также другие острые противоречия, с которыми столкнулось человечество, называют иногда "кризисным синдромом всемирного развития", подразумевая при этом множество беспрецедентных кризисов современности [245, 248]. То есть это кризис не капиталистический или социалистический, а *индустриально-технократический или цивилизационный*, в котором весьма настойчиво ставится под сомнение необходимость существования традиционной основы общества с его целями, стремлением к экономическому росту, культурой, моралью, устоявшимися экономическими принципами, традициями, научными крите-

риями. Главная особенность текущего момента в том, что эти фундаментальные проблемы с поразительной остротой обнажились все сразу и одновременно, что поставило под сомнение незыблемость западноевропейской цивилизации со всеми ее основными экономическими и политическими атрибутами, а также усилило состояние большой неуверенности, риска и неопределенности перед будущим [51]. Естественно, все это не могло не отразиться на всем блоке гуманитарных наук в целом и теории экономики в частности (рис. П.1.1).

Проявлением цивилизационного кризиса выступило возникновение *параэкономики и гетероэкономики*¹ как своей противоположности, переходящую в теневую, а потом и в антиэкономику. Начали возникать в связи с этим и *лже-теории*, объясняющие эти новые явления в заданном русле².

Признание "всеобщего кризиса" экономической наукой в целом дает возможность не оказаться снова безоружным и беззащитно растерянным перед лицом совершенно новой цивилизации в широком смысле этого слова и требует построения, свободной от традиционных концепций и конструкций [18, 19, 236, 335, 532–534, 574, 577]. Собственно речь идет о *переосмыслении той рациональности* или, иначе говоря, философии хозяйства позитивизма (неопозитивизма), воспринятой ортодоксальной экономической теорией, но которая в практическом опыте и логике обнаружила "ограниченную рациональность".

Пространственно–временное цивилизационное осмысление мирохозяйственного развития получило название *глобальной политэкономи*, "*геоэкономики*", под которой понимается учение о технике национального оперирования в геоэкономическом пространстве в целях своевременной перегруппировки сил для выхода на наиболее благоприятные условия формирования и перераспределения мирового дохода [190–192].

Для экономистов постсоциалистических стран фундаментальной экономической науки осмысление и переосмысление существующих мировых научных проблем с расширением угла зрения наверняка подтолкнуло бы их к отказу как от старых, так и уже приобретенных догм, которые ни на йоту не продвигают

¹ Примером паракэкономики может быть рынок наркотиков или же политический рынок, которые не могут быть объяснены ни с позиций какой–либо теории, но которые функционируют устойчиво и параллельно с "нормальной" экономикой. В целом этот же мировой синдикат чужероден для всей экономики, обороты которого достигают фантастических размеров, но влияние которого как бы не замечается аналитиками. Архаичные уклады, не вписывающиеся в контекст массовой экономики также можно отнести к гетероэкономике.

² Такую ситуацию "осознанного заблуждения", создаваемую с эгоистической утилитарной целью можно назвать "научным пороком". Этот феномен нуждается в отдельном освещении. Вместе с тем о формировании антинауки в мире начали говорить в начале 90–х годов прошлого века [495, с. 27].

освоение научной истины изменяющейся действительности, а, скорее, уводят в сторону от нее или просто запутывают даже несложные для понимания вопросы. Ведь довольно явственно проявляется тот же общепризнанный научный стандарт с точностью до наоборот, когда черты "хорошего" социализма заменяются еще более "лучшим" рынком, а частная собственность приобрела, пожалуй, совершенно неожиданные даже для ее вековых владельцев все свои лучшие преимущества.

Во-вторых, экономическая теория, традиционно базировавшаяся на соответствующих стоимостных категориях, дополненных субъективно-ценностным содержанием, по существу, утратила во многом свою историко-логическую самостоятельность и значимость. Характерное для рынка, например, взаимодействие спроса и предложения, а также им сопутствующие производные категории пронизаны разного рода *международными регулирующими политико-экономическими и правовыми актами, рекламой другими формами* общественного влияния. Известная смитовская "невидимая рука", являясь даже в свое время всего лишь метафорой, из-за усложнения общественных отношений и взаимосвязей и благодаря влиянию довольно мощного современного потока информации искажает и без того необычайно ослабленный для данного уровня общественного развития инструмент познания экономической науки. "...Нет ни одного раздела политической экономии, — писал еще в 50-е гг. Ж. Фурастье, — которые не должны были бы быть пересмотрены под углом зрения технического прогресса" [574, с. 25]. Несколько позже, когда за пределами экономической науки постоянно оставались уже другие необычайно важные вопросы социально-экономической системы, эту же проблему поднятия самой экономической науки на новую ступень подчеркивал и один из исследователей современного общества П. Икинз: "... Экономическая наука зашла в тупик, инструментарий ее притупился... Необходимы новый старт, разработка экономического подхода, который соответствовал бы науке, технологии, ценностям и отношениям конца XX века" [573, с. 1].

Экономисты, обществоведы постсоциалистических стран также, видимо, еще помнят известный тезис 80-х г. о непознанном социалистическом обществе, "в котором мы живем", официально как бы открывшем многочисленные дискуссии относительно научного аппарата экономической и других гуманитарных наук, перспектив и концепций будущего. Эти малопродуктивные, по

нашему мнению, дискуссии были прекращены стремительными политическими событиями и официально поставленной и неосмысленно принятой новой установкой — "альтернативы рынку нет", что не избавило, впрочем, от *необходимости думать и анализировать еще более напряженно, но правильно*. Может еще только наступить "золотой век" экономической науки [273, с. 90].

В-третьих, чтобы такое время наступило и стали реальностью традиционные объяснения и оправдания по поводу очередного неудавшегося исторического зигзага, а освещение будущего сопровождалось построением возможного, но реального сценария, необходимо экономистам осознать, что их представления о производственно-технологических изменениях, о социальных взаимосвязях и природе человека слишком ограничены. Нельзя не замечать ухода с исторической арены традиционных отраслей и возникновения принципиально новых машин и технологий, произошедших изменений в структуре капитала, поистине фантастических возможностей в сфере информационного и товарного обмена, возникновения иных, более сложных мотивов поведения людей, роли последних во всем воспроизводственном процессе. Изменение роли человека в этом процессе воспроизводства требует включить в исследовательский фокус ту проблему, которую в свое время поднял Т. Мальтус и развил К. Маркс, но что потом было исключено экономистами из-за своей "неэкономичности" — это *закон народонаселения*. Если современная экономическая модель противоречит человеческому сообществу по сути, то скорее всего надо менять эту модель. В противном случае станет актуальной проблема изменения человеческого вида и рода, работы по чем сегодня ведутся биологами и психологами достаточно интенсивно, но без экономистов [623, 35–57].

В-четвертых, обращение к классическим основам той или иной науки может быть полезно и необходимо даже не в смысле поиска новой оригинальной идеи, подсказывающей ответ на вопросы современности, а в смысле проверки этой идеи и предлагаемого для ее обоснования набора аргументов на научную прочность т. е. обращение к своеобразному детектору на истину, в чем также сегодня нуждается отрасль экономического знания. Дело в том, что в процессе дискуссий, которые сопровождают любую научную сферу, при аргументации сместились акценты от логики к искусству риторики, что дало основание пионеру *постмодерна* Д.Н. МакКлоски обозначить предмет экономической теории как искусство убеждать [594]. Его работы, где анализировалась аргументация со-

временных экономистов, [595] нарушили веру профессионалов в то, что экономическая наука имеет единственную цель – познание универсальной истины об экономике, где аргументы являются важнейшим имманентным свойством научности. Согласно этому подходу аргументы следует трактовать всего лишь как один из способов убеждения, где далеко не последнее место занимают литературные формы. Дискуссии, открывшиеся вокруг подобного рода работ [479], установить зависимость результатов гносеологической деятельности от самой ее процедуры, в которой широко проявляются не только методология или парадигма, но и *весь исследовательский алгоритм* вместе с доказательными формами, использующими в том числе и герменевтические атрибуты.

В-пятых, кроме мощного влияния мировых финансов на все происходящие экономические процессы, изменились сам подход, методология в экономической науке. Сложный мир экономики стал рассматриваться сквозь денежную призму, распространяя денежные оценки даже на те области, которые никак с ними не соотносятся. Но, как пишет Сорос, "экономическая теория верна в качестве гипотетической конструкции, в которой рефлексивность отсутствует. Когда мы применяем экономические теории к реальному миру, то мы можем получить искаженную картину. Это особенно заметно на финансовых рынках, где рефлексивность играет важную роль. Теории рациональных ожиданий и эффективных рынков являются глубоко неверными" [426; 427, с. 48].

Если к науке в целом и экономической в частности всегда обращались как специфическому виду человеческой деятельности, благодаря которому можно познать глубинные и сущностные процессы реальной действительности, то используемая мейнстримом экономической теории денежно-финансовая парадигма даже не ориентирует исследователя на выполнение эвристической функции. "...Финансовая гипотеза не должна быть истиной для того, чтобы быть прибыльной, достаточно, чтобы она стала общепринятой. Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго... Деньги узурпировали роль подлинных ценностей" [429, с. 101]. *Общим результатом* проведения политики финансового фундаментализма явилась *виртуальная экономика с виртуальными ценностями и поведением*.

Жизненность и прочность классической экономической доктрины объясняется прежде всего правильным пониманием ее авторами предмета и роли политэкономии в социокультурном развитии, удивительно гармоничным сочета-

нием объекта исследования со всеми его элементами (начиная от структуры и форм общественного богатства до его распределения), с освоенным методом и системой категорий, каждая из которых в конкретно-историческую эпоху приобретает свое место и назначение. Но заслуженная оценка классической модели может быть верно понята и принята лишь при условии восприятия того, что традиционно остается за "кадром" — назначением и ролью в этой теории таких неэкономических факторов, как мораль, нравственность, традиции, сложившиеся связи и устои общества, политика, право, религия, культура и т. п. Важность вышеназванных факторов с точки зрения влияния их на смитовскую парадигму экономической науки трудно переоценить, но в современной экономической науке за большим обилием абстрактных математических формул, графиков и статистических данных, лишенных исторического наполнения, скрываются непоколебимые мифы и непогрешимые академические иллюзии, преодоление которых крайне затруднено. "Здесь имеется заметная асимметрия, — пишет тот же Д. Н. МакКлоски, — сорок лет инвестиций в математизацию экономики и дезинвестиций в ее историзацию привели к тому, что в среде экономистов стало легче сознаться в незнании истории, чем в незнании математики. Уходят времена, когда общественные науки служили мостом между двумя культурами... Экономика этот мост сожгла уже очень давно" [284, с. 110].

Как известно, экономический прогресс самым тесным образом связан с разделением труда и специализацией. Однако есть и негативные стороны этого процесса, которые в последующем были доказаны и проиллюстрированы теорией транзакционных издержек. В сфере идеальных форм, к которым, безусловно, принадлежит и экономическая наука, специализация также активно проявила себя, что обусловило *расчлененность знания* не только о природе, но и о обществе и экономике. *Специализация* в экономической науке по школам, отраслям, сферам деятельности и т. п. началась, по существу, с классической школы, которая возникла как синтез предшествующих теоретических идей. Цельность знания стала серьезной проблемой, порождающей не только неиссякаемые дискуссии, но и весьма серьезные катаклизмы и коллизии в практике. В силу этого, а также при возможности саморазвития любой идеи на формально-логической основе самым устойчивым и, может быть, самым настойчивым по привлечению к себе внимания в последние десятилетия является *неоклассическое направление* с его монетарной интерпретацией, что легко объяснимо, но

трудно принимаемо с точки зрения результатов практики. Еще Дж. Хикс отмечал примитивный характер монетаризма: "Наши проблемы носят в настоящее время не просто денежный характер и не могут быть решены с помощью монетаристских методов" [491, с. 90]. Возможно, таким образом предполагалось развить теорию о бесклассовом обществе, в строительстве которого большинство "реформаторов" раньше принимало самое активное участие, потому что основу неоклассической концепции, как ни парадоксально, образует именно предположение о бесклассовом обществе, что принципиальным образом отличает это направление от классической политэкономии. Дж.М. Кейнс также неоднократно подчеркивал вред, а для депрессивных ситуаций и пагубность использования денежно-кредитных инструментов [158, 159].

Если оценивать с позиций социально-экономического прогресса в его современном понимании практическую значимость консервативной ветви неоклассической школы, которая, как никакая другая, претендует на исключительную значимость в экономической науке, то без преувеличения можно сказать, что *человечество достигло нынешнего уровня развития не благодаря, а вопреки этим идеям*, проявляющим удивительную невосприимчивость не только к открытиям других наук и иных экономических школ, но и игнорируя суть происходящих вокруг изменений.

Однако все это говорится не ради умаления заслуг одних позиций, взглядов, школ и восхваления других. Человечество с его эгоистическим "экономическим интересом" (*homo economicus*) со времен А. Смита [420] накопило слишком много актуальных проблем, чтобы будущее уже даже одной страны отдавать на волю случая, конкуренции и "рациональных ожиданий", придавая без тени сомнения всему этому респектабельный научный вид со ссылками на мнимую эффективность по известным показателям, получающим несколько иную современную интерпретацию и трактовку. Не подтверждается никакими статистическими данными, ни самой жизнью известный *тезис неоклассической школы о воздействии конкуренции на снижение цен* [274, 306,]. Правда, если что и снизилось за последние годы, так это реальные ставки заработной платы на рынке труда, темпы экономического роста и общий уровень жизни в странах, которые активно применяли у себя методы монетарной политики и либерализации. Эти и другие аргументы если и не убедят, то позволят хотя бы усомниться в универсальной значимости ортодоксального направления в экономи-

ческой мысли, потому что неоклассический экономический романтизм конца нынешнего столетия, подпитанный философским постмодерном, получает серьезную критику, поскольку обнаруживаются не только острые логические противоречия, но и серьезные практические проблемы [427, 532, 545].

Поэтому в новой формирующейся концептуальной основе экономической науки начала XXI в. приобретают смысл не вопросы "чистой экономической теории"¹ с ее парадигмальной основой позитивизма и неопозитивизма, а фундаментальные проблемы социоэкономической динамики [213, 246, 271] с соответствующей методологией и системой категориального аппарата. Ряд "традиционных" и новых для этой науки вопросов вольно или невольно, но уже получил некоторое свое освещение. В иных же престижных вузах, призванных готовить нестандартно мыслящую правящую элиту, немалое число актуальных и современных, но характерных именно для политэкономии проблем, прочно вошло уже в учебные курсы, хотя и под абсолютно разными названиями [337].

Следующим направлением приведения экономической науки в соответствие с современной изменившейся реальностью, требующей адекватного восприятия настоящего и верного прогноза сценария будущего, выступает проблема получения синтезированного целостного знания. Оно добывается как средой традиционно сложившихся в экономической науке специализаций, школ и направлений, так и широко выходящими за ее пределы науками. Обычно экономисты ведут диалоги, эмоциональность которых, как правило, обратно пропорциональна весомости выдвигаемых аргументов, в достаточно привычных понятиях неоклассиков и неокейнсианцев, теории марксизма и институционализма, некоторых интерпретаций их крайних позиций. Однако при этом игнорируются достижения в области естественных и технических наук, чем обедняется широко применяемая категория "производительных сил", упускаются из вида по разным причинам результаты исследований уже получивших самостоятельный статус таких наук, как экономическая психология, социология, управление, макроэкономическое планирование и моделирование и т. п. [34, 78, 281, 531]. Обобщенный цельный взгляд необходим прежде всего для того, чтобы исключить в условиях глубокой специализации наук однобокость познания сложнейшего объекта, каким является экономическая система. Нобелевской лауреат М.

¹ К "чистой экономической теории" стремились Джевонс, Вальрас, Парето и др., желая освободиться от многих неэкономических факторов, чтобы придать ей более строгий формализованный вид, реализуя принцип верификации.

Алле подчеркивал: "Как физика нуждается сегодня в единой теории всеобщего тяготения, электромагнетизма и квантовой механики, так и гуманитарные науки нуждаются в единой теории поведения людей" [10, с. 27].

К этому, как ни парадоксально, стремительно подталкивает увеличивающийся в современном обществе поток информации. Его можно назвать *"парадоксом джунглей"*. Нарастающий поток информации, опосредованный развитием компьютерных технологий, поставил на первое место проблему методологической *филтрации информации*, или, иначе говоря, ее классификации, типологии и проверки на истину. И хотя осталась по-прежнему проблема *доступа к информации*, она модифицировалась в поиск достоверных источников знания. К тому же переработка увеличившегося фрагментированного знания привела к резкому *повышению издержек* на поиск и качественную оценку необходимой информации для конкретной ситуации и потребителя. Суть противоречия состоит в том, что значительная часть генерируемого знания не находит своего конкретного потребителя, а если это и происходит, то лишь в результате возросших издержек времени и других затрат. Таким образом, нарастающий информативный поток на первый план выдвигает *дефицит методологического, когнитивного ресурса*, способного творчески "работать" с информацией и знанием, приводя последние в определенный порядок. Сложившаяся нерациональная практика уже не может выступать критерием научности выводов, что подталкивает к активизации теоретической непротиворечивости при тестировании исследовательскую адекватность.

Еще в конце прошлого века психологами было установлено, что объект в целом не может быть правильно объяснен с позиций отдельно воспринимаемых его составных элементов, как, например, аккорд в музыке. Это явление чем-то подобно *дефекту массы в физике*, проявляющемуся в разнице суммы энергии связи структурных частей и целого тела. И чем больше дефект массы, тем выше энергия связи и тем устойчивее ядро. В контексте наших рассуждений можно сделать вывод, что сложный мир сложившихся устойчивых взаимосвязей как на национальном, так и на международном уровне невозможно правильно отразить ни одним направлением современной экономической науки, ни даже их суммой, не получив так называемого *"дефекта знания"* [247, 248]. Следовательно, и в прогнозе будущего, а тем более в принятии решения и выборе мер по предотвращению неприемлемых сценариев во избежание фатального исхода

всегда существует немалая доля погрешности, если не грубой ошибки. Она может быть значительно снижена в рамках научного знания, если исключить в целом самонадеянность человека и ученых, а особенно присущее экономистам свойство иметь весьма высокое мнение о том, что они делают сами и пренебрегать результатами не только смежных наук, но и деятельностью даже своих коллег по профессии. В противном случае происходит весьма активное обращение к далеко не безобидным астрологическим прогнозам и предсказаниями гадалок. Ведь мы не согласны с прошлым, нам не нравится настоящее, но еще более ужасает неизвестность нашего будущего. Сделать будущее более предсказуемым и лучшим экономическая наука не только должна, но и может, если, она осознает свое истинное предназначение и обнаружит свои внутренние проблемы и противоречия, заключив тесный союз с практикой. Но именно последняя, являясь по существу отражением "прошлой" теории, своими крайне противоречивыми характеристиками подталкивает не только к рефлексии науки, но и ее модификации.

1.3. Отечественная экономика и наука в поисках самоопределения¹

Беларусь, как и многие другие постсоциалистические государства, имеет уже более чем десятилетний период перманентных преобразований в рамках начатой системной реформы. Уже следовало бы говорить об *опыте*, который включает пережитую, эмоционально воспринятую и *теоретически* осмысленную практику экономического поведения граждан, хозяйствующих субъектов, политических институтов. К сожалению, опыт не концентрируется в знании и умениях работников, фирм, менеджеров, политиков, а имеет пока лишь *разноречивую и пеструю количественную интерпретацию белорусских политико-экономических реалий*. Отсутствие *обобщенного опыта* делает крайне ограниченное применение моделей и инструментов позитивной экономической теории. Нормативная же часть экономической теории, основанной на философии позитивизма, также уязвима, поскольку ее оценки отработаны на практике *зрелой рыночной системы* и ее соответствующих параметров. На текущий период важно *критическое* накопление информации разного уровня для получения

¹ Поскольку автором было выполнено на эту тему ряд публикаций, то ограничимся лишь краткими положениями по данному вопросу [201, 203, 207, 214, 216, 232, 238, 245, 251, 255].

*общественного опыта*¹ и выявления стратегически верного решения в создании условий для более эффективного использования потенциала стран [519].

Глубина системных трансформаций оказала существенное влияние на динамику социально-экономического развития, о чем свидетельствуют данные табл. П.2.1, П.2.55. После почти двукратного спада в 1992–1995 гг. положительные тенденции в росте ВВП обнаруживаются начиная с 1996 г. Наибольший прирост (11.4 %) был достигнут в 1997 г., оценка которого вызвала довольно противоречивое толкование [251]. Но в 1999 г. по отношению к 1990 г. смогли добиться только 82.5 % уровня ВВП того же периода. Производительность труда и материалоемкость за последние годы перестали быть даже расчетными показателями, а в реальной практике они значительно ухудшились. Показатели же капиталоемкости (капиталоотдачи), производительности труда и другие качественные показатели перестали также выполнять свои привычные функции. По сравнению с 1990 годом к текущему периоду почти в 3 раза уменьшился уровень наукоемкости ВВП. Если, например, в 1990 г. наукоемкость ВВП составляла 2.27 %, то в 2000 – 0.82 %. Усиливается технологическое отставание Беларуси, поскольку ее экономика основана по преимуществу на энерго-, материал- и трудоемких технологиях III и IV технологических способов производства. Доля V- го с 1990 г. в ВВП снизилась с 10 % до 5.

РБ по своим параметрам принадлежит к *малой* экономике. У нее ограничены природные, человеческие и энергоресурсы. Собственные природные ресурсы покрывают около 4 % потребностей. Импортируется около 92 % энергоносителей, 99 % черных металлов и т.п. Доля материальных затрат в себестоимости колеблется в пределах 50-85 %, 8-12 % – заработная плата по отраслям и около 5 % составляют амортизационные отчисления, что затрудняет расширенное интенсивное воспроизводство труда и капитала¹.

Утверждение о выгодном геополитическом положении РБ не так и верно, если учесть историю страны, а в то же время ее расположение не создает из-за высоких транспортных, коммуникационных и других издержек реализации даже имеющихся конкурентных преимуществ. Исторически обусловленная ориентация на эффект экономии от масштаба и государственной монополизации после дезинтеграционных процессов, потери рынков сбыта создала условия

¹ Общественный опыт включает национально теоретическое осмысление развития, устойчивые связи и формы в практике, стабильно осознанную экономическую политику, относительно непротиворечивые интересы субъектов хозяйствования, доминирующие нормы поведения.

для роста дополнительных издержек из-за нарушения технологии, политико- и социально-экономической трансформации трансформации. Внутренний рынок потребляет лишь около 5 % производимой продукции.

Изношенность основного капитала до 75 % сочетается с ограниченными инвестиционными источниками внутренними и внешними². За 1993–2001 гг. Беларусь привлекла 15 долл. на одного жителя в год. На перспективы роста оказывает влияние нарушение мотивации работников, поскольку зарплата потеряла свои экономические стимулы. Переход высококвалифицированных кадров в отрасли не требующей этого, лишает возможности реализовать перспективы на рынке высоких технологий, являющихся главным источником роста и развития. Фискальная высокая (до 52 % с учетом инфляции) политика также ограничивает стимулы предприятий и обеспечивает лишь деятельность теневого сектора с его последствиями.

Беларусь воспроизводит по сути патриархальное хозяйство, где нет выгодной специализации. Низкое качество продукции (в 2001 г. сертифицировано лишь 64 % промышленной продукции, а 25 % соответствует международным стандартам) делает белорусскую продукцию не конкурентоспособной, ограничивает рыночную силу роста. Этому же способствуют *институциональные и структурные деформации*. Речь идет о *разнородных по своей основе институтах*, обеспечивающих лишь развитие экономических и социальных противоречий. Сформировался институт власти, в котором преобладают интересы чиновников, создающие условия для роста транзакционных издержек. Из-за отсутствия теоретического и практического опыта не определена *стратегия институционального строительства*. Для существующих политических институтов нет четких критериев своего функционирования, по которым можно было бы судить об успехах реформы. Официальная статистика прибегает лишь к сопоставлению прогнозных и фактических данных [520], где очень небольшое количество параметров¹.

Начал сужаться внешний рынок. Устойчиво отрицательное торговое сальдо (2002 г. – 882.2 млн. дол). С приростом идет развитие экспорта в страны за пре-

¹ Россия – это геополитическое государство, требующее, иного исследовательского подхода.

² С учетом морального фактора степень износа доходит до 95 %. Что касается амортизационных отчислений, то они вообще исчезли как инвестиционный источник и никем не контролируются.

¹ Не может не вызывать возражения показатель план–прогноз, поскольку это словосочетание двух терминов при своей однородности имеют существенные отличия как по содержанию, так и по своим механизмам достижения.

делу СНГ. Тенденция к бартерным операциям, которые трудно поддаются регулированию, нарушают ценовые паритеты и искажают многие экономические отношения, включая движение в распределении добавленной стоимости.

В качестве проблем, которые не удалось решить, называются ценовая политика и валютный курс. Также обращает на себя внимание необходимость повышения инвестиционной активности. Удручает низкая рентабельность и рост убыточных предприятий. Например, даже в отраслях промышленности уровень рентабельности за 2001 год составил всего лишь 16.5 %. Доля же убыточных предприятий за январь и февраль 1999 г. соответственно равняется 7.8 и 13.2 %. Для Беларуси характерным является официальный низкий уровень безработицы на протяжении всего периода текущей реформы: от 1.8 %, например, в 1994 г. до 2.1 % в 1999 и 2000 гг., 2.5 % в 2001 г. На уровне 1 % от экономически активного населения находятся и вакансии. В целом при условии необходимости структурной перестройки экономики эти показатели даже ниже возможных.

Доля консолидированного бюджета в ВВП колеблется от 47.9 % в 1994 г. до 36.2 % в 1998. Высокий уровень собираемости налогов свидетельствует о жесткой финансовой дисциплине в республике. Расходы, как правило, корреспондируются с доходами, но не обеспечивают сбережений. Снижается уровень конкурентоспособности белорусских товаров на внешних и внутренних рынках [15, с. 4–10; 16, с. 34–40].

Внутренний долг республики небольшой (в % от ВВП) – 0.1 % в 1994 г., 2.9 % в 1996 и 2.7 % в 1998 г. Внешний долг также ниже критического: в % от ВВП он составил в 1998 г. по курсу МВБ 7.4 %. Отягощает белорусскую и российскую экономики сложившаяся в прошлом *социальная сфера и демографические изменения*. Например, только пенсионеров в РБ насчитывается около 2.6 млн., что делает пропорцию работающие/пенсионеры крайне неблагоприятной с точки зрения многих макроэкономических параметров. "Изъятие" (плановое или нет) накопленных сбережений у пенсионеров через финансовые операции не позволяет государству отказаться от участия в их элементарном жизнеобеспечении. Почти 12 % ВВП в 2001 г. планировалось на содержание пенсионеров.

В Беларуси крайне сложное положение складывается с *мировым сообществом*. В силу этого, а также отсутствие соответствующих политико-финансовых механизмов лишает республику пополнить свои доходы за счет *глобальной ренты*. Сложилась инвестиционная непривлекательность для *внешних и внут-*

ренних инвесторов, других форм экономического сотрудничества. По рейтингу кредитоспособности РБ занимает 142-е место из 173 стран. Доля же иностранных инвестиций на одного жителя Беларуси в 1998 г. составила всего лишь 209 долл., в 1999 г. — 444 г., в 2000 — 90 долл., в то время как на одного жителя России — 1076.8 долл., Литвы — 702, Чехии — 2194.2, Польши — 819.1 долл. В том же 1998 г. прямые инвестиции в республику сложились на уровне 240 млн. долл. (24 долл. на человека) [401, 434].

Как видим, пока не обнаруживается какой-либо тенденции выхода всех бывших республик СССР на траекторию устойчивого экономического роста. Времена подъема асинхронны, они сменяются некоторым падением темпов ВВП, других агрегатных показателей. Удельный вес стран СНГ в мировом реальном производстве снизился с 5.6 % в 1990 г. до 2.5 % в 1996 г. и продолжает снижаться и сегодня [64, с. 193]. Тем более нет накопленного *политико-экономического потенциала для развития*.

Реальные доходы населения Беларуси, России, как свидетельствует официальная статистика, довольно неустойчивы при росте цен на платные услуги. Доля же заработной платы в ВВП составляет одну треть. Свое экономическое положение белорусские граждане, среди которых провели социологический спрос сотрудники лаборатории "НОВАК". Так, на вопрос: "Как бы вы оценили экономическое положение вашей семьи в настоящий момент (1998 г.)?" никто не ответил — "очень хорошее", 3.3 % указали — "хорошее", 36.7 — среднее, 42.1 — "плохое", 16.2 % — "очень плохое". Почти аналогичное распределение ответов получено на вопрос: "Как бы вы оценили экономическое положение Беларуси в настоящий момент?". "Очень хорошее" — утверждают 0.2 % опрошенных, "хорошее" — 2.9, "среднее" — 35.6, "плохое" — 40.4 и "очень плохое" — 16.7 %.

Противоречивость *краткосрочных и долгосрочных тенденций* имеется и в динамике индекса развития человеческого потенциала Беларуси (табл. П.4.4), хотя республика по данному показателю занимает лидирующие позиции среди стран СНГ [42, 43, 373].

В контексте своих задач остановимся кратко лишь на некоторых *уроках*, которые так или иначе признаются самыми различными слоями населения республики, отечественными и зарубежными специалистами [108, 194, 300, 404].

Во-первых, Беларусь и Россия лишь начали приобретать себя как самостоя-

тельное государства, испытывая необходимость целостного и всестороннего анализа для соответствующих стратегических и тактических решений. Значительно возросли издержки разного рода по содержанию политических институтов. Они еще обусловлены необходимостью нести затраты по ликвидации старых политико-экономических и внедрением новых институтов.

Во-вторых, проявилось острое противоречие между задачами краткосрочного и долгосрочного периодов, равно как и между их методами решения. *В-третьих*, не оправдался прогноз и надежды на быстрые трансформации с положительным экономическим эффектом. *В-четвертых*, многие ранее высказываемые тезисы не подтверждаются. Например, о прямой связи между приватизацией, размерами государственного вмешательства и экономическим ростом. Связь эта более сложная и зависит от многих других факторов. *В-пятых*, либерализация экономической деятельности — необходимое, но явно недостаточное условие для формирования эффективной экономики. *В-шестых*, не коррелируется взаимосвязь иностранных инвестиций и экономического роста [344]. *В-седьмых*, за темпами реформ не должны скрываться *содержательные цели экономического развития*. Эти цели лежат в плоскости поиска конкурентных преимуществ, которые в рамках сложившегося международного разделения труда обеспечивают значительно большую эффективность используемых ресурсов, чем при производстве товаров и услуг на внутренний рынок. Последнее обстоятельство предполагает проведение соответствующей внешней политики по *установленным правилам игры*. Но поскольку экономика каждого государства уникальна, то существует проблема создания хозяйственных *форм, порядков, институтов*, впитывающих общие законы развития и национально-исторические особенности. Поэтому кроме анализа существующей практики необходима инвентаризация *национальных экономических идей*.

Современный масштаб проблем, обостренных системными преобразованиями, усиливает зависимость реальной хозяйственной системы от состояния экономической науки в стране. И как показывает опыт, зарубежные экономисты, если они ответственные профессионалы, в лучшем случае могут актуализировать ту или иную проблему, представив определенный подход к ее решению, инструменты анализа и алгоритм исследования. Сложившиеся новые факты требуют нового к себе ракурса восприятия. Но поскольку это делают люди с уже сформировавшимися взглядами, то именно *выработка* этого нового под-

хода оказывается самым трудным, как утверждал Т. Кун [195] и что подтверждается нашей историей развития экономической науки.

К сожалению, в отличие, например, от опыта других стран, где постоянно ведутся плодотворные дискуссии относительно методологических проблем, гносеологических возможностей и ограничений различных школ, у нас в республике *на процедуру научного открытия равно как и на многие другие атрибуты науки* не обращается практически никакого внимания. Исключение здесь составляют лишь диссертационные работы, структура которых регламентируется соответствующим контролирующим органом.

В республике сложилась удивительная ситуация, характеризующаяся обособлением учебного процесса, где готовятся кадры по экономическим специальностям и где формируется экономическое мышление, от исследовательской деятельности. Если в первом случае программы учебных курсов насыщены абстрактными категориями "экономикс", но которые далеко не отражают всего потенциала развития современной экономической науки, то во втором – преобладает *методологический интуитивизм с ориентацией на здравый смысл*. Но как здравый смысл, так и методологический интуитивизм вносят много личного и эмоционального в исследование, что делает последнее неглубоким и неадекватным по отношению к хозяйственной практике. Многочисленные *программы* "по выходу из кризиса", "по стабилизации" и пр. заменили по сути необходимые для оптимального принятия решений политико-экономические и экономические исследования. Одна идеология - "в условиях развитого социализма и перехода к коммунизму" автоматически заменилась на другую – "в условиях перехода к рынку", "в рыночных условиях".

И хотя "политико-экономический шум" продолжается, среди которого не без труда можно найти немало отдельных удачных замечаний и предложений, все же под давлением фактов практики следует признать, что вектор стратегического развития еще даже не обозначился. Об этом свидетельствуют итоги экономического развития, об этом свидетельствуют также многочисленные программы и концепции, органически не взаимосвязанные между собой и противоречащие друг другу даже при беглом анализе.

Если в целом в мире "расчлененность" знания приводит к отрицательным когнитивным эффектам, то у нас в республике рыночно-демократическое "детство" социальных наук в целом и экономической в частности проявляется пока

в элементарном подражании и манипулировании хрестоматийными абстрактными категориями, полученными в вузах или из учебников, которые в последующем почти не используются в проводимых исследованиях. Но доминируют императивно-сослагательные утверждения, которые безо всякого тестирования на истину предполагается использовать непосредственно в практике. Рекомендации обязательно идут правительству и государству, что также интересно с точки зрения науки и белорусской ментальности.

Революционное нарушение "естественного хода событий" оставило "экономику социализма" без привычных экономических форм, а следовательно, и без того, по В. Ойкену, "экономического порядка", с помощью которого управлялась бывшая экономическая система, а также без соответствующих логических понятий, входивших в арсенал "политэкономии социализма": собственность, план, хозрасчет, норматив, плановая цена, себестоимость и т. п. Логическая ниша, без осмысления заполнилась вначале непривычным словом "рынок", в трактовке которого позволили себе многие пишущие удивительную вольность мысли и фантазию. Даже идейные основатели современных реформ под их реальными результатами пытаются их переосмыслить с учетом уже полученных результатов [409]. Сегодня итоги десятилетних трансформаций оцениваются противоречиво, а перспективы связываются с новым курсом экономической политики в постсоциалистических государствах [317, с. 3–17]. Правда, на серьезном теоретическом уровне автору не удалось найти обоснования некой новой экономполитики. Хотелось бы подчеркнуть, что практика последних лет является уже не постсоциалистической, а есть следствие некой другой теории (??), если о последней можно говорить вообще.

История стран СНГ пишется как бы с чистого листа: переосмысливается история, рефлексировается философия, оцениваются экономические и социальные результаты, делаются шаги по выработке самостоятельной государственной политики в сложной системе мирохозяйственных связей, а политология лишь приобрела свои первые контуры самостоятельной науки¹. Стремительные события истории, испытывающей на себе внутренние и внешние факторы воздействия, *опередили теорию*, которая не только пыталась ответить на вопрос, а "в каком же обществе мы живем?", но и в рамках "обновленного социализма" определить пути повышения эффективности производства и совершенствования

¹ Надо отметить, что это трудный путь исканий и организуется он в республике крайне противоречиво.

других производственных отношений. Надо сказать, что содержательный ход дискуссий по этим вопросам в то еще недалекое время давал мало шансов на положительные результаты.

Кроме вышеперечисленных *проявлений кризиса национальной экономической науки* хаотические и не всегда осознанные, до конца просчитанные действия правительства, сопровождаемые постоянно меняющимися "правилами игры" на политико-экономическом пространстве, участие граждан в политических процессах со своим выбором приоритетов также свидетельствует о теоретическом уровне мышления нации. Второе – это те же, например, налоги, цены, доходы, которыми хотя никто и не бывает доволен, но в то же время они являются одним из весьма важных инструментов экономического регулирования. Отсутствие сколь-нибудь удовлетворительной общей теории развития республики с естественной последовательностью порождает противоречия в воздействии очередного пакета налогов, их кодификации².

Обозначился четкий *водораздел между принимаемыми законами права "европейского образца" и сложившейся экономической ситуацией*, описанной на уровне политических заявлений. Парадокс в том, что не под образцовые законы надо подгонять экономику, а наоборот – юридические нормы и законы пишутся под *экономические тенденции* и складывающиеся в стране историко-культурные закономерности текущего порядка. Отсюда выстраивается целая система политико-экономических форм, которые не исследуются в республике. При общей экономической неподготовленности звонко брошенная фраза может быть принята за последние достижения экономической науки. "К сожалению, – как пишет известный специалист в области истории экономической теории М. Блауг, – ...экономисты часто принимают мякину за зерно и полагают, что владеют истиной, хотя на самом деле это всего лишь сложная цепь определений и ценностных суждений, замаскированных под научные выводы" [52, с. 659].

Как и 70 лет тому назад нельзя было определить теоретическое авторство ни хорошей, ни абсурдной идеи, так и ныне невозможно персонифицировать и придать широкой гласности достойные теоретические авторские наработки и очередные авантюры, получившие уже практическое применение. Очень остро

² Скептикам приведем ответ руководителя Института экономики НАН Беларуси Высшему Хозяйственному суду по одному из судебных претендентов, где требовалась серьезная научная экспертиза: "... В связи с массовой утечкой кадров в последние годы многие направления научных исследований в Институте экономики АНБ прекращены, в том числе и налогообложения. По этой причине Институт экономики не в состоянии выполнить на должном уровне Ваш заказ" [Нацыянальная эканамічная газета. 1996. № 3].

в отечественной науке стоит проблема поиска и "сбора" фактологического материала, данных статистики, аргументации.

Как и общество, научная среда делится по своему социально-классовому, имущественному составу и образовательному уровню. Однако если для рядового потребителя, политика вполне приемлем переход от одной позиции к другой, то для претендующего на звание ученого в первую очередь должен встать вопрос о *новом аргументированном методе исследования*, позволяющем получить и новое знание. Это выгодно обществу, потому что оно получает достоверное научное знание, но это побуждает уважать и ученых, которые умеют не поддаваться тенденциозной пропаганде и тем самым *выступают общественным стабилизатором, элитой*, сдерживающей крайние взгляды и позиции политиков, их иногда чрезмерные усилия по ломке старого при полном отсутствии не только умения, но и понимания создавать лучшее новое.

Не вполне здоровой для науки является ситуация, когда *полученные данные исследования доминируют над доказательностью*, а тем более над методологией и методиками полученных выводов. Происходит смешение, когда за образцы принимаются уровень развития техники и технологии японский, образ жизни — европейский, размер материальной обеспеченности — американский, а доводы и аргументы типа: "я так думаю", "мы в этом убеждены" и в лучшем случае — "такова мировая практика" или "так робітца ва ўсіх цывілізаваных краінах". После этого делается вывод об обязательном следовании таким же путем. *Литературность и эмоциональность* в аргументации заменили необходимую для науки *историчность фактов и логическую непротиворечивость в рамках выбранной парадигмы мышления*, которая, к сожалению, для белорусской науки трудно определяется¹.

По сути, также никакого отношения к науке не имеют осознанные или нет самими авторами всякого рода манипуляции на политэкономическую тематику в виде предвыборных программ, оппозиционных заявлений, даже если они подписаны самыми громкими научными именами. Здесь *не следует смешивать*

¹ На специфику славянского мышления указывал в свое время еще Н. А. Бердяев: "Русские обладают исключительной способностью к усвоению западных идей и учений и к их своеобразной переработке. Но усвоение западных идей и учений русской интеллигенцией было в большинстве случаев догматическим. То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или, во всяком случае, истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то религиозного откровения. Русские все склонны воспринимать тоталитарно, им чужд скептический критицизм западных людей... Она (русская душа. — П. Л.) совершает смешение, принимает относительное за абсолютное, частное за универсальное, и тогда впадает в идолопоклонство" [46, с. 154].

предмет экономической науки с исследованиями в области политики и уже практическими политическими действиями лиц от политики, для которых оформление в научную упаковку своих идей и интересов довольно часто бывает козырной картой в борьбе за тот или иной мандат.

В организационном плане оказались *разобщенными научные силы*, способные в сложнейших, даже не экономических, а информационно-методологических условиях проводить действительно научно-исследовательские работы, используя современный, хотя порой и устаревший аналитический аппарат, а не широко пропагандируемый порочный для сегодняшних условий метод здравого смысла. Опустели академические институты и значительно поредели университетские кафедры, которые уже покинули и продолжают это делать люди, успешно принявшие вызов зарождающейся новой экономической системы, способные и еще морально готовые реализовать свой накопленный научный потенциал. В республике нет ни одного теоретического журнала², где бы национальная экономическая наука смогла о себе сначала заявить, а в последующем и проявить.

Более всего заметно то, что понятийный аппарат "экономикс" не получил философского и методологического осмысления. Кроме этого существует проблема использования категориального аппарата традиционного мейнстрима непосредственной в практическом анализе. Еще более остро обнаруживают себя *институциональные факторы*, теория которых находится лишь в стадии становления. Реформы же во всех постсоциалистических странах, как известно, имеют в основном институциональный характер. К тому же используемый этим направлением науки функциональный анализ для *нестандартных, еще только начинающих "жизнь" по новым правилам* экономик практически неприменим.

Отсутствие теории экономического развития, во-первых выхолащивает и делает бесполезной работу тех специалистов и аналитиков, которые ушли в более конкретные сферы деятельности — крупные корпорации, банки, страховые компании и т. п. Для них отсутствует теоретическая база, от которой можно было оттолкнуться, в результате чего теряется стратегическая перспектива любого предприятия. Во-вторых, даже краткосрочные прогнозы, выполненные этими подготовленными в профессиональном отношении людьми, обычно не имеют смысла из-за годами складывающейся *нерациональной практики*, на ос-

² "Белорусский экономический журнал" является научно-практическим изданием.

нове которой делаются некоторые расчеты. Решение частных, возможно и не менее злободневных вопросов традиционно не имеет результата из-за отсутствия решений на более высоком, народнохозяйственном уровне [111, с. 313].

Снижение общетеоретического уровня национальной экономической науки, проявившегося в том числе и в нарушении алгоритма исследования и размытости критериев выводов, а также в преобладающем использовании интуитивно-описательного метода, позволило значительно расширить ее социальную базу от рядового обывателя до профессора физики или математики. Эта группа "начинающих" от экономической теории пытается освоить последнюю традиционно по учебникам вводного курса "экономикс". Хотелось бы обратить внимание на то, что это всего лишь часть основ экономических знаний, на основании которых делать далеко идущие выводы, мягко говоря, непрофессионально. *Вторую большую группу* экономистов "от науки" составляют люди, длительное время пожилавшие ренту на ниве пропаганды марксизма, но которые овладели им в лучшем случае на уровне первого тома "Капитала". Поскольку их "методологическая основа" держалась лишь на вере в социализм, то не желая отстать от современников, они быстро меняли ее на новую, предложенную им для выживания "в условиях рынка", абсолютно не вдаваясь в суть этого феномена.

Особое место занимает весьма незначительная часть людей, добротнo изучивших парадигму марксизма и пытающихся современные проблемы анализировать только сквозь эту призму взглядов. Главная проблема для этих людей — это проблема определения места марксизма в структуре современного экономического знания. *К четвертой группе* экономистов относятся, как они себя считают, прагматики, работающие в некоторых конкретных сферах деятельности. Они на уровне очевидных фактов могут активно занимать умы интересующихся экономикой, поверхностно описывая существующую практику, не задумываясь при этом ни о каких методах и принципах своего исследования. Но если обратиться к истории экономического анализа, то традиционными окажутся дискуссии не по *самому фактическому материалу*, а по способу его добычи, аргументации и тестировании. *Пятую группу* составляют так называемые "независимые экономисты", работающие во вновь созданных независимых исследовательских центрах, лабораториях, финансируемых теми, кто на практическом уровне ощутил важность и необходимость в современных условиях достоверной научно-аналитической информации. Сам факт создания таких цен-

тров и групп можно оценивать как положительное явление, когда, осознавая накопившиеся в первую очередь вопросы теории экономики, осуществляется поиск решений проблем не на обыденном уровне, а на уровне все той же теории. Как подтверждает практика, обращение к теории более надежно и плодотворно, чем поиск альтернатив методом проб и ошибок. Но претендуя на объективность, не следует вводить в заблуждение и себя и остальную публику, ибо дискутируемая в начале века проблема независимости в экономических исследованиях "приказала долго жить" уже в 50-е г., о чем могут напомнить ироничные слова Д. К. Гэлбрейта о зависимости умозаключений экономистов от своих оплачиваемых заказчиков [111, с. 113]. Общим недостатком данного направления является отсутствие парадигмальной основы, идеолого-политическая заданность своих аналитических работ, эмпиризм последних.

Среда "независимых" также неоднородна. Первую часть этой группы аналитиков составляют те ее представители, которые понимают назначение своих работ, не скрывают этого, хотя и не афишируют, но пытаются честно, как это позволяет открывшаяся на данном участке рыночная среда, использовать свой накопленный теоретический потенциал для аналитической работы. Но есть опасность отрабатывать социальный заказ, что в недавнем прошлом не принесло желаемых результатов ни для правящих, которые выступали заказчиками на развитой социализм, ни для общества в целом. Вторую часть можно определить как "лукавые независимые", которых немного по разным причинам. Понимая во многом больше на уровне *интуиции*, чем на уровне какой-нибудь теории, суть происходящих событий, своими работами они просто преследуют свои корыстные интересы.

Есть еще одна весьма значимая часть представителей экономической науки, которая, по существу, осталась без своего предмета. Это так называемые "*отраслевики*" (экономика промышленности, сельского хозяйства и т. д.) и люди, занимающиеся статистикой, финансами, управлением, планированием. Поскольку во многом эти дисциплины в теории опирались на политэкономиию социализма и выработанные вместе с практикой нормативы, инструкции, положения, то после радикальных перемен как в идеологии, так и в практике все эти основы в новых условиях оказались далеко не основами, а в некоторых случаях лишь помехой. Ближе всего стоящие к запросам производства прикладные науки остро почувствовали необходимость в фундаментальной теории, которая

при разработке жизненно важных вопросов стала с естественной необходимостью заменяться здравым смыслом весьма разных по уровню профессиональной подготовки и жизненного опыта людей. А. Эйнштейн назвал здравый смысл толщей предрассудков, успевших отложиться в нашем сознании к восемнадцати годам. Эти "опытно-теоретические предрассудки" вообще оставляют без внимания сферы "новой экономики", ростки которой имеются и в Беларуси, но которая является главным источником развития, другие важные национальные проблемы.

Таким образом, проблема формирования и развития национальной экономической науки остается, пожалуй, более актуальной, чем можно себе это представить. Искривленная ретрансляция экономических идей или повторение простых истин из вводных курсов, выдаваемых за современную экономическую науку, может обеспечить в лучшем случае формирование идеологии, не адекватной обществу и государству.

Выводы. 1. Современная экономика в процессе своей эволюции накопила критическое количество проблем и противоречий, которые по главным своим характеристикам ориентируют на принципиальное переосмысление и, следовательно, практическое переустройство существующих "порядков": научного, политического, экономического, социального, технологического, институционального, нравственно-этического, цивилизационного. Нелинейность и дискретность в тенденциях развития, противоречивое соотношение природы и общества, внутриобщественных отношений, асимметрия монополизации и децентрации на разных уровнях и в разных сферах, отраслях, обособление фаз и нарушение ритма воспроизводственного процесса, подавление финансовым сектором рациональных мотивов экономических субъектов, создание валютно-финансового риска и нестабильности мировой экономической системы, обострение глобальных проблем, рост информационной эксплуатации населения и стран — вот далеко неполный перечень основных характеристик мир-экономики. Нет адекватности политики и экономики, экономики и социальной сферы, социальной сферы и культуры, культуры и природы. "Разрушились" традиционные институты рынка и частной собственности, экономического пространства и времени.

2. В современной экономике накопился ряд "случайных величин" (Слущкий, Фриш), обусловленных в том числе фактором влияния науки, определяющей

современный экономический образ мышления, а следовательно, и поведения в течение последних четырех десятков лет, что придало этим специфику очередному мировому циклу. К тому же, если на этапе становления научного знания об экономике главной задачей являлось познание окружающей практики, что в последующем переросло в цель изменить экономический мир, то сегодня первоочередной задачей выступает оценка самой теории в сопоставлении с устроенным ныне хозяйственным порядком в ракурсе рациональности развития экономики и общества в будущем.

3. Известные реформации подтолкнули к изменению траектории и модели развития белорусского общества. Время и количественные изменения позволяют зафиксировать уже не постсоциалистическое наследие во всех своих аспектах (кроме технологического), а результаты проводимых преобразований, не имеющих глубокого теоретического начала, но которые основывались на неопределенных идеологических, идеолого-политических и интуитивистских позициях меняющейся власти, руководителей предприятий. Практические результаты современной хозяйственной деятельности в республике по многим параметрам (традиционным и неортодоксальным) фиксируют большее количество негативных тенденций, нежели накопленной критической массы для устойчивого социально-экономического развития.

4. Системные трансформации противоречиво проявили себя и в национальной экономической науке, которая по своей природе должна выполнять известные функции от методологической до прикладной. Однако специфика научной деятельности в политико-экономической сфере не позволила изменить действительно парадигмального, методологического и инструментального содержания, а привела лишь к замене особенно в учебной сфере политэкономии на экономическую теорию неоклассики вводного уровня. Такие, например, фундаментальные сферы социально-экономической жизни как политика, цены, налоги, общественный сектор и многое другое остаются о сих пор на уровне эмоционально-эмпирического освоения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Даже официальная статистика последних подчеркивает необходимость формирования более эффективной модели социально-экономического развития.

5. Быстрые количественные и качественные изменения, произошедшие в институциональной среде, значительно ограничили возможность использова-

ния гносеологического арсенала неоклассической теории и особенно ее позитивной части, где осуществляется анализ трендами.

6. Серьезной формой проявления противоречий, складывающихся в национальной экономической науке, выступила парадигмальная и организационная разобщенность ее научных сил, практическая не востребо­ванность ее разработок и выводов, отсутствие экономической заинтересованности самих авторов в углублении научного поиска, увлечение функциональными абстрактными моделями, не отражающих происходящих реальных изменений. Нарушена процедура или алгоритм научных исследований, в которых всесторонняя аналитика подменяется императивными программными и безадресными выводами. Возник также ряд новых догм и мифов, являющихся следствием принятия "на веру" имеющихся альтернативных экономических теорий, не подкрепленных историческим философским контекстом, возможностями их практической верификации.

Глава 2. НАУКА ЭКОНОМИКА: КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

2.1. О предмете

Поиск решения между *инстинктом* и *разумом*, между *стихийным* и *научно организованным*, *индивидуальным* и *общественным интересом* в итоге предопределили необходимость накопления теоретического опыта о хозяйственных процессах. Однако, во-первых, в процессе эволюции человечества в те или иные периоды всегда *выдвигались конкретные определенные* приоритеты целей и задач, требующие своего решения. Поэтому понятия "ресурсы", "рациональность", "богатство", "продукт", "доход" и пр. постоянно наполнялись новым содержанием. Во-вторых, мир *деятельных отношений*, в которых проявлял и проявляет свои качества человек, значительно шире, богаче и рельефнее, чем его некое абстрактное эгоистическое "экономическое начало", о чем чаще говорят экономисты. Жесткая природно-экономическая *детерминанта*, имевшая место в эпоху варварства и становления индустриальной системы, в науке, отраслях высоких технологий, информатике, сферах производства "человеческого капитала" *уходит* как бы в *основание* всей экономической системы, в которой более действенными выступают иные мотивы и принципы поведения. К сожалению, смену мотивов и аксиологических ориентиров замечают и признают больше менеджеры, нежели представители экономической теории. В-третьих, как логическая конструкция, обособленная от реальной хозяйственной практики, теория экономики может развиваться самостоятельно лишь на основе выдвинутых исходных постулатов и принятом наборе аксиом¹. Общим результатом такого развития может оказаться ситуация не всегда очевидного *несоответствия практики самой теории*, которая будет постоянно навязывать свои рекомендации и правила поведения реальному существующему порядку, делая его хуже. Иногда лишь жестокие экономические кризисы вынуждали деятелей от науки изменять, что называется, парадигмальные основания своих теорий, дабы привести в *соответствие* мир науки и мир хозяйственной практики. В-четвертых, определяя свой *предмет* и избирая соответствующий подход к анализу экономики, любой *исследователь* сам находится в мощной зависимости от внешних условий проживания, обучения, социальной среды и пр. К тому же на понимание предмета экономической науки, на диалог дискуссий в процессе по-

¹ Особенно такая "самостоятельность" проявилась в связи с математической формализацией науки, когда знак и формула заменили экономический смысл явления. Сущность же последнего стала пустой абстракцией.

иска рационального начала оказывает влияние *герменевтический фактор*. Дж. Стиглер, отстаивающий однозначность толкования позиции Д. Рикардо, пишет: "Как возникло ложное толкование теории Рикардо? ... Главной же причиной затруднений стала неспособность экономистов провести четкое различие между аналитическими и эмпирическими утверждениями... Если какая-либо теория однажды заняла господствующее положение, то каждое поколение экономистов будет переделывать ее на свой лад, так что для известной теории почти невозможно сохранить свое первоначальное звучание. В наше время его теория подвергалась относительно большим искажениям, чем это было в его время" [439, с. 175, 177]. Иногда по ироничному, но справедливому его замечанию, избежать крупных недоразумений в толковании понятий теории можно, если всего лишь ее терпеливо и внимательно дочитать до конца.

В-пятых, сегодня уже можно говорить о формировании *новой научной дисциплины*¹, отражающей современные условия хозяйствования, которая бы более или менее системно и четко определила все необходимые атрибуты, свойственные классической науке любого направления. Однако если обратиться к истории развития логики науки об экономике, то она указывает на расширение своего предмета, а также изменение методологии, которая, как правило, сопровождается набором *понятийного аппарата* для выяснения "*затекстового*" философского фона познавательной деятельности. Такая процедура необходима еще для того, чтобы объяснить, *каков же истинный смысл* вкладывался в то или иное понятие и как оно соотносится с реальностью прошлой и настоящей.

Дискуссии относительно предмета экономической теории велись и ведутся по сей день. В этом проявляется и хороший признак развития науки. Во-первых, определяя предмет науки, очерчивают то *экономическое поле*, которое на конкретный исторический период становится наиболее актуальным для исследования. Во-вторых, понятие предмета науки включает весь арсенал используемых методолого-аналитических средств и понятийного аппарата. В-третьих, если видеть в науке не праздное любопытство, а практическую необходимость, то предметная область теории, безусловно, должна содержать и *целесообразность пользователя* научного продукта.

¹ Принятый термин "экономическая теория", является явно неудачным, поскольку нет физической теории, химической теории и пр., а есть физика, химия и т. д. К тому же это понятие не отражает *специфики* научной деятельности с учетом объекта исследования, историко-логических изменений в пространстве и во времени. Пока здесь мы выдвигаем просто постулат о формировании теоретического знания о хозяйственной деятельности в иных условиях и с изменившимся предметом, что, естественно, должно *закрепиться в новом названии*.

Если следовать каноническим традициям логики развития экономической науки, то можно, прежде всего, выделить предмет теории меркантилизма и физиократов [157]. Предмет классической политической экономии позволяет классифицировать ее как фундаментальную науку о *развитии богатства и законах его распределения*. Ресурсы (производительные силы) и *соответствующие им формы (производственные отношения)* являются предметом политэкономии в трактовке Маркса. "Предметом моего исследования в настоящей работе, – писал Маркс в предисловии к 1-му тому Капитала, – является капиталистический способ производства и обмена" [291, с. 6].

Значимой вехой в оформлении нового предмета экономической науки (экономикс) является труд А. Маршалла "Принципы экономической науки" (Principles of Economics). "Политическая экономия, – пишет А. Маршалл, – или экономическая наука (Economics), занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния. Следовательно, она, с одной стороны, представляет собой исследование богатства, а с другой – образует часть исследований человека" [297, т. 1, с. 56].

Профессор Ф. Найт относительно термина "экономическая теория" отмечает: "Термин «экономикс» вошел во всеобщее употребление, начиная с первых лет нынешнего столетия, заменив прежнюю политическую экономию, для обозначения несколько туманно определяемой отрасли общественной науки. Изменение названия отражало изменение в самой дисциплине, которая распалась на ряд специальностей. Отделилась чистая наука от трактовки проблем государственной – и до некоторой степени частной – политики, т. е. от более или менее ясно выраженного "применения"; второе размежевание произошло между эмпирическими фактами со статистическими – и теорией" [330, с. 3]. Найт прав в своем замечании относительно *"распада" политической экономии* через специализацию науки на ряд частных наук. В итоге, как подтверждает анализ дискуссий, очевидной стала размытость самого предмета под названием "экономическая теория", которая сохраняется по сей день.

Несколько десятилетий в рамках конвенционализма экономистами было использовано определение Л. Роббинса, данное им в начале 30-х годов. "Экономическая наука, – пишет он, – это наука, изучающая человеческое поведение как отношение между целями и ограниченными средствами, имеющее альтернативное применение" [347, с. 18]. В силу этого нельзя не заметить того, что

термин "экономическая теория" первоначально отразил сужение предмета науки до "чистой экономики" *исключением многих институциональных составляющих*. В последующем эволюция научного знания позволила интерпретировать не только этот термин, но и его предметную определенность [316, 523].

Макроэкономический функциональный срез был заложен Дж. Кейнсом и его последователями главным образом в области динамики и роста, чем значительно обогатился "экономикс", основанный *на экзотерическом методе* с ярко выраженной ориентацией на описании экономических явлений (феноменализм) [158]. Как особые области анализа отдельно от других фаз воспроизводства представляли распределение, потребление, производство. Проблемы экономической политики и хозяйственного механизма управления также не остались без внимания теоретиков, желанием которых было целостно и без "информационных потерь" представить себе всю сложную действующую хозяйственную систему. Конечно, это налагает отпечаток *на выбор исследуемых объектов*, применяемые подходы, выдвигаемые цели проводимых работ, а также вводимые допущения и абстракции, которыми всегда пользовались ученые. Г. Беккер обращает внимание на то, что экономическая наука (economics) отличается не предметом, а, прежде всего, "своим специфическим, подходом, который возможно использовать практически в анализе всех видов человеческой деятельности" [39, с. 26–27].

Но экономика затрагивает буквально *все стороны человеческой деятельности* и поэтому акцент на утилитаризме в содержании *экономического подхода крайне узок*, о чем свидетельствует проблемы современной хозяйственной практики. Приходится констатировать, что утилитарная специализация предопределила, по сути, возникновение после классической политэкономии целого ряда новых направлений. На период развития классическая политэкономия была *универсальной* с точки зрения широты охвата всех политико-экономических и социокультурных проблем. Специализация в науке необходима, однако *при условии того, что представители науки не только отрывочно знакомы с альтернативными позициями, но и признают их*. Однако, как отмечает М. Алле, для прогресса современной экономической науки важнейшими условиями являются "необходимость синтеза и безоговорочное подчинение урокам опыта" [10, с. 27]. А Дж.К. Гэлбрейт подчеркивал, что "специализация в науке – это удобство, а не добродетель" [111, с. 465].

Предмет теории экономики выходит сегодня за привычные рамки обмена¹, который часто отождествляют с рынком и рыночной экономикой. Причем рынок как хозяйственная система включает в себя не только все фазы воспроизводства, которые были в центре внимания К. Маркса, Дж. Ст. Милля, В. Леонтьева, Л. Мизеса [273, 293, 297, 315, 318,] и др., но и огромный пласт историко-институциональных условий [5, 18, 56, 79, 110, 175, 509]. Именно анализ последних как раз позволил выделиться целому направлению в экономической мысли, которое значительно *усилило свое влияние* на исследовательские программы других научных школ.

Важно также для развития экономической науки преодоление догматизма и мифотворчества, с которыми встречается, впрочем, любая другая наука [400]. Однако догматизм проявляет себя в этой сфере гораздо сильнее из-за могущества сложившихся *интересов, идеологий, корпоративной солидарности влиятельного истеблишмента*. У неоклассиков, например, неоспоримыми догмами долгое время были представления о полной занятости, стабильности цен и бескризисном развитии [410]. Существующая "политэкономия социализма" ограничивала себя заранее определенными формационными преимуществами [57], непротиворечивыми отношениями и "условиями перехода к коммунизму". Сейчас априори постулируется догма "в условиях перехода к рынку".

Кажущаяся легкость предмета теории, по замечанию Дж. Кейнса [297, т. 1, с. 11], привлекает к ней широкий круг лиц, знакомство которых осуществлялось с экономическими идеями в лучшем случае на первых курсах вузов или колледжей. Сформировавшаяся *обыденность экономического образа мышления* нации, руководства часто выступает решающим препятствием проведения самых выверенных с научной точки зрения идей. Примером здесь может быть профессиональная деятельность М. Алле и его модель общего равновесия, получившая признание лишь через четыре десятка лет по причине того, что правящая элита и научная общественность Франции *мыслила категориями прежней теории и имела привычный устойчивый экономический образ* [12, 60, 110] .

Следующим важным условием развития экономической науки и ее действительного прогресса является безусловное стремление к *объективности*. Но, как мы уже отметили выше, поскольку она затрагивает интересы довольно широкого круга лиц, сделать это также не просто. Особенно в последние годы обнаруживается опасная тенденция использовать экономическую науку в качест-

¹ Просто удивительно, как такая важная наука, которой является наука экономика, выбросила за пределы своего внимания фундаментальнейшие области человеческой деятельности – производство, распределение, воспроиз-

ве идеологической и политической силы (!). Языку науки, ее людям еще верят, поэтому за специфической терминологией, которая часто не понятна неподготовленному человеку, можно провести самые непопулярные и антиэкономические мероприятия. Следовательно, если признать "трудный путь" к истине, все же за ее пределами наука полностью лишает себя смысла существования¹. Чтобы сохранить стремление к истине, требуется постоянное обращение исследователей через призму логических конструкций к опыту реальной практики с выходом на теоретическое обобщение. Это также воспринимается неоднозначно. Однако под давлением неопровержимых фактов утверждения и постулаты, считавшиеся в науке верными на протяжении целых десятилетий, заменяются новыми суждениями и аргументами. Кстати, не всегда более рациональными.

В науке нет линейности развития, как нет ее и в реальной действительности. Но важно видеть противоречивые закономерности процессов динамической эволюции каждой из этих сфер, чтобы потом вносить коррективы: с одной стороны, не допустить догматизма и мифотворчества, а с другой добиться более четкой созидательной практики.

Неопределенность предмета экономической науки просматривается в известном учебнике П. Самуэльсона "Экономикс". В нем дается более 7 определений предмета экономической теории, и их перечень, по замечанию автора учебника, этим не исчерпывается. Сам термин "экономическая теория" здесь же заменяется и таким названием, как экономическая наука [411, с. 6–7]. Перечень ставящихся перед наукой экономикой проблем здесь замыкается на уровне что?, как?, и для кого? производить?

В учебнике XXI в. профессора Гарвардского университета Н. Г. Мэнкью дается очень обобщенное, но несколько отличное от предшествующих определений предмета науки экономики. "Экономикс, — пишет он, — наука, изучающая механизм управления ограниченными хозяйствами и фирмами. ...Задача экономистов — изучение процесса принятия решений людьми. ...Экономисты исследуют и взаимодействия людей. ...Наконец, экономисты анализируют факторы и тенденции, влияющие на экономику в целом". "Экономическая теория, — заключает в конечном итоге автор, — многогранна" [328, с. 30]. После этого он все-таки выделяет *десять (!??) принципов* экономической теории, которые, по крайней мере, лежат в основе предлагаемой книги.

водство, интересы, семья и семейная экономика, проблемы народонаселения.

¹ Обособившись от классической политэкономии, неоклассицизм истину уже не формулирует в качестве исследовательской цели.

П. Самуэльсон выдвигает всего три вопроса, на которые должна отвечать наука об экономике (экономикс), а К. Р. Макконнелл и Ст. Л. Брю в своем известном учебном пособии уже пять: сколько производить?, что?, как?, кто?, способна ли система адаптироваться к изменениям?

Многоуровневую структуру теоретического знания по экономике легко увидеть на примере таких современных учебных пособий, как "Политическая экономия" Р. Барра, "Международная конкуренция" М. Портера, "Периферийный капитализм" М. Пребыша. Из огромного числа русскоязычных книг, где доминирует вольная или невольная интерпретация идей неоклассической теории, можно выделить заметно отличающиеся от них: "Теория хозяйства" Ю. Осипова; "Переходная экономика" А. Бузгалина; "Экономика" (под ред. А. Архипова, А. Нестеренко, А. Большакова); "Экономика" А. Г. Войтова.

Сегодня теоретической экономикой¹ (рис. П.3.1) должны учитываться те обстоятельства, что на конечные результаты — экономические, социальные, и пр. влияют не только спонтанные силы по самоорганизации общества и экономики, но и корректирующие эти "порядки" идеи априори. Без такой посылки обращения к критике существующих теорий мы не оценим правильно результаты, которые дают нам конструктивные конечные исследования [67, с. 38].

Б. Рассел писал, что общество нельзя считать "вполне научно организованным" до тех пор, пока "в нем не создана *особая структура* (выделено – П. Л.) для достижения сознательно намечаемых целей" [93, с. 203]. Это означает, что экономическая наука начала оказывать непосредственное влияние на практику осознанием закономерностей последней через оформленные институты только тогда, когда они начали не только создаваться, но и выполнять общественные функции по сознательной координации социально-экономических сил. Таким образом, экономическая наука как *корпорация* вместе с реальными *институтами*, проводящими в жизнь выдвигаемые идеи и разработки, к концу XX в. *оформились в действенную силу* по социально-экономическому регулированию существующих "экономических порядков". Традиционные нормы морали, однако, не удовлетворяют критериям рациональности устойчивого мирового развития, а установленные мировые порядки не соответствуют более нормам и правилам экономического и социального поведения абсолютного большинства государств мира. "Бок о бок с высокоразвитой, довольно сложной сис-

¹ Пока под этим термином мы предлагаем понимать обобщенное целостное знание, где преобладают дедуктивные заключения, вытекающие следствием эволюции научного экономического знания и сделанные на основе большого массива фактологического материала из *основных областей* человеческой деятельности.

темой морали, — пишет Ф. Хайек, — в нашем расширенном порядке существует примитивная теория рациональности и примитивная теория науки, поощряемые конструктивизмом, сциентизмом, позитивизмом, гедонизмом и социализмом, — что говорит не против разума и науки, но против этих теорий рациональности и науки и определенных способов применения их на практике" [484, с. 119].

Как самостоятельная отрасль знания экономическая наука имеет свойство эволюционировать на собственной основе. "Научные исследования, — писал А. Маршалл, — должны строиться не в расчете на практические цели, достижению которых они способствуют, а в соответствии с содержанием самого предмета, которому они посвящены" [297, с. 96]. Выполнение этого требования позволяет более зрело проводить исследования *в соответствии с предметом науки*, поскольку совершенствуются методы, методики и инструменты аналитической деятельности. Однако длительный процесс эволюции науки на собственной методолого-категориальной основе делает, возможно, ее более изящной с точки зрения формы, но абсолютно бесполезной с точки зрения практического использования. К сожалению, в экономике две ее ветви — теория и практика — развиваются циклически, достигая "согласия" или совпадения лишь в определенные моменты. Проанализировав реальную историю и историю логики науки, можно сказать, что лишь *в периоды экономических кризисов* обращается внимание на *несовпадение выводов теории с реальностью*. "Красивая теория", таким образом, рассыпается под жестоким влиянием практики бытия. И тогда предельно интенсивная аналитическая работа по установлению такого соответствия теории с практикой, когда последней отдается предпочтение в направлении естественной эволюции [17]. Как правило, этот пересмотр касается эндогенных институциональных факторов, выступающих "стержнем" как прошлой, так и будущей социально-экономической системы. "В течение переходного периода, — отмечает Т. Кун, — наблюдается большое, но никогда не полное совпадение проблем, которые могут быть решены и с помощью старой парадигмы, и с помощью новой" [195, с. 120].

Каждый исторический период ставил перед отдельными людьми и перед обществом в целом свои проблемы и свои задачи, которые высвечивала в той или иной мере наука об экономике. Кроме объективно развивающихся процессов хозяйственной деятельности, в свою очередь, *на предмет науки влияют гносеологические и герменевтические факторы*. В этом смысле экономическая наука может выступать как позитивная, анализирующая наблюдаемые и проверяемые факты, выстраивающая прогнозы на основе зафиксированных трендов.

В то же время экономическая наука впитывает в себя нормативные и аксиологические умозаключения, без которых также невозможна человеческая деятельность в широком социокультурном пространстве. Вместе с тем человек всегда выступает носителем исторических фактов, отношений, связей, которые также должны учитываться экономистами. "По мере того как экономическая теория выходит за рамки «статики», — говорит Дж. Хикс, — она становится менее похожей на науку и больше на историю" [582, с. 485]. Философ-неогегельянец, историк-археолог Р. Коллингвуд подчеркивал, что "экономическая теория выступает как эмпирическая наука, если она мыслится как исследование такого объекта, как богатство; и как философская наука, если она мыслится как изучение экономической деятельности" [566, с. 1].

Выходящие на поверхность современные хозяйственные проблемы и сложившийся уровень теоретических наработок позволяют выделить в *предмете* экономической науки, во-первых, сложившееся целостное и вместе с тем крайне противоречивое институционально-экономическое и социокультурное начало. Во-вторых, в силу особой значимости доминирующим в научном освоении является задача эволюционного политико-экономического развития, где принцип детерминизма дополняется телеологическим подходом к мировой экономике и национальным регионам в отдельности. В-третьих, активное включение человека в область информатики, а также создание глобальных сетей коммуникации с соответствующим набором инфраструктуры, которые, как в свое время транспортные связи, деньги, усиливают интеграционные процессы до своего логического завершения. Речь идет о *геоэкономике*, нуждающейся в четком прогнозе и планировании различных субъектно-объектных отношений. В-четвертых, что вытекает из предыдущего положения, область принятия решений также не может игнорироваться научным экономическим анализом. В-пятых, повседневные задачи утилитарного характера усиливают прикладную значимость проблем функционирования экономики, которые во многом решаются такими сложившимися дисциплинами, как микро- и макроэкономика.

"Язык" любой науки — это, прежде всего "чистота", систематизация и определенный порядок. В экономической науке систематизация понятийного аппарата требует отдельного рассмотрения. Здесь всего лишь заметим, что, употребляя такие понятия, как "экономическая наука", "экономическая теория", "политическая экономия", "теоретическая экономика", "теория хозяйства", необходимо видеть смысл, который они несут [20, 57, 201, 366, 385, 457]. Как свидетельствует история эволюции науки, каждое из этих понятий фиксирует

свои особенности *предмета и свой уровень* отражения социально-экономической системы. Действительно, термин "политическая экономия" появился на заре становления науки об экономике, которой в последующем ученые наполнением стоимостными (стоимость) категориями придали классическое завершение. Термин "экономическая теория" (экономика, экономикс), прочно вошел в русскоязычную среду с оттенком общей фундаментальности¹. Вместе с тем это лишь срез отражения ценностных (ценность) функциональных связей и принципов в экономике. Развитие реальной экономики и весь спектр уже отраженных в науке проблем на сегодняшний день позволяют заключить, что наиболее точным понятием, впитывающим и онтологию, и гносеологию экономики, является понятие "*теоретической экономики*". Здесь лишь отметим, что данный термин отражает, прежде всего, хотя и атомистическую, но *целостную экономическую картину мира* на современном этапе его развития. Теоретическое знание использует устоявшуюся аксиоматико-формализованную систему дедуктивных умозаключений, способных выдержать тест на истину. Последняя процедура фиксирует уже *опыт теории*², который проявляется на стыке сформулированных постулатов и практики, но уже "фильтрующих" теорией как следствие *саморефлексии* и стихийных процессов функционирующей экономической системы.

2.2. Условия хозяйствования, экономический факт и методология науки

Конец XX – начало XXI в. обнаруживает такой период, когда не только экономическая, но и *все науки об обществе* нуждаются в пересмотре своих методологических оснований. Отношение к *фактам* здесь занимает далеко не последнее место и значение. В традициях классической эпистемологии, опирающейся в своем развитии на физику и математику, было бы верным утверждение, что эволюция теории об экономике осуществлялась под влиянием динамично изменяющихся реальных процессов практики. Экономические факты на тот период наделялись некоторой *объективной непогрешимостью*, на основании чего наукой выяснялись законы-тенденции. В некоторой мере такое представление о фактах и законах соответствовало роли и значению человека в ми-

¹ Скорее всего эта фундаментальность сквозит от того, что "наши" экономисты не зная всех дискуссионных вопросов науки экономики, приняли снова на веру то, что было переведено на русский язык

² Теоретический опыт – это переосмысленный опыт не только практики хозяйствования, но и теории. Это уже функция метатеории.

ре, его неспособности, принимая решения на основе ограниченной информации, *в короткий период времени влиять* на экономическую конъюнктуру. Однако экономическая наука представляет собой особую сферу познавательной деятельности, на которую воздействуют, с одной стороны, постоянно изменяющиеся объективные факты действительности, а с другой — сам субъект познания, его мировоззренческие позиции, способности к наблюдениям и умозаключениям. Например, по-разному будет воспринят факт существования тех же пяти мешков зерна, к которым обращаются для иллюстрации своих идей представители австрийской школы и, скажем, основоположниками классической политической экономии. Даже в среде субъективистско-психологического направления нет однозначного определения категории предельной полезности и ее количественного выражения¹. Факты хозяйственной жизни, которых бесчисленное множество, сами по себе могут остаться не воспринятыми и бесплодными, не будь, *ума, способного задать принципы, формы и пр. отбора фактов, критерии структуризации*, выделять те из них, за которыми скрывается нечто важное и существенно значимое. Под грубой оболочкой факта важно распознать это *нечто* значимое, выявив не только содержание и структуру экономического явления, но и найти место в общей композиции других фактов.

Отличительная особенность науки об экономике состоит в том, что далеко не все происходящее фиксируется мышлением, а лишь то, что это *мышление готово* воспринять исходя из априори сформированного подхода. Т. Кун исходную заданность теории назвал *парадигмой науки*, в основе которой лежит совокупность общепринятых идей или аксиом [195, 436]. И. Лакатош, понимая вполне допустимые изменения в парадигме теории, делит ее на "жесткое ядро", которое не может измениться, *не трансформировав само направление или школу*, и "защитную оболочку", набор постулатов которой может изменяться под влиянием фактов и целей исследования. Принимая эту общую позицию в гносеологии, Дж. Хикс пишет: "Наши теории как инструменты анализа действуют подобно шорам... Сказать вежливее — это лучи света, которые высвечивают одни части объекта и оставляют во мраке другие. Пользуясь этими теориями, мы отводим взгляд от вещей, которые могут быть существенными, с тем, чтобы разглядеть то, на что наш взгляд уже устремлен. Нет сомнения, что именно так и следует поступать, иначе мы увидим очень мало. Но очевидна и важность правильного выбора теории, чтобы она могла удовлетворительно выполнять

¹ Приходится удивляться той живучести нереалистической предпосылке данного направления о методологическом индивидуализме, распространяемом в последующем на группы, общество в целом и пр.

такую функцию. Иначе она высветит не то, что надо... Поскольку мы изучаем меняющийся мир, теория, которая в один момент светила в правильном направлении, в другой момент может светить в неправильном. Это может происходить из-за перемен в мире (вещи, которые игнорировались, могут стать более важными, чем те, что принимались во внимание) или изменений в нас самих... [19, с. 95]. Таким образом, теория указывает на *те данные*, которые необходимо добыть и как их надо использовать в рамках конкретной исследовательской программы, а эмпирические наблюдения уже дают нам эти данные. Однако, как свидетельствует история логики экономического анализа, возникшая и существующая теория имеет тенденцию к замкнутости и обособленности от "неудобных фактов", которые могут подорвать основы самой теории.

Мало что объясняет даже хрестоматийный график соотношения спроса и предложения, поскольку всегда есть определенная точка пересечения, которая не будет соответствовать факту, подтверждающему ситуацию равновесия спроса и предложения на рынке товара. Подобно всякой другой теории, экономическая использует в своем анализе *некие известные данные* (априорно принятые) и неизвестные, которые требуют в рамках конкретной теоретической конструкции своего объяснения. В иной ситуации в зависимости от цели исследования эти параметры могут поменяться местами. Например, теория "частичного равновесия" выпуск товара некой отраслью хозяйства и его цену объясняет на основании "принятых" функций рыночного спроса и предложения. Более общий анализ выводит графики этих функций на основании функций себестоимости у отдельных продавцов и функций спроса покупателей. Далее можно показать, что первая группа функций вполне объясняется на основе данных производственно-технических параметров, в то время как вторая группа выводится из принятой шкалы предпочтений, описывающей динамику потребностей домохозяйств. Каждая из этих схем, естественно, предполагает поиск различных эмпирических данных. В первом случае, например, необходима информация для построения кривых спроса и предложения на рынке, во втором — выводятся индивидуальные функции себестоимости и спроса, а в третьем речь идет о психологических (социологических) предпочтениях и производственно-технических параметрах.

Априорное отношение к фактам, их выборке и классификации уже на самой первой стадии познания *дифференцирует исследователей на научные школы* и направления. Например, для классической политэкономии наиболее значимыми и объективными фактами являются сама политико-экономическая

среда, труд, разделение труда, его процесс и результаты — богатство в товарной форме. Для Маркса же наиболее существенным фактом, влияющим на развитие капиталистической системы, выступает человек как совокупность отраженных от внешнего бытия атрибутов и свойств. Однако опредмеченной реальностью, выступающей исходной основой анализа в его теории принимается не просто труд, а товар, олицетворяющий все общественное богатство капиталистического производства. Признание фактов эквивалентности обмена и роли труда в создании стоимости, в развитии общества, стремление к истине объединяет классическую школу и политэкономия Маркса. Однако это уже факты другого уровня, которые можно отнести к *дискурсным*.

Базой анализа неоклассики стала фирма в ее практических аспектах производственной деятельности. Однако аксиоматическими фактами признаются факт существования совершенной конкуренции, способность рыночной системы к самоорганизации, нейтральность денег. Если же сравнить неоклассическую и кейнсианскую позиции в части признания некоторых фактических установок, то в известных терминах макроэкономики их отличие и общее можно представить следующим образом.

Неоклассическая модель	Кейнсианская модель	
$S = f(i)$	$S = f(Y)$	(1)
$I = f(i)$	$I = f(i)$	(2)
$S = I$	$S = I$	(3)
$Md = kPI$	$Md = M1 + M2 = kPY + L(i)$	(4)
$Y = f(L)$	$Y = f(I)$	(5)
$L = f(w/p)$	$L = (fw) (w - w_0)$	(6)
$Ld = f(w/p)$	$Ld = f(w/p)$	(7)

Таким образом, мы имеем две системы из 7 уравнений с такими формализованными параметрами: S — сбережения; I — инвестиции; i — норма процента; M — количество денег, отражающих только спрос на них; Y — уровень реального дохода; p — уровень цен.

Как известно, в последующих теоретических рассуждениях эти исходные постулаты приобретают весьма разную интерпретацию отражения реальной экономической действительности с весьма существенными рекомендациями в области проводимой экономической политики. Кейнсианец Л. Клейн так харак-

теризовал различие между марксовым и кейнсианским анализом: "В общем, можно сказать, что Маркс анализировал причины, почему капиталистическая система не могла и не может функционировать, в то время как Кейнс анализировал причины, почему капиталистическая система не функционировала, хотя могла функционировать. Кейнс хотел защищать и сохранить, Маркс хотел критиковать и уничтожать" [583, с. 131]. Для институционализма факты хозяйственной жизни являются, можно так сказать, более фактическими. Речь идет в данном случае об учете информации, выходящей за привычные пределы экономического поля. Понятие "*институции*" определяет исходную фактологическую базу для представителей данного направления науки. Однако далеко не все факты непосредственно попадают в поле зрения институционалистов, а лишь те из них, которые содержат институциональные образования. Особенность этого направления еще и в том, что объем перерабатываемой информации разных областей человеческой деятельности здесь больше и разнообразнее, а, следовательно, труднее, но полнее и объективнее по содержанию.

Сложность экономических исследований состоит еще и в том, что любой интересующийся этой областью человеческой деятельности сталкивается с проблемой *экспериментальной невоспроизводимости фактов*. Поэтому мышление должно постоянно "учитывать" новые факты, отражающие изменения хозяйственных процессов, часто мысленно *создавая "факты"*. Человеческое познание достаточно ограничено не только в охвате всех изменяющихся явлений, но даже в построении статических ситуаций. История мысли явственно свидетельствует о том, что лишь в отдельных работах А. Маршаллу удастся экономическую динамику зафиксировать как теоретическую проблему [89, 297, 443, 445]. Иначе говоря, произошло сближение дедуктивных умозаключений с реальностью, поскольку статика в принципе не присуща хозяйственным процессам, для которых свойствен постоянный воспроизводственный динамизм. "Меккой экономиста является скорее экономическая биология, нежели экономическая динамика. Но биологические концепции более сложны, чем теории механики. Поэтому в книге об основах следует уделить относительно большое место аналогиям из области механики, приходится часто использовать термин «равновесие», что предполагает некоторую аналогию со статикой" [297, с. 53].

Сила абстракции человеческого мышления может заменить ситуацию невоспроизводимости фактов "*производством*" фактов. Однако любой исследователь в таком случае обязан делать *корректировку на возможные изменения событий*, на погрешности воображаемой через абстракцию реальности. Науч-

ные дискуссии (не споры) чаще всего возникают тогда, когда новые факты не "укладываются" в объяснение существующих известных теоретических постулатов. Иногда, вместо того чтобы изменить господствующую теорию, что, несомненно, труднее, делается в лучшем случае попытка подогнать под последнюю самые очевидные факты, т. е. реальность. В худшем случае новые факты просто игнорируются или, как принято говорить в науке, элиминируются. Поскольку экономическая наука отражает гуманитарный срез общественных отношений, в котором фокусируется слишком много интересов, то, к сожалению, экономисты позволяют себе, выполняя работу на заказ, абстрагироваться от хотя и очевидных, но "неудобных" фактов. По этому поводу Дж. К. Гэлбрейт писал: "Одна из редких, но хорошо вознаграждаемых профессий в свободном обществе состоит в том, чтобы снабжать всех, кто в состоянии платить, нужными им доводами и умозаключениями, должным образом подкрепленными статистическими данными и моральным негодованием" [111, с. 313].

Уже *объективным фактом* следует считать нынешнюю реальность как *воплощение экономических идей* прошлого. И хотя вряд ли кто возьмет на себя смелость сделать однозначное заключение о современном мире как непосредственной *реализации какой-то одной школы*, все же для полноты восприятия надо принимать во внимание достаточно сильное влияние самих экономических идей на практический результат. Дж. Сорос, учитывая этот аспект необходимости рефлексии экономических идей, выстраивает целую концепцию, в которой для понимания макроэкономических событий и финансовых рынков предлагает *новую парадигму теории равновесия* [426, с. 47]. "Экономическая теория верна в качестве гипотетической конструкции, — пишет он, — в которой рефлексивность отсутствует. Когда мы применяем экономические теории к реальному миру, то можем получить искаженную картину. Это особенно заметно на финансовых рынках, где рефлексивность играет важную роль. Теории рациональных ожиданий и эффективных рынков являются глубоко неверными" [429, с. 159]. Поэтому экономист XX и XXI в. отличается не только по предмету науки об экономике, процедуре открытия, но и по отношению к фактам всей многообразной хозяйственной деятельности.

Знания новых *теоретических фактов, добытых другими науками*, требуют обращения экономиста к символу-знаковой природе носителей информации о фактах, их субъективной интерпретации в зависимости от восприятия слов, понятий, категорий, формул, моделей. Речь в данном случае можно вести не просто о рациональности, а об *интерпретативной рациональности*.

Интеллектуальная проницательность позволила А. Смиту "попасть" в категорию классиков *политэкономии* еще и потому, что он прозорливо увидел органическую связь дедуктивного умозаключения с конкретными историческими фактами. В частности, он писал: "Очевидно, что каждый человек, сообразуясь с местными условиями, может гораздо лучше, чем это сделал бы вместо него любой государственный деятель, судить о том, к какому именно роду отечественной промышленности приложить свой капитал и продукт какой промышленности может обладать наибольшей стоимостью" [421, с. 332]. Это означает, что если теоретическая экономика начинается со сбора фактов, то, по сути, она и заканчивается ими, поскольку последние получают в ходе процедуры научного анализа различную интерпретацию.

Энциклопедический ум Й. Шумпетера, давая оценку фактам и теории, позволил заключить следующее: "... Схематические построения экономической теории должны вписаться в институциональный контекст, который дает нам экономическая история; только она может сообщить нам, каково было то общество, к которому мы хотим применить теоретические схемы... В наше время средний экономист и средний социолог совершенно безразличны друг к другу и предпочитают пользоваться соответственно примитивными социологией и экономической наукой собственного производства, вместо того чтобы применить научные результаты, полученные соседом..." [146, с. 264, 267].

Научный метод, таким образом, имеет первостепенное значение перед фактами и даже перед отдельными открытиями. Именно он задает направление и способ исследования, а, в конечном счете, и результаты. В свою очередь право экономики считаться наукой также дает *избранный метод* и соответствующий набор *понятийного аппарата*, который позволяет зафиксировать реальные хозяйственные процессы. Но процедура этого отражения экономической реальности в понятиях далеко не проста, однако всегда на начальном этапе освоения научной проблемы должна осознаваться самим исследователем. Трансформационные процессы, начавшиеся в конце 80-х гг. XX в. не только в социалистических странах, особенно отчетливо высветили проблемы метода экономической науки. Л. Туроу обращает внимание на *всеобщность переходности* и коренных изменений для всех стран мира. В частности он пишет: "В настоящее время мир находится в периоде кусочного равновесия, вызванного движением всех пяти экономических плит (конец коммунизма, технологический сдвиг к эре господства искусственной интеллектуальной промышленности, демографические изменения, глобальная экономика, многополярность мира - перечислено

П. Л.). В конце его возникнет новая игра с новыми правилами, требующими новых стратегий. Некоторые из нынешних игроков приспособятся и научатся выигрывать в этой новой игре. Как же планировать, организовывать и поддерживать экономическую игру в таком мире?" [465, с. 16, 18; 50].

Со времен А. Смита наука об экономике располагала лишь крайне незначительными абстрактными предпосылками, полученными на основе нестрогих эмпирических наблюдений путем *интроспекции* либо использования *метода аналогий*. На стадии становления классической политэкономии больше было воздействие медицины и других наук о человеке, а несколько позже экономическая наука стала использовать достижения из области физики. Правда, как свидетельствуют некоторые ученые [624], эволюционная теория Ч. Дарвина (1838) стала возможной благодаря его знакомству с известной на тот период книгой А. Смита "Богатство народов" (1776) [483, с. 250]. Этим мы хотели бы подчеркнуть, что в выборе метода или частных методик экономических исследований должно быть, *во-первых*, обращение к экономике как самоорганизующему началу и порядку. А *во-вторых*, теоретическая экономика в своем фундаментальном понимании обеспечит эвристическую функцию лишь при условии заложенной а priori гуманистической позиции. Такое утверждение позволено по той простой причине, что экономическая наука — это, прежде всего наука о человеке в своем классическом понимании [297, т. 1, 3].

Переосмысление "начал", "оснований" науки, как это было, например, сделано Д. Рикардо, Дж. С. Миллем, К. Марксом, А. Маршаллом, К. Менгером, Дж. Кейнсом, П. Самуэльсоном и др. [4, 290, 297, 314, 318, 410], расширяет понимание результатов открытия принципов и законов рыночной экономики, которую не совсем справедливо отождествляют с теорией экономики в целом.

Первая целостная картина экономической реальности, если оставить в стороне ранние стадии становления теоретической экономики, принадлежит классической политической экономии. *Мир богатства* выступил предметным миром науки, а объективные законы-тенденции стали эвристической целью и главной функцией экономической науки на тот период. Такой подход соответствовал царящим традициям в науке в целом. "Стержнем" общей экономической картины мира было движение или кругооборот общественного продукта с его составляющими элементами. Классиками выясняются причинно-следственные и функциональные взаимосвязи между главными источниками богатства — землей, трудом, капиталом, формами богатств и его распределением через соответствующую систему доходов. В движении богатства классики

искали универсальные закономерности и законы экономики, стремясь объяснить и предвидеть тенденции экономического развития.

Марксизм можно считать продолжением эволюции классической школы. В этом направлении политической экономии сохраняется установка на законы и закономерности развития складывающейся на тот период социально-экономической системы, в которой товарно-стоимостная форма богатства выступила универсальной и, пожалуй, единственной формой общественного богатства. В стоимости, прибавочной стоимости и воспроизводства общественного капитала Маркс непосредственно *развивает классическую картину экономического мира*. Этот конкретный мир на теоретическом уровне воспроизводится им как совокупность *противоречиво развивающихся производственных отношений между трудом и капиталом*, внутри различных видов капитала, между исторически сложившимися институтами (частной собственности, государства, религии, морали, семьи и пр.) и новыми институциональными изменениями (демократическая мораль, буржуазное право, новая роль банков, капиталистическая и акционерная собственность, производственная кооперация на уровне капиталов, монополистические объединения). В методологическом отношении марксизм впитал в себя опыт других областей знания и, прежде всего, дарвиновский эволюционизм и гегелевскую идею диалектического развития общественно-экономических процессов. В конкретной исследовательской программе Маркса эта методологическая позиция воплощалась непосредственно через метод восхождения от абстрактного к конкретному, дополняемый принципом единства логического и исторического [228, с. 39—78]. Как бы приняв вызов исторической школы, Маркс делает дедуктивные заключения об эволюции общества в целом и экономике в частности как *естественно-историческом процессе*, в котором товар как элементарная форма общественного богатства фиксирует в себе начала исторического и логического.

Историческая школа, по сути, полностью не восприняла парадигму классической политической экономии. Произошло как бы столкновение между уже устоявшимся признанием общих законов и закономерностей экономического развития и многообразием проявлений последних в широком диапазоне различных фактов, отражающих не только хозяйственную деятельность, но и широкий мир культуры. Часто из-за локального распространения исторической школы недооценивается ее роль и значение. Однако Н. Д. Кондратьев писал: "Самое формирование исторической школы в противовес классической было фактом огромного значения для развития методологии социальной экономии.

Это формирование... потребовало, по существу, в истории социальной экономики впервые отчетливого и критического осознания самой проблемы метода экономического исследования" [176, с. 271]. Представители исторических традиций в экономике своими работами дали возможность зафиксировать национальное самосознание европейских стран, для которых *понимание экономики возможно лишь в контексте освоения культуры* в широком смысле слова. "В противоположность смитовскому воззрению на общество как на простую сумму отдельных индивидуумов, — пишет А.И. Чупров, — историческая школа признает, что хозяйство каждого народа есть единое целое... В каждом данном народе и в каждом историческом периоде составные части хозяйственного общества находятся между собою в иных отношениях, нежели в другом народе и в другом периоде. Политическая экономия должна подметить и уловить эти особенности... Хозяйство есть лишь одна из сторон народной жизни... и может быть познаваема... лишь в зависимости от прочих проявлений народного духа... Политическая экономия не есть система естественных и непреложных законов хозяйства в том смысле, как понимали ее крайние последователи Ад. Смита. Политическая экономия имеет дело... с законами социальными, зависящими от данного состояния воззрений, нравов и учреждений общества и изменяющимися с переменой последних" [508, с. 211—213]. В политической экономии советского периода эта проблема противоречия общих дедуктивных умозаключений и широкого многообразия фактов обсуждалась на уровне философских понятий общего, особенного и единичного. На Западе же институциональное направление поддержало традиции исторической школы, осознавая невозможность подведения под общие законы широкого разнообразия национальных хозяйственных отличий [217, 321, 335, 513].

Следующий значимый парадигмальный сдвиг в теории экономики был связан с австрийской школой (К. Менгер, Е. Бем-Баверк) [4, 45, 415] и в целом с маржиналистами (У. Джевонс, Л. Вальрас) [625]. Безусловно, что достижения в области философии и психологии способствовали переходу на понимание экономики с точки зрения самого хозяйствующего субъекта. Объективная картина экономического мира сменилась субъективным восприятием экономического агента. Здесь предельно чувственное каждого из них все-таки выводилось из некоего абстрактного субъекта, который наделялся теми или иными чертами. Реальная же картина экономического мира уже интерпретируется как образ этого субъекта. Того, чего нет у субъекта, то и не признается в качестве реальности. Конечно, в последующем это наложило отпечаток на экономическую

теорию, взявшую на вооружение философскую доктрину, отрицавшую такую экономическую реальность, как безработица, недозагрузка производственных мощностей, возможность экономических кризисов и пр. Но маржиналисты своими теориями обратили внимание на то, что *экономическая реальность сама рождается в процессе активной деятельности субъекта*. Поэтому исследователь должен учитывать эту двустороннюю взаимосвязь, делая корректировку на активное направление экономической науки на практику [437].

Итак, эволюция экономической науки выкристаллизовала *три главные картины* сложного и динамичного реального хозяйственного мира. Это, прежде всего, *мир богатства и модель развития* классической политической экономии и политэкономии Маркса. Во-вторых, *хозяйственная картина всей культуры национальной экономики*, к чему в своих исследованиях обращаются представители историко-институционального направления. В-третьих, *мир хозяйствующего субъекта* маржиналистов. Все они имели право на существование, поскольку в разных аспектах отражали социально-экономическую реальность. Дальнейшая их эволюция не носила сколько-нибудь замкнутого характера и испытывала национальное, техническое и геополитическое влияние.

Сложным остается *анализ методологии экономической науки в XX в.*, поскольку за последнее столетие развитие экономической мысли не создало каких-либо новых парадигм теории. В целом такое положение в экономической теории совпадает с уровнем развития философии, которая, не взирая на эмоциональные дискуссии в области эпистемологии, все же не создала приемлемой и практичной для экономики новой исследовательской базы, преодолевающей фрагментарность знания об этой сфере деятельности. Для эволюции практически всех сложившихся направлений и школ экономической науки характерно использование *плюралистической парадигмы*. Даже диаметрально противоположные ветви науки, борющиеся за идейную "чистоту" своих теорий, все же не избежали некоторых заимствований из методологического багажа друг у друга. Вероятнее всего, *эkleктизм экономической теории XX в. вполне соответствует усложнившейся реальности мировой экономики*. Конечно, для каждой из отдельных школ можно назвать наиболее значимые работы ряда авторов, которые и придавали им научную целостность и значимость. Например, традиции классической школы обогатили труды П. Сраффы, Л. Пазинетти и Ш. Холландера, а работы А. Берли, Г. Минца, Дж. Гэлбрейта, Р. Хэйлбронера, Ф. Перру, Г. Мюрдаля, А. Гручи и др. обеспечили прочное развитие историко-институционального направления экономической науки [112, 113, 431, 579, 600,

485]. Субъективистская парадигма маржиналистов в наибольшей степени была использована Ф. Хайеком, Л. Мизесом, И. Кирзнером, Р. Хебертом и др. [52, 315, 483]. Что же касается марксизма [52, 291, 292], то широкий спектр поднятых им проблем социально-экономической жизни редко кого оставил равнодушным к этому направлению науки, в основе которого лежит классическая трудовая теория стоимости. Но в качестве теоретически "выдержанных работ" можно выделить труды таких авторов, как А. Балинский, М. Моришима, А. Волкер, Дж. Кинг, Х. Курц, Р. Баран и др. [171, 196, 511, 514].

Все же наибольшее распространение, как известно, получили неоклассическое и кейнсианское направления, возникшие на стыке классической и субъективистских парадигм. Для этих в некоторой степени самостоятельных направлений характерен, прежде всего, узкий "экономизм", функциональный подход к экономической системе, обращение к проблемам ее равновесия. Поведение среднестатистического, медианного субъекта, преследующего свою выгоду, стало *предметом* специального анализа как неоклассиков, так и кейнсианцев.

Используя терминологию И. Лакатоша, М. Блауг отмечает, что "неоклассики «приняли твердое ядро» классической политической экономии, но заменили ее «позитивистскую эвристику», снабдив это ядро иным защитным поясом" [562, с. 161]. Этот же "защитный пояс" отличает неоклассиков от кейнсианцев (некейнсианцев), набор постулатов которого стал уже хрестоматийным. Следовательно, научная революция Кейнса и его последователей, о которой говорят некоторые специалисты в области истории экономической мысли, может быть признана лишь в некоторой части теоретической парадигмы — в "защитной оболочке" [588, с. 87]. Можно подчеркнуть, что Дж. М. Кейнс при описании экономической картины мира первой половины XX в. обратился к психологии, а в частности к социальной психологии, чем расширил субъективистскую позицию анализа [531].

Внутренняя слабость аналитического подхода к принятию деловых (коммерческих) решений на сегодняшний день состоит, прежде всего, в том, что люди анализируют то, что легче всего поддается анализу, тратят на это основное время и более или менее игнорируют все остальное [382]. Преодоление такой аналитической слабости, на которую обращают внимание некоторые исследователи [408; 471, с. 64–72, 59–61], возможно, если отойти от привычного для ортодоксальной экономической теории понимания экономической системы как механической системы, к которой обращались в свое время физики для объяснения законов природы. Экономисты, используя метод известных анало-

гий, построили общие принципы функционирования рыночной экономики с ее известными разделами микро-, макроэкономики, мировой экономики. Правда, не все последователи механического подхода знают, что сам Ньютон потерял целое состояние после краха Южно-морской компании.

Необходимость придания теории об экономике большей строгости и доказательности требует использования в ней математики. Но для этого по вполне очевидным причинам приходится идти на ряд упрощений и абстракций, без которых ни одна наука невозможна. Экономическая в силу своего фактического многообразия тем более невозможна без упрощений, классификаций, определенного рода допущений типа "при прочих равных условиях". Но *граница, мера допущений* в науке об экономике всегда была камнем преткновения вечных, по существу, дискуссий, возникающих в процессе обсуждения тех или иных проблем реальности. Эту черту на примере отношений к деньгам очень хорошо обрисовал Дж. Тобин. Он приводит всего лишь три фразы, уже сами по себе содержащие альтернативные оценки роли денежного фактора в экономике:

- Деньги не имеют значения (Money does not matter).
- Деньги также имеют значение (Money does too matter).
- Только деньги имеют значение (Money is all that matter).

Дж. Тобин в связи с этим пишет, что "очень легко соскользнуть от второго положения к третьему". Как полагает Тобин, монетаристы, убедительно доказав значимость денег, вопреки собственной логике и статистическим фактам "впадают в другую крайность, где количество денег становится необходимым и достаточным условием, определяющим величину денежного дохода" [621, с. 468]. И действительно, в возникновении достаточно популярной в свое время монетаристской доктрины сыграла свою большую роль *нормативная установка на взаимосвязь между "денежной стабильностью", общехозяйственной конъюнктурой и экономическими кризисами*. "Фридмен, — как отмечает другой американский экономист Дж. Дорн, — воспринял многие положения теории денежных неравновесий. Он одобрил идею доминирующей роли беспорядочных изменений денег в возникновении колебаний экономической активности и признал важность заторможенности ценовых корректировок как фактора отсрочки перехода к новому равновесию цен" [470, с. 21].

На примере монетарной теории обратим внимание, как некоторые *нюансы*

в исходных нормативных установках изменяют не только результаты исследований, но сами факты (!!?) и даже предмет теории. "Теория, — пишет Р. Лукас, — это не собрание выводов о реальном функционировании хозяйства, а скорее эксплицитно выраженный набор инструкций для построения параллельной или аналогичной системы — механической или имитационной экономики. С этой точки зрения "хорошая" модель не будет более "реалистичной", чем плохая, но она даст возможность лучшей имитации" [590, с. 697]. По Лукасу, основа цикличности лежит не на стороне объективных экономических законов, которые исследовали классики, а скрывается в особенностях поведения *"рационально мыслящих" агентов*¹. Эти хозяйствующие субъекты в модели Лукаса располагают всей необходимой информацией, среди которой ценовые сигналы признаются в качестве главных. Таким образом, "человеку с улицы" приписывается уникальная способность хорошо разбираться в сложнейшей финансовой механике рынков, правильно предсказывать и влиять на конъюнктуру.

"Теории такого рода, — отмечал Дж. Тобин, — описывают цикл не как экономический механизм, а как отражение экзогенных шоков в структуре, которой внутренне присуща стабильность" [620, с. 789]. Как в обществе в целом, так и в рамках научных корпораций *стереотипы группового сознания специфически преломляются в сознании каждого индивида*. Все люди, и ученые здесь не являются исключением, всегда вкладывают в свою деятельность тот личностный смысл, который соответствует их накопленному профессиональному и в целом жизненному опыту. В итоге в их сознании экономический мир или часть его обретает личностную окраску и выступает в качестве их индивидуального мировоззрения. С этих позиций вполне уместно говорить *об огромном множестве модификаций мировоззренческих установок*, царящих в той или иной экономической эпохе. Общие базовые убеждения и представления могут сочетаться, и часто противоречивым образом, с сугубо личностными ориентациями и ценностями, а весь комплекс индивидуальных убеждений меняться на протяжении всей жизни [495, с. 38]. Для множества американцев эпохи рабовладения идеологическая презумпция "люди рождаются равными" в конечном счете, соединилась с убеждением о справедливости этого строя.

Парадокс времени обнаруживает себя и в том, что воспитанное на социалистических идеалах отрицания капиталистической эксплуатации, население соцстран также в различных интерпретациях признает необходимость существования капитала и этих отношений. Трудно предположить, как уместаются в

¹ Проблему влияния мышления хозяйствующих субъектов на конъюнктуру и цикл пока никто не исследовал.

голове теоретиков диаметрально противоположные экономические композиции: социализм — капитализм [10, 21, 66, 186, 247, 354].

У некоторых авторов могут не совпадать идеологические и философско-методологические рамки анализа. Отсюда возникают и разные адресаты, пользователи теорий. Например, при общей схожести позиций таких известных экономистов, как Ф. Хайек и М. Фридмен, *идеологические и научные онтологии* их существенно отличаются [585, с. 1–20]. Идеи Хайека по многим своим составляющим в большей степени ориентированы на широкую аудиторию населения, в то время как теория Фридмена — больше на специалистов в области денег. М. Майлз, отдававший в свое время предпочтение монетаризму, в последующем так описывает обстановку в США в начале 80-х гг.: "Вы включили радио и слышали последние сообщения о величине денежной массы... В газетах вас знакомили с предложениями относительно того, какое воздействие сдвиги в количестве денег, возникшие по инициативе центрального банка, окажут влияние на инфляцию, процентные ставки и общее состояние экономической активности в стране. Людей во всем мире умело приучали мыслить категориями монетаристской логики" [596, с. 71].

Попытка представить сложную и динамичную хозяйственную жизнь лишь через *мир денег*, а также в буквальном смысле агрессивное внедрение монетарной теории на протяжении двух десятилетий в реальную экономическую систему через финансовые рынки привело к существенным сдвигам не только на практике, но и в сознании. Например, Дж. Сорос остро ставит перед экономической наукой проблему рефлексивности [429]. "Рефлексивность особенно заметную роль играет на финансовых рынках. Но финансовые теории могут изменять фактические события, к которым относятся. Теория эффективных рынков породила использование производных ценных бумаг, а они могут в некоторых случаях вызывать кризис на рынке... Поэтому я настаиваю на утверждении, что социальная наука является алхимией, а не наукой" [427, с. 47].

Масштаб и механизм влияния экономической теории вышел за те привычные рамки, которые она имела, например, во времена расцвета классической политической экономии. Теорией принимаются ценности и предпочтения участников экономических событий как данные и постоянные. Но экономический агент стоит между спросом и предложением как достаточно активное существо, влияющее на эти привычные для экономической науки инструменты анализа. Эта активность самого хозяйствующего субъекта, который принимает и оценивает выводы теории, позволила Й.А. Шумпетеру сравнить науку с плохо скоор-

динированной акустикой [522, 523], а Соросу сделать вывод о необходимости замены новой парадигмы в современной ортодоксальной теории [427].

К концу XX в. при кажущемся многообразии течений и школ в экономической науке произошла ее заметное усложнение. С одной стороны, возникла тенденция к интеграции, а с другой – возникло "рассеянное" знание. По этой и другим причинам обсуждение в литературе о необходимости *новой парадигмы* экономической теории стало еще более актуальным и, следовательно, оживленным. В силу этих обстоятельств ранее дискутируемая проблема математизации науки об экономике стала не менее значимой и злободневной. В. Леонтьев пишет: "Год за годом экономисты-теоретики продолжают создавать десятки математических моделей и детально исследовать их формальные свойства, а эконометрики — приспособливать алгебраические функции различных видов и форм к прежним наборам статистических данных, будучи не в состоянии заметно продвинуться в систематическом понимании структуры и принципов функционирования реальной экономической системы" [273, с. 25]. М. Алле, давая оценку сложившемуся уровню современного состояния экономической науки, подчеркивает: *"В течение четырех десятилетий экономическая литература развивалась в ошибочном направлении: в сторону совершенно искусственных и оторванных от жизни математических моделей с преобладанием математического формализма, что, по сути дела, большой шаг назад"* [10, с. 26]. Представители самых различных школ, оценивая сложившиеся проблемы и действительные перспективы развития экономической науки, почти в один голос заявляют об усилении ее гуманитарного характера с более "мягким" предметом [337, 388, 532, 533]. Такие изменения характера науки о хозяйственной деятельности человека вполне согласуются с тенденциями в реальной общественной практике, где глобальность сочетается с динамическим не равновесием, которым никто не знает как управлять [140, 141, 460, 465]. Можно, таким образом, выделить с учетом неопределенности мирового политико-экономического порядка выделить еще и *картину или мир расколотого кусочного хаоса*, который сегодня нашел отражение в науке [71, 363, 397]. Вытекающий отсюда методологический плюрализм преодолевает междисциплинарность и в некоторой мере разрешает проблему фрагментаризации знания об экономике. Для примера можно привести теории "новой" и "неинституциональной экономики", где плюралистический подход используется в аспекте реализации общего принципа холизма. "Беспокойство, возникающее из-за отказа от абсолютных притязаний науки, — отмечает Р. Хэйлбронер, — можно ослабить, если согласиться, что

научная работа в узком смысле этого слова может продолжаться в рамках принятых способов интерпретации социальной действительности, как бы они ни назывались" [579, с. 113].

Для любой науки всегда важен *измеритель* наблюдаемых явлений. Экономическая наука получила свое развитие благодаря тому, что таким универсальным измерителем выступили деньги. Но деньги в силу своей природы служат далеко не идеальным средством измерения экономических явлений. Деньги действительно, как пишет Дж. Сорос, "узурпировали роль подлинных ценностей", создав угрозу для "открытого общества... В экономическом плане мы теперь купаемся в лучах ложной зари. Предстоит худшее" [426, с. 101, 260].

В эпоху бумажных денег, которой всегда сопутствует определенный уровень инфляции, еще больше разрушился этот эталон выражения эквивалентности экономических отношений. В рамках строго соблюдаемых условий законов денежного обращения они могут более или менее сносно измерять размер богатства, некоторые мотивы поведения хозяйствующих агентов. Г. Беккер попытался распространить денежные оценки в целом на домохозяйства и семью [37]. Однако в деле выяснения законов-тенденций, направлений стратегии экономического развития, оценки многих социальных отношений и пр. использование денег, кроме искажений, ничего не дает или просто "не работает". Понимая это, Кейнс, например, заимствует сведения из психологии, когда он вводит понятия "склонности к сбережению и потреблению", "мультипликатора". М. Алле вводит и вовсе непривычные для экономистов понятия, не имеющие в литературе даже и аналогов: "психологическая норма процента", "норма забывания и времени реакции", "коэффициент психологической экспансии", "психологическое время". Расчет по интегральной методике ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала) на макроуровне свидетельствует о взаимопроникновении "чистой экономики" и социально-психологических и технологических сфер.

Новые плодотворные идеи включают в себя не только известные параметры, вытекающие из традиционной экономики, но и *впитывают глубинные аналогии между забыванием прошлой истории и актуализацией будущего, психологическим временем и наследственным процессом психологического забывания, наследственной и социальной обусловленностью поведения людей, психологической оценкой денежных явлений с постепенным затуханием во времени и эффектом запаздывания регулятивных мероприятий* [10]. С учетом происходящих в мире изменений, полагаем, будет уместно привести высказанную в свое время русским философом Н. А. Бердяевым мысль: "Максимальное на-

родное богатство и преодоление нужды достигается тогда, когда целое становится выше части, когда целью ставится не потребительское благо и удовлетворение людей, а благо и ценность государства, нации, культуры" [47, с. 298].

Подводя итог в рассуждениях о методологии, следует заметить, что теория экономики имеет на сегодняшний день широкую палитру течений и школ. И это свидетельствует о ее творческом поиске в направлении "уловить" сложный хозяйственный и динамичный мир. Но теория должна дополняться позитивным знанием с точки зрения современной *общественной* практики. Верность же мысли проверяется не просто опытом, а опытом теоретическим, соединяющим оценку самих исследований с практикой.

2.3. Становление и эволюция теоретического анализа¹

Поскольку реформы коснулись и экономического сознания, в формировании которого наука играет немаловажную роль, то, решительно отрицая "старое", т. е. прежнюю политэкономия, вместе с водой выплеснули и ребенка, заменив фундаментальную (по названию) науку неопределенным² с точки зрения предмета, инструментария, методологии, пользователя и назначения этого знания "экономической теорией". Поэтому чтобы разграничить открытия для себя от действительно научных исследований, необходимо обратиться к уже свершившимся научным открытиям, к их истории и закономерностям эволюции. К тому же изучение *истории экономической мысли представляет* собой своего рода лабораторию, формирующую не поверхностное и обывательское, а теоретическое мышление [52, с. 659].

Формирование экономической теории началось с обобщений эмпирических фактов о рациональном ведении домашнего хозяйства. Если по гомеровским "Иллиаде" и "Одиссее", стихам Гесиода и Алкея уже можно составить лишь фрагментарное суждение об уровне экономических знаний древних, то "Экономикос" Ксенофонта, "Политэя" Платона, "Политика" Аристотеля, сочинение "О земледелии" Катона, "Капитулярии" Карла Великого, "Правда Русская", "Домострой" Сильвестра и другие сочинения содержат весьма аргументированные и поучительные советы, рекомендации, которые могут быть полезны всем — от главы государства до младшего недоросля в семье.

¹ Более подробно эта проблема изложена автором в опубликованных работах [204, 229, 233, 236, 248 и др.].

² Так охарактеризовал современную экономику (теорию) Р. Коуз, Дж. Стиглиц и др. исследователи.

Появление торгового и ростовщического капиталов дает основание Аристотелю разделить соответственно и учение на две ветви: *экономику и хрестистику*. Первая должна, таким образом, заниматься изучением *домашнего хозяйства* и воспитанием добропорядочных граждан, а вторая "противоестественным делом" — сферой обращения, что менее благородно. Понятие справедливости выступает критерием отделения одного учения от другого [28, с. 1256–1258]. Формальная логика в зародышевом состоянии ("органон" — орудие познание) выступила *первым методом*, используемым экономической наукой.

Через призму *справедливости* представлена экономическая теория и в работах средневековых схоластов, имеющих на то время весьма сильное влияние на общественность и культуру. Но понятие справедливости уже трактуется с позиций *канонического права Священного писания* ("Справедливая цена" Ф. Аквинского), в котором должное (нормативное) преобладает над сущим (позитивным), а дедуктивный метод доминирует над индуктивным.

Развитие мировой торговли, следовательно, и купечества с его интересами поставили ряд новых задач о национальном богатстве, о торговом балансе, деньгах, т. е. тех вопросах, которые дали возможность развиваться меркантилизму. Своими достижениями он положил начало названию и становлению классической политической экономии. Вряд ли кому известен взгляд А. Монкретьена на богатство, которое он далеко не отождествлял с золотом. "Воистину мы стали богаче золотом и серебром, чем наши отцы, — пишет он, — но не точнее и не богаче" [73, с. 575]. По причине специфического *предмета* изучения — товара и денег, работы меркантилистов уже в большей степени пронизаны философией *позитивизма*.

Физиократы центр тяжести своего анализа перенесли из сферы обращения на сферу *производства*, в частности на сельское хозяйство, которое доминировало в то время как отрасль. Этим они как бы реализовывали свою идеологическую установку об источнике происхождения богатства и о производительном и непроизводительном труде. Однако меньше всего замечается специалистами значимость того, что *физиократы* впервые в своих немногочисленных произведениях *развивают экономическую науку на политэкономическом уровне*, затронув роль государства и церкви (!), проблемы макроэкономического равновесия, включающей пропорциональность распределения и движения общественного продукта, сбалансированность натурально-вещественного и стоимостного состава, текущей и капитальной стоимости. Знаменательно то, что часть обще-

ственно значимых открытий физиократов сделаны ими благодаря использованию методологии естествознания.

Невзирая на противоречивость такой фигуры, как В. Петти, его роль в экономической науке трудно переоценить. Он пытается в своем анализе использовать математический аппарат через развитие статистики и отход от традиционно бытующей в то время формулировки *национального богатства*, в состав которого, по его мнению, должны включаться культура населения, уровень его образованности, профессиональные навыки. И дело здесь не в гуманизме, а в *выделении факторов*, влияющих на экономический потенциал страны, на структуру богатства и его *рост*.

Классики политэкономии всеобъемлюще отразили и, что немаловажно, привлекательно и читаемо формирование способа производства, основанного на свободной конкуренции капиталов и, соответственно, частной собственности. Но чего традиционно *не замечается* при характеристике классической политической экономии, так это *качественного перехода на новый уровень осмысления* хозяйственной системы, так сказать, момента революционности, имеющего распространение в других отраслях знания, в том числе и в естественных науках, иных формах общественного сознания. Политэкономическое (!) мировоззрение А. Смита [420, 421] *формировалось* в кругу блестящей когорты таких талантов, как экономиста Джеймса Стюарта, философа Давида Юма, историка Уильяма Робертсона, социолога и экономиста Адама Фергюсона, геолога Джеймса Хаттона, врача Уильяма Хантера, изобретателя паровой машины Джеймса Уатта, основоположника современной химии Джозефа Блека, архитектора Роберта Адама. Смит хорошо знал сочинения Монтеスキё и Вольтера, а также восторженно приветствовал работы Руссо и тома "Энциклопедии".

В работах классиков *проблема справедливости* перешла уже в плоскость *юридических норм*, закрепивших равенство всех перед законом, равно как и *гарантию защиты* частнокапиталистической собственности, накапливаемую посредством *предпринимательской деятельности*. Эксплуатируется уже не экономическое пространство, а *время* наемного труда. Разрушается бытовавший феодально-патриархальный стереотип в отношении собственности, ограничивающий размеры и влияние рынка. Таким образом, по сути, *отрицается* мелкая *частная собственность* и на первый план выдвигается в структуре национального богатства *основной капитал* как ведущая форма богатства буржуазного общества, требующая внимания для своего приумножения и рационального использования уже со стороны науки [518, 554].

Возникновение промышленного капитала со своими формами организации и отношениями расширили границы, усовершенствовали и дополнили эту систему, именуемую сейчас периодом индустриализма. Но именно с этого момента классическая политэкономия в силу своей методологической двойственности дает импульс как бы двум направлениям, отразившей в себе противоречивость реальной экономической системы того периода [93, 132, 277, 403, 496, 507].

С одной стороны, реализует себя гегелевский сущностный подход в трудовой теории стоимости К. Маркса, внимание к которой с различного рода эмоциональными оценками не утихает до настоящего времени. Разработка и использование диалектического метода в выявлении объективных, причинно-следственных закономерностей общественного макроэкономического развития с помощью соответствующих экономических категорий характеризует весьма сильную сторону этого течения. М. Блауг пишет: "В своей ипостаси экономиста Маркс продолжает жить и все еще актуален, как ни один из авторов, которых мы рассматривали до сих пор (меркантилистов, физиократов, Сэя, Мальтуса, Рикардо, Срафа, Д.С. Милля. — *П. Л.*). Маркс подвергался переоценке, пересматривался, опровергался, его хоронили тысячекратно, но он сопротивлялся всякий раз, когда его пытались отослать в интеллектуальное прошлое. Хорошо это или плохо, но его идеи стали составной частью того мира представлений, в рамках которого мы мыслим. Сейчас никто не ратует за Адама Смита или Рикардо, но по-прежнему поднимается кровавое давление, как только Маркс становится предметом исследования. ...Существует еще одно затруднение: Маркс создал систему, которая охватила все социальные науки... Мы живем в век специализации социальных наук в не меньшей мере, чем в области технологии. Но это как раз и есть основание для того, чтобы изучать Маркса. Что бы ни думали о конечной обоснованности марксизма, надо иметь довольно слабые умственные способности, чтобы не увлечься героической попыткой Маркса дать обобщенное и систематизированное толкование «законов движения» капитализма» [52, с. 207].

С другой стороны, от классической политэкономии получает мощный импульс подход, основанный на проникновении субъективных оценок абстрактного индивида (Робинзона), имеющего ограниченные ресурсы, которые требовалось использовать рационально. Утилитаризм И. Бентама и субъективизм Э. Б. де Кондильяка, дополненные в противовес трудовой теории стоимости *теорией ценности* (предельной полезности) представителями австрийской школы (К. Менгер, Ф. Визер, Е. Бем-Баверк) и выводами Д. Б. Кларка о предельной

производительности, дали толчок распространению маржинального анализа. Последний раскрывал огромные возможности для использования математики в экономике, чем обеспечивал большую точность исследований и верифицируемость выводов.

С позиций универсализма и системного подхода очевидны и вполне закономерны слабости обоих направлений, в рамках чего и велась полемика между марксизмом и неоклассическими направлениями. Слово "вульгарный", которым наделялась неоклассическая школа, приобрело чуть ли не ругательный оттенок, хотя в переводе означает описательность, поверхностность, чем, впрочем, действительно занимались представители этого течения, не претендуя на большее.

Попытки примирить представителей школы вместе со всеми их достоинствами и слабостями предпринимали, например, Д.С. Милль и М.И. Туган-Барановский, а также некоторые авторы экономико-математических методов [473]. Однако диалектика науки неким образом схожа с диалектикой хозяйственной практики. Последняя, обнажая при этом свои противоречия, все же развивается благодаря разделению труда и специализации. Поэтому и примирение между обоими направлениями, отличающимися методологическими установками, объектом исследования и другими атрибутами науки, естественно, не получило сколько-нибудь серьезной завершенности. В этом смысле можно было бы предостеречь наших преподавателей вузов избежать ошибки при формировании программ по "экономической теории" на основе эклектики и механического соединения марксизма с так называемой традиционной экономической наукой направления "экономикс". Однако для этого необходимо видеть, какие сильные и слабые стороны существуют в различных направлениях экономической науки, начиная от классической политэкономии и заканчивая современным спектром проблем теоретической экономики.

Если абстрагироваться от частных особенностей при *оценке значимости классической политэкономии*, то в целом этот феномен можно определить следующим образом. Во-первых, она на научном уровне через свой специфический понятийный аппарат объединила в *цельную систему* имеющиеся на тот период фрагментарные знания о происходящих процессах формирующегося промышленного капитала, отразив движущие силы экономики свободного предпринимательства. Во-вторых, авторы политэкономии через продуктивный диалог со своими оппонентами показали своего рода *образец* для научных исследований. В-третьих, классическая политэкономия зафиксировала на гносеологическом уровне *основу, фундамент* для других частных наук, исследующих общественную систему.

Стремление к "чистой" экономической науке, т. е. желание придать ей большую научную строгость, доказательность, верифицируемость, а также попытки освободить ее от идеологии, политики, надоедливых растущих социальных проблем, привели к тому, что в начале XX в. после обсуждения вопроса о предмете, методах, названии "политэкономия" как самостоятельная наука как бы ушла с исторической арены. Уже развитой рыночной системе была предложена общая теория экономики ("экономикс") с преобладающим в ней функциональным анализом, что вполне соответствовало зрелому организму. Работы У. Джевонса, Л. Вальраса, Д. Б. Кларка, В. Парето, А. Маршалла, Д. Хикса, А. Пигу [75, 147, 164, 297, 381, 423, 491] позволили оформиться *неоклассическому направлению* в развитии экономической науки. Модель общего экономического равновесия, выдвинутая Л. Вальрасом, безупречно принималась экономистами вплоть до конца 1960-х гг., когда М. Алле были разработаны принципиально новые подходы к этому вопросу. Написанная же А. Маршаллом книга на целые десятилетия послужила фундаментальной основой для внедрения экономической теории в высших учебных заведениях. Теория приняла также определение общего благосостояния В. Парето, согласно которому весьма ясным стало разграничение между *эффективностью и справедливостью* в отношениях распределения сложившейся рыночной системы¹.

Однако эпоха возникновения монополий и крупных корпораций нарушила естественный ход традиционного экономического анализа поведения фирмы на конкурентных рынках. И если до сих пор существуют взгляды авторитетных лиц в экономической науке, оценивающих монополии как инородное тело в экономике, то Э. Чемберлин воспринял монополистическую конкуренцию как *исходный момент* или условие, основательно влияющее на другие хозяйствующие субъекты. Следовательно, по мнению Э. Чемберлина [501], и экономические исследования должны строиться подобным образом, а не ориентироваться на идеальные и уже не существующие условия. В связи с этим нельзя не вспомнить оценки монополий, данные В. И. Лениным, Н. И. Бухариным, экономистами социал-демократического направления (Й. Шумпетером, Дж. Робинсон, Дж. Гэлбрейтом) [48, 403, 519]. В анализе монополий стало существовать *два подхода*: политико-экономический и подход "чистых" экономистов, строивших модели равновесия² [35, 36, 516, 519, 522, 564].

¹ Данный критерий также имеет определенные исторические рамки и ограниченную сферу применения.

² В учебной литературе сохранился лишь последний, ограниченно-экономический.

Необходимость политэкономии как науки в силу ее специфики и назначения отрицалась и большинством советских экономистов. Однако десятилетние дискуссии, по итогам которых в 1952 г. была написана известная книга "Экономические проблемы социализма в СССР", предопределили необходимость политэкономии капитализма и дали жизнь политэкономии социализма как теоретической основе социализма, оценку итогов которой оставим другим [57, 73].

Анализ эволюции экономической науки позволяет зафиксировать то, что на базе политэкономии возникает ряд *новых* наук: социология, политология, которые в последующем обращаются к проблемам, выходящим за пределы внимания "традиционных" экономистов [386]. Возникает и новое экономическое направление — *институционализм*, как реакция на рождающиеся новые и не охваченные существующими науками старые проблемы. "Ограничив предмет экономической теории, неоклассики открыто признались в своей некомпетентности за пределами поставленных ими границ и, таким образом, исключили не только ряд выводов на уровне здравого смысла, но и несколько ценных идей", — отмечает М. Блауг [52, с. 650]. Поэтому представители институционализма Т. Веблен, У. Митчелл, Д. Коммонс — единственные (за исключением Маркса) из критиков ортодоксальной теории, которые попытались создать иную, лучшую теорию, преодолевающую недостатки высокой абстракции узкофункционального экономизма.

Т. Веблен выступает против гедонистской позиции, т. е. теории потребления Джевонса–Маршалла. Он считает, что *задачей* экономической теории является *поиск кумулятивного начала и движения*, а не стремление искать механизм равновесия. Он еще видел *конфликт* между промышленной, торговой, производительной и денежной сферами деятельности, занятиями и капиталами¹. В 20–30-е гг. была весьма популярна еще новая историческая школа, адаптированная к иным социально-экономическим условиям и обогащенная идеями таких ее представителей, как Г. Шмоллер, Л. Брентано, В. Зомбарт и примыкающих к ним М. Вебера, А. Вагнера, Г. Кнаппа [355, 356]. Народное хозяйство они пытались представить как целостный, сложный и динамически развиваю-

¹ В нашем нынешнем положении для выработки общей стратегии развития республики чрезвычайно важно было бы учитывать если не жесткое (!) противоречие между вышеназванными сферами, то уж, по крайней мере, не гармонию интересов, о чем так много говорят в последнее время, а, следовательно, и приоритет производительного сектора над финансово-банковским со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для так называемых постсоциалистических стран институциональный аспект реформ приобретает особую остроту по причине коренных, глубинных трансформаций. К тому же институциональный анализ, возникший на рубеже XIX–XX вв, в настоящее время обогатился очень далеко идущими новыми идеями, методологией и т. п., выразившись в *неоинституционализме* [512, 513].

щийся "социальный организм", в котором существуют не только функциональные взаимосвязи, чему, безусловно, отдавали предпочтение в своих исследованиях классики и неоклассики. Г. Шмоллер и другие полагают, что политэкономия как основная общественная наука включает в себя психологию, социологию, географию и т. п.(!) Предпочтение же отдают *историко-описательному* методу исследования.

Возникшая теория *менеджмента*, оформившаяся и получившая общественное признание в классической школе управления (А. Файоль, Л. Урвик, Д. Муни) [312], аккумулирует в себе разные отрасли знания, в результате чего не только направленность, но и *способ действия*, форма организации также приобретает научное обоснование и выражение. Экономическая же наука в новом понимании ("экономикс"), занимающаяся проблемами *фирмы*, наконец-то получает возможность умелого и грамотного применения своего анализа, это, во-первых. Во-вторых, возникает более тесная и *достоверная обратная связь* с практикой хозяйствования, которая всегда считалась критерием истинности теории. Таким образом, *политэкономия как самостоятельная наука* в силу естественно складывающегося разделения общественного труда и специализации также *трансформируется* в самостоятельные и отдельные науки, приобретающие свой предмет, методологию, оформляющиеся в специфический категориально-понятийный аппарат. Например, особый *самостоятельный статус и развитие* получают статистика, теория размещения, экономическая география, эконометрика, теория отдельных отраслей производства, бухгалтерский учет, экономика народонаселения и другие науки. Однако если, с одной стороны, обособление ряда экономических наук дает более глубокое знание о каких-то сферах социально-экономической деятельности человека, то, с другой стороны, в "общей экономической науке" начинают себя проявлять *фрагментарность* и отсутствие ясного представления об экономических закономерностях и тенденциях развития общества в целом и отдельных стран в том числе.

Что же касается 1920–1940-х гг., то они характеризуются, прежде всего, стремительным ростом промышленности, развитием разнообразных форм производительного капитала, распространением 4-го технологического способа [98] производства и использованием новых приемов организации и стимулирования труда, интернационализацией производства, *формированием международного "экономического порядка"* [94]. Стремление к макроэкономической устойчивости стран с традиционной рыночной экономикой, опыт и проблемы использования планирования в СССР, развитие математического аппарата, стати-

стики пробудили интерес к новой форме организации производства на макроуровне — народнохозяйственному, или *национальному планированию*¹ [177, 178]. По сути дела, начало формироваться *новое* направление в экономической науке, которое по каким-то причинам никак не попадает в хрестоматийный перечень основных школ и направлений. К тому же *теория планирования соединяет* в себе слишком большой перечень сверхактуальных вопросов, формализуясь в изоциренном, математическом аппарате, что выступает серьезным препятствием для слабого в целом человеческого понимания, стремящегося идти путем наименьшего сопротивления.

Сложность еще и в том, что *основание теории макроэкономического планирования двойственно*. Это предопределило, в свою очередь, и развитие двух его направлений. В основе первого лежат идеи естественного рыночного равновесия Л. Вальраса и принципы расчетов А. Курно, а в основании второго направления — гипотеза С. Струмилина, Г. Кржижановского и других о возможностях принципиально нового критерия равновесия в условиях общественной собственности на средства производства, ориентирующегося на народнохозяйственный эффект и оптимум, к которым должно стремиться общество, управляемое из центра. В последующем на базе теоретических гипотез о динамическом и в то же время естественном рыночном равновесии экономики В. Леонтьевым разрабатывается модель "затраты-выпуск", получившая как теоретическое, так и практическое признание [36, 149, 274]. Своеобразной локальной формой развития первого направления теории макроэкономического планирования выступает индикативное планирование и прогнозирование, имеющие практическое применение во многих странах мира². Если отбросить пристрастие и эмоции, можно отметить, что теория народнохозяйственного планирования, разрабатываемая советскими экономистами, является заметным вкладом в мировую экономическую науку. Кроме этого, в макроэкономическом планировании прослеживается связь с теорией формирования экономической политики, принятия решений, их реализации [67, 68, 362, 564].

Строго говоря, ситуация 1980-х гг. — это проявление, в свою очередь, кризиса прежней *"социалистической парадигмы" планирования*, не изменяющейся

¹ Пожалуй, для читателя фамилии таких известных экономистов, как Е. Слуцкий и Г. Фельдман, Н. Кондратьев и В. Громан, С. Струмилин и В. Дмитриев, В. Леонтьев и О. Ланге, Л. Канторович и Дж. Нейман, Я. Тинберген и А. Фриш, уже многое могут сказать о проблемах теории макроэкономического планирования и моделирования и о том вкладе в экономическую науку, который был сделан названными выше авторами.

² Часто в литературе можно встретить утверждение, что Н. Д. Кондратьев отрицал народнохозяйственное планирование. Это не совсем так, поскольку Кондратьев в планировании видел форму, которая должна "пристраиваться" к объективным тенденциям, складывающимся в результате конкурентных рыночных сил.

с 1920-х гг. Но нынешняя ситуация является уже следствием использования постсоциалистическими странами экономических форм, явно не отвечающих уровню современных производительных сил складывающегося 5-го технологического способа производства и мотивации деятельности человека, интуитивно ориентирующегося на ценности наступающего XXI в. Объективно и без идеологического синдрома роль и значение первых пятилетних планов в экономике СССР проанализировал Герман Ван дер Вее [21, с. 130].

Работы Д. Кейнса твердо зафиксировали в теории, общественном сознании изъяны и "отрицательные эффекты" веками складывающейся рыночной экономической системы. "Черный ящик" механизма классической конкуренции, фрагментарно описанный лишь К. Марксом и Й. Шумпетером, стал едва приоткрывать свой занавес неосознанной для неоклассиков "секретности". После этого, хотя наработки к тому времени были уже у многих ученых и по различным социально-экономическим направлениям, появилась критическая масса для изучения в качестве самостоятельных проблем макроэкономического равновесия, инфляции, безработицы, регулирования и т. п.¹

Признавая высокую значимость как для науки, так и для практики кейнсианского учения, *качественно* повлиявшего в целом на мировую экономическую науку, нельзя не видеть и других ее оценок. В. Леонтьев, например, пишет, что трудно признать гениальным вывод о необходимости лишь больше потреблять для того, чтобы больше производить [273]. Но, тем не менее, работы Кейнса создали критическую массу для поворота в экономической науке несколько в ином направлении, как *по предмету, так и по категориальному аппарату, методу, аргументам, выводам, рекомендациям и их применению*.

Однако с того времени, когда происходит обособление отдельных школ со своей естественной специализацией, дающей возможность получить более глубокое и достоверное знание, начинает последовательно о себе заявлять совершенно новая проблема — проблема взаимопонимания экономистов различных направлений, что никак не способствовало целостности общей картины сложного экономического мира. Возникающие системный подход, структурализм и функционализм частично компенсировали недостаток общего и целостного знания, дополняя последнее нетрадиционной информацией, в которой нуждалась и нуждается практика в условиях "дефекта знания".

¹ Справедливости ради надо отметить, что идеи Кейнса во многом предвосхитили в 1934 г. шведский экономист Г. Мюрдаль и поляк М. Калецкий. Термин же "мультипликатор" ввел в научный оборот еще в 1931 г. Р. Ф. Кан.

Весьма своеобразно на пассивность и созерцательность, предметную и методологическую узость, функционализм и субъективизм, преобладающих в мировой экономической науке "традиционных" течений, отреагировала *"фрайбургская школа"* с такими ее представителями, как В. Ойкен, Ф. Бем, В. Репке, А. Рюстов, А. Лампе, Г. Рихард, олицетворяющими особую ветвь гуманитарного знания от философии до экономики [355, 356]. По сути, эта мало, известная даже для специалистов в области экономики школа пытается продолжать традиции политической экономии, заложенные классической школой и качественно развитые К. Марксом. И хотя к Марксу у Ойкена отношение достаточно критическое, он все же не только защищает его от бездарной и запоздалой критики, но и дополняет, особенно в части раскрытия экономических форм производственных отношений, проявляющихся через *"экономические порядки"*. Метод диалектики у В. Ойкена преломляется через *морфологический* подход к исследованию экономических систем, известных на тот период в мире. Построенная на этой основе классификация хозяйственных систем придает экономическому мышлению такую же стройность, ясность и простоту, как периодическая система Менделеева. Небезынтересным может оказаться следующее замечание, которое В. Ойкен высказал еще в 1940-е гг.: "Больше или меньше государственности — такая постановка вопроса проходит мимо проблемы. Речь идет не о количественной, а о качественной проблеме. Сколь нетерпимо в эпоху промышленности, современной техники, крупных городов и скоплений людских масс пускать на самотек формирование экономического порядка, столь и само государство не способно руководить экономическим процессом" [355, с. 420–430]. Государству следует *регулировать порядки*, которые в свою очередь призваны регулировать хозяйственные единицы. А для того чтобы формировать "правильные" порядки, мыслить необходимо не абстрактными категориями, чем занимается наука, а *категориями, объединяющими порядки социальные, правовые, экономические*. Иначе говоря, абсолютно *верный с точки зрения науки вывод* может реализовать себя с точностью до наоборот при выборе *формы реализации этого решения*, процедуры исполнения.

Весьма плодотворно сказались в целом на всей экономической теории и на хозяйственной практике идеи и модели неокейнсианцев Е. Харрода и Р. Домара в плане исследования экономической *динамики и роста* [93, 488]. Совершенно независимо от них развивается так называемая *историко-социологическая концепция роста и развития*, имеющая большей частью методологический характер междисциплинарного свойства [121, 136, 156, 282, 326, 334, 335].

В целом же можно обнаружить, что на базе анализа макроэкономической динамики и роста произошло сближение теорий, стоявших на диаметрально противоположных позициях и "не желающих поступаться принципами". Это в равной мере относится к классической и неоклассической школам, теории Маркса, к кейнсианцам и неокейнсианцам, институциональному направлению. Возникает *неоклассический синтез*, представители которого (П. Самуэльсон, Ф. Модильяни, Д. Патинкин) [371, 410, 486, 566, 577] сделали достаточно успешную попытку "путем эффективной кредитно-денежной и фискальной политики соединить классическую микроэкономику Смита и Маршалла с современной макроэкономикой определения уровня дохода, сочетая прагматизм обоих подходов" [411, с. 796]. После этого начинает формироваться *идея смешанной экономики* как многоукладной системы [288]. Разногласия выявляются лишь в формах и методах регулирования экономики, целях, масштабах, побочных эффектах и т. п. Развивается теория общественного сектора [551] с различными ответвлениями исследований в области социальной политики. Например, сформировавшаяся в 1950-1960-е гг. теория *общественного выбора* (Дж. Бьюкенен, М. Олсон, Д. Мюллер, Р. Толлисон, У. Несканен) [600], отойдя от анализа влияния кредитно-денежных и финансовых мер на экономику, вторглась в весьма несвойственную для экономической науки сферу – сферу политологии, юриспруденции, социологии – область *принятия* правительственных *решений* [68, с. 104–113]. В возникновении такой сферы охвата экономической наукой нет ничего неожиданного, поскольку еще Л. Вальрас в начале этого века подчеркивал: "...Разве трудно найти экономистов, которые совершают ошибку, проповедуя, что общественные услуги должны быть включены в сферу свободной конкуренции и для этого должны быть переданы частным предпринимателям?" [625, с. 121]. Иначе говоря, декартовская система координат с ее линейностью процессов, на которой держалась "старая" политэкономия, начинает уступать новой, впитывающей *многолинейность эволюции социально-экономических процессов*. Политические и социальные проблемы приобретают здесь особую актуальность, поскольку последние, как правило, выходили за пределы внимания экономистов-неоклассиков.

Вместе с тем, поскольку кейнсианские методы государственного регулирования стали менее эффективны, влиятельны, популярны, а *размеры* и критическая масса накопленного *денежно-финансового капитала* требовали выхода на *политическую арену* (в том числе и по мотивам увеличения своего состояния через политический альянс), то в 1970-х гг. новая консервативная волна выбро-

сила на острие популярности теорию *монетаризма* [470, 482, 575]. К 70-м гг. монетаризм оформился во влиятельную *Чикагскую школу*, пик популярности которой уже прошел, поскольку возникли новые проблемы [533].

Фактор *неопределенности* и зависимости от *внутренних* условий перешел к *внешним*. Это один из моментов, указывающих на отличия неоклассиков от монетаристов при их схожести. Проводя параллели между ними, нельзя не заметить многих мотивов, существенно отличающих одних от других. Например, и неоклассики и монетаристы отрицают вмешательство государства в экономические процессы. Но если первые этим как бы желают создать условия для справедливой конкуренции, то вторые явно пытаются своими действиями и возможным влиянием *через деньги заменить государство* и стать над ним, диктуя "*свои правила игры*". Дж. Сорос, квалифицирует монетарное направление в науке как *алхимию* [426].

В середине 70-х гг. также возникает и *новая Кембриджская школа*. С одной стороны, она делает попытку размежеваться с неокейнсианством и монетаризмом, а с другой — выработать "*компромиссную позицию*" в *оценке современных явлений*. У. Годли, Ф. Криппс, например, в 1983 г. написали "*Макроэкономику*", где сами авторы подчеркивали, что, оставаясь на позициях неокейнсианства, они все-таки не укладываются ни в неоклассицизм, а тем более монетаризм, ни в кейнсианство [448, с. 110–120]. Представители *новой Кембриджской школы* в своем анализе особое внимание придавали внешнеполитическим факторам экономического роста, к чему подтолкнул обширный и глубокий кризис в середине 70-х гг., обостренный действиями стран ОПЕК.

В рамках единой кейнсианской концептуальной основы возникает и *монетарное кейнсианство* (П. Дэвидсон, Х. Мински, С. Вайнтраубе и др.), которое заполнило вакуум в теории денег кейнсианцев [423].

В ФРГ и в некоторых других западноевропейских государствах в последнее время происходит слияние политологии и экономической теории, в результате чего возникает новый курс — *социальной политики* [29, 147]. Например, Д. Фогель получил академическую известность за исследования на стыке политологии и экономической теории [513].

В 1980-е гг. существование различных форм хозяйствования в мире, мощное влияние *особенного* на конечные социально-экономические результаты дают импульс к возникновению *компаративистики*, которая стала и неотъемлемым курсом в вузах [99, с. 21–40, 185; 186]. В это же время активизируется зародившаяся еще в 1960-е гг. научная мысль о необходимости поиска *новых ос-*

нований экономической науки, по причине того, что с помощью традиционного аналитического аппарата теории не все проблемы реальной действительности получали адекватное восприятие и изучение [142, 441, 569]. Речь идет уже о *мэйнстриме* (основном течении) и других направлениях теории, парадигмы которых находятся уже в разных системах координат [6, 89].

Важное место в целостной экономической картине мира начинает также занимать так называемая *транзакционная экономика*, теория которой связана с именем Р. Коуза¹. Это уже междисциплинарная концепция, объединяющая правовую, экономическую и организационную науки. Теория фирмы, известная нашему читателю из трудов неоклассиков в привычном категориальном выражении, в 1980-е гг. обогащается *институциональным анализом фирмы* [188; 189, 399]. Здесь анализ издержек переносится в плоскость организационных структур фирмы, коммуникации и познавательных способностей персонала, его адаптации к изменяющимся условиям и мотивации, где отсутствует эгоистический интерес "экономического человека" [26, с. 58–70].

Другой известный в научном мире профессор У.О. Уильямсон также выступает с критикой ортодоксальной теории фирмы, предлагая междисциплинарный подход к исследованию последней [467, 468, с. 50–59]¹. Таким образом, экономистам в целом, а белорусским в особенности, следовало бы отойти от бесплодных дискуссий, ведущихся в плоскости теории "экономикс" или теории Маркса. Проблема более сложная, поскольку действительно требует разрешения тупиковой ситуации в экономической науке с приведением последней в соответствие с технологиями, ценностями и отношениями конца XX в. [449, с. 57]. М. Алле высказывался по этому поводу более определенно: "Как физика сегодня нуждается в единой теории всеобщего тяготения, электромагнетизма и квантовой механики, так и гуманитарные науки нуждаются в единой теории поведения людей" [10, с. 27]. Не исключено, что новая парадигма экономической теории XXI в. закладывается развивающимися идеями авторов о "человеческом" капитале, получивших развитие в работах Г. Беккера [37, 38, 557, 558]. Если подойти в целом к теории вышеупомянутого автора, то здесь можно обнаружить принципиально новый подход, как в области самой теории, так и к объекту экономики. Центральным в нем оказывается *человек с институтом семьи*, что предполагает отличительную мотивацию от ранее развиваемой на протяжении последних веков. Но полное его описание требует, чтобы исследователи,

¹ У Маркса, правда, эта идея нашла отражение в делении издержек обращения на чистые и дополнительные.

работающие в таких смежных областях, как демография, социология и политология, с одной стороны, и экология, биология, науки о здоровье, инженерные и различные прикладные дисциплины, с другой стороны, преодолели имеющуюся аналитическую изоляцию, зафиксировав теоретический синтез.

Сегодня экономическая наука является по вполне объяснимым причинам мягким, но мощным *фактором управления, задавая область, нормы мышления и поведения людей*. Это *общественное благо*, за которое никто не хочет платить, но желающих пользоваться последним много. Поэтому в вузах различных стран она преподается весьма избирательно. В целом такое положение соответствует мировому *разделению труда и сложившимся основным политико-экономическим силам*. С одной стороны, это *наука, изучающая и излагающая кардинальные (глобальные) изменения в мировой экономике* и в свою очередь, формирующая мировую экономическую политику и "новый экономический порядок". В орбиту ее исследований попадают более высокие технологические уклады, производящие уникальную, несерийную продукцию, политико-экономические отношения развития. С другой – это теория, исследующая лишь закономерности функционирования сектора экономики, производящего серийную массовую продукцию для массового потребителя. Здесь продвинутые курсы традиционного "экономикс" еще могут выполнять в определенных рамках свою теоретическую функцию. Третий "срез" экономического знания наблюдается на уровне *массового сознания* населения тех стран, которые обеспечивают мир-экономику сырьем и дешевой рабочей силой, потребляющей продукт на завершающей стадии цикла. Если же учесть переходность всей нашей эпохи, то можно сказать словами П. Штомпке: "Интерес к большой теории возникает в обществе именно в эпоху радикальных социальных перемен" [616, с. 6–25].

Выводы.

1. *Под развитием экономической науки следует понимать лишь те ее изменения, которые позволяют лучше и объемнее отражать реальный хозяйственный мир*. Как идеальная конструкция экономическая наука может эволюционировать на собственной основе, создавая видимость (символо–графическую, математическую или словесную) развития. И хотя единственным критерием научного экономического знания является практический опыт, все же его выявление и оценка должна производиться на основе "продвинутой" в предметном и методологическом отношении теоретической конструкции или позиции. Однако,

¹ Книга междисциплинарного характера, написанная специалистами в области права, организации, экономики, политологии, антропологии [605].

оценивая существующую (господствующую) в прошлом теорию следует использовать принцип бритвы Оккама, т. е. не требовать от этой теории больше, чем она ставила себе задач в рамках возможного.

2. Весьма значимым в разрешающей способности экономической науки является ее основание, или парадигма, которая *также меняется* в процессе эволюции самой хозяйственной жизни. История науки об экономике свидетельствует, что такого рода основания теории являются абстрактным синтезом многих составляющих деятельности человека. Эволюция экономической науки может идти как через изменение парадигмы, так и через понятийный аппарат, используемой разными школами в рамках одной теоретической основы, т. е. парадигмы. В этом особенность теоретического развития науки об экономике.

3. Исследовательские традиции экономической науки, сложившиеся на основе отражения простых линейных функциональных зависимостей по использованию имеющегося ресурсного потенциала, перестали воспринимать, отражать более сложные синергетические эффекты современной экономики, использующей более высокие технологические уклады и требующие, в свою очередь, более тонкие инструменты анализа факторов мотивации.

4. Областью экономических исследований являются *хозяйственные формы и порядки*, что подтверждается анализом эволюции науки.

5. На эволюцию экономической науки, ее содержание, пропаганду и пр. оказывает огромное влияние личность ученого, его среда, мировоззрение, практическое отношение к институту власти, карьерная линия и пр. В 20–м веке вплоть до 80–х годов заметно ослабли те области исследования, которые не имели коммерческого начала и денежной оценки общественной значимости ученого и его продукта. Частные и прикладные теории имеют, следовательно, большее распространение, чем фундаментальная часть науки об экономике.

6. В генезисе научного знания есть своя инерция и свой цикл от рождения идеи, формулировке концепции, выработке строгой теории до массового распространения среди широкой общественности и вовлечения последней уже в другую концептуально–экономическую среду.

7. Взаимная критика различных школ есть своего рода действенная конкуренция в этой сфере, которая развивает и сближает самые противоположные научные позиции.

Глава 3. ИСТОРИКО–ЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

3.1. Формирование "новой экономики" и метаморфозы научного опыта

Информационная революция, завершая технико-экономический цикл развития революции промышленной, в свою очередь положила начало принципиальным *структурным изменениям* во всех сферах и областях деятельности человека, включая и сознание последнего¹.

Сам термин "*неоэкономика*" («новая экономика»), как показывает анализ литературы, трактуется двояко. Во-первых, он употребляется как синоним постиндустриальной, постэкономической ступени развития, в которой органически переплетаются традиционный сектор экономики с новыми элементами, придавая всей системе принципиально иное качество. Во-вторых, в узком смысле слова – это характеристика тех *новых изменений*, которые возникают в современной экономике [390].

Структура экономики индустриального типа может быть представлена 1-3 технологическими укладами [97]. *Основной общественной формой организации и развития* для этого этапа выступает производительный капитал, а *нормой* регулирования является *средняя норма прибыли предприятий машиностроительной отрасли* и нефтехимии. Формирование новой экономики соответственно связано с 4, 5 и 6 технологическими укладами: производство и использование робототехники, электроники, развитие средств и отношений телекоммуникаций, использование достижений тонкой химии и биотехнологии, космических технологий, искусственного интеллекта. Новая экономика, таким образом, усложнилась, обусловленная, прежде всего, новым *технологическим прыжком пятого цикла* (табл. П.3.1). Свойственные для нее проявления стали *доминирующими* как в общей стратегии развития, так и в традиционных отраслях и отношениях. Как влияние, например, электричества, проникло во все виды производства в конце 19 в., так и научно-информационная составляющая, дополненная компьютерными технологиями, стала ведущей в конце 20в. – начале 21 столетия.

¹ Термин "новая экономика" появился в 90-е годы XX в. в США. И хотя следует отметить его неоднозначность трактовки, все же он широко проник как в деловую практику, так и в научную литературу. Высказанные ранее мифы о будущем обществе, сформулированные в последующем В.И. Вернадским в гипотезу о ноосфере, в настоящее время приобретают реальные контуры и очертания. По данному вопросу автором опубликовано ряд работ [202, 204, 208, 211, 213, 219, 221].

В связи с новым *технологическим прыжком* произошли принципиальные изменения во всех сферах, с которыми надо считаться в своем поведении людям-практикам, ученым, политикам. Во-первых, информация стала самостоятельным ресурсом, имеющим специфическую ценность и весьма отличительный от традиционных отраслей производственный процесс, форму его организации и управления. Доля информационного сектора¹ за последние 15 леткратно выросла и составляет в развитых странах 45-65% [307, с. 7]. *Неделимость – воспроизводимость – безграничность – временная определенность* — четыре признака, которые принципиально отличают *информационный ресурс* от других ресурсов, что вносит существенные изменения в систему отношений, ценовое измерение, управление и др.

Таблица 3.1

Технологические прыжки и циклы

Циклы	1 цикл	2 цикл	3 цикл	4 цикл	5 цикл
Начало цикла (год)	1780	1845	1890	1945	1990
1. Применение	Паровая машина	Поезда	Освещение, кино, мотоциклы	Автомобиль, телефон, телевизор, компьютер	Software, мультимедиа, экономика услуг
2. Технология и сырье	Пар	Сталь, уголь	Электричество, химия, нефть	Электроника, ядерная технология	Информационные технологии, био- и генная техника
3. Сети	Торговые сети	Сети транспорта	Энергосети	Коммуникационные сети	Глобальные сети, знания

Источник: Deutschland. 2001. № 2. S. 43.

Во-вторых, информация и весь информационный сектор является самым мощным источником, *генерирующим современное социально-экономическое развитие, динамику и рост*. По сути, это дополняет современную теорию эндогенного экономического роста. Например, к 2000 г. в индустриально развитых странах информационный фактор составил 50-75% добавленной стоимости [497, с. 11]. Аналитики подсчитали величину ВВП, произведенного американскими работниками, имеющими образовательный ценз в 10.5, 12ю5 и 14 лет. Оказалось, что именно третья группа дает свыше половины ВВП. Подобные исследования проводились и в России. Люди с высшим образованием, состав-

¹ Актуальными сегодня является исследования по инвентаризации отраслей на современные, полутрадиционные и традиционные, исходя из их роли в технико-экономическом и социальном развитии.

ляющие 25% работающих, производили 56% стоимости национального дохода. [295, 296, с.173-174]. Следовательно, если предположить страну¹ j , а y^1 - душевой доход этой страны, то при мировом запасе знаний W^1 этот доход страны есть функция от используемого страной всего мирового запаса знаний: $y^1_j = f(w^1)$ [527, с. 9; 570].

В-третьих, наметилось изменение в механизме и траектории экономического прогресса. Внедрение информационных технологий, не разрушая традиционных укладов, все же в целом создают новое качество взаимодействия техники и технологий, экономических отношений и форм, институциональных и социальных связей. В результате срабатывает синергетический эффект (кумулятивный по Т. Веблену, "созидательного разрушения" по Й. Шумпетеру) [521], макрогенераций [281, с. 28–41], где на гребне волны возвышения совпадают амплитуды различных циклов: технико-технологического, ресурсно-энергетического, капитального, финансового, социально-экономического и информационного [117, 126, 125, 311, 552]. И хотя влияние законов информации на всю совокупность порядков и отношений еще ждут своих специальных исследований, все же уже сегодня накопленные данные позволяют заключить, что из всей совокупности циклов информационный цикл является доминирующим.

Информационный цикл отражает, прежде всего, *способ мышления*, а также способ работы с информацией: ее сбором, обработкой, производством, накоплением, обновлением, защитой, передачей, обменом и использованием целесообразной информации. По мнению Д. Норта и Р. Фогеля, именно *способы мышления и методы сбора информации* являются *главными в объяснении экономической истории* государств [348, 627]. Временные рамки информационного цикла выходят за пределы долгосрочного кондратьевского периода, а траектория его имеет дискретный характер, фиксирующая переход на качественно новую научную и образовательную парадигму. Сейчас мы являемся свидетелями настойчивого поиска и внедрения, как у нас, так и за рубежом новых, более эффективных методик и образовательных технологий, отражающих происходящие научные-практические, информационные и психологические изменения.

В-четвертых, изменяется структура и *форма общественного богатства*². Натурально-имущественная и стоимостная формы уходят как бы в основание

¹ Чтобы определить стратегические приоритеты развития в РБ, известны сегодня как жилье, продовольствие, экспорт, также необходимо проанализировать долю каждой отрасли и сектора в ВВП, структуре национального богатства в общей экономической структуре и динамике. Приоритеты после этого получают корректировку.

² В теоретическом плане проблема взаимосвязи форм общественного богатства и мотивации поведения работника находится в зародышевом состоянии. А ведь это, в конечном счете, предопределяет направление и источник развития.

общей структуры создаваемого (и произведенного) богатства, вершину которого замыкает богатство информационное, социокультурное или человеческое. Информационное богатство имеет крайне специфическую потребительную ценность. "Стоимость, созданная знанием, по своему характеру требует в высшей степени субъективированного общества, иначе она не сможет получить должного признания", – пишет Т. Сакайя [342, с. 352]. Покупатель платит не за дополнительные граммы или площади изделия, а за те особенности потребительной стоимости, технологическое своеобразие, которое придало в конечном итоге *общественное признание марки* этой фирмы ее популярность.

Если предположить, что *экономическая деятельность* – это, прежде всего деятельность информационная, то категория информации выступает универсальной атрибутивной характеристикой всех объективно-субъективных хозяйственных отношений. *Информация*, таким образом, есть *субстанция* современной экономики в отличие, например, от стоимости, которая несла в себе отпечаток общественного труда и отношений во времена представителей классической политэкономии. "Нет ни одного способа производительного приложения труда, который в то же самое время не был бы приложением информации" [343, с. 398]. Но информация как, например, деньги, акции, права собственности и пр. может существовать как самостоятельный ресурс. В ней находят отражение понятия "*экономического времени*" [176, 499, 521].

В-пятых, на базе бурного развития электроники, кибернетики, космических спутников связи, программного обеспечения информационная революция осуществила переворот в средствах телекоммуникации, завершив формирование глобального общества со всеми его признаками и характеристиками, которые еще только активно обсуждаются [534, 535]. Действительно, благодаря, например, транспортной инфраструктуре, внедрению новых поколений авиационного, автомобильного, водного и железнодорожного транспорта, а также быстрому наращиванию сети международных трубопроводов сократилось экономическое пространство и спрессовалось время, сблизив тем самым расстояние между странами, фирмами, людьми. Перевозки грузов и пассажиров значительно ускорились и стали дешевле. Например, средняя стоимость человеко-милли воздушных перевозок в 1930 г. составляла по курсу 1990 г. в 1950 г. 30, а в 1990 г. – 11 центов. За последние шесть десятков лет более чем в 6 раз подешевели авиаперевозки. Реальная стоимость морских грузоперевозок с 1920 по 1980 гг. упала почти на 75 % при том, что общий тоннаж мирового торгового флота с 1950 по 1999 гг. возрос в 6,4 раз, а объем перевезенных грузов – в 10 раз [498].

Всемирная паутина Интернет к 2001 году охватила более 300 млн. пользователей, если еще только в 1991 г. их было всего лишь 5 млн., а в 1996 г. – 60 млн. Через каждые 100 дней информационный объем удваивается, а ежегодный рост составляет 7,3 раза [498, с. 17]. В результате этого возникла принципиально новая ситуация. Прежде всего, резко возросла *мобильность капиталов* и изменились смысл и формы организации производства, в отдельных видах которого расстояние не имеет решающего значения. *Виртуальность экономических процессов приобретает устойчивую характеристику.*

В-шестых, произошел не только количественный, но и качественный скачок в развитии транснациональных корпораций (ТНК). Прежде всего, сами ТНК приобрели свою идейно-концептуальную завершенность. Понятие периферии и центра благодаря информационным сетям потеряло свое первостепенное значение и смысл. Это изменило структуру, направления и объем инвестиций. С середины 80-х годов индекс роста прямых зарубежных инвестиций значительно опережал аналогичный индекс валовых внутренних вложений и к концу 2000 г. превышение составило более чем семикратный уровень. Отношение зарубежных активов к мировому продукту возросло с 4,9 % в 1945 г. до 56,8 % в 1995 г. В итоге значительно расширился диапазон возможностей удовлетворения предпочтений потребителя. Электронная форма торговли и расчетов эти возможности превращает в действительность, ускоряя и увеличивая объем транзакционных сделок, а вместе с ними и величину транзакционных издержек. Правда, распределение выгод от внедрения электронных транзакций и фактических транзакционных издержек осуществляется непропорционально из-за отсутствия опыта в подобного рода мероприятиях [219, 221].

С глобальной точки зрения важно отметить рост степени влияния ТНК и ТНБ (транснациональных банков) на все политико-экономические процессы. Они контролируют сегодня до 1/2 мирового промышленного производства, 2/3 международной торговли, около 4/5 мирового банка открытий, патентов, лицензий и технологий. Вследствие этого экономики стран как экспортирующих, так и принимающих капиталы сами становятся все более транснациональными и зависимы от возникших наднациональных рынков и международных институтов. Сегодня *международные институты являются главными законодателями* (техническими, программными, инновационными), регуляторами и основными пользователями первичного продукта информационной деятельности. В последующем происходит дальнейшее распределение информационного продукта, законы которого никак не отвечают известным экономической теории

законам распределения совокупного общественного продукта. В-седьмых, исходя из ограниченности суверенитета страны, меняется *содержание национальной политики*, ее формы, структура, реализация стратегических и тактических целей. Центр *конкуренции* из сферы экономической, влиявшей на национальную политику, переносится уже в политическую сферу, что диктует в свою очередь правила конкурентной борьбы в области экономической¹. Глобальная политика определяет необходимость увеличения открытости экономик, которая возросла с 16% в 1950 г. до 37% в 2000 г. [123, с. 19].

И в этом проявляется один из множества парадоксов, которые сопровождают "новую экономику". Суть его заключается в том, что увеличение открытости экономики какой-либо страны не только подрывает ее национальный суверенитет со всеми составляющими, но и создает условия для извлечения *глобальной ренты* ТНК и ТНБ. Этим *закрепляется экономическое, политическое и социальное неравенство стран*. Но с другой стороны государство, создающее жесткие границы также лишается возможности извлечь выгоду от торговли, инвестиций, внедрения инноваций. Но уже очевидно, что современные слабо-развитые государства сами не сумеют преодолеть установленные для него различными способами пределы для своего развития, потому что за последние десятилетия разрыв между странами не только сократился, как прогнозировали, а значительно увеличился [50, 351, 379].

Кроме того, что за последние полстолетия экономическое неравенство между странами и людьми резко увеличилось, *возникла новая форма эксплуатации и неравенства – информационная*, т.е. разноступность стран и людей к достоверной (!) и научной (!) информации. С одной стороны, разные страны имеют существенно различную материально-программную подготовку и условия для участия в деятельности мировой информационной сети. А с другой – глобальную ренту можно получить лишь манипулируя сознанием и поведением активного человечества *на информационном поле*. Это то новое "экономическое поле", которое уже освоено небольшой частью интеллектуальной, финансовой и политической элиты, не имеющей национальной принадлежности, но имеющей доминирующее влияние в мире. *Информационный рынок не воспринимает другую "чужеродную" информацию, даже если последняя наиболее достоверна.*

¹ Об изменении стратегии конкурентной политики на разных стадиях развития государства обоснованно и глубоко писал М. Портер [393, 394]. В отечественной же литературе, к сожалению, о конкуренции говорится безотносительно проявления ее различных форм на конкретно-исторических этапах развития. Это тот же "черный ящик", которым была конкуренция и фирма в западной литературе в начале XX века.

Возникли, если использовать привычную терминологию, новый класс, общество, социальные группы и целые нации, которые умело пользуются всеми преимуществами нового информационного ресурса, распоряжаясь богатством, которое *они не присвоили в ходе привычной эксплуатации*, а скорее сами создали (познали, освоили) своей творческой деятельностью, не отняли силой в военных действиях, а придали ему *социальную ценность* и обрели его, соблюдая рыночные правила и демократические процедуры.

Парадоксально то, что рыночная система, функционирующая на принципах либеральных и демократических ценностей, осваивая в процессе развития новые ресурсы, технологии и формы отношений, создали экономическое пространство, утверждающее свою *противоположность поведения – неравенство, информационно-финансово-политический тоталитаризм, автократию*. Сегодня ни экономика, ни этика *не освоили* всей остроты возникшее новое *противоречие*, что и обеспечило, на наш взгляд, ситуацию *"расколотой цивилизации"* [40, 51, 78, 141, 303, 461, 465, 573].

Эволюция товарно-денежных операций породила меркантилизм, физиократы объясняли и анализировали сельское хозяйство, эпоха промышленного капитала выступала объектом исследования классической политэкономии. Неоклассицизм отвечал духу времени силы монополий, воздействующих через цену на социально-психологическое поведение. *Логическим продолжением является поиск новой теории для "новой экономики"*. Прежде всего, теория новой экономики должна строиться на методологическом подходе, принимающем во внимание два принципиально иных по сравнению с предшествующим гносеологическим достижением компонента. Первый – признание в познавательном объекте *активного сознательного начала*, уже владеющего в какой-то степени информацией и располагающего комплексом психологических свойств, адекватных современному экономическому социуму, позволяющих последнему реагировать на изменяющуюся, в том числе и конкурентную среду¹. Второй аспект теории относится к тому, что экономисты игнорировали до самого последнего времени, – это *признание в людях свойств и целей, выходящих за узкие*

¹ Просто знание и знание о знании существенным образом меняет предположение о том, как будут вести себя экономические агенты: потребители, производители, политики, законодатели. Сегодня мы наблюдаем "экономический спектакль" по той теории сценического искусства, которая существовала ранее и по которой поставил спектакль режиссер. Этот "спектакль" хотя приносит доходы, уже больше не привлекает "зрителей". То есть критикуется как современная практика, так и существующая теория. Но как возникла современная ситуация и кто ее "режиссеры" - это остается пока существенным вопросом, поскольку экономистами элемент когнитивно-информационного влияния на теорию, а последней и на практику пока не учитывается. Правда, анализ приобретает несколько иной смысл, если это хоть как-то имплантировать в теорию. Например, некоторый учет об-

утилитарные пределы, которыми традиционно экономисты ограничивают свои аналитические конструкции, и включение активных рефлексивных моделей сначала в познавательную деятельность, а потом и в управленческие решения. Информационные технологии делают не только *предметом труда*, но и экономической науки, *сознание человека*, проявляющееся в различных общественных формах [59, 83, 141, с.169–294; 333]. Человек, принимающий себя как игрок в массе игроков, и понимающий правила игры, вероятнее всего будет выбирать для себя варианты поведения, в которых *учтет себя и как наблюдаемого среднестатистического индивида, и выполнит определенные функции наблюдателя*, после чего попытается выйти за пределы возможно новой предполагаемой кем-то (может быть и государством, организаторами локального рынка и пр.) очередной "ловушки". Фактом остается огромное влияние технологий на сознание в целом и его составные части, включающие, например, экономическое, политическое и другие уровни и формы сознания. Естественно, это формируемое (целенаправленно или стихийно) политико-экономическое сознание можно и необходимо учитывать, определяя при этом *вероятность выбора потребителем, группой потребителей*, например, фанты или принятия очередного политического решения, в котором всегда *присутствуют чьи-то предпочтения* в проведении определенной экономической политики.

Итак, информация из разряда косвенных признаков, принимаемых во внимание экономическими агентами, становится основным *ресурсом, услугой, продуктом и средой*. Более полувека тому назад А. Харт доказал, что невозможно преодолеть производственный цикл без притока новой информации. Впоследствии *концепция стоимости информации* получила развитие в статистических исследованиях, некоторых инженерных науках, в науке управления [391]. Что касается экономической теории, то включение информации в область анализа дало основание Дж. Хиксу, П. Самуэльсону, Дж. Дебре и другим современным экономистам в последующем [9, 74]¹ несколько иначе посмотреть на теорию общего экономического равновесия. В этой теории единственным фактором, определяющим поведение индивидов является цена, которая выполняет главную информационную функцию. Кроме этого *неоклассическая теория в своем*

стоятельств разнородности олигополистического поведения позволяют выделять стратегии поведения Курно, Бертрана или Штакельберга.

¹ Дж. Акерлоф, Дж. Стиглиц и М. Спенс получают в 2001 году Нобелевскую премию за разработку идей теории рынка несовершенной информации. Это свидетельствует о важности этого теоретического направления и необходимости его дальнейшей разработки. В 2002 г. получают аналогичное признание работы Д. Канемана и В. Смита за прикладное экспериментальное углубление теории информации и психологии поведения.

анализе исходила из аксиомы равного и полного доступа к информации всех субъектов хозяйствования, что далеко от реальности (рис. П.1.1).

Информация – это не только экономическая категория, как утверждает К. Эрроу [546, 548, с. 98–107]. Она своим содержанием выходит далеко за "экономическое поле". Прежде всего, это товар, обладающий стоимостью и потребительной стоимостью. Специфичность, как стоимости, так и потребительной стоимости информации придают в целом специфичность и всему товару, который имеет свойство *неделимости и временного периода* существования¹.

Информационная деятельность и соответственно услуги выходят за пределы того, что называют *информационным рынком*. И рыночный и просто обмен информацией не попадают в прописанную классиками/неоклассиками теорию обмена. Информация как исходный ресурс социализированного общества и как конечный его продукт, сфера жизнедеятельности этого общества является, прежде всего, *общественным благом*. Это своего рода и *институт, который обеспечивает нормальное демократическое существование и функционирование современного общества*. Уже не распределение материального продукта выступает *основным* критерием жизни и нарушения прав человека или же проявлением монополизации локальных рынков. Контроль за качеством продукции должны осуществлять *нерыночные институты*, поскольку, как пишет К. Эрроу, "индивиды на рынке преследуют личную выгоду, что нередко приводит к сокрытию истинного положения дел" [548, с. 107]. В результате цели рынка подавляют информационные свободы и демократические ценности [429].

Информационный обмен не вписывается в закон стоимости, а также спроса и предложения, поскольку *участники транзакций не отражают уровень эквивалентных отношений*. К тому же механизм ценообразования на продукцию информационной деятельности влияет на покупателей и продавцов так, что равновесие между спросом и предложением приобретает несколько условный характер. Дело в том, что в оценке капитальных активов, которые играют первостепенное значение в формировании цен на продукцию, осуществляется переход к оценке активам интеллектуальной собственности.

"Не работает" закон спроса и предложения, известное правило неоклассиков о равенстве предельных издержек и предельного дохода также не отражает

¹ Данное обстоятельство можно проиллюстрировать, например, размером высокой цены на суперпопулярный галстук известной фирмы, которая после прохождения пика моды уже не может стабилизироваться так же, как на зерно после урожайного (неурожайного) года. И никто не будет скупать эти галстуки по дешевой цене в надежде в последующем продать их по цене более высокой. Это является следствием того, что исчезает общественная полезность, которая лишает основу цены на ее повышение.

меновых пропорций и не имеет, кроме всего прочего, устойчивых критериев. Иначе говоря, *информационный обмен всегда сопровождается асимметричностью операций и отношений*. Во-первых, "заказчик" и производитель информации закладывают далеко не одинаковые критерии в оценку производимого информационного продукта. Во-вторых, этот же заказчик, авансируя производство какого-то научно-информационного продукта, рискует и не получить ожидаемый продукт, контуры которого, кстати сказать, достаточно размыты как по потребительским качествам, так и по обоснованию необходимого объема финансирования. В-третьих, информация обладает свойством целостности, когда ее необходимо полностью представить покупателю для оценки, чтобы можно было принять решение об оплате. Однако полученная информация уже может не оплачиваться по причине того, что она уже получена на этапе первоначального знакомства с ней. В-четвертых, продавец информации, получив деньги за информационную услугу, не лишается последней полностью, как это бывает с материальным товаром. Он может и дальше продавать информацию, делая расходы только для тиражирования. В-пятых, информационный продукт очень сложно оценить по потребительским качествам без квалифицированных экспертов, которых широко привлекают для этого, но которые также подвластны разного рода житейским влияниям. Консалтинговый и инжиниринговый бизнес это есть не что иное, как практическое проявление деятельности экспертов на рынке информационных услуг. *В этом бизнесе покупатель и продавец участвуют вместе в создании благ.*

Вышесказанное позволяет заключить и то, что *информационный рынок имеет тенденцию к монополизации*, а, следовательно, к экономической и политической дискриминации. Продолжение этой логики приведет к тому, о чем когда-то высказался Ф. Хайек, который *конкуренцию* определил как *процедуру нового открытия*. Речь идет о том, что накопление информации может вестись как бизнесом, так и правительством *для снижения неопределенности*, которая в последующем помогает преодолеть риск и конкуренцию [44, 408, 571].

Перед выборами на политическом рынке избирателям достаточно сложно, если не сказать что это вообще возможно при современных политтехнологиях, оценить достоверность той или иной информации о кандидате и принять решение своим скромным голосом, подтверждая как бы свое участие в демократической процедуре выборов. Это же относится и к другим рынкам.

В информационной экономике нарушается еще один известный экономический закон – это закон убывающей доходности, сформулированный в восем-

надцатом веке Т. Мальтусом и Д. Рикардо для "традиционных отраслей". Об этом еще заметил в конце 50-х годов К. Кларк в своей "трехсекторной" экономической модели. В информационной экономике велики первоначальные затраты на производство готовой продукции. Заложенная доля рентабельности окупается даже ее первыми экземплярами. Однако в последующем происходит типичное тиражирование продукции, где затратами могут быть лишь то, что необходимо для копирования. Изменяется структура себестоимости, в которой первоначальные затраты на открытие стремятся к нулю. И даже кратно сниженная цена, таким образом, обеспечивает высокую рентабельность производимой продукции или информационной услуги за счет большего объема.

Фирма, создающая наукоемкую продукцию, получает также дополнительные источники доходов за счет внешнего эффекта от *кооперации*, т. е. распространения продукта. Например, широкое распространение программы Windows потребовало дополнительных программных приложений, которые уже распространялись на платной основе. Активное влияние внешнего эффекта от распространения ощущается и в отраслях промышленности, эксплуатирующих средства связи, ибо там вырабатываются нормы, делающие коммуникацию не только необходимой, но и возможной.

Возникает новая норма, регламентирующая не только поведение хозяйствующих субъектов, но и предающая *целостность современной экономической системе* – *средняя норма прибыли высокотехнологических отраслей*. Эта норма прибыли является нормативом и базовым параметром, регулирующим экономическую деятельность и интерес хозяйствующих субъектов. В эпоху промышленного капитала, напомним, таким ограничением была средняя норма прибыли промышленного капитала.

Для новой теории принципиально важным является рассмотрение того, что раньше выступало предметом классической политэкономии – *производственных отношений* современного общества. "Неоэкономика (новая экономика), - пишет В. Г. Белолипецкий, – это экономика, основанная на глобальном финансовом капитале, который посредством пронизывающих весь этот атлас мира гибких сетей, управляемых мозговыми центрами, формирует особые экономические отношения, в которых производственные отношения преобразуются в хозяйственные связи" [58, с. 315]. Связи, таким образом, в современной экономике разрешают противоречия существующих производственных отношений через согласование интересов хозяйствующих субъектов (сторон). Основной же предмет согласований этих субъектов в современном регулировании производ-

ственных отношений – это транзакции и попытка повышения эффективности через снижение транзакционных издержек. "Если капиталистические производственные отношения по-прежнему сохраняются, – пишет М. Кастельс, – то капитал и труд оказываются разнесены в разное пространство и время: пространство потоков и пространство территорий, время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, и почасовое повседневной жизни. Они живут друг за счет друга, но друг с другом не связаны, ибо жизнь глобального капитала все меньше зависит от конкретного труда и все больше и больше от объема накопленного объема труда как такового, которым управляет небольшой мозговой центр, обитающий в виртуальных дворцах глобальных сетей. На более глубинном уровне новой социальной реальности производственных отношений в их прежнем виде не существует. Капитал стремится уйти в свое гиперпространство, где он имеет возможность беспрепятственного обращения, тогда как труд теряет свое коллективное лицо, растворяясь в бесчисленном множестве индивидуальных форм существования. В условиях сетевого общества капитал скоординирован в глобальном масштабе, тогда как труд индивидуализирован. Борьба между многообразными капиталистами и самыми различными рабочими классами перетекает в категорию более глубинного противоречия между голой логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия" [534, с. 502–503]. Из этого следует то, что эти изменения являются существенной реальностью, в которой современный мир находит свое развитие и свое ограничение.

3.2. Диалектика парадигм теоретического знания

Современная практика, являясь *опредмеченным научным знанием, прошлого*, уже почти по всем параметрам не проходит тест на эффективное функционирование в прежних подходах и категориях. Однако парадоксально то, что обсуждаемый выбор эффективного действия людей оказался всего лишь между двумя полюсами – рыночной и нерыночной моделью, впитавших немалую долю мифологического. Теория же систем формулирует принцип возможности достижения одних и тех же целей *различными способами* [53, 65, 310, 327, 469]. К тому же сама логика экономического направления мейнстрима (mainstream) обнаруживает методологическую непоследовательность, противоречивость в развитии. *Пограничные же теории*, ориентирующиеся на расширение предмета из-за своей слабой организованности и неумения заниматься популяризацией наработок, мало известны даже в кругах профессионалов. В этом, как показывает анализ эволюции науки, есть определенная *закономерность*: доминирую-

щие в определенный период теории (теория) кажутся самыми исчерпывающими и логически аргументированными, а новые слабыми и неубедительными.

Мэйнстрим экономической науки состоит как бы из трех самостоятельных школ: скрытых идей классической политэкономии, которая имеет самостоятельную современную интерпретацию, неоклассической и кейнсианско-неокейнсианской направлений. Такое сочетание стало возможным, прежде всего тем, что хозяйственная практика представляет собой хотя и сложное, но все же *целостное образование*. К тому же эволюция этих теорий шла не только через критику, но и через неявное *заимствование* методологических подходов, идей, аналитического инструментария друг у друга. Смещались акценты и в философском обосновании этих направлений экономической науки. В частности речь идет об использовании экономистами неопозитивизма (постпозитивизма и аналитической философии) и переоценки в восприятии либеральной доктрины. В чистом виде, о чем свидетельствуют и современные учебники по экономике, нет практически ни одной из названных выше школ. В научно-практической сфере сегодня с большим трудом можно найти отдельные работы, выполненные в рамках одной школы. Такая ситуация кроме различных других проблем, возникающих в процессе исследовательской процедуры, лишает полученную новую информацию¹, пожалуй, самого главного – *возможности проверки на истину*.

Наука об экономике имеет еще и ту особенность, что она является *продуктом людей*, имеющих многообразные интересы, мировоззренческую позицию. Поэтому признание альтернативных постулатов другой теории часто лишает того или иного ученого своего места в структуре профессиональной деятельности, а, следовательно, заработка и социального престижа. История науки есть, в том числе и *история ошибок*, которые, как правило, *не анализируются*.

Экономическая наука может уходить в свою систему *априори сформулированных идей*², постулатов, символов, отдалилась от сложного целостного реального мира, чем дистанцировала себя от научного знания. Такую ситуацию можно обнаружить в любом виде научного творчества, когда изменяющийся в процессе своего развития объект, более не корреспондируется с его теоретическим отражением. Но наиболее он характерен для экономической науки, превратив-

¹ Новая информация не тождественна новому знанию по той причине, что она может не отвечать реальности, хотя может "выглядеть" более привлекательно разнообразием данных. К тому же новая информация без концептуальной основы никак не обеспечит прирост знания.

² По сути, с первых научных школ до современности в мировоззренческом аспекте экономисты прибегали и прибегают к картине мира, представленной физикой: равновесие, механизм, инерция.

шейся по существу в отрасль математики [12]. *Если кризис физики является не только хрестоматийным, но и проанализированным примером, то научное экономическое творчество такой традиции не имеет. А это указывает на незавершенность исследовательского процесса.*

Мэйнстрим современной экономической теории имеет и *инструментальную* усеченность, которая проявляется в освоении таких блоков или разделов как общие основы экономической теории, микро- и макроэкономика, мировая экономика. Упускаются из вида другие очень важные срезы и уровни социально-экономической реальности: *собственно политэкономия, мезоэкономика, нэкономика, глобальная политэкономия, институциональная экономика, межотраслевая и отраслевая экономика, этноэкономика, бинарная экономика и другие* очень важные научные срезы [92, 118, 133, 136, 170, 191, 315]. Но более чувствительно и для науки и для практики сказывается отсутствие обобщающей или, отметим, *философской составляющей* [63]. Это находит отражение в понятийном аппарате, структура которого носит в отличие от классической политэкономии хаотичный и не детерминированный характер. Естественно и получаемое знание в такой интерпретации представляет собой как механическая совокупность не связанных между собой экономических категорий.

Современная смешанная экономика почти всеми признается как модель взаимосвязи государства и рыночного сектора [288, с. 6–14]. Однако для ее исследования используется аналитический аппарат, разработанный лишь *для рыночного сектора*, т.е. товарно-стоимостные категории в утилитарной логической конструкции. Но еще в 1939 году Дж. Хикс писал: "Я рассматриваю чисто логический анализ капитализма как самостоятельную задачу, в то время как для изучения экономических институтов, по-моему, лучше использовать иные методы... Только когда обе эти задачи будут решены, экономическая наука приблизится к выполнению своего предназначения" [491, с. 102]. На неполноту проводимых исследований, опосредованных проблемой существования различных секторов экономики и различных форм организации, обращал внимание также и О. Уильямсон: "Необходимо на основе системного подхода идентифицировать и соотнести с общеэкономическими закономерностями существенные структурные особенности рыночных, иерархических и квазирыночных форм организации" [468, с. 48]. Есть еще общественный сектор, сфера домохозяйств, геоэкономика, срез политико-экономических отношений и пр., которые далеки от категорий магистрального течения соответствующей науки.

На необходимость выделения особой области для получения *научного* экономического знания обращал внимание Й. Шумпетер, когда отмечал *историю, статистику, собственно "теорию" и экономическую социологию* как четыре составных блока "техники экономического анализа" [523, т. 1, с. 14–15]. В свое время Л. Вальрас также выделял *чистую, прикладную и социальную (общественную)* части экономической науки. При этом он замечает: "Разве трудно найти экономистов, которые совершают ошибку, проповедуя, что общественные услуги должны быть включены в среду свободной конкуренции и для этого должны быть переданы частным предпринимателям?" [625, с. 121]. К сожалению, таких экономистов найти нетрудно. Но очень сегодня трудно найти экономическое исследование, выходящего за узкие пределы технического анализа, имеющие не соответствующие современной хозяйственной практике аксиоматические основания. Финансовый анализ будет беспредметным, если политико-эконом не заложит тем или иным способом в свою работу характеристику институтов, интересов, их взаимоотношений.

Экономическая наука — это та область, в которой остро проявляется столкновение *интересов* различных социальных слоев и классов, а посему она подвержена искушению за деньги или другие блага выполнять заказы на "онаучивание" чьих-то позиций с помощью всего имеющегося в этой науке арсенала аргументов и "тщательно подобранных" статистических данных. Если еще учесть позиции ученых с их мирозерцанием, то вырисовывается картина, объясняющая *возникшую дихотомию современной теории и практики — сложной системы мир-экономики с обостренной ситуацией неопределенности*. Таким образом, обращение к основанию (парадигме) любой науки крайне необходимо во избежание грубых ошибок, которые слишком дорого обходятся для страны в целом и ее отдельных граждан.

Любому, имеющему хоть какое-то отношение к экономической науке, стоит иметь в виду, что *"эффект социокультурного пространства и среды обитания ученого"* будет присутствовать в его работах вольно или невольно. Особенно это касается нормативной части экономической науки и области принятия политико-экономических решений, а также реализации последних в практику. Наука об экономике просто обязана включать в свой аналитический процесс *знания людей о смысле их действий и мотивы поведения осознанно*, в противном случае это проникновение будет стихийным, но искаженным.

За последние два десятка лет наблюдается, с одной стороны, некая тенденция к универсальности экономического знания, которая воплощается в поняти-

ях "экономическая наука", "экономическая теория" со всеми вытекающими отсюда атрибутами и последствиями, о которых мы еще скажем далее. С другой стороны, проводится (осознанно или нет) настойчивое *внедрение в предметную область* науки не просто экономического, теоретико-экономического, а именно политико-экономического, социокультурного, институционально-правового подходов в исследовательских программах в целом и по многим отдельным актуальным проблемам современности [33]. Это связано, прежде всего, с тем, что так называемое "экономическое поле" как объект исследования достаточно размыто и уже не определено в тех *традициях*, которые в свое время были очерчены и зафиксированы классической политической экономией и ее отдельными направлениями.

Науке как информационно-аналитической сфере деятельности присуще то, что не свойственно реальной социально-экономической системе. Последняя может функционировать как саморазвивающаяся система на самодостаточных условиях, достигая состояния гомеостаза независимо от того дает она новое знание или воспроизводит мифы. Но для науки как своего рода идеальной конструкции необходима *полнота информации и всеобщность выполняемых функций* [400]. Если она, скажем, не "добирает" хоть какой-то части информации или соответствующих атрибутов, то она не может считаться наукой в полном смысле этого слова, а знания и выводы — научными. *Принцип неделимости информации*, таким образом, является характерной ее чертой и определяет своего рода один из критериев отделения научного знания от ненаучного. Экономическая наука в широком понимании должна для завершения своего цикла в полной мере выполнить *все* присущие ей *функции*. С учетом роста образованности людей, влияния информационной среды, в структуре знания которых занимает далеко не последнее место и знание об экономике, *аксиологическая и регулятивная функции* науки приобретает кроме известных методолого-эвристических начал весьма важное значение. Фундаментальное и целостное исследование выполняла в свое время "политическая экономия", означающая в переводе с греческого науку о *законах развития общественного хозяйства*. На этот исходный вариант определения мы бы хотели обратить внимание особо, поскольку в последнее время "экономика как наука" стала получать несколько иное толкование. Д. Рикардо, например, писал: "Определить законы, которые управляют ...распределением — главная задача политической экономии" [25, с. 470]. П. Самуэльсон в известной книге "Экономика" обращается к нескольким определениям предмета экономической науки (теории), предлагая, в свою оче-

редь, свое: "Экономическая теория есть наука об использовании людьми редких производительных ресурсов... для производства различных товаров... и распределения их между членами общества в целях потребления" [411, с. 25]. Известный русский экономист А. Чупров в свое время так определил предмет экономической науки: "Политическая экономия есть общественная наука, изучающая хозяйственную деятельность народов, или, еще короче – политическая экономия есть наука о народном хозяйстве" [508, с. 16]. "Экономика как общественная наука, – пишется в другом популярном учебном пособии, – изучает поведение индивидов и институтов, занимающихся производством, обменом и потреблением товаров и услуг" [285, т. 1, с. 21]. Этим обращается внимание на то, что общее понятие "экономическая наука" в широком смысле слова может иметь все-таки свой определенный предмет, если будет опираться на парадигмальный контекст. Последний *изменялся* как в процессе эволюции самой хозяйственной практики, так и генерировался логикой экономического анализа [36]. Возникали и возникают в процессе эволюции локальные "теории", отражающие некоторые стороны экономики, но которые теряли историко-логическую связь со своим фундаментальным теоретическим основанием. Примеров же "оторванности" сегодня наблюдается достаточно много. Но наиболее характерным является *отрыв теории денег, финансов, инвестиций от теории воспроизводства, политики*. Денежно-финансовые и инвестиционные теории ушли в область виртуализации социально-экономических отношений. Экономическая же теория, сформированная в традициях неоклассиков, избегает этих и ряда других важных проблем. Новая же наука, например, в нашей интерпретации "теоретическая экономика" подобна теоретической физике или механике ориентируется обеспечить абстрактно-логическое, целостное и развивающееся освоение современных проблем и условий хозяйствования с учетом саморефлексии самой науки. *Теоретическая экономика*, следовательно, – это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы, выработка наиболее эффективных конкретных хозяйственных порядков (моделей), а также определение принципов их функционирования, поиск форм управления отношениями между людьми, реализующих в своей деятельности присущие цели и интересы. Она отражает использование *плюралистической парадигмы*, впитывающей пространственные, временные и информационные и социально-психологические изменения. Это соответствует "разлому мира", о котором говорил Л. Туроу [465].

Экономическая наука в современном исполнении достаточно консервативна и "не ухватывает" всей совокупности технологических изменений и новых социально-экономических явлений. Сравнительно недавно "реанимировала" себя *теория институтов* по причине их значимости в современном мире. К тому же экономическая теория обращается только к стоимостным категориям. Однако, как известно, современная экономическая система представляет собой целый набор и не стоимостных отношений, хозяйственных процессов, которые достаточно сильно влияют на общую политико-экономическую ситуацию в стране, мире. К ним относятся не только отношения домохозяйств (Г. Беккер), но и внутриорганизационная деятельность (отношения принципал-агент), деятельность по институциональному развитию (Д. Норт, Р. Нельсон, С. Уинтер), международные институты и пр. В названных выше сферах речь можно вести лишь *о производных, превращенных стоимостных отношениях*.

Таким образом, логико-исторический анализ современной науки экономики обнаруживает противоречивость развития этого феномена человеческой деятельности. Это противоречие, в целом отражая *нелинейность* и сложность реального процесса функционирования хозяйства, *все же высвечивает тенденцию к единой исследовательской программе*, которая определяет условия и параметры того, что называют рациональностью поведения.

Итак, фиксируя в себе определенный набор общепризнанных аксиом и состоявшихся положений, парадигма экономической науки дает ей методологическое начало, придает определенную *целостность, предметность и исследовательскую направленность* [195, 424]. Структурными элементами этой составной части экономической науки выступают существующие в обществе *идеалы и нормы, восприятие уровня развитости и использования экономических ресурсов, представление о политико-экономическом механизме функционирования сложившегося порядка системы, самоидентификация человека с его структурированными предпочтениями и мотивами*.

Развитие экономической науки есть, прежде всего, *смена парадигмы*, а в последующем и *эволюция категориального аппарата, соответствующего своей аксиоматической основе*[449]. Выяснение генезиса этой основы не только углубляет понимание роли и значимости каждой из школ экономической науки, но и позволяет через анализ идеальных форм, конструктивных элементов осуществлять *некоторый прогноз в тенденциях реальных экономических процессов с определенным опережением*.

Обращаясь к *политэкономии* как своего рода "прародительнице" теоретической экономики, нельзя не отметить того, что, во-первых, политэкономическое знание позволяет определить стратегию и динамику технико-экономического и социокультурного развития. Во-вторых, инструментарий и методология политэкономии помогают выявить потенциал, движущие силы складывающегося строя или политико-экономической системы и ограничения одних экономических форм по сравнению с другими. В-третьих, политико-экономическое знание фиксирует "несущую конструкцию" или остов общества и экономики как сложную органическую составляющую из технологического способа производства, общественного уклада, морально-этической нормы, правового и политического компонента. В-четвертых, анализируя законы тенденции, проявляющиеся в прошлом и настоящем, прогнозируются возможные противоречия с выявлением адекватных форм их разрешения, последовательные институциональные изменения будущего. Поскольку политэкономия — наука общественная, то она всегда и, несомненно, касается области общественных отношений и классовых интересов, о чем свидетельствует вся история науки. Даже попытки в конце XIX - начале XX в. придать ей большую точность с помощью математического аппарата *не исключают проникновения идеологии через допустимые аксиоматические положения и предварительные постулаты*, без чего невозможно построение ни одной серьезной теории.

"Трактат политической экономии" А. Монкретьена¹ в силу своей хрестоматийной известности может выступить своего рода введением (предтечей) в политэкономия денежного хозяйства. Известные же книги Аристотеля, Платона и других древних мыслителей в свою очередь можно отнести к *всеобщей теории хозяйства* [28, 147], описывающей принципы не только институционально-экономического устройства, но и общественного поведения отдельных лиц, начиная от рядового гражданина, ребенка и заканчивая крупным политическим деятелем.

Теория меркантилистов фокусировала свое внимание на *отношениях обмена*, где товар и деньги выступили центральным объектом изучения как основные формы общественного богатства. Несколько скрыто, но все же в работах меркантилистов изучались *источники этих форм богатства*. Философия экономики периода меркантилизма, или первоначального накопления капитала, опиралась на *теологию* с институциональной фиксацией *социальной структу-*

¹ Довольно снисходительную оценку заслуг А. Монкретьена дает Й. Шумпетер, говоря о его незаслуженной славе [523, т. 1. С. 25].

ры общества, предложениями по видам и размерам *льгот* для купцов, регламентацией их деятельности и *общественного статуса*. Торговля как *устойчивая форма* деятельности хотя и не признавалась благородным занятием, однако все же не исключалась из экономической системы.

Переход к *классической парадигме политэкономии* был обусловлен онтологическими и гносеологическими изменениями. Очередной ступенью здесь выступило учение физиократов, где уже объектом изучения стал процесс производственной деятельности в сельском хозяйстве. Земля, как основной, но специфический фактор сельскохозяйственного производства, накладывает отпечаток на экономическую деятельность в аграрной отрасли, а, следовательно, и на особенности развития отражающей ее теории. Неразвитость средств коммуникации, ограниченные размеры земельных участков, с одной стороны, *ограничивали конкуренцию*, позволяли извлекать доход в форме различных видов ренты, тормозящих повышение экономической эффективности, а с другой — зрелость товарно-денежных отношений подталкивала к расширению производственной сферы и освоению *нового* экономического поля. Таким экономическим полем стала в зародышевых формах промышленность с соответствующими для нее новыми орудиями труда и производства, новыми технологиями, формами организации производственного процесса. Безусловно, изменяются и *производственные отношения*, позволяющие интенсифицировать использование имеющихся ресурсов.

Переход к *классической парадигме политэкономии* был поистине *революционным*, как и сам процесс превращения феодального способа производства в капиталистический. Эта революционность вытекала не только из техники и технологий, но и накопленной массы новых явлений и противоречий во всей гуманитарно-социальной и институциональной сфере. По наблюдениям М. Вебера, даже такой далекий от экономики институт, как религия, во многом *предопределяет поведение и экономическую активность* граждан, результативность их хозяйственной деятельности [79]. Однако до сих пор механизм этого влияния никем не прослежен. К сожалению, мало кто из экономистов-теоретиков пытается заглянуть в трансцендентальную экономическую сферу. Можно лишь отметить работы Хиршляфтера, Беккера, Уильямсона, Бьюкенена, Таллока, Стиглица, Несбита [68, 362, 593] и других, где на инструментально-теоретическом уровне частично разрешается проблема междисциплинарности и постэкономизма [319].

В классической политической экономии необходимо также отличать ее, аксиоматические условия или так называемое *парадигмальное основание*, философско-культурологический аспект и содержание самой теории. В парадигмальном основании классики, прежде всего, формулируются *новые правила этического и нравственно-культурного поведения*, вытекающие из внутреннего органически целостного состояния общества, природы, техники. При этом подчеркивается уже равенство *всех перед законом* (не перед богом) с признанием источника общественного богатства, каким является труд, с четкой спецификацией прав собственности и ее правовым обеспечением. *Трудовая теория стоимости становится основой мировоззрения или философией хозяйства*, позволяющая объяснить и понять принципы ценообразования, распределения доходов, построения норм взаимоотношений между институтами власти и самой сферой экономики и др. Имущественное же неравенство, если и возводится в ранг добродетели, то под углом зрения *трудовой, производственной и предпринимательской активности*, результатом которой выступает приращение общественного богатства. Сословная *праздность не является нормой поведения* добропорядочных и законопослушных граждан. Подчеркнем, что *стоимость* как ее центральная категория через *превращенные и перенесенные формы* пронизывает почти все уровни не только экономики, но и все сферы общественной жизни. Благодаря стоимости выкристаллизовалась *всеобщая норма поведения*, отклонение от которой в реальной практике и обеспечивало в конечном итоге развитие и прогресс. Если же сюда добавить *институционально-правовое закрепление собственности в ее стоимостных формах*, то можно лучше понять и *причины* динамичной эволюции экономики эпохи промышленного капитала, организовавшего рациональные способы использования техники и труда.

Для классической политэкономии присущ *первый уровень рациональности*, предполагающий выяснение *причинно-следственных связей и объективных законов*. Она позволила признать во многом унифицированный характер этих связей и законов в силу своей объективности. Однако наряду с массовым распространением идей классической политэкономии далеко за пределы государства, где проживали ее авторы, все же можно отметить, например, для западноевропейской политэкономии ее *этико-культурное происхождение*. В России она была воспринята и, естественно, получили развитие под углом зрения *патриархально-самодержавной государственности*. Американский же вариант экономического классицизма замешан на *институте права* как итог проявле-

ния жесткой нерегламентированной свободы, где инстинкты индивида преобладали над закономерностями поведения групп, социальных слоев, классов.

Если отвлечься от некоторых региональных особенностей классической политэкономии, которые, кстати сказать, мало попадают в поле зрения теоретиков, то главной ее заслугой на тот период являлось, во-первых, выяснение *стратегии социально-экономического развития с обоснованием расстановки сил и социально-классовых интересов*. Причем эта стратегия выступила как бы обобщающим итогом, компромиссом для всего населения, созревшим материально и морально для принятия такого курса развития. Во-вторых, найдена перспективная и системообразующая для того периода времени *форма общественного богатства — производительный капитал*, который выступил уникальным объектом для проявления организующего начала. Без производительного капитала рассуждения о возможности "рационального использования ограниченных ресурсов" просто не имеют смысла, даже если при этом подразумевать "чистый" или какой-либо другой, "регламентированный" рынок. Ведь всегда присутствует в фирме какая-то организация, тип власти, конкретные традиции, нормативные установки для кадров и т. п. Все это минимизирует транзакционные издержки [399]. В-третьих, *методология* в классической политэкономии обрела самостоятельное значение как фактор, влияющий на алгоритм исполнения исследования, качество и конечный его итог. *Эзотерический и экзотерический* методы здесь реализуются в органическом единстве. И только два этих метода в совокупности позволяют правильно понять рынок как одну из версий организации экономики, представив его как сложный *общественный* институт, а не только как "место встречи покупателя и продавца"¹.

Классицизм в политэкономии, впитавший два эти метода в анализе политико-экономических проблем, дает начало трудовой теории развития Маркса, с одной стороны, и неоклассическому направлению, с другой, где в научном плане по-разному достигаются различные цели. Теорией Маркса было устранено "белое пятно" в науке, а именно, когда экономика и общество были изложены органично целостно с позиций одного из главных факторов производства — труда, а правильнее — человека, как главного хозяйственного агента. Причем то, чисто экономическое, что требовало отдельного анализа, было имплантировано

¹ Это слишком упрощенное понимание "экономики рыночного типа" архитекторами протекающих в Беларуси более десяти лет реформ позволило и реально создать до примитивного упрощенное и крайне нерациональное экономическое образование, которое трудно поддается описанию и которым недовольны и сами власти, и законодатели, и "новый" класс предпринимателей, и, конечно же, лица наемного труда.

в структуру социальной ткани живого организма общества, имеющего не только, что называется, функцию, но и душу с ее различными нравственно-психологическими аспектами. *Метод диалектики*, примененный к обществу в целом, позволяет видеть весь процесс внутреннего развития с теми пределами, на которые наталкивается та или иная экономическая рыночная форма. Получили логическое объяснение явления кризиса и цикла в контексте динамики воспроизводства, чего не было сделано на тот период. Социальные проблемы, к которым обратился автор трудовой теории стоимости, генетически связывались с проблемами экономическими. Пожалуй, это главное, что можно извлечь из трудовой теории стоимости Маркса и что на сегодняшний день имеет необычайную актуальность. Но если характеризовать парадигмальное основание экономики и общества, на котором зиждется теория Маркса, то вряд ли оно действительно выходит за пределы классической политико-экономической парадигмы, опирающейся на декартовское основание объективной линейности непрерывного детерминированного развития [6, 21, 354, 438]. Речь действительно можно вести лишь о *закладке* новой парадигмы экономической науки с *действенной природы человека*, дискуссии о чем ведутся уже не одно десятилетие. В таком контексте можно понимать естественную для любой теории ограниченность теории Маркса, а также ее огромный эвристический характер для современности.

Неоклассическое направление в экономической науке, как известно, складывается из классического основания и поистине революционных для того периода идей (маржинальная революция), выдвинутых в свое время австрийской школой и развитых в последующем более поздними последователями. По сути, *возникла новая парадигма* экономической теории, поскольку философия экономики вышла на *второй уровень рациональности*, в которой признаются *субъективно-психологические оценки* самого субъекта хозяйствования. Но рациональность эта сужена до известных *утилитарных пределов*, за сферы анализа осознанно или нет, но были вынесены многие институциональные факторы и социально-политические проблемы, возникающие вопросы стратегии развития. В результате в целом была достигнута та стерильная "чистота экономической теории" с ее явно позитивистской доминантой и расширенными возможностями использования математического аппарата, к чему так стремились экономисты-теоретики. Получили в конечном итоге науку, которая укладывается в понятие "экономикс" с его традиционными категориями, методологией, инструментальным анализом, пользователями. Но, как пишет Ф. Перру, неоклассиче-

ский мир — это "мир без стратегии, контракта без дискуссии, равновесия без взвешенного арбитража, а также мир неподвижных и равных субъектов, полной противоположностью к историческим обществам, населенным духом конкуренции и снабженным институтами, называемыми свободными" [116, с. 443].

Весьма узко стали трактоваться и факторы производства, к которым, как правило, относят землю, труд, капитал, добавляя к этой группе иногда фактор организации или предпринимательской способности [285, с. 392]. Причем даже в учебнике XXI в. [328, с. 392] определение факторов производства просто сводится к ресурсам, а понятие "капитал" в равной мере распространяется как на оборудование, здания и сооружения, так и на человека, обладающего "высоким уровнем образования". Далеко не все согласны с тем содержанием факторов производства, которое сегодня получило широкое признание, но все же нуждается в основательной доработке. Например, тот же Е. Бем-Баверк пишет: "Все, что мы получаем в производстве, есть результат действия двух — и только двух — элементарных производственных сил: природы и труда" [116, с. 441].

Как Маркс подчеркивал необходимость логического построения единой теории капитала из категории *стоимость товара*, так и антимаркс Бем-Баверк обращает внимание на такую же эволюционную идею развития теории, но уже из категории *ценность*: "Нам нужна именно такая теория, которая бы все явления ценности выводила бы из одного и того же начала, и притом давала бы исчерпывающее объяснение" [4, с. 321]. За такими утверждениями скрыта обеспокоенность за расчлененность знания, которое заложило основу для искажения общей сложной картины социально- и политико-экономического мира. "Наука, — отмечал М. Планк, — представляет собой внутреннее единое целое. Ее разделение на отдельные области обусловлено не только природой вещей, сколько ограниченностью способностей человеческого познания. В действительности существует непрерывная цепь от физики и химии через биологию и антропологию к социальным наукам, цепь, которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу" [502, с. 246]. Переходные этапы, которые, кстати сказать, преобладают в эволюции экономики и общества, оказываются наиболее уязвимыми с точки зрения адекватности восприятия происходящих в них процессов и формирования правильной экономической политики. И нынешняя системная реформа, охватившая не только все стороны социально-экономической жизни известных транзитивных государств, но и практически все государства мира, является тому ярким подтверждением, поскольку "все

оказалось не так просто" [402, с. 37] и "теорема о невидимой руке должна быть модифицирована" [459, с. 42].

Теория Дж. М. Кейнса, давшая новое направление в развитии теории, возникла не в лучшие времена, переживаемые экономикой Запада. В своем целом виде она в научной среде экономистов также была воспринята, мягко говоря, довольно прохладно [273], поскольку "нарушала" привычные традиции подходов исследования, вводила новые инструменты анализа, требовала иных оценок к выводам и получаемым рекомендациям экономической науки. Эта теория скорее была востребована политиками и практиками, которые были зажаты жесткими условиями сложившегося масштабного кризиса, в связи с чем были вынуждены обратить внимание на необычные постановки вопросов и их решения. "В настоящее время люди особенно ждут более глубокого диагноза, — пишет Дж. Кейнс, характеризуя свое время, — особенно готовы принять его и испробовать на деле все, что будет казаться имеющим хоть какие-то шансы на успех" [158, с. 518]. Кейнсианское направление экономической науки, невзирая на то, что оно непосредственно выросло из теоретических условий неоклассиков, опиралось уже *на подготовленную другими науками* (историей, психологией, социологией, политологией) и самой экономической наукой несколько иную парадигму мышления [34, 375].

Остановимся лишь на его некоторых мало замеченных аспектах *парадигмального основания*. Во-первых, Кейнс раздвигает горизонты своего исследования за привычные рамки сферы экономики и *незаметно вторгается в область социокультурных и нравственно-этических проблем*. В частности, стремление людей к сбережениям уже не объявляется викторианской добродетелью. Восстанавливается статус производства как фазы, обеспечивающей действительный рост экономики. "Когда расширение производственного капитала в стране, — пишет Кейнс, — становится побочным продуктом деятельности игорного дела, трудно ожидать хороших результатов" [158, с. 224]. Несколько иную интерпретацию получают нищета и богатство, равно как и занятость, безработица, равновесие. Причем хотелось бы отметить, что это был не результат эмпирических наблюдений, а всего лишь методологический подход. Во-вторых, в кейнсианском направлении проявляется *третий уровень рациональности*, что связывает его с классицизмом и одновременно отличает от последнего. Это означает, что субъект хозяйствования на различных уровнях (фирменном, национальном) проявляет свое активное начало в реальных хозяйственных процессах, а результаты его усилий пытаются спрогнозировать на национальном

уровне. Позитивная экономическая теория дополняется *нормативной частью и теорией макроэкономического прогнозирования, моделирования*. Экономическая наука через реализацию своих функций начинает активно формировать *рамки поведения агентов* экономики, что требует ее учета как весьма значимого фактора социально-экономического развития не только экономики, но и всего общества. В-третьих, Кейнс и особенно его последователи значительно расширили область анализа в пространстве и во времени и, таким образом, обогатили инструментарий исследования. В область макроэкономической теории попадают не только некоторые социальные проблемы, но такой важный экономический институт, как деньги с его *объективными и субъективными свойствами, международные формы, социальная психология*. В подходах *смещаются приоритеты национального и частного экономических интересов*, их взаимоотношений, что находит отражение в соответствующих категориях дохода и других агрегатных понятиях.

Если учесть *многие* эпистемологические дискуссии, то *парадигма современной науки* об экономике будет иметь *несколько уровней* или "фильтров". Методологические позиции философии неопозитивизма, выраженные в известной статье М. Фридмена [575] нуждаются в пересмотре. В экономическую философию уже проникли идеи о зависимости результатов и качества научного исследования от гносеологических предпосылок, прошлого опыта исследователя, используемых языковых форм и умения быть убедительным (см. рис 3.1).

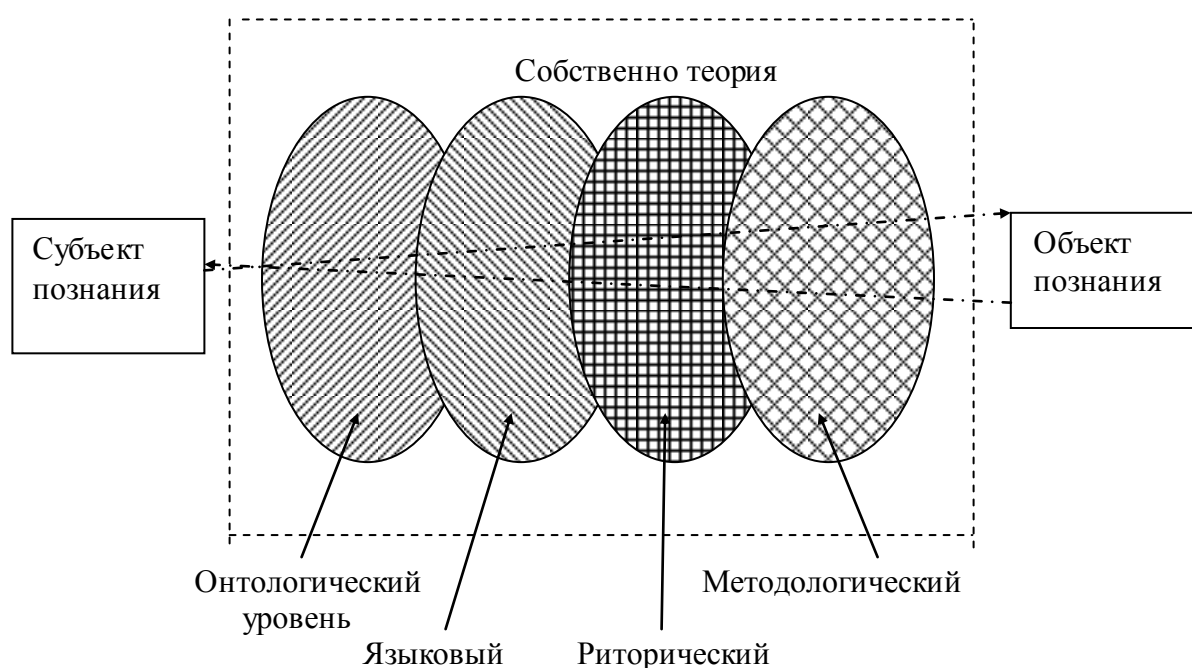

Рис 3.1. Структура познавательного процесса экономических явлений

Таким образом, результаты экономической науки зависят от многих компонентов, включающих, в том числе и представленные выше своего рода "фильтры", пропускающих информацию в познавательном субъектно-объектном отношении. Онтологический уровень характеризует внутреннее когнитивное знание индивида, опосредуемое всем опытом. Противоречие поколений (профессиональных в том числе) может выступать своеобразным примером, когда при одинаковой информации понятия "деньги", "хлеб", "отечество", "власть" могут нести в себе разный содержательный смысл. Языковой срез структурирует восприятие, а разные языки делают это по-разному.

Профессиональный язык (категориально-понятийный) *"накладывается"* на общекультурный, оформляясь по определенным канонам в текст или речь, придавая мысли полноту, законченность, соответствие с реальностью и пр. Риторика – это, прежде всего умение владеть мастерством слова или, иначе говоря, искусство формы. Можно заметить литературно-стилевую контрастность "Теории нравственных чувств" и "Богатства народов" А. Смита [420, 421]. Диалогизм первого противостоит монологизму второго произведения. Содержание этих работ также отличается по философско-социологическому контексту. Выделение в схеме методологической позиции дает важный критерий отличия эмпирического, чувственного знания от научного, в котором используется специально разработанная методология. Известный спор о методе между К. Менгером и Г. Шмоллером, полемика между Л. Мизесом и неоклассиками, К. Поппером и марксистами, а также современные дискуссии показывают *важность этого гносеологического конструкта* [104, 148, 438, 523, 525]. Однако в последнее время спор о методе приобрел особую актуальность по причине того, что постмодернистский теоретический релятивизм и плюрализм, давший определенную пользу для экономической науки, породил *эффект "научной" не научности* и *"продаваемость"*, *"карьерную эффективность"* научного "товара" [525, с. 75] со многими вытекающими отсюда последствиями. Современный этап развития экономической науки вышел на *четвертый уровень рациональности*, требующего уже переосмысления самой теории, реализованной непосредственно в текущей хозяйственной и политико-экономической системе. Речь идет о том, насколько нынешний мирохозяйственный порядок отвечает цели – *сохранению и развитию человека*, который в стандартной теории предполагал его всего лишь как фактор.

3.3. Структура и предметно-методологические рамки современной науки экономики

Итак, концу 80-х гг. сформировалась система мир-экономики [58, 72, 122, 535], где *не фирмы* из теории неоклассики, а *ТНК* стали ведущими структурными элементами мирового порядка, зыбко объединенного финансовым капиталом и регулируемого международной элитой. В хозяйственной деятельности теряются национально-пространственные границы. Сектор "новой экономики" пронизывает сложившуюся систему, сохраняя свои особенности развития. *Социальные и производственные отношений разного уровня и форм уже к середине XX в. начала выступать главным источником роста национального дохода, богатства, развития* [285, с. 385–386], что не учитывается теорией, но используется управленцами на практике [312, с. 68–70]. Различные социальные сферы, составляющие "живую ткань" работающей эффективно экономики, позволяют выделить и *теорию социальной экономики* [117, 172, 340, 416]. Сегодня речь следует вести уже не о национальной политической экономии с известными задачами и предметом, а о *международной политической экономии* или *геоэкономике*. Принципиальное отличие международной политэкономии заключается не только в расширении предмета, но и в общем исследовательском подходе, смещении приоритетов интернациональных и национальных компонентов экономики. Остро встает вопрос, как в свое время в классической политэкономии, о *методологии, частных методах*, используемых в выработке стратегии и направлении развития, определению модели форм экономических порядков и синхронности развития мир-системы стран.

Современная теория экономики от "экономики" (неоклассической) в ее традиционном понимании охватывает ту область науки, которая характеризуется емким и интегральным понятием *"макроэкономическое планирование, прогнозирование, моделирование"*, включающем в буквальном смысле все имеющиеся инструменты исследования, вплоть до практической реализации намеченных целей на национальном или региональном уровне. Ведь "...если научное мышление, — писал В. Ойкен, — уклоняется от решения задачи политики порядков, то оказывается, что другой силы, способной решить эту задачу, нет. Это означает передачу нас в руки анархических политических и экономических властных группировок, их функционеров и идеологий" [356, с. 435]. Эту часть экономической политики иногда называют *"новой политэкономией"* или *"теорией общественного выбора"* [68, с. 451; 546, с. 586].

В связи с повышением общего уровня интеллектуального развития населения в целом, профессионализма руководителей и технократов, а также в связи с расширением доступа к информации усилились *координирующе-регулятивная функция науки*. Такой ресурс, как информация, от которой зависит правильность принятия решения, сегодня выступает одновременно [547, 548] самым дорогим и, пожалуй, самым *мощным конкурентным фактором*, влияющим на конечный эффект производственно-хозяйственной деятельности [446]. *Интеллектуальная рента* в нормальных условиях защиты авторских прав становится специфической, но оригинальной формой дохода среди традиционных и привычных его форм [117], которую нельзя объяснить с позиций неоклассики. Не "срабатывает" и известный инструментарий в доказательстве эффективности конкуренции над монополиями и другими рыночными структурами. В этой части следовало бы обратить внимание на иницированную А. Хабергером в середине 80-х гг. проверку нежелательных последствий от монополий для американской экономики. В результате проверок и перепроверок оказалось, что потери и вред от монополизации колеблются в пределах 0.5-2 % от ВВП [519, с. 656]. Ф. Перру также выступал за то, чтобы последовательно, шаг за шагом, создать "экономику человека и людей, так сказать, обобщенную экономику, отдельными случаями которой были бы капитализм и социализм" [116, с. 441]. Около 50 % роста ВВП или так называемый остаток Солоу сегодня необъясним с точки зрения существующих в науке подходов [409, с. 605-607].

Различные возможные модели и уровни хозяйствования излагаются в оригинальной книге Ю. М. Осипова "Теория хозяйства" [14]. Представляется, по методологическому подходу, кругу излагаемых проблем, своим целям и задачам вышеназванная книга близка к понятию "современной политической экономики", хотя и отличается от последней, прежде всего, своей попыткой сохранив идеолого-политическую нейтральность, выйти в исследовании за пределы чисто экономики, обратившись к категории "хозяйство".

Таким образом, структуру современной теории экономики, отражающей сложную, но единую систему практики хозяйствования, можно отразить на рис. П.3.1, фиксирующий *предмет науки*. Здесь показано, во-первых, то, что всегда как бы "оставалось за кадром" при обращении только к определению предмета одного течения или одной экономической школы в науке. В контексте данных рассуждений можно также отметить не присутствующие зримо в теории, но активно влияющие на весь ход и результаты исследований, личностные установки, мировоззренческую позицию самого субъекта, безусловно, стремящегося

быть предельно объективным, однако проявляющего субъективизм. Во-вторых, экономисты, увлекаясь *собственно экономическими* исследованиями, часто забывают и не учитывают парадигмального основания, царящего в той или иной школе и играющего чрезвычайно активную роль в процессе исследования и в выводах. Ошибки или возможные "неточности" научных исследований при сопоставлении друг с другом в таком случае не выявляются. Если рассмотреть *предметно-парадигмальную взаимосвязь*, то окажется, что у каждой школы есть свои преимущества, равно как и свои "слабости". В-третьих, "умножая вынесенный за скобки *общий знаменатель*", который отличает одну парадигму от другой, исследуемые проблемы можно значительно *обогатить и усилить инструментарием, методами* современной политической экономии. В-четвертых, надо понимать соотношение предметной части науки и ее формальных форм. "Хотя математика и представляет собой ценное средство, — пишет, например, М. Алле, — она является всего лишь средством. Современная экономическая литература в течение почти сорока пяти лет часто развивалась в совершенно ошибочном направлении: в сторону создания искусственных и полностью оторванных от реальности математических моделей. В ней все более и более господствует математический формализм, который по самой своей сути представляет огромный шаг назад" [12, с. 18; 13].

Для иллюстрации *историко-логической преемственности* школ экономической теории приведем схему, характеризующую закономерности ее эволюции (рис. П.3.2). Общий смысл этой схемы заключается еще и в том, что здесь прослеживается *генетическая взаимосвязь* между основными направлениями и школами экономической мысли. *Принцип органической целостности* мира в целом и экономического в частности позволяет заключить, что существующие различия, обусловленные специализацией и подходами различных школ, не более чем вынужденная теоретическая условность.

Рассмотрение эволюции экономической теории не по отдельным направлениям, что, как правило, и делается, а синкретично, т. е. с позиции нерасчлененного теоретического экономического знания, дает возможность зафиксировать некоторую процедуру или алгоритм процесса исследования. Дело в том, что, критикуя своих оппонентов, любой автор, с одной стороны, как бы отталкивается в своих рассуждениях и умозаключениях, воспринимая новую информацию как пищу для новых теоретических идей. С другой стороны, благодаря критике "чужих взглядов" сам исследователь оттачивает свои аргументы, приводя в более логичный порядок модели, обращаясь к более основательному

теоретическому инструментарию. Иногда в критике какая-либо школа или же отдельный ученый заходят так далеко, что незаметно для самих себя переходят на позиции абсолютно противоположные, т. е. на позиции своих соперников. Особенно эта парадоксальная ситуация заметна при анализе дискуссий неоклассиков и неокейнсианцев, незаметно переросших в известный "неоклассический синтез". "Современный экономический анализ, — пишет П. Самуэльсон, — имеет в своем арсенале «неоклассический синтез», который объединяет основные положения новейших теорий детерминации совокупного дохода, старые классические теории относительных цен и микроэкономику. ...Методы экономического анализа, усовершенствованные и проверенные опытом последних ста лет, как оказалось, выходят за собственные экономические рамки... Ученые применяют их в самых разных областях урегулирования конфликтных ситуаций, в управлении, в военном ведомстве Пентагона для повышения эффективности работы на исполнительном уровне при принятии решений. И подобно оружию, при помощи которого мы охраняем свой дом или которое находится в руках бандитов, терроризирующих беззащитных, эффективность этих методов для повышения благосостояния будет зависеть от того, как и кем они применяются" [19, с. 414].

Что же касается самой критикуемой фигуры в экономической науке (политической экономии) — К. Маркса, то даже наиболее яростные критики вынуждены признать его несомненные теоретические заслуги, в той или иной степени *давшие "пищу" для своего творчества* [52, с. 264–273; 398, 607]. Кроме фундаментальной классической науки политической экономии или, в современном звучании, теоретической экономики, которые при всей общности все же не совпадают по предмету и объекту своего изучения, методологии и пользователю, существуют и другие экономические дисциплины, составляющие в совокупности содержание понятия "экономическая наука". Взаимодействие и взаимосвязь этих наук изображаются на рис. П.3.3.

Обращение к этой схеме актуализирует на несколько ином уровне проблему взаимодействия и взаимосвязи фундаментальной и прикладных экономических дисциплин. Дело в том, что любая наука, оформившись в качестве самостоятельной, имеет свойство в рамках своих идеальных форм и категорий изменяться, предполагая, что это есть действительное развитие науки. Иногда это и происходит, но чаще всего, таким образом, наука уходит от своего истинного предназначения познавать действительность. В условиях того, что получило название системной трансформации или радикальной реформы, цельность эконо-

номического знания, отражающего разные уровни и аспекты динамично изменяющихся явлений, также была разрушена. Так называемые прикладные экономические науки "потеряли" свое фундаментальное начало, без которой теряется правильный ориентир поиска любых взаимосвязей и соответствующих норм. Это неизвестное "общее" — цель и стратегия развития, формы достижения намеченного, общественно-политическое устройство и др. — сегодня, например, в наших странах не позволяет ответить на бесчисленное множество важных частных вопросов.

Итак, в экономической теории можно выделить "традиционное" направление ("мэйнстрим"), которое своими подходами, алгоритмом научных исследований и технологий сегодня как бы определяет общий статус предмета науки экономики. Но анализ экономической науки в широком смысле слова позволяет выделить и ту ее часть или сферу, которая, скажем так, не вписывается в уже заданные традиции экономической теории по многим своим аспектам. Названия здесь предлагают самые различные: *социальная экономика* (А. Гор), *мир-экономика* (Ф. Бродель), *социоэкономика* (Н. Сычев), *теория хозяйства* (Ю. Осипов), *социобиология* (П. Козловски), *неоэкономика* А. Демин, *теоретическая экономика* (П. Лемещенко), *геоэкономика* (К. Жан, П. Савона, В. Петровский, Э. Кочетов), *радикальная политэкономия* (М. Димок), *новая политэкономия* (Дж. Бьюкенен), *метаэкономика* (Л. Туроу). К этому ряду можно причислить и довольно устоявшуюся за последнее время теорию *переходной экономики*, обусловленную известными трансформационными процессами, охватившими не только страны постсоциалистические, но и буквально все государства мира¹. Авторами делается попытка исследовать сложный мир экономики *через призму глобальных, социокультурных и политических проблем, доминирующих над национальными экономическими проблемами*. Эвристическая *задача кумулятивного развития* (не роста дохода и динамики), а также прогнозно-нормативные цели выступают в качестве стратегической задачи в данном направлении теории хозяйства или теоретической экономики. Начиная где-то с 80-х гг. текущего столетия многие работы оформляются в то, что сегодня называется *институциональной экономикой*.

Однако устоявшееся мировоззрение выступает естественной преградой (Т. Кун) для проникновения новых идей в широкую научную сферу. Такова ситуа-

¹ К сожалению, экономисты мира, не желая, видимо, остаться без привычных занятий, обеспечивающих пока некоторый социальный статус и неплохие доходы, стараются не выходить за рамки сконструированного несколькими поколениями (в том числе и по идеологическим соображениям) идеального мира, который уже не отвечает миру реальному, но тщательно подгоняется под желаемое.

ция в экономической науке и сегодня. Существенное отличие лишь в том, что *парадигма современной экономической науки носит плюралистический характер*, где отсутствуют методологические и инструментальные стандарты¹. Но есть стандарты другого рода. "...Поскольку подражание американскому пути развития постепенно пронизывает весь мир, – пишет З. Бжезинский, – это создает более благоприятные условия для установления ...американской гегемонии... Американское превосходство, т. о., породило новый международный порядок, который не только копирует, но и воспроизводит за рубежом многие черты американской системы" [50, с 38–41].

Следующий блок науки объединяет ученых, занимающихся прикладными задачами о природе в целом, технике и технологии, экономике и обществе. Известная междисциплинарность, однако, осваиваемая в рамках одной философской парадигмы, о пересмотре которой говорят не одно десятилетие и не только философы, также является отличительной особенностью этой научной экономической сферы. Экономистам-теоретикам нельзя не считаться с тем, что возникает, например, биоэкономика и теми выводами, которые она предлагает. Идеи Т. Мальтуса вновь актуализировались [626]. Понятие "социобиологии", включает в себя такие дисциплины, как политическая наука, право, экономика, психология, психиатрия и антропология" [170, 172]. Конечно, такое деление неустойчиво и несколько условно, как и в целом научные выводы экономической теории, социальная роль которой также изменилась. Последняя все больше грешит выполнением социальных заказов "под научные выводы", где теряется объективность истины. Однако рано или поздно ее теоретико-познавательная функция все же должна выходить на свое главенствующее место. Возрастающая неопределенность мировых тенденций с особой остротой диктует такие условия. Но для этого надо знать, что "царит" в самой экономической науке, в ее, что называется, "кухне и парадном зале". Для отечественных экономистов, которые экономическую науку воспринимают по преимуществу как некую веру в кем-то сформулированные абсолютные вечные принципы, это крайне необходимо.

Таким образом, если подойти к формулировке *предмета теоретической экономики*, как обобщающей науке современности, то можно отметить, что ее областью является *многоуровневая система законов и закономерностей развития, функционирования и процесса принятия решений для достижения целей, поставленных на основании объективных тенденций хозяйствующими*

¹ С точки зрения "чистой науки" речь следует вести о *метопарадигме*.

субъектами. Такое определение предмета устанавливает преобладание этой теории, фиксирующей современный срез развития науки и практики, с классической политэкономией, мейнстримом теории рыночного хозяйства, где преобладает функциональный подход в исследованиях "экономикс", устанавливает тесную взаимосвязь с мероприятиями экономической политики, спектр которой более значителен и глубок, чем сегодня это себе многие представляют. Это отвечает и тому, что все уже признают – понятию смешанной экономики, где до сих пор не выявлено что же с чем "смешивается". "Ответственность за интеллектуальное заблуждение, — пишет Дж. Бьюкенен, — отчасти ложится на раскол старой "политической экономии" на отдельные современные дисциплины... Экономисты в большинстве своем стремились остаться позитивными аналитиками... В результате общественный выбор между организационными альтернативами часто представлял собой сравнение между реальным институтом, с одной стороны, и идеальным, с другой" [67, с. 426].

С точки зрения методолого-категорийного отражения *теоретическая экономика* – это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы, выработка оптимальных хозяйственных "порядков", определение норм, принципов и форм координации взаимоотношения людей, социальных групп, классов, реализующих в процессе своей деятельности определенные цели и интересы. Институциональное устройство и экономические формы или "порядки" – исходные проблемы теории. Ведь позитивный анализ, имеющий в своем основании фактический материал, во-первых, отражает прошлую практику. При рациональной практики и стабильной экономической ситуации мышление трендами дает возможность лишь частично прогнозировать будущее. Во-вторых, хозяйственная практика представляет собой итог многих составляющих, которые не учитываются и, естественно, не анализируются современной, но традиционной наукой. В-третьих, экономическая реальность не является не только идеальной, но и рациональной, чтобы с нее строить тренды, как во всем мире, так и у нас в республике. Следовательно, теоретическое экономическое знание выступает на первый план. В-четвертых, институциональное прогнозирование и проектирование лишает рыночный фундаментализм подавить демократические ценности и свободы. На **схеме** можно изобразить эволюцию методологии теоретической экономики (политэкономии).

Рис. 3.2. Эволюция типов методологии теоретической экономики

В теоретической экономике как в теоретической механике или физике проявляется отход от утилитарного функционализма и подход с точки зрения *монистического синкретичного начала* политико-экономических и социально-институциональных проблем. Это, во-первых. Во-вторых, в этом новом названии есть попытка зафиксировать естественное и закономерное развитие предмета науки об экономике, которая также эволюционирует в количественном и качественном направлениях. В-третьих, хозяйственный мир – это сложный, но

все же целостный мир, который требует такого же целостного подхода и анализа. Институциональное теоретическое основание закладывает не только начала такого синкретичного восприятия, но и определяет наполнение дедуктивных заключений теми же конкретными формами, в которых осуществляется практическая деятельность¹. В-четвертых, обращение к теоретической экономике как естественному этапу научного развития обнаруживает *синтез* сущностного эзотерического подхода с феноменалистским экзотерическим. И, наконец, теоретическая экономика ставит себе задачу (по крайней мере, это вытекает из анализа имеющихся в науке и практике проблем) в зависимости от конкретных целей явно или неявно проводить многоуровневый "срез" развития общественно-экономической системы, относясь к последней как к действительно реальной, а не абстрактной системе. *Точкой отсчета* в отличие, например, от эпохи классицизма, когда воспроизводилась национальная политико-экономическая система, здесь выступает обобщенное отражение современной мировой эпохи с ее тенденциями развития. Для чисто экономического анализа это дает ориентир на поиск новых факторов и на выяснение дополнительных источников производства продукта, дохода и пр. Вспомним учение А. Смита о производительном и непроизводительном труде, организационном факторе А. Маршалла или эффективном спросе Дж. Кейнса. Скажем так, теоретическая экономика должна сконструировать через адекватную систему категорий современную "хозяйственную конституцию", в структуре которой, так или иначе, занимают соответствующие *места национальные государства с их системами хозяйствования*.

Свое развитие классическая школа получила в марксизме. В нем не только сохраняется, но под влиянием гегельянства усиливается установка на сущность, закон, закономерности смену стоимостных форм богатства и отношений, в конце концов, на теорию, в которой задача дополняется поиском внутренних причин саморазвития капитала. Новизна подхода состоит в объединении исторического и логического, в чем проявился ответ марксизма на вызов исторической школы. Введенный марксизмом принцип историзма позволяет общий, универсальный характер законов модифицировать в законы специфические, определив тем самым границы действия этих общих законов и своеобразие их проявления. Поэтому теоретическая экономика не стоит ни в начале, изучения реальной действительности, ни в конце, как это можно подумать. Она распо-

¹ В. Ойкен употребляет категорию "хозяйственной конституции", а Дж. Бьюкенен ориентирует прежде всего на первоначальное раскрытие "конституции экономической политики".

жена в центре процесса познания, задавая его направление и формируя инструменты, которые создаются для получения лучшего научного опыта.

Л. Мизес еще в свое время писал: "Современная теория ценности расширяет научные горизонты и увеличивает поле экономических исследований. Из политической экономии классической школы возникла общая теория человеческой деятельности – прaksiология" [315, с. 7]. Чисто экономические проблемы, которыми занимается "традиционная современная" экономическая теория, Мизес относит к каталлактическим, т. е. обменным проблемам, которые, по его мнению, не могут рассматриваться отдельно от прaksiологии. Рост удельного веса транзакционных издержек в структуре ВВП развитых стран ставит под сомнение эффективность используемых моделей хозяйствования и, безусловно, требует изменений их принципов и условий. Переход к 5-му и 6-му технологическим укладам изменяет мотивацию и интересы работников, равно как и систему отношений в мир-экономике, между странами, в отдельных государствах, в корпорациях.

Что же касается сравнительных характеристик метода, к которым обращается теоретическая экономика, то они получают краткое определение в следующей таблице.

Структурные характеристики метода	Методы		
	Эзотерический, сущностный	Экзотерический, явленческий	Целостный эзо-экзотерический (сущностно-явленческий)
<i>Парадигма</i>	Интуитивная; предполагает эгоистические начала с основанием культурных ценностей	Априори оговоренная; рациональные предпочтения при полной информации и нулевых транзакционных издержках	Эклектическая; реализация принципов холизма на междисциплинарной основе
<i>Социально-политическая детерминированность</i>	Присутствует в качестве объективных предпосылок, связей и отношений	Не присутствует по причине признания экзогенности этой среды к экономике	Институциональная детерминированность, создающая рамки экономического развития
<i>Технологическая детерминированность</i>	В рамках производительных сил	Отсутствует; земля, труд, капитал – главные факторы производства	Экономика – открытая система, имеющая ограниченный потенциал
<i>Организационная детерминированность</i>	Простая кооперация, мануфактура, фабрика	Абстрактная фирма, "черный ящик"	Осознанно сформированная организация (фирма, государство, мир-экономика)
<i>Предмет исследования</i>	Внутренние, устойчивые связи и отношения	Внешние и спорадические связи и взаимодействия	Органически целостное, сложное структурное образование
<i>Характер связей, отношения</i>	Причинно-следственные, субстанциональные	Функциональные, отражающие потоки движения доходов, расходов	Многоуровневая система связей, отражающих разные аспекты мир-экономики

<i>Цель метода</i>	Эвристическая; раскрыть политико-экономическую природу общества (почему работает система?)	Позитивистская; ответить на вопрос как работает система, чтобы достичь экономического эффекта	Теоретическая, аксиологическая (как обеспечить устойчивое развитие?)
<i>Характер метода</i>	Диалектический (по преимуществу)	Позитивистский	Синтетический (единство диалектического и позитивистского методов)
<i>Пространственно-временные рамки</i>	Национально-государственные; долгосрочный период	Не определяются в исходном; краткосрочный, текущий	Мировые, межнациональные; сочетание времени
<i>Уровень рациональности</i>	Преобладание общегосударственных интересов	Утилитарно-частная рациональность	Наднациональные, региональные интересы
<i>Отражение целостности, равновесности</i>	Стремление к общей политико-экономической картине, равновесию	Фрагментарная, функциональная, дискретная направленность; экономическое равновесие	Мир-экономика; глобальная система; институциональное равновесие
<i>Пользователь исследования</i>	Правящая элита государства	Менеджеры, политики в определенных рамках и сферах	Правящая мировая элита, менеджеры, политики разного уровня
<i>Единица измерения</i>	Стоимость	Ценность	Институциональная ценность

Табл. 3.3. Главные характеристики методов экономического исследования

Здесь обратим внимание, во-первых, методолого-категориальный ответ экономической науки исследовать хозяйственную практику целостно и всесторонне: от явления к сущности и наоборот. Но это при условии видеть такую необходимость и находить возможность в теории. Во-вторых, на возникновение новых категорий, их субординации со "старыми", которые обогащают друг друга. Среди прочих субстанциональное значение приобретает категория *институциональной ценности*, как понятие, отражающее социально-психологическую вмененность (институционализацию) экономических, политических и других оценок индивидами со стороны крупных корпораций, государства, общества. Это новая норма регламентации и координации всех участников хозяйственной и политико-экономической деятельности.

Выводы.

1. Новые сферы и отрасли экономики с естественной необходимостью требуют адекватного теоретического отражения. Закономерности эволюции науки об экономике подтверждают это в полной мере.

2. Вместе с тем, современная экономика, как на уровне мирохозяйственных связей в целом, так и на уровне региональном, в котором как единый комплекс функционируют даже индустриально-развитые государства, представляет сложное образование, где многие традиционные отрасли уходят как бы в

"основание" сложившейся системы. Ее верхний срез и внутреннюю основу (стержень) представляет "новая экономика". Это вполне согласуется со спецификой услуг, потребительной стоимости ее продукта. Она задает во многом онтологическую основу функционирования всей экономики. В свою очередь начала теории "новой экономики" задает и гносеологический ориентир познания экономической всей реальности. В настоящее время, однако, отражение этой реальности в силу "смешанности" укладов и способов производства может быть выполнена лишь через использование всего инструментария и понятийно-категориального аппарата современной науки. Понятия "неоклассический синтез", мейнстрим, новая политэкономия и пр. подтверждают своеобразный синтез науки для синергетического эффекта в познании.

3. Современная наука об экономике (в нашей интерпретации – теоретическая экономика, есть и другие предложения по названию новой науки) формирует иную парадигму, методологию и понятийный аппарат для отражения современных социально-экономических процессов. В этом проявляется историческая и теоретическая закономерность эволюции экономической науки.

4. Ретроспективный взгляд на развитие теории об экономике позволяет заключить, что этот процесс сопровождался разделением предмета политэкономии и специализацией ряда частных наук с естественным следствием возникновения фрагментаризации знания об экономике.

5. История экономического исследования (политэкономического и аналитического) фиксируется рядом парадигмальных оснований, которые использовались крупными школами и направлениями экономической науки. Но особенность экономической науки состоит в том, что параллельно могло существовать несколько школ, имеющих одну парадигму, чего нет в науках естественных.

6. Анализ парадигм экономической науки позволяет несколько иначе посмотреть на политэкономия (теорию) Маркса, которая основывалась на аксиоматическом наборе классики, но с действительно иным набором взглядов на генетическое саморазвитие капитала и социальные проблемы.

7. Структуризация науки по предмету, логическому содержанию, историко-экономической эволюции фиксирует не только отличительные особенности различных школ, но и объектную преемственность, категориальную последовательность, качественную трансформацию.

8. Новая парадигма современной науки об экономике, обусловленная как онтологическими, так и гносеологическими изменениями уже имеет реальные очертания. Во-первых, объект ее расширился до международного уровня, свой-

ства которого из вторичных стали доминирующими в национальном экономическом развитии. Во-вторых, предмет от привычного, свойственного для "экономики", переносится в плоскость изучения законов и закономерностей развития, подобных тем, чем занималась классическая политэкономия, что позволяет выдвинуть в качестве рабочего термина такое понятие, как "неополитическая экономия". Потребителем ее выводов выступают международные организации, формирующие "мировой экономический порядок", национальные правительства, другие крупные экономические субъекты хозяйствования. В-третьих, из всей совокупности факторов производства в качестве главного для экономического роста начинает выступать человеческий фактор, иногда называемый "человеческим капиталом". В-четвертых, достигнутый уровень развития производительных сил, обострение глобальных проблем дает основание отойти от традиционной характеристики "человек экономический" к определению "человек разумный", в рациональной мотивации которого максимизация прибыли не является главной целью, а лишь промежуточной. Здесь ограничителем выступает общество с его множеством регулятивных мероприятий, включая воспитание, мораль, идеологию, право и др. свойства человека. *Институциональная ценность* является субстанциональной категорией. В-пятых, в новой фундаментальной науке, преодолевающей междисциплинарность и "дефект знания" понятие "конкуренция" также приобретает иной оттенок и смысл, поскольку она вышла в своем воздействии из уровня *a posteriori* на уровень *a priori*. Речь идет о *конкуренции в умах на уровне прогнозирования, моделирования и планирования*, т. е. предполагаемой "допроизводственной конкуренции", которая в таком виде приводит к меньшим издержкам и влиянию на амплитуду цикла. Уже применяемые теории игр, рациональных и адаптивных ожиданий являются тому подтверждением.

Глава 4. ЭКОНОМИКА, ИНСТИТУТЫ И ОСОБЕННОСТИ ТЕОРИИ ИНСТИТУТОВ

4.1. Методологические предпосылки институционального анализа

Институты выполняют роль "несущей конструкции"¹ любого общественно-экономического образования и с них всегда начинаются трансформации системы, равно как и ее завершение. "То, как работает экономика, – пишет Д. Норт, – определяется смесью формальных правил, неформальных норм и механизмов, которые их закрепляют. И если правила можно изменить за одну ночь, то неформальные нормы обычно меняются лишь постепенно. Но именно нормы придают «легитимность» системе правил и потому революционные перемены никогда не бывают столь революционными, как того хотели бы их сторонники" [21, с. 7–8]. Поэтому как *устройство, так и изменение*, совершенствование социально-экономической системы предполагает в первую очередь обращение к *институциональному устройству*.

Глобализация и соответствующие проблемы мир-экономики также обусловлены возникновением *особых институтов*, повлиявших на существенные изменения в мире и отдельных странах. Естественно, исследование этих *новых "полей" и объектов требует не совсем традиционных подходов, методов и инструментария*, что сопровождается вполне объяснимыми острыми дискуссиями и трудностями анализа. Без внимания остались вопросы устройства экономики, проблемы экономического развития, вопросы всеобщего равновесия (не равновесия), институциональные условия применимости различных конструкций и моделей, теоретическое обоснование экономической политики. "Ограничив предмет экономической теории, – пишет М. Блауг, – неоклассики открыто признались в своей некомпетентности за пределами поставленных ими границ и, таким образом, исключили не только ряд выводов на уровне здравого смысла, но и несколько ценных идей... Неизбывный методологический грех неоклассической теории состоял в том, что она использовала микростатические теоремы, выведенные из «вневременных» моделей, в которых отсутствовали технический прогресс и увеличение доступных ресурсов для предсказания хода событий в реальном мире" [52, с. 650].

¹ Синститутов должна начинаться и исследовательская процедура. О *функциях и значимости институтов в экономике* см. работы автора [201, 204, 212]. Ни классическая политэкономия, ни неоклассика на это не обращали внимания.

Период системных трансформаций переживают не только бывшие страны социализма, но практически все государства мира, в котором происходит принципиальные изменения его "порядков", правил, норм и принципов взаимоотношений национально-региональных образований и международных институтов. Эта область, являясь приоритетной в исследованиях в силу своей значимости и не изученности, выступает *эзотерической областью*¹, к обсуждению которой приглашаются те немногие лица, понимающие (?!), современный *глобальный интерес*.

В начале XX в. под влиянием теоретических и хозяйственно-практических проблем Т. Веблен, У. Митчелл и Дж. Коммонс дают начало новому направлению в политической экономии — институционализму². Термин "институт", "институция" в переводе с латинского ("institution") означает устойчивые традиции или закрепленные обычаи, порядки в виде установленных правил, общественных норм или законов [578, с. 84–89]. Представители институционализма кроме критики ортодоксальной теории и существующего общественно-экономического устройства пытаются создать более плодотворную экономическую теорию, преодолевающую *недостатки высокой абстракции, узкой функциональной сферы анализа, субъективный утилитаризм, игнорирование негативных фактов действительности и фрагментарность* знания. Они также обратили внимание на *малоактивность* "модной" в то время теории, ориентирующуюся лишь на позитивно-нормативное восприятие реальности. "...Если научное мышление уклоняется от решения задачи политики порядков, — пишет В. Ойкен, — то оказывается, что другой силы, способной решить эту задачу, нет. Это означает передачу нас в руки анархических политических и экономических властных группировок, их функционеров и идеологий" [355, с. 435].

В Европе первая брешь в позитивном традиционализме, основанном английской политической экономией, была пробита известным социологом и

¹ Еще во времена А. Маршалла было своеобразное посвящение вступающих в корпорацию ученых, где на до было признать *тридцать девять догматов* для "посвященных" [297, т. 1, с. 7–11], после чего с тобой могли как-то считаться. Поэтому современным экономистам (и нашим и зарубежным) надо понимать тонкую политико-идеологическую "материю", которая *всегда* присутствовала и присутствует в исследованиях. Например, переход от теории стоимости к "факторной" модели неоклассиков несет больше смысла для обоснования не оппортунистического поведения, нежели для реального технико-экономического анализа даже на уровне фирмы [27, 132, 133, 202, 274, 516].

² Надо отметить, что идеи исторической школы, классической политэкономии и институционализма "пересекаются" по многим вопросам методологического и инструментального характера. Но заслуживает отдельного рассмотрения вопрос, почему, например, классическая политэкономия возникла в Англии, теория социализма — во Франции, историческая теория — в Германии, институционализм — в США. Особый оттенок, и мы это отмечали выше, имеет наука славянско-восточного региона.

экономистом М. Вебером, который на большом фактическом материале подтвердил влияние на экономические результаты страны *духа нации в целом и религиозного в частности*. С.Н. Булгаков и В. Зомбарт также пытаются описать социально-экономическую систему в зависимости не только от религиозных, но и психологических, этических, других исторических и социокультурных факторов [62, 63, 79, 137, 542]. К. Маркс представляет мир экономики, политики и всего духовно-социального через *призму производственных отношений*, в котором отношение *стоимости и капитала выступали системообразующими* для капиталистического способа производства. Маркс попытался через систему господствующих стоимостных отношений, *соединив логическое и историческое*, заглянуть *за пределы* к тому времени уже сформировавшегося института рынка и его составляющими. Последний оказался далеко не безупречным по многим параметрам уже на тот период, что в последующем нашло отражение и подтверждение в работах экономистов-теоретиков через понятия "экстерналии", "сбои рынка" и тому подобное. Но хотелось бы отметить, что "чистые экономисты" многие институты воспринимали как нечто *раз и навсегда установленное*, без учета самого процесса их формирования, влияния на весь блок экономических отношений и обратную связь экономики с общественно-политическими и морально-этическими традициями и нормами поведения. Институты являются как условием, так и конечным результатом экономического и общественного развития.

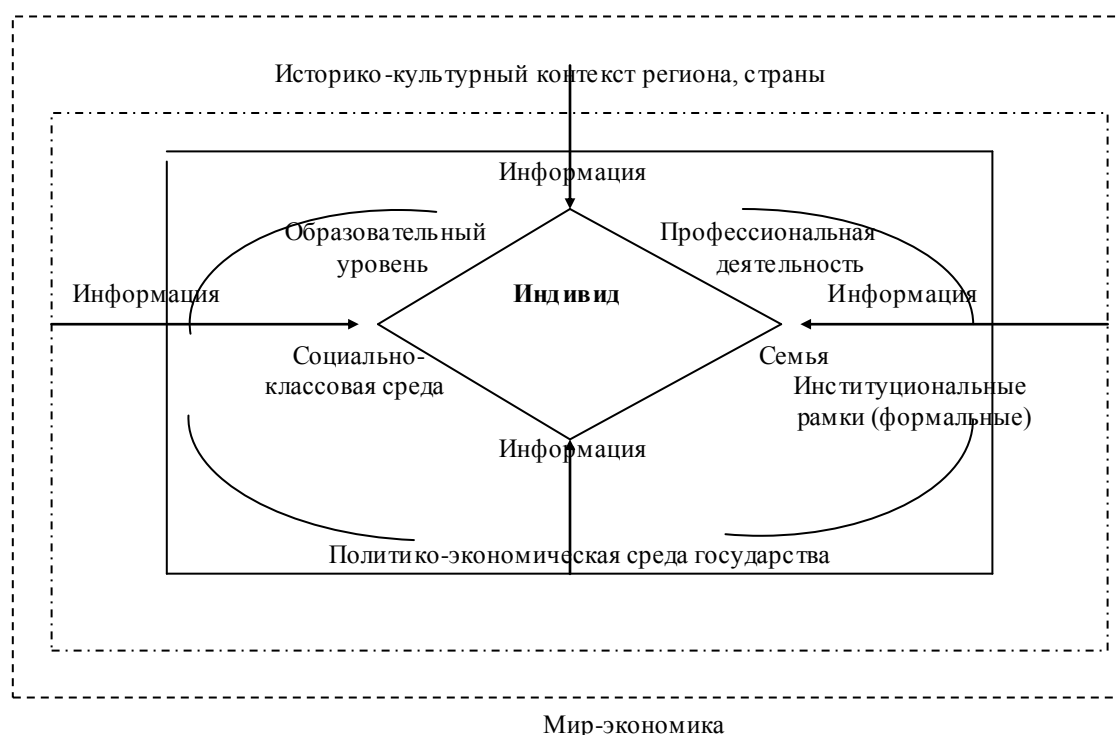

Рис. 4.1. Факторы и условия, определяющие поведение людей

К началу XX в. уже сложился *рынок как институт* со всеми своими составляющими, чтобы попасть в поле зрения экономистов-исследователей. Вполне понятными *казались институты предпринимательства (капитала), собственности, государства, религии, семьи* и другие элементы, которые являются составляющими любой социально-экономической системы. Однако их все больше интересовали вопросы *рационального поведения* индивидов. И потребовалось еще несколько десятков лет, после чего Д. Норту пришлось заметить: "Осознанное включение институтов в научную теорию заставит представителей общественных наук, в частности экономической науки, критически взглянуть на поведенческие модели, лежащие в основе этих дисциплин, чтобы затем более систематически, чем это делалось до сих пор, изучить влияние несовершенной и затратной переработки информации на поведение актеров" [42, с. 142].

О том, что мир науки экономики далеко не так прост, как он определяется в учебниках, высказывалось и высказывается целая плеяда выдающихся экономистов, которые не только обогатили экономическую науку, но и смогли наблюдать процесс развития хозяйственной практики [1]. Критика "традиционной" политической экономии содержится также и в сборнике трудов ряда ведущих экономистов США, опубликованной под интересным названием: "Почему экономикс еще не является наукой?". В сборнике содержится статья В. Леонтьева, который критикует чрезвычайную формализацию, присущую экономикс. Здесь же П. Уайлз в своей работе "Идеология, методология и неоклассическая экономикс" выделяет такой ее недостаток, как чрезвычайную абстрактность, не имеющую связи с реальностью. А. Айхнер и Р. Эрл отмечают, в свою очередь, *возросшую роль политики и идеологии*, которые не только внутренне охватили "экономикс", но и внешне, обеспечили ей "защитную оболочку" [571]. По различным аспектам экономической теории велась и ведется критика царящих в неоклассической школе традиций на заседании экономической секции Британской ассоциации развития науки, проходившей в 1981 г. [582, с. 37]. "Свобода выбора и рациональность индивида" не есть некие раз и навсегда заданные характеристики, полученные от божественного начала [39, 357, 358, 419, 513]. *Они являются следствием действующих в обществе определенных норм и правил, традиций и обычаев, а также всего того, что называется институтами.* Это факторы, имеющие, кроме функциональных, причинно-следственные взаимосвязи. *Среда задает параметры рациональности и свободы* выбора. Надо отметить, что в последующем в эконо-

мических работах "функционалистов" делается попытка учесть эти институциональные основания или признаки через, например, "склонности к потреблению и сбережению", разного рода "эффекты" без объяснений причин этих склонностей и эффектов.

Кроме всего прочего, говоря о рациональности и оптимуме, к которому якобы стремится индивидуум в теории функционального анализа¹, огромное значение играет *полнота и своевременность информации* о происходящих как внутренних, так и внешних процессах [25]. Можно также гипотетически предположить, что рынок обеспечивает в любом случае равновесие на всех уровнях социально-экономической системы. Но *реальная процедура* достижения этого равновесия, где *критерий рациональности зависит от частного лица, располагающего определенным уровнем подготовки, квалификации* и т. п., весьма не проста, длительна по времени и отличается обращением к сложившейся институциональной инфраструктуре. Практика показала, а Кейнс первым теоретически доказал², что так называемое *рыночное равновесие* на макроэкономическом уровне *не обеспечивает рационального использования ограниченных ресурсов*. Поэтому нужна корректировка рынку со стороны внешних сил³. Пока эта корректировка понимается достаточно упрощенно, когда более или менее определена взаимосвязь двух институтов — рынка и государства. Потенциально и реально система *институциональное регулирование* всех элементов социально-экономической системы несет в себе еще во многом неизведанные, но более широкие возможности для достижения равновесия, развития и роста, нежели исчерпавшее себя во многом государственное регулирование. Причем надо иметь в виду, что понятие "равновесие" также получило несколько интерпретаций: по Вальрасу, Парето, Нэшу, Алле, Курно, Бертрону, Штакельбергу [74].

Априори считается⁴, что *институт частной собственности* является не только преобладающим, но и наиболее эффективным. Заметим, что если при-

¹ Первый парадокс состоит в том, что реализации цели по максимизации полезности (прибыли) может быть осуществима лишь через конкурентный "порядок", нарушающий оптимум. Второй же парадокс обнаруживается в неравном распределении информации и способностям людей ее анализировать и использовать.

² Справедливости ради надо отметить, что идеи подобного рода, правда, с различной степенью аргументации высказывались значительно раньше. Теория Кейнса общественно вызрела, как в свое время "Богатство народов" А. Смита, а поэтому была широко принята даже при ее некоторой банальности: чтобы больше производить, люди должны больше потреблять.

³ Пока под этими силами понимается лишь некая (?) сила и мера государства. Вместе с тем государство является далеко не единственным институтом, определяющим степень эффективности экономической модели.

⁴ Каких-то серьезных аргументов на сей счет в экономической литературе автору найти не удалось. Может возникнуть идея "огораживания", отмены рабства, крепостного права, национализации или приватизации. В этих идеях больше концентрируется социокультурный феномен, чем экономический расчет [545], в чем и состоит загадка капитала.

знавать отрицательные эффекты рыночной экономики, то следовало бы признать и *исчерпаемость потенциала* (экономического и социального) частной собственности как конституирующего составного элемента рыночной экономики. Развитие частной собственности превращается в свою противоположность, требующую установления иных, внутренне не свойственных для "традиционной" экономики институционально-правовых условий. Например, возникновение акционерных предприятий потребовало иных подходов к управлению акционерным обществом, бухгалтерскому учету, развитию института биржи, созданию депозитариев и многого другого, чего не было ранее в период классической конкуренции.

Методологические постулаты о предельной полезности, лежащей в основе обменных отношений, и отсутствии издержек при осуществлении этих обменных операций сегодня также неоднократно подвержены тесту на истину. В результате логично является вывод о том, что и предельная полезность, и отсутствие трансакционных издержек есть не что иное, как гипотетическое допущение [576, с. 8]¹. Сегодня уже даже гипотеза о нулевых трансакционных издержках не воспринимается как позитивная, ориентирующая на плодотворный анализ [570, с. 96].

Объект анализа выходит за ограниченные функциональные рамки "ресурсы-результаты". Институт (институты) выступают *базовым объектом исследования, единицей анализа и, соответственно, фундаментальной категорией* экономики. Хозяйствующий субъект, делающий выбор, находятся не в вакууме, а в определенной *социокультурной среде*. Поэтому и институты не являются какими-то внешними факторами, а вполне реальными параметрами, влияющими на многие решения и действия хозяйствующего агента.

Индуктивный метод с его качественными методиками междисциплинарного свойства *доминирует* над дедуктивными умозаключениями. Но индуктивно-описательный метод уже не утопает в многочисленных фактах, чем "грешила" в свое время историческая школа. *Синтез наук*² позволяет привлечь *иные* абстрактно-логические методы, благодаря чему и выводы от частного к общему интерпретируются в ракурсе целого [22, 201, 349]. *А история* — это не только следствие экономического развития, но и *предпосылка раз-*

¹ В теории Маркса шла речь о чистых издержках обращения, которые носят непроизводительный характер и которые, в конечном счете, лишь увеличивают цену товара. Понятие "ложной социальной стоимости" также наталкивает на проблему анализа трансакционных издержек через категории "общественная стоимость", "ложная социальная стоимость", "чистые издержки".

² Это всего лишь разумное отражение экономической реальности, поскольку грани между различными свойствами человеческой деятельности чисто условны.

вития и роста. Таким образом, эмпирические наблюдения фиксируют формирование новых институциональных изменений, выявление которых уже предполагает фактические обобщения. Институциональные изменения требуют обращения к *качественным методам* наблюдения, анализируя уже не результат изменений (например, показатели эффективности и роста), а *сам процесс* со всеми этапами, формами превращений, доведя их до исходных. *Принцип кумулятивной целостности* (холизма) социально-экономической системы диктует, таким образом, обращение к междисциплинарному анализу. Особо эффективными на сегодняшний день становятся *теория игр* и *социально-психологические* наблюдения¹.

Уровни институционального анализа можно представить *схемой 1*, приведенной ниже. В ней изображено *семь уровней*, где первые три уровня являются главными. Принятые предпосылки по характеристикам индивида позволяют заметить их влияние на формы и характер *институциональных соглашений*. В свою очередь индивид не находится в вакууме, а поэтому он будет с естественной необходимостью выстраивать *свои нормы и приоритеты* поведения в зависимости от сложившейся *историко-институциональной среды*. Эта среда также является более жесткой, менее изменчивой и вместе с тем более влиятельной на все стороны хозяйственной деятельности. Но на нее влияют как сами индивиды, так и устанавливаемые *между ними, группами соглашения*. Не вдаваясь в подробности характеристик всех этих уровней анализа, заметим, что такие связки дают возможность очень *разной модификации моделей социально-экономического развития*. Поэтому и в познании требуется воссоздание такого многоуровневого подхода [513, с. 33–38].

*Систему же институтов*² составляет целостное и сложное образование взаимосвязанных между собой правил и норм, традиций и законов. В зависимости от *избранного критерия* эту систему можно подразделить на формальные и неформальные институты, системообразующие и второстепенные, первичные и производные (вторичные, третичные и пр.), международные и национальные, экономические и политические институты. Представляет интерес для раскрытия содержания трансформационных процессов выделение особой группы *переходных институтов и метainститутов*. Роль и значение каждого из них своеобразное и заслуживает особого рассмотрения [212].

¹ По существу именно вторжение экономистов в область психологии позволило в двадцатом веке сделать науке определенные шаги в своем развитии.

² Эта самая сложная проблема и наиболее уязвимое место институциональной теории. Для ее разрешения, с нашей точки зрения, плодотворным является анализ институтов во взаимосвязи с отношениями и интересами.

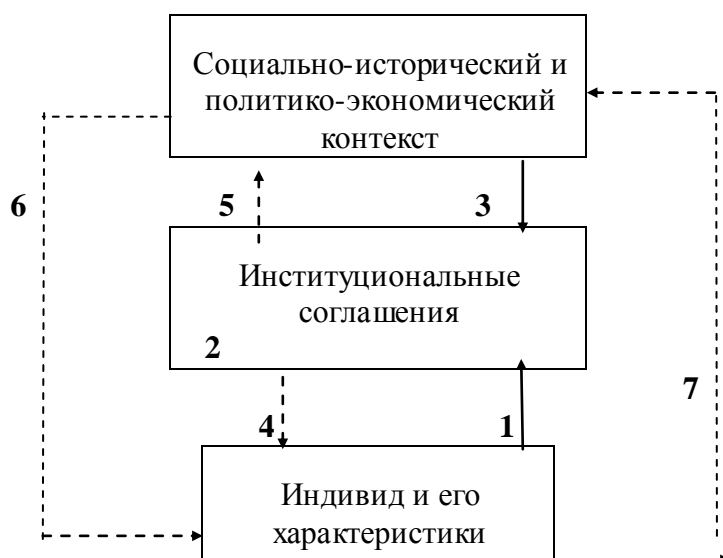

Рис. 4.2. Уровни институционального анализа

Много нового в теорию экономики вносит разработка *информационного поля* [9, 155, 408], без которого в принципе невозможна эффективная хозяйственная деятельность. Включение информации в общую когнитивную *систему восприятия и принятия решений* имеет важное значение не только для менеджеров, но и для *массовых экономических агентов, аналитиков*.

Институциональная программа исследований обращается к *кумулятивному началу* общества, как целого, так и различных его частей. Маркс через революционное разрешение противоречия производительных сил и производственных отношений и Шумпетер через "созидательное разрушение", инициированное капиталистом-новатором не благодаря, *а вопреки стремлению к прибыли*¹, пытались объяснить истоки и направления развития экономики. Заложенный *эволюционный подход* в институциональной экономике имеет положительные решения на поставленные фундаментальные вопросы [143, 534, 536, 601]. С учетом вышесказанного сегодня схема различных направлений институционального анализа выглядит следующим образом (см. рис. 4.3).

¹ Переход на новую технологическую волну или освоение производства новых товаров, рынков сбыта не объясняется с позиции утилитаризма. Это касается и начала становления новых способов производства.

тывает *"теоретическое влияние"* своего основания и других смежных или альтернативных творческих конструкций.

Хотя долгое время "старый", т. е. традиционный институционализм в силу ряда обстоятельств и не проявлял себя достаточно активно, все же он не растворился ни в одной из представленных на схеме теорий институционализма. Более того, его исследовательская программа к своему 100-летию приобрела более ясные и прочные в научном отношении очертания. Институты по-прежнему здесь выступают главной единицей анализа, а принцип *развивающейся целостности* позволяет характеристики индивидуумов выводить из характеристик институтов, а не наоборот как это делает неоклассическая теория. Сами же институты описываются не только выполняемыми функциями, но и складывающейся в конкретно-исторических условиях *системой производственных отношений*¹.

Институциональная сложная многоуровневая среда формирует определенный тип поведения граждан. Эта же среда, по мнению "старых" институционалистов, выступает главной *детерминантой стабилизационной эволюции*. Таким образом, спонтанность развития, имеющая место в истории, также накапливает свое кумулятивное начало в общественных традициях, нравах, действующих организациях и учреждениях, т. е. всего того, что называется институтами. Подход к развитию, его истокам, направлению, формам и социально-экономическому устройству выступают основными проблемами теории институционализма. Но в то же время эти критерии дают основание "вынести" Маркса за скобки институционального течения экономической науки, в отличие от имеющих в литературе трактовок. Некоторые, например, ставят Маркса в один ряд с Вебленом, Поланьи, Гэлбрейтом только на том основании, что все вышеназванные авторы видят *зависимость индивидов от внешней среды* [360, с. 52]. Однако следует заметить, что Маркс использует в объяснении социально-экономического развития *диалектический метод*, позволяющий соединить в себе через понятия производительных сил и производственных отношений, не только *источник развития*, но и его *эволюционно-революционную направленность*. Обращением к общим и специфическим законам Маркс сводит разнообразие институтов к их постоянству в пространстве и изменчивости во времени. Институциональное разнообразие экономических систем многих государств следует понимать как естественно историче-

¹ Это является перспективным, хотя и мало разработанным подходом, *реально соединяющим политэкономия и институционализм*.

ский процесс эволюции и специфического проявления этих общих экономических законов.

Традиционный, "старый", институционализм в зависимости от подходов и объектов своего анализа имеет *четыре разновидности*, или направления, получившие хрестоматийное признание: психобиологическое (Веблен), социально-правовое (Коммонс), эмпирическое (Митчелл), социологическое (Гэлбрейт) [52, 111, 112, 321, 415]. Ими осваиваются новые "зоны" реальной хозяйственной практики, которые не попадали в экономический анализ.

Внимание ученых к острым проблемам хозяйственного бытия, с одной стороны, и признание абстрактности "изящных" по форме постулатов теории, с другой, приводит к возникновению *нового институционализма (new institutional economics)* и *неоинституционализма (neoinstitutional economics)*¹.

Первое направление делает попытку (и на наш взгляд успешную) создать новую теорию институтов, поскольку, как считают его представители, нельзя, находясь в заданных жестких границах позитивного анализа, адекватно оценить во многом неизведанную институциональную среду, влияние которой стало явно доминирующей. Нуждается в пересмотре своих парадигмальных оснований и неоклассическая теория для решения фундаментальной проблемы, приобретшей за последнее десятилетие особую актуальность. Кратко ее можно сформулировать как проблему поиска направления (целеполагание), модели и стратегии социально-экономического развития. Дело в том, что контрпунктом неоклассики выступала в традиционно признанных институциональных условиях *лишь проблема равновесия* [74, 75, 445] (частичного или полного), что далеко не адекватно таким понятиям, как "эволюция", "развитие", "институциональная стабильность и равновесие". Таким образом, первый удар неоклассикам был нанесен по равновесию модели Вальраса–Эрроу–

¹ Известный эпистемолог И. Лакатос, обращаясь к проблемам развития научного знания, впервые предлагает выделить в парадигме две составные части, без которых не обходится ни одна наука. Такими частями парадигмы любой теории, по его мнению, выступают "жесткое ядро" (hard core) и "защитная оболочка" (protective belt) [197]. Утверждения, составляющие "жесткое ядро" теории, являются аксиоматическими и остаются неизменными в ходе любых уточнений и дискуссий, сопровождающих естественное развитие той или иной научной школы. В свою очередь постулаты, составляющие "защитную оболочку" теоретической конструкции, могут изменяться и постоянно корректироваться. Для неоклассической теории, например, элементами "жесткого ядра" выступают следующие положения. Во-первых, на рынке существует единственное равновесие (модель Вальраса–Эрроу–Дебре). Во-вторых, индивиды имеют строго структурированные предпочтения, которые стабильны и несут к тому же эндогенный характер. В-третьих, хозяйствующие агенты независимо осуществляют свой рациональный выбор. "Защитная оболочка" неоклассической теории включает положение о частной собственности на ресурсы как абсолютной предпосылке осуществления свободного и рационального обмена на рынке. Это, во-первых. Во-вторых, границы обмена определяются известным законом убывающей полезности. В-третьих, при обмене отсутствуют любые издержки. В-четвертых, индивиды располагают всем необходимым объемом информации при принятии своих утилитарных прагматических решений. Издержки на получение информации также отсутствуют.

Дебре *теорией игр*. Не являясь самостоятельным направлением в экономической теории и тем более институционализма именно в теории игр (Дж. Нейман, О. Моргенштерн, Дж. Нэш) равновесие получает более *широкую* интерпретацию. При этом обнаруживается, что точки равновесия далеко не всегда соответствуют оптимуму по Парето¹.

Представители новой институциональной экономики "расщепляют" своей плодотворной критикой фундаментальное понятие неоклассиков о рациональном и свободном выборе. Фиксируется внимание при этом не только на познавательных (cognitive) ограничениях индивидуума, обусловленных различными причинами, но и на немалые информационные издержки [613, с. 12]. Следовательно, если потребитель примет во внимание издержки на получение информации, то он уже стремится не к оптимальной, а удовлетворительной рациональности, *ограниченной информационными издержками*.

Теорией новой институциональной экономики ставится под сомнение и известный тезис неоклассиков о стабильном, строго структурированном и эндогенном характере предпочтений потребителей [602, 627]. Это направление существенно продвинулось в "теории соглашений" (Л. Тевено, О. Фавро) [474, 475] и "теории регуляций" (Р. Буайе) [60], "эволюционной теории" (Р. Нельсон, С. Винтер) [334] и "институциональной компаративистики" (П. Грегори, Р. Стюарт, Я. Корнаи, Д. Коландер, А. Гручи) [186, 187, 525], *другие частные теории* нового институционального направления [76, 201, 212, 474].

Исследовательская программа неонституционалистов (neoinstitutional economics) [189, 399] предполагает при экономическом подходе изменения в "защитной оболочке" парадигмы. Обращается внимание на *более широкий спектр форм собственности, организационные аспекты*. При этом сравниваются их преимущества и недостатки при осуществлении сделок на рынке, а также в процессе организованного использования ресурсов непосредственно фирмой. "Теория прав собственности" (Р. Коуз, Р. Познер, С. Пежович, А. Оноре, Э. Остром) [570], таким образом, *соединяет экономику и право* через "пучок прав" собственности, в которых как бы адекватно и получает реализацию последняя. Завершением сделки выступает договор или контракт, который становится объектом анализа в "теории оптимального контракта" (Дж. Стиглиц, Дж. Колеман, Й. Макнил) [441, 565].

¹ Парето-оптимум достаточно консервативный критерий эффективности, который в социальном смысле имеет реакционный характер, поскольку обосновывает *сложившуюся структуру распределения*.

Поскольку общепризнанным становится участие в той или иной форме в хозяйственной деятельности такого института, как государство, то в "теории общественного выбора" (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон) [604, 618] политикам имплантируется тот же экономический интерес, что и хозяйствующим агентам. Речь идет, таким образом, о *политическом рынке* со всеми соответствующими категориями, включая и политическую ренту. Основательно переосмыслена роль и значение *информации* в рыночной среде (Дж. Стиглер, К. Эрроу) [440, 548]. Вводится понятие информационных издержек, т. е. издержек, связанных с поиском и получением информации о ситуации на рынке. Рациональный выбор индивидуума ставится в зависимость *от* располагаемой каждым в конкретный момент *объемом информации*. Кроме информационных издержек, сопутствующих всевозможным рыночным операциям, особое значение придается "транзакционным издержкам" которые сопровождают любое отчуждение и присвоение прав собственности, защиту свобод. Речь в данном случае идет обо всех затратах по эксплуатации рыночной системы, которые делаются многими участниками сделок, но совместно никем не считаются.

Существенное дополнение в понимание рыночной реальности вносит не-оинституциональная "теория организации" (Р. Коуз, М. Аоки, О. Уильямсон) [27, 468] и экономической истории (Д. Норт, Р. Фогель.) [627]. Оформилось целое направление "*новой экономической истории*". Нетрадиционный экономический подход к институту семьи Г. Беккера начал формировать "теорию домохозяйств", что может сильно повлиять не только на проводимую в западных государствах экономическую и социальную политику, но и на решение возникшей проблемы *основ социального устройства постэкономической цивилизации* [37, 38, 39]. Но современный институционалист Ч. Кэпп пишет: "... Мы оказываемся свидетелями распространения неоклассической модели на такие сферы, как анализ политического поведения, общественного выбора и вообще принятия решения. Хотя некоторые расценивают происходящее как движение в направлении междисциплинарности, оно несет в себе опасность новой подмены социального анализа неоклассицизмом ...варианта «аналитического» империализма" [371, с. 84]. Подводя итог общему аспекту институционального анализа, приведем слова известного психолога К. Ю. Юнга: "...Если аналитик не сделает определенного усилия и не подвергнет критике свою точку отсчета, признавая ее относительность, он никогда не соберет верной информации и не углубится достаточно полно в сознание пациента" [550, с. 58].

4.2. Междисциплинарный аспект исследования института собственности

Институт собственности является базовым в структуре, как теоретической модели, так и любой реальной социально-экономической системы. С него начинаются реформы, с видоизмененным институтом они же и заканчиваются. Но, как показывает практика, просто передел в собственности пока не приводит к повышению экономической и социальной эффективности.

В *общеекономическом* смысле собственность представляет собой отношения между людьми по поводу *присвоения-отчуждения* имеющихся в обществе различных ресурсов и элементов всей структуры национального богатства, включающего общественные ценности и институты. В этом определении фиксируется любая транзакция: обмен деятельностью, товарный или товарно-денежный обмен, институциональные изменения (рис. 4.4).

Субъект А, осуществляя любую сделку с субъектом В, всегда чем-то жертвует: своим временем, товаром, деньгами, авторитетом и пр., получая взамен новое благо, нужную услугу, общественное признание или взаимозаменяемый ликвидный актив. Чтобы отношение собственности было реальным, в этой связке между агентами А и В должна быть всегда какая-то степень взаимозависимости, подобна напряжению в электрической цепи.

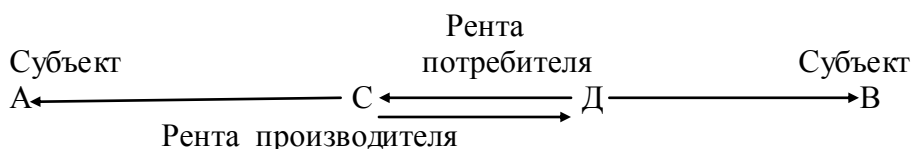

Рис. 4.4. Общеэкономическая структура собственности

Эта степень взаимозависимости определяет в свою очередь и степень зрелости экономической системы, а, следовательно, и размер транзакционных издержек. Например, чем меньше необходим какой-то товар потребителям, тем больше продающая компания вынуждена тратить средств на маркетинговые услуги, рекламу, чтобы обеспечить сбыт продукции. На макроуровне такого рода издержки выступают *социальными издержками*, в результате которых не создается национальное богатство. Участвующие в выработке и формировании институтов получают *институциональную ренту*, за что во все времена были жесткая конкуренция, протекции и пр. Конкретно-исторические условия наполняют определенным содержанием это отношение присвоения–отчуждения, разворачиваясь в целостную социально-экономическую систему.

Например, ранее купцам достаточно было при совершении торговых сделок устного договора, который в последующем стал дополняться контрактом.

Определенный шаг к раскрытию содержания категории собственности *делает политико-экономический срез*. Он иллюстрирован на рис. 4.5.

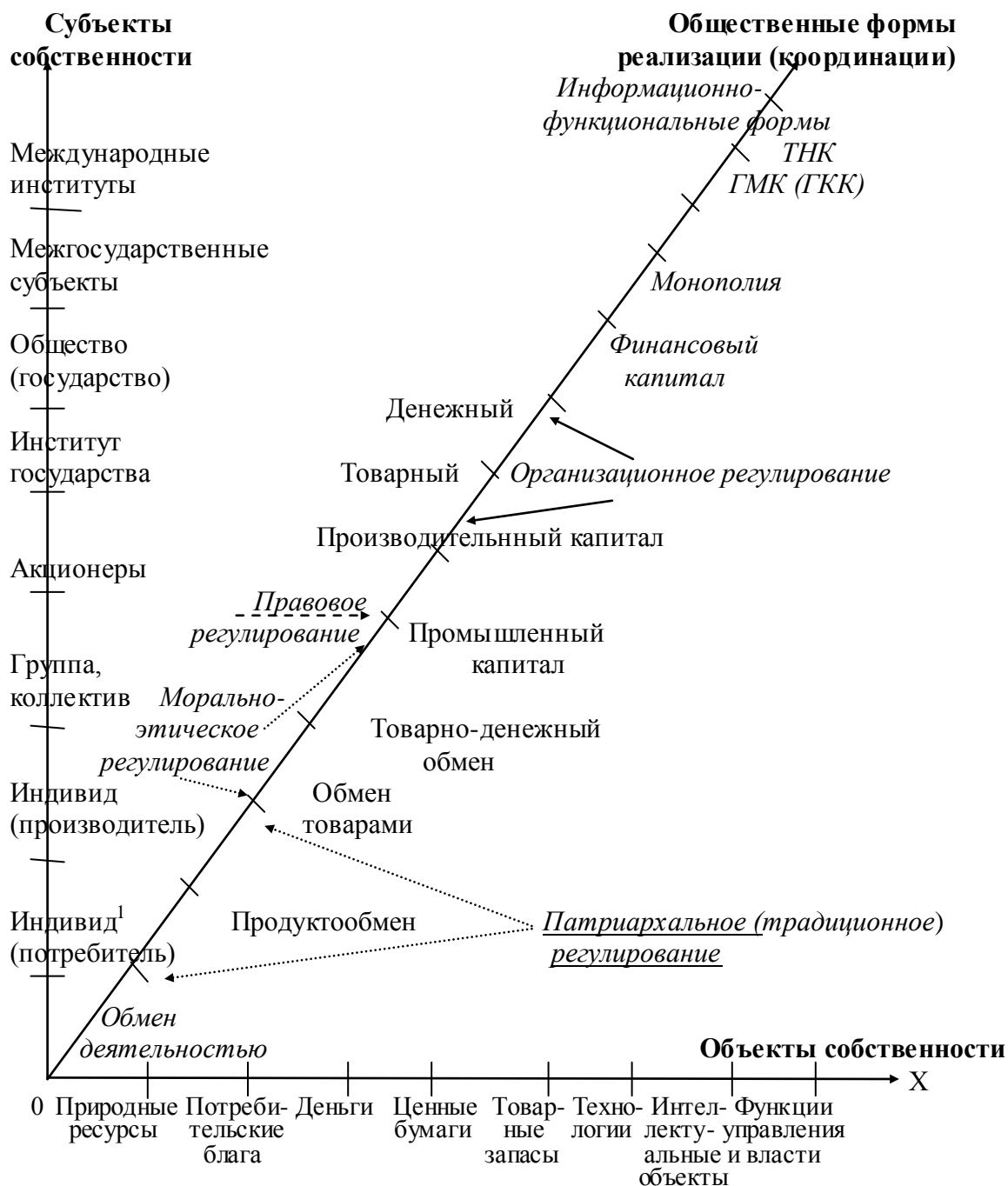

Рис. 4.5. Политико-экономическая структура собственности

Эта схема упрощенно иллюстрирует то, что собственность имеет не только субъектно-объектное выражение, но и соответствующие общественные и

¹ Время (экономическое) – это один из фундаментальных ресурсов нации, мира. Но парадокс в том, что его носителем выступает индивид, имеющий возможность распоряжаться этим ресурсом с той или иной степенью интенсивности, что вносит ограничение в возможности его прямого присвоения кем-то.

экономические формы движения и организации. Для каждого конкретного периода времени можно найти в представленной системе координат *разноуровневое сочетание субъектно-объектных отношений и связей*, которые упорядочиваются существующими в экономической системе активными организационными формами. Всегда требуется *экономическое, социальное, правовое, политическое и нравственно-этическое* закрепление, признание субъектно-объектных отношений собственности. *И только в таком случае можно говорить о собственности как о реальном производственном отношении*¹. Например, найденный в земле клад может получить "экономическое движение", когда потенциальный хозяин превратится в реального, чему будет служить общественное и юридическое его признание. Но за его легализацию необходимо заплатить долю государству, которое персонифицирует общество.

Из этой схемы также следует, что хозяйственное устройство каждого национального государства, из которого традиционная экономическая теория постулирует лишь принципы функционирования, весьма *специфично* по многим признакам. "Я упорно продолжаю считать, — пишет Ф. Бродель, — что решающим является общее движение, и что любой капитализм соответствует, прежде всего, той экономике, на которую он опирается" [58, с. 68].

Классическая политэкономия обращалась к категории собственности, поскольку на тот период остро стояла *проблема выбора по всем направлениям X, Y, Z, т. е. ресурсов, способов их организации, политики, социального устройства* и пр. Эта проблема, как правило, актуализируется во *времена реформ*, привлекая к себе внимание и специалистов и широкого круга лиц общественности. Начало капиталистической формы организации хозяйства, где получала старт не просто частная, а *собственность капитала*, потребовало в Соединенном Английском Королевстве принятия "Закона об огораживании". С последнего началась так называемая *капиталистическая приватизация*, после которой совершенно иначе начали формироваться субъектно-объектные отношения собственности и их формы реализации с *правовым закреплением функций собственника и не-собственника*, т. е. принципала (хозяина) и агента (наемного работника).

Неоклассическая теория в силу своей философской основы многие институциональные стороны собственности "выносит за скобки", принимая во

¹ Передел собственности во многих постсоциалистических странах по юридическим нормам признается законным, но с экономической и тем более с этической точки зрения большинством населения не признается, что создает угрозу следующего передела. Но проблема еще и в том, что такое непризнание изменений собственности не обеспечивает роста мотивации и стимулов к повышению производительности труда.

внимание от собственности только ее факторный, материально-вещественный компонент, который влияет на конечные экономические результаты. С одной стороны, использование количественных методов как бы усиливало очевидность научности и доказательности. Но с другой стороны, посвящение ученых в "ученые" на рубеже XIX–XX вв. сопровождалось под влиянием теологии и позитивизма процедурой присвоения религиозного сана, олицетворяющего признание *догматов* англиканского вероисповедания. Иначе говоря, *имущественные вопросы, равно как и мировоззренческие позиции ученых, могли выноситься на обсуждение только "посвященных" (эзотерическое знание)*.

Изменение техники и технологии, которые факторам производства придают "человеческую направленность", подводят к *самоуправлению*, через которое раскрывается потенциал работника высококвалифицированного труда. С учетом и этого обстоятельства собственность можно представить на рис.

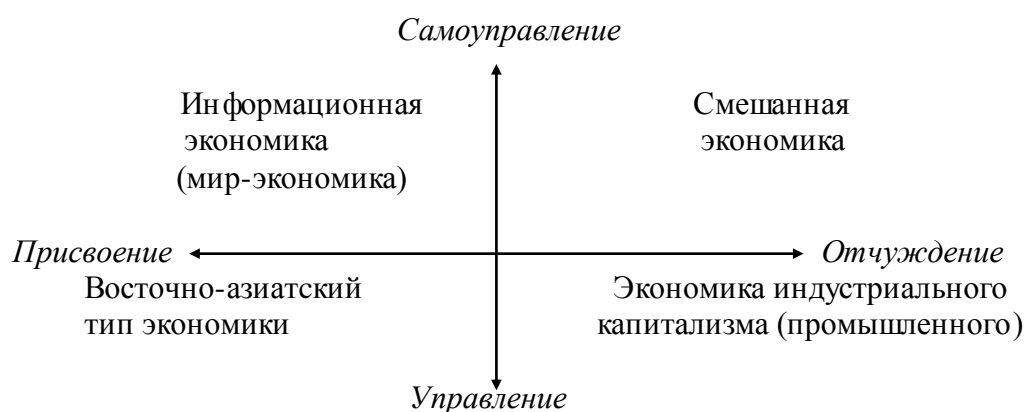

Рис. 4.6. Взаимосвязь отношений собственности с институционально-организационными формами и типами экономики

Из нее вытекает, что с экономической точки зрения понятия "частной" и "государственной" собственности теряют смысл, если обратиться к структурным элементам собственности и их функциональным формам. Преобладание отчуждения с жестким управлением соответствует капитализму индустриальной эпохи. Самоуправление, вызванное технологическими и нравственно-этическими нормами, подвело к смешанной модели экономики [490].

Раскрытие потенциала "человеческого капитала" как основного фактора экономического роста постиндустриальной, информационной экономики с ее специфической интеллектуальной формой собственности достигается лишь через *самоуправление* и его *организацию*. В этом секторе экономики уже не закладывается то отчуждение собственника от результатов своего труда, ко-

торое, например, было в эпоху серийного промышленного производства, основанного на капитале. Понятия "авторское право", "интеллектуальная собственность" фиксируют особенности этих отношений и форм собственности.

Неоинституциональное направление, которое в собственности кроме материального субстрата видит ее *объектно-субъектную природу, оформленную в строгих правовых формах и имплицитных социально-психологических нормах*. Но противоречивая реальность хозяйственной жизни вносит свои коррективы в экономическую науку. Например, Р. Коуз [150, 188, 189] акцентирует внимание на "спецификации прав собственности", от которых, по его мнению, и зависит в конечном итоге эффективное использование конкретных объектов собственности. Р. Буайе, Д. Гэлбрейт, О. Уильямсон и др. [60, 111, 467] обращают внимание на огромные возможности специалистов-профессионалов в области управления *всего организованного набора* элементов собственности. Теория прав собственности имеет огромное значение для современной экономической науки, а, следовательно, и для практики. Во-первых, она дальше развивает категорию собственности как базовую, дополняя политико- и экономический срез анализом юридическим, следствием чего является нахождение *конкретных форм реализации собственности*. Экономический интерес собственника, таким образом, не только подкрепляется законом, но и защищается им, предлагая определенные санкции за нарушение "прав собственности". Во-вторых, институциональный подход к собственности преодолевает забвение этой категории неоклассиками, которые также догматично повторяли длительное время тезис об эффективности частной собственности, как и ортодоксальные марксисты о преимуществах собственности общественной. Иначе говоря, реальный процесс развития собственности значительно опередил ее понимание, которое до сих пор строилось на аксиоматических тезисах неоклассиков. В-третьих, на наш взгляд, теория прав собственности в большей степени развивает идеи Маркса о собственности. Например, Маркс выделяет "племенную собственность", "античную, общинную и государственную", "феодалную, или сословную", буржуазную, или "чистую частную собственность", "коммунистическую" [292, т. 2, с. 16–18, 64, 72–73; т. 293, с. 100–101]. В этих классификациях устанавливается *институциональная доминанта* влияния на движение реализации собственности. В-четвертых, теория прав собственности актуализирует проблему *организации*, вне которой не может функционировать вообще ни одна фирма и ни одна экономическая система [60, 76, 114, 167]. А. Маршалл первый из экономистов,

придавший организационному началу статус самостоятельного фактора производства. Правда, на этом гипотетическом уровне экономисты вплоть до 80-х гг. свой анализ *остановили*. Значительно преуспели в теории и практике организаций управленцы, натолкнувшись на очевидную зависимость "экономики" от "организации" [310, 312, 382].

Но если на микроуровне совершенствованием организации занимается сама фирма, обращаясь или не обращаясь к теориям, то до сих пор *природа общественной формы организации* исследуется явно недостаточно. Категория "*спонтанного порядка*", выдвигаемая Ф. Хайеком в противовес планомерной организации, пока представляет собой "черный ящик". Более плодотворны в этом отношении французские институционалисты [18, 33, 60, 378, 517], которые описывают законы, принципы регулирования экономики на общественном уровне¹. Собственность действительно приобретает свое *завершение*, если ее разные аспекты в процессе использования оговорены и ограничены правовыми рамками. В этой связи те права на элементы структуры собственности, которые предлагает выделить А. Оноре, позволяют более четко определить субъектно-объектные отношения собственности с ее *адекватными институциональными формами*. Это очень важный момент в теории собственности, поскольку, с одной стороны, преодолевается существующий барьер между экономикой и правом, а с другой — общие дискурсивные умозаключения постоянно приобретают прикладной аспект. От ответа на вопрос "*что* надо делать" для эффективного использования имеющихся ресурсов переходят к ответу на вопрос "*как* надо это делать".

Если марксизм выявил взаимосвязи экономических, политических и социальных факторов в процессе исторического развития на уровне общих тенденций, то институционалисты *пробуют выработать конкретные рекомендации по механизмам влияния различных институтов на экономику*. Их практические рекомендации были, правда, весьма разрозненными: — поставить "Совет техников" во главе экономики (Веблен); осуществлять планирование экономики (Митчелл); создать представительное правительство от всех социальных слоев населения (Коммонс). В конце 50-х гг. в странах Западной Европы получают распространение идеи Ф. Перру, выступившего с обоснованием государственной политики регулирования — индикативного планирования

¹ Социально-психологические аспекты реализации, проявления собственности пока экономистами практически не разрабатываются.

[114, 149]. Эта политика опирается на получившую развитие теорию государственного (общественного) сектора.

Методологические подходы к анализу проблемы эффективности *государственного сектора* определяются рамками имеющихся в структуре экономической теории школ и направлений.

1. Теория государственных услуг и общественного товара (Э. Линдаль, П. Самуэльсон, Дж. Стиглиц) [410, 444].
2. Теория общественного выбора и принятия политических решений (К. Виксель, Р. Познер, Р. Магсрейв, Дж. Бьюкенен, М. Олсон) [68, 362].
3. Теория эффективного спроса и бюджетного регулирования (Дж. Кейнс) [157, 158].
4. Теория эффективного предложения и денежного регулирования (Г. Стайн, М. Фридмен) [470].
5. Экономическая теория "прав собственности" (Р. Коуз, А. Оноре) [189].
6. Теория политического влияния (Ж.-Ж. Роза) [405].
7. Надстроечная теория экономической роли государства и теория дефицитной экономики (Я. Корнай) [185, 586].
8. Надстроечно-базисная теория экономической роли государства (А. И. Пашков, Н. А. Цаголов) [61, 532].
9. Теория оптимального функционирования экономики (В. С. Немчинов, Н. П. Федоренко, В. Н. Черковец) [201, 202, 288].
10. Теория двухуровневого функционирования социалистической экономики (Н. А. Цаголов, В. Н. Черковец) [61, 496].

В постсоциалистических странах в силу ряда причин анализ строго *не дифференцирует зависимость* всех социально-экономических результатов от формы собственности¹. Но почти ни в одном вузе РБ не преподается, например, дисциплина "Экономика государственного (общественного) сектора". Государство же приобрело некую абсолютную магическую силу, способную "поддерживать" или не "поддерживать" эту экономику. Но экономика общественного сектора *имеет свои законы функционирования и развития*, которым необходимо найти в наших условиях соответствующие институциональные и иные формы. Маркс в "Нищете философии" писал: "...Во все времена государства были вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требование экономических отношений" [290, т. 4, с. 65–185]. Таким образом, политическая институциональная инфраструктура может, с одной стороны, обеспечивать полную реализацию имеющегося в стране социально-экономического потенциала, а с другой — своим "государственным порядком" нарушать естественный ход "экономического порядка", способствуя деградации имеющихся ресурсов. Экономическая история XX в. *подтверждает*, что нарушение интердепен-

¹ Положительно, что в республике появляются работы, в которых происходит осмысление теоретических проблем собственности [304; Примаченок Г.А. Отношения собственности в обществе переходного периода: институциональная иерархия реализации // Автореферат дис...д.э.н. – Минск.: БГЭУ, 2003].

денции (взаимосвязи) порядков (экономического, политического, социального, институционального) оправдано лишь в том случае, если сформированная (старая или новая) политическая инфраструктура институтов может в полной мере сконцентрировать усилия всей общественно-экономической и геополитической среды, обеспечив ей динамику, рост и развитие с минимальными расходами на содержание всех политических институтов. Речь в данном случае идет *об опережающем экономическом росте* [61, 536].

Изучение различных *теорий собственности* подтверждает справедливость вывода, что "никому еще не удавалось разработать общую позитивную теорию прав собственности, которая могла бы объяснить различия и степень национализации экономики отдельных стран" [7, с. 42]. Но важно хотя бы, чтобы избежать бессмысленных разговоров о приватизации-национализации, *видеть и знать процедуру установления или спецификации прав собственности*. Ведь если отношения собственности не *определены*, а права не установлены, то частная собственность на средства производства будет *такой же неэффективной, как и государственная собственность*. При многочисленных правовых традициях реализация рыночных принципов нашла наибольшее отражение в *общем*, или прецедентном праве и *гражданском*, называемом иначе романо-германским правом. Эти две правовые традиции (общее, или прецедентное право) обеспечивали формирование *института рынка* в западных странах [114]¹. Выделенный "пучок" правомочий [150, с. 11-13] указывает на юридически возможные формы закрепления *отношений* собственности. Все эти виды права закрепляются в определенных контрактах, выбор которых также зависит от *естественно-исторических и социально-экономических условий*. Если же в анализ собственности включить, например, технологии, характеристики человека, формы дохода и пр., то целостно сложная система общественных отношений может быть выражена таблицей (см. табл. П.4.1).

Однако в реальной практике поиск ее форм начинается с законотворческой деятельности, который, к сожалению, не учитывает *идеологию*, в которой фиксируется индивидуально-общественное отношение к имеющемуся и складывающемуся распределению богатства и ценностей страны. В результате *мир экономики вступает в противоречие с миром политики и права, миром морали и этики, из-за чего не обеспечиваются "эффективные порядки"* [356].

¹ К сожалению, автор не смог найти обобщающую правовую традицию, как в Беларуси, так и в России. В нашей интерпретации она получает название "подражательной" или ученической, поскольку законы "списываются" как европейские образцовые.

4.3. Феномен экономической идеологии в теории и практике

"Идеология" – понятие, отражающее систему взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей друг к другу, а также к миру в целом, к способу хозяйствования и распределения. Экономисты, которые в силу своего предмета и используемой методологии, казалось бы, обязаны были выразить свое отношение к идеологии, до последнего времени старались ее вообще игнорировать. Некоторое исключение из общего ряда экономических работ составляют *теория общественного выбора*, которую иногда называют "новой политической экономией" и неинституциональная теория экономики [578, с. 76]. Например, Норт пишет: "Под идеологией я понимаю субъективное восприятие (модели, теории), которым располагает люди для того, чтобы объяснить окружающий мир... В любом случае теории, создаваемые отдельными людьми, окрашены нормативными представлениями о том, как должен быть организован мир" [348, с. 27].

Применительно к сложной хозяйственной системе периода 30-х гг. Дж. Кейнс также отмечал важность *идей экономистов и политических мыслителей*, когда они правы или когда ошибаются [158, с. 518]. Эти слова о теории вновь приобрели особую для нас актуальность, поскольку нуждается в пересмотре общая политико-экономическая стратегия современного мирохозяйственного порядка, влияющая на выбор отдельных государств. Быстрая и решительная отмена на формальном уровне прежней теории, других детерминант, координирующих социально-экономическое поведение граждан, без *выдвинутой новой, адекватной* для белорусского общества современной шкалы ценностей, привела к *институциональному вакууму*, в котором начинают господствовать астрологические прогнозы и спекулятивные идеи. Иначе эту ситуацию можно назвать *трансформационной ловушкой*, которую пока не преодолели даже теоретически. Конфликт в том, что *сегодня неопределенные*, часто интуитивные *новые идеи* должны оцениваться либо по старым критериям прежней политэкономии, оказавшей влияние на формирование *политико-экономического образа мышления* большинства населения страны, либо по каким-то новым, еще неизведанным ни в теоретическом, ни в практическом отношении критериям, правилам и нормам¹. С некоторым опозданием уже можно признать, что в нынешней радикальной, системной реформе самым глав-

¹ После хаоса по прогнозам должен установиться новый порядок [101, 330, 397].

ным является *смена идеологии* [119, 124, 186, 294, 504], которая включает модификацию нравственно-этических, социальных, политических, экономических, правовых, культурологических и других ценностей, которыми руководствуется в своей деятельности человек, определяет его мотивацию. Кстати сказать, чисто экономические нормы поведения в приоритете ценностей стоят далеко не на первом месте. 75.5% опрошенных белорусов ставят на первое место принцип социальной справедливости. Доверяли предпринимателям в 1999 г. лишь 9.7 % опрошенных. Не все так просто в оценках отношения людей к понятиям "рынок", "регулируемый рынок", "план" и пр. Более 35 % граждан Беларуси, получивших чеки "имущество", не могут закрепить свои имущественные права. Причина проста – этому способствовала идея ваучерной приватизации.

И хотя термин "идеология" впервые вводит в научный оборот в начале XIX в. французский философ и экономист А. Дестют де Траси ("Элементы идеологии"), все же основную работу А. Смита "Богатство народов" (1776 г.) можно по большому счету назвать *философией экономики капитализма*. Если же учесть, что экономика — это хозяйственная деятельность мыслящих *людей*, то отрицание идеологии в экономической науке представляется отрицанием *самой ее научности* со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Ведь ее определение попадает под *определение парадигмы* науки, которая эволюционирует вместе с обществом [201, 220, 251, 254].

О роли идеологии в экономике немало плодотворных идей высказано С. Вайнтраубе, У. Дж. Сэмюельсоном, Г. Л. Шэклом еще в 70-х гг. XX столетия [423, с. 625–666]. Развитие научного экономического мышления через экономическую политику в "интердепенденцию порядков", когда идеи наполняются реальным практическим содержанием, разрабатывались В. Ойкенем еще в конце 30-х гг., получив завершение в известной книге "Основные принципы экономической политики" [355, с. 275–299]. Д. Норт, используя влияние идеологии на экономику, удалось обосновать новое направление экономической науки – *экономическую историю* [505, с. 34].

"Отношение между личностью и обществом, – пишет Дж. Бьюкенен, – в большей степени является основным вопросом политической философии, чем экономики. Но любой экономист, пытающийся пролить свет на эту взаимосвязь, неизбежно вторгается в пределы философии — глубочайшей области научного познания" [67, с. 18]. Конечно, все это не так просто, поскольку экономическая наука, во-первых, не имеет опыта и традиций инструментального

анализа экономической системы в контексте ее идеологического выражения. Во-вторых, идеология в силу своей специфики сама по себе крайне сложно поддается формализации без существенных потерь своего содержания. В-третьих, категория "идеологии" выступала свойством политики.

И вместе с тем идеология представляет собой внутренний компонент любой социально-экономической системы. Более того, эффективной может быть модель экономики, имеющая свою центральную *идею о совокупности потребностей и способе их реализации*, которая поддерживается большинством граждан как потребителей, производителей, избирателей, политической, научной и культурной элиты. Идеология, отражающая внутреннюю тенденцию какой-то общности людей и адекватно сформулированная, оказывает положительное влияние на экономику с точки зрения ее *конкурентоспособности и развития*. И наоборот [549]. Но "история вообще, история социалистических экспериментов в особенности свидетельствует, — пишет А. Маршалл, оценивая значимость стимулов и их взаимосвязь с идеологией, — что обыкновенные люди редко способны проявлять чисто идеальный альтруизм в течение сколько-нибудь длительного времени; исключения составляют лишь те случаи, когда неукротимое рвение маленькой группки религиозных фанатиков обращает материальные заботы в ничто по сравнению с высшей верой" [297, т. 1, с. 94].

Как институт идеология не возникает на пустом месте. Всегда существуют предпосылки любой идеологии. Оказывая влияние на все сферы жизни человека, она и сама подвержена влиянию истории, концепциям и теориям, внешней среде, опыту. *Экономическая идеология меркантилизма и ростовщичества* сменилась *идеологией производительного капитала с его нормами поведения, пройдя определенные ступени* (см. структуру собственности) *сегодня нашла свое выражение* в глобальной финансовой экономике [533].

Не следует отождествлять идеологию как внутренний компонент социально-экономической системы с идеологией как имманентным свойством любой политической системы и власти¹. Как институт идеология является основанием для формулировки идеологической доктрины политической системы и власти, выполняющей свои функции. Власть получает делегированные полномочия по многим функциональным вопросам собственности, права, культу-

¹ Как совокупность аксиоматических идей идеология представляет парадигмальную основу науки, отражающей глубинные социально-экономические процессы общества того или иного периода и страны, от идеологии власти. Последняя отражает интересы и идеи правящей верхушки и политико-государственной бюрократии. Они могут не совпадать между собой, что приводит к противоречиям, конфликтам, революциям, перестройкам, реформам.

ры и т. п. А так как *реализация контроля* за действиями власти усложнена и забюрократизирована, то национальный политико-экономический интерес может находиться в серьезных противоречиях с корпоративным интересом власти [185, 289, 483, 493].

Идеология в явных и неявных формах выполняет следующие важные *функции* в экономической системе. Прежде всего, она в концентрированном виде формулирует *общую стратегию развития* той или иной экономической модели развития и функционирования. На основании ее уже вырабатываются принципы поведения хозяйствующих агентов, взаимоотношения экономики с политическими институтами и в частности с государством. *Во-вторых*, идеология определяет общие контуры общественных норм взаимоотношений между людьми с учетом многослойности и различия *интересов* населения. Исторически прежде, чем рыночная модель экономики вступила в фазу становления, оформилась литературно концепция *общественного договора*, которая была принята людьми в качестве некоторого идеального *стандарта*. В этой связи, характеризуя формирующую политическую систему буржуазного государства своего времени, Ф. Энгельс подчеркивал, что государство, основанное на "Общественном договоре" Ж. Ж. Русо, не могло стать ничем иным, как "идеализированным царством буржуазии", оно "...оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой" [542, с. 17; 100]. *В-третьих*, идеология служит объединяющей и цементирующей основой общества. "...Вера производит теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцем и духом" [152, с. 69]. Правда, это в том случае, если сформулированная идея отражает в той или иной мере интересы большинства граждан страны, региона, а *интерес власти также корреспондируется* в том же направлении.

Если же консолидирующей идеи нет, то возникает многочисленное количество партий и группировок, как, например, в абсолютном большинстве постсоциалистических государств. Нарушенное *институциональное равновесие* создает условия для *роста издержек по защите прав собственности*, выполнению контрактов и пр. Для государства как органа политической власти также возникает проблема достижения того, что в нашей терминологии получило название "стабилизация"¹. Если большинство населения, которое очень неоднородно по своему социально-классовому составу, поддерживает выра-

¹ "Стабилизацию" следует отличать от "стагнации" и затянувшейся "депрессии", "системного гистерезиса", в конце концов.

ботанную стратегию, этапы и формы ее достижения, и которая находит *адекватную политическую интерпретацию*, то это говорит о высокой степени доверия и лояльности общества к избранной линии совместного поведения. Неформальные нормы поведения и взаимоотношений дают положительный эффект создавая институциональный капитал для низких транзакционных издержках. Если уровень лояльности населения к сформулированной идее низкий, то для проведения последней издержки резко возрастают.

И здесь возникает два направления: *затраты на образование и издержки на содержание правоохранительных органов*. Первые дают эффект в долгосрочной перспективе, создавая условия и потенциал для развития, а вторые – в краткосрочной. Расходы на эти сферы, а также количество обучающихся и осужденных на сто тысяч жителей страны служат хорошими показателями складывающихся социально–экономических тенденций и соотношения к ним проводимых политических курсов.

Бедность, нищета и безысходность не добавляют *общественного капитала*. По исследованиям [545], формирование теневой экономики обусловлено, в том числе противоречием неформальных норм и правил с формальными, с "образцовыми европейскими законами", которые принимаются законодательными органами. Эти формальные сложные и дорогие правила, законы могут тормозить инициативу населения. Усиливается в силу этого размер патерналистских ожиданий, которое государство не может удовлетворить.

В-четвертых, идеология выполняет важную коммуникативную функцию, позволяющую воспринимать настоящее и будущее на одном уровне представлений. Представители теории экономики по-прежнему не замечают того обстоятельства, что даже в рамках одной и той же школы возникающие дискуссии часто являются всего лишь следствием неверно понимаемых определений. Идеология, которую в данном случае можно сравнить с методологической основой, создает однородный подход к изучаемому предмету в синкретическом едином образе. [158, с. 518]. *В-пятых*, сходство представлений об объекте предполагает некоторую универсальность и в *поведении различных людей и их групп*. Таким образом, господствующая идеология позволяет прогнозировать складывающуюся ситуацию и делать нормативные выводы. Ограниченная рациональность как идея, пронизывающая существующую экономическую теорию приводит к "систематической слепоте" [529, с. 37].

Возникает идеология как стихийно, так и организованно. Если в первом случае следует иметь в виду начало выработки новой идеологии, то в послед-

нем речь идет об осмысленной необходимости, в том числе и на официальном уровне государственного управления, замены старой идеологии на новую. Причем здесь разрабатываются все необходимые мероприятия в области политики для смены идеологий. Как правило, такое происходит в период реформаций, а не в период революций. Типичный пример, это начало перестройки, инициированной правящей партией в СССР в 80-х гг. Попытались, *сохранив общую идеологию социалистической системы*, сменить только *идеологию экономическую*. В итоге произошла по объективным и по субъективным причинам *радикальная смена общей идеологии* прежней социально-экономической системы с ее идеей общественной собственности, справедливости, отсутствия эксплуатации и равенства на идеологию либерального общества, которая, пожалуй, не изучена и не прочувствована до сих пор.

Если взять, например, такие государства, как Беларусь, Россию, Украину и другие, которым до сих пор не удается выйти на эффективный путь развития, то одна из причин такого положения заключается *в отсутствии адекватной и цельной экономической идеологии в этих государствах*. И дело не только в том, что не учитываются историко-культурные особенности этих стран. Проблема состоит еще и в том, что общая идеология складывающейся системы есть составляющая разных ее сторон и уровней, о которых известно общественному сознанию, но в разных научных дисциплинах. Общая идеология разветвляется как бы в ряд частных, сохраняющих каждая по себе в той или иной форме основной, философский компонент общей национальной идеологии. В свою очередь, стержнем последней выступает политико-экономическая доктрина страны, разработка которой предполагает учет многих составляющих [251, с. 69-73], *включая сложившуюся в мировой экономике расстановку сил, изменения в технологических способах производства и их использование, трансформацию в структуре собственности как на мировом, так и на национальном уровнях, динамику отношений распределения и некоторые другие компоненты*. Таким образом, молодые демократические государства натолкнулись в своих намерениях к лучшему на то, с чем начинали бороться, — с преодолением или уничтожением старой социалистической идеологии и образовавшимся вакуумом в области общей стратегии развития, которая фиксируется в ... этой же идеологии страны. Парадокс обнаруживается лишь в том, что разрушение прежнего института идеологии начиналось сверху, формально и решительно. Образованному обществу, выработавшему и впитавшему за десятилетия прежнюю систему ценностей, определявших нормы поведения лю-

дей, не было предложено *соответствующей* замены культурологических, экономических и других ценностей и ориентиров, позволивших бы этим людям *реализовать свой профессиональный уровень и чувствовать себя лучше, комфортнее, защищеннее, материально обеспеченнее*. В качестве альтернативы прежней идеологии была предложена достаточно абстрактная формулировка времен А. Смита, без учета национальных исторических традиций, идей развития, сложившихся культурных и экономических связей.

В структуре идеологии различные компоненты имеют свой век существования. Например, еще до 50-х гг. XX в. никто не ставил под сомнение ограниченность и невозпроизводимость природных ресурсов. В то же время в теории "факторов производства" труд описывался никак не более чем обычный фактор производства. Кстати сказать, это последнее обстоятельство было предопределено существовавшей на тот период идеологией, согласно которой считалось, что лучше *уравновесить фактор труда и капитала*, чем способствовать разрешению нарастающих противоречий между ними. Отношение к факторам производства с позиций принципа *взаимодополняемости* позволяет реализовать на практике социальное партнерство между трудом и капиталом, властью и обществом, различными видами капиталов.

Не всегда свобода также выступала человеческой ценностью. "...Несвободные работники, — пишет Л. Мизес о периоде рабства, — привыкли к своей зависимости и не воспринимали ее как зло" [314, с. 27]. В период же становления рыночной экономики свобода выступила как одна из важнейших ценностей¹, подталкивающая к социальным превращениям и увеличению своего пространства. То же можно сказать о равенстве-неравенстве, о критерии социальной справедливости. Неумение реально в жизни осуществлять свой выбор, представленный свободой, приведет к росту издержек разного рода и к падению объемов производства. Конкуренция создает условия не свободы, а зависимости, чем активизирует людей к деятельности. Поэтому те показатели экономической свободы, с которыми иногда связывают успехи в экономическом росте, мягко говоря, рассчитываются некорректно [138].

Степень отклонения частных идей различных социальных групп и классов, отдельных людей *от официальной доминирующей идеологии* характеризует целостность и стабильность общества, его экономическую устойчивость. *Чем меньше степень отклонения, тем выше экономическая и социальная общность страны, выше его хозяйственная культура*. В свою очередь эти от-

¹ Это была свобода, защищенная и ограниченная правом и нравственностью всеобщего поведения людей.

клонения влияют на выбор организационных форм и культуру, а, следовательно, и на производственные результаты, *выбор в инвестиционной политике*. Лояльность населения к существующему общественному порядку, поддерживаемому лишь с помощью правоохранительных органов, может увеличиться, но при росте затрат. И это будут чистые издержки общества. *Затраты же на образование обеспечат* не только общественный порядок, но и повысят трудовой потенциал страны, ее культуру, а, следовательно, и социально-экономическую эффективность. Учет идеологии в таких расчетах позволяет сделать более *оптимальный выбор модели развития* [рис. П.4.1, П.4.4].

Выработка новой идеологии XXI в. - это не только проблема постсоциалистических государств¹. Уже не один кризис, в том числе и идеологический, был преодолен западным обществом. Но это были кризисы локального характера, когда не требовалось смены *фундаментальных основ цивилизационной системы*, испытывающей уже на протяжении нескольких последних десятилетий серьезные "перегрузки". "И рынки, и правительство, – пишет Дж. Бьюкенен, – терпят провалы, и нет никакой благосклонной «мудрости». Человек 70-х попал в ловушку дилеммы. Он понимает, что две «великие альтернативы», «laissez-faire» и социализм, умирают, и вряд ли можно ожидать их возрождения" [68, с. 430].

Проникновение идеология в экономику осуществляется через общепринятую парадигму теории, через существующие теории и их прикладное использование. Система образования также распространяет полученные знания в широкую массу людей, которые в последующем будут работать в различных экономических сферах. "Переучить" таких людей, когда меняется экономический образ мышления [489], крайне трудно. Огромнейшие возможности идеологического проникновения во все сферы человеческой деятельности открылись через современные средства массовой информации, компьютерной техники, информационных технологий. Но использование этого канала может быть и разрушителем любой идеологической схемы. В свою очередь *через современные информационные технологии можно навязывать такую идеологию*, которая *выгодна небольшой олигархической группировке*, но которая во все не следует из текущей объективной ситуации.

Идеология современной мир-экономики отличается по содержанию от национальных государств, скажем, в 30–40-е гг. XX столетия, когда преобла-

¹ По проблеме выработки идеологии белорусского государства автором выполнено ряд работ [201, 219, 240, 251].

дала *континентально-страновая идеология*. Нынешний век – это *доминирующая мировая идейная композиция*. Но можно однозначно сказать, что эпоха "чистого экономизма" со своими критериями эффективности и другими расчетами закончилась еще в начале 30-х гг. XX в. *Плотность экономического поля*, опосредованная углублением разделения труда, возникновением новых технологий, интенсивным освоением сокращающихся ресурсов, предельным уровнем использования трудового потенциала с его мотивацией, обусловила его столкновение с областью, или с полем, социально-культурных и нравственно-этических отношений. С одной стороны, это противоречие требует затрат разного порядка (не только экономических) для своего разрешения. С другой стороны, высокая плотность экономического поля существенно *затрудняет свободный выбор производителя–потребителя* для своего рационального и оптимального действия. Наконец, эффективность использования ресурсов в заданной модели снижается из-за роста транзакционных издержек. Об этом свидетельствуют показатели роста бедности в мире, степень дифференциации населения и пр. [55, 70, 107]. Поэтому в качестве одного из ключевых направлений развития экономической науки выделил *теорию идеологии* [568, с. 3-31]. Ведь всякая новая модель хозяйствования, известная истории, вначале *фиксировалась в идее*, признавалась, после чего осуществлялся поиск соответствующих конкретных форм ее реализации. *Институциональное планирование*¹ [576] здесь выступает сложной, но все-таки практичной формой обеспечения такого поиска, для чего используется *соответствующая матрица* (рис. П.4.6), *другие инструменты* [227, 241].

4.4. Экономические изменения и их институциональное отражение в категориях «стоимость», «деньги», «капитал»

Категории стоимость, деньги и капитал являются стержневыми в рыночном хозяйстве, то и понимание их природы имеет важное значение для решения *стратегии "нового экономического порядка"* и устойчивого экономического развития, проблем бизнеса. "Йоханнесбургский Саммит – 2002" в качестве причины возникшей ситуации риска и неопределенности назвал функционирование обособленного и относительно самостоятельного *финансового рынка*, оборот которого сегодня составляет около 98 % (!) транзакций в мире [332, 392], имеющего очень мощное влияние на национальные экономи-

¹ Автором этой категории является М.Алле, который вводит ее в научный оборот в середине 60-х годов. "Экономика свободного общества может функционировать лишь в рамках институциональной экономики

ческие системы. *Страны с переходными системами испытывают потребность в преодолении своего "интеллектуального заблуждения"*: отразить более или менее верно свою историко-экономическую традицию, зафиксировать текущее состояние страны в контексте мировой *социодинамики, глобальных финансов*, определив национальные возможности¹.

Товар выступил первичной экономической формой, объединившей людей и позволившей последним через разделение труда реализовать свои преимущества и интерес. Продуктообмен, переходя в товарообмен, выдвинул стоимость в качестве базового отношения, *институционализирующего рыночную систему хозяйства*², придающего последней определенную целостность и способность к саморегуляции и развитию. *В ней время и пространство получили экономическую характеристику*. Стоимость, кроме всего прочего, о чем писали классики, является общественным нормативом, регламентирующим не только экономическое поведение граждан, но и социально-культурные отношения между людьми. *Структура стоимости* определяет меру и права собственности каждого участника хозяйственного процесса, имеющего экономическую основу, признаваемую большинством, и юридическое закрепление³.

Возникновение экономического института денег⁴ дало старт *экономической цивилизации*, основанной на *феномене капитала* в целом и банковского в том числе. Но, как говорил Ч. Б. Хэнди, "Мы стали пленниками собственной риторики, сложенного нами мифа о деньгах" [342, с. 168]. Одна из причин такой ситуации – это разработка лишь *функционального аспекта денег*. Такие

рынков и планирования структур" [13, с. 144-145].

¹ Он включает, например, проживающих в РБ и не имеющих никаких накоплений пенсионеров числом в 2.6 млн., зрелость для социального контракта между властью и народом и т.п.

² Мы придерживаемся той точки зрения, которая высказывается как зарубежными, так и отечественными авторами, что понятие "капиталистическое хозяйство" значительно шире понятия "рынок", поскольку отражает многие другие институционально-исторические признаки развития экономической цивилизации, а не только общие принципы даже не устройств, а лишь функционирования экономики.

³ В структуре ВВП по доходам и расходам проявляется мера стоимости на макроуровне. На микроуровне стоимость отражает равенство спроса и предложения.

⁴ Принципиальная ошибка отечественных макроэкономистов состоит в том, что они подходят к категории денег лишь как к известным из трактовки популярных учебников денежным агрегатам, которые они используют в своих расчетах. Но все расчеты и выводы по монетарной политике имеют смысл лишь тогда, когда исследователь правильно определяет природу денег. Можно обратить внимание на название известной работы Кейнса "Общая теория занятости, процента и денег", в которой он преодолевает бытовавшую на тот период классическую дихотомию о нейтральности денег. О том, что деньги — это институт по определению, свидетельствует возникшая вместе с ними новая утилитарная норма мышления и поведения людей, ориентирующая на интенсивное накопление богатства в феноменально денежно-стоимостных формах, которые стали поддерживаться и закрепляться политико-правовой средой. "Новые" деньги и их формы имеют не совсем традиционные функции, которые опосредованы меняющейся мотивацией, установками политико-экономических агентов. Автором выполнено ряд работ по разработке институциональной теории денег.

линейные зависимости легче считать, но ни один денежно-финансовый кризис не был спрогнозирован в традициях существующей денежной теории.

Институциональный подход позволяет увидеть новые аспекты и характеристики денег в современных условиях. Во-первых, теория транзакционных издержек применительно к деньгам позволяет более полно оценить эффективность конкретной экономической модели и осуществить мероприятия на минимизацию данного вида издержек. Здесь же заложены огромные возможности обоснования использования преимуществ (и недостатков) различных форм и видов денег. Во-вторых, субъективная социализация всех известных компонентов в формуле $T - D - T$, в которых человек оценивает свою прошлую жизнь (труд, деятельность), сравнивая ее, используя универсальное D с будущим, создает ситуацию огромной неопределенности. Здесь сказываются многие причины. Но фактом остается то, что человек в условиях разделения труда и специализации, "предлагая" себя в каких-то формах обществу осознает, что от него мало что зависит. Как мера D также перестала быть *мерой* экономической и социальной значимости по причине своей неустойчивости. Исходя из этого предполагаемое будущее T становится также неопределенным и непредсказуемым¹. Если накопленные за всю жизнь денежные активы превратились под влиянием инфляции не более чем в бумагу запись на счету, то как должен оценить свою жизнь человек и что он может сказать своим детям, формируя их будущее экономическое мышление? В-третьих, субъектам хозяйствования, участвующим тем или иным способом в *денежной экономике* с определенными результатами для себя, свойственно *психологическое дисконтирование* этих результатов. Речь идет о *психологических нормах забывания и прогнозирования*, на которые влияют наследственные, социальные и другие факторы. Инструменты анализа в области экспериментальной экономики, получившие разработку в трудах Д. Канемана и В. Смита, позволяют надеяться на создание более полной теории денег, использующей классические основы и, естественно, новые подходы к иным условиям хозяйствования [44, с. 4–22].

Банковский капитал на стадии индустриализации носит подчиненный характер, а адекватной сферой развития капитала как явления выступило промышленное производство с его главным элементом — *производительным капиталом*, где в полной мере могла проявить себя конкуренция. Но именно конкуренция своим противоречивым действием порождает такой уже *отно-*

¹ Частично эта проблема была рассмотрена через товарно-денежный фетишизм, к которому обратился лишь К. Маркс.

сительно рыночный (несовершенная конкуренция), но вместе с тем влияющий буквально на все стороны общественной жизни институт как монополия (корпорация) с весьма разнообразными организационными структурами¹.

В процессе эволюции капитал приобретал более сложные, многоструктурные, динамичные, но в то же время из-за превращенности и все более трудные для познания формы. Но если классическое основание экономической науки было выкристаллизовано в дискуссиях в период формирования капитала вокруг этого понятия, то в последующем неоклассиками стала *развиваться* его *экзотерическая, функциональная* сторона. Темпы современной реформы обогнали степень понимания этой центральной категории вновь формируемой рыночной системы, равно как и всю длительную логику его развития с соответствующими политико-экономическими событиями. Понятия "капитал" и "капиталист" приобрели в постсоциалистических странах вульгарно-материалистический и утилитаристский оттенок [383]. В результате основной частью национального богатства — капитальными благами стали управлять министерства, комитеты, фонды по "государственному имуществу", а никак не собственностью с ее целостной системой отношений. "Новый" же формируемый класс предпринимателей-капиталистов в своем экономическом *мышлении*, как свидетельствуют социологические данные, имеет явно *ренто-ориентированную и потребительскую норму поведения*, но никак не "капитальную", рассчитанную на долгосрочную перспективу развития, что предполагает капитал [162, 165, 166]. Проводимой же экономической политике людьми, не совсем понимающими значение и роль капитала, практически невозможно правильно выстроить ее цели, содержание, формы. Иначе говоря, не бывает рынка без капитала и капиталистов, соответствующих последствий.

Категория "капитал" (нем. "Kapital", франц. "Capital") буквально в переводе означает имущество, от лат. "capitalis" — *главная ценность, главное* имущество.

Своеобразие *капиталистической эпохи*, как с точки зрения ее сущности, так и с точки зрения способа и закономерностей использования ресурсов можно уже обнаружить в работе А. Смита "Богатство народов". Он пишет: "Лишь только в руках частных лиц начинают накапливаться капиталы, некоторые из них, естественно, стремятся использовать их для того, чтобы занять работой трудолюбивых людей, которых они снабжают материалами и средствами существования в расчете получить выгоду на продаже продуктов *их*

¹ Парадоксальная категория "монополистическая конкуренция" прижилась в научном обиходе.

труда (выделено нами. — П. Л.) или на том, что эти работники прибавили к стоимости обрабатываемых материалов" [420, с. 50–51]. Д. Рикардо внес много нового по сравнению с А. Смитом в учение о капитале. Он также *натуралистически* рассматривает это понятие, относя к нему принадлежности охотников и рыболовов, объявляя этих людей капиталистами. Д. Рикардо пишет: "Капитал есть та часть богатства страны, которая употребляется в производстве и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырых материалов, машин и пр., необходимых, чтобы привести в движение труд" [25, с. 86]. Но в отличие от А. Смита, Д. Рикардо определяет, что не сам капитал создает стоимость товара, она лишь переносится трудом целиком или частями на вновь произведенный товар. Вместе с тем при определении стоимости, как субстанции капитала, отождествляются затраты труда и затраты капитала. Ф. Бастиа пишет: "Капитал состоит из рабочих инструментов, материалов и припасов, без которых никто, ни в одиночестве, ни в обществе не мог бы предпринять никакой продолжительной работы" [463, с. 209]. Ж. Б. Сэй, оставаясь в принципе на тех же позициях в отношении к капиталу, формулирует "триединую теорию факторов производства", на идеях которой, по существу, держится вся ортодоксальная современная экономическая наука. Однако нельзя не отметить, что в этой формуле как бы фиксируется *общая значимость и одинаковая важность* для производства таких основных факторов, как земля, труд, капитал. Произошел, что называется, *сдвиг в экономическом сознании*, когда наряду со средствами производства, другим имуществом неотъемлемым компонентом признается фактор труда. На тот период формирования класса наемного труда с его суровыми условиями существования, постановка вопроса об одинаковой роли в результатах производства земли, труда, капитала имела прогрессивное значение и не только с экономической точки зрения.

К. Маркс в капитале обнаруживает *определенную историческую эпоху, способ организации производства и господствующее отношение*, где своеобразно и в специфических формах используются имеющиеся ресурсы и факторы производства. "Капитал как самовозрастающая стоимость, — писал К. Маркс, — включает в себе не только классовые отношения, не только определенный характер общества, покоящийся на том, что труд существует как наемный труд. Капитал есть *движение, процесс кругооборота*, проходящий различные стадии, процесс, который, в свою очередь, включает в себе три различные формы кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое" [291, с. 121]. Через анализ

двойственного характера труда, воплощенного в такой элементарной и универсальной форме богатства буржуазного общества, как товар, категория "капитал" у Маркса получает качественную характеристику. В ней нашли отражение объективные закономерности развития капитала от первичных простейших форм (товарных, денежных) до более высоких и сложных экономических форм производственных отношений — промышленного, банковского, монополистического капиталов. Добавим также, что в трактовке Марксом капитала раскрывается *анатомия* всего общества, включая *экономику, идеологию, политику и социологию*, чего к тому времени еще не было сделано. Однако нельзя не отметить и того обстоятельства, что присущие классической экономической науке того периода *объективизм и детерминизм* весьма отчетливо проявился не только в раскрытии содержания Марксом категории "капитал", но и в целом в характеристике всей социально-экономической системы, функционирующей в то время. Дело в том, что теория экономики в своей методологии пользовалась достижениями естественных наук, где исследуемые законы действовали как универсальные, объективные, независимо от воли и желания людей.

С одной стороны, объективный детерминизм в экономической науке объясняется ограниченностью и относительностью человеческого знания. С другой стороны, степень зависимости человека в удовлетворении своих самых первичных и насущных потребностей от внешней среды, от природы была значительно большей, чем сейчас. Сегодня в условиях развитых коммуникативных связей неурожай или стихийное бедствие в одном регионе, стране, могут компенсироваться помощью или быстрой закупкой товаров у других стран. Возникающая в результате межотраслевой конкуренции *средняя норма прибыли* не только оправдывает существование капитала, но и выступает ориентиром, общественно признанным *мотивом* не просто капитала, а капитала производительного, что *цементирует экономику рыночного типа* при всех ее тенденциях к кризисам.

Финансовый капитал, пронизывая всю систему воспроизводства, расширяет характерную для классической школы натуралистическую трактовку капитала. В частности, представители австрийской школы выводят *капитал из субъективно-психологических оценок* благ, потребляемых в настоящее время, и благ будущих, хозяйственных. Последние помогают повысить эффективность производства и увеличить выпуск конечного продукта. Собственник этих благ, отказавшись от текущего потребления в настоящем, должен полу-

чить для своей компенсации в оценке полезности доход в будущем. Таким образом, в теории капитала австрийской школы на первый план выдвигаются субъективные оценки деятельности во *времени*, поскольку оно играло и играет решающую роль в понижении субъективных оценок будущих благ, компенсируемых к настоящему моменту нормой прибыли и процента.

Аспект *времени* в определении капитала весьма активно использовал Дж. Хикс. Он замечает, что "натурально-материалистический" подход к капиталу обращен в прошлое и не отражает его будущего состояния и динамики. Наряду с товарами производственного назначения Хикс огромное значение придает *денежным активам*. "Именно работа сэра Джона Хикса «Стоимость и капитал» научила нас четко формулировать теорию капитала как проблему оптимизации для фирмы", — пишет К. Эрроу" [491, с. 80]. Такая оценка вполне заслужена, поскольку Хикс уходит от упрощенных (натурально-материалистических) определений капитала, связывая характеристики последнего с нормами накопления получаемых доходов, динамикой различных элементов капитала, а также функционированием экономической системы в целом в различных периодах. Это вовсе не означает, что такие вещественные трактовки исчезли из научного оборота. Например, Д.Б. Кларк пишет: "Капитал состоит из средств производства, которые всегда материальны... Капитал мира есть (как и был) одно *великое орудие в руках работающего человечества*, вооружение, посредством которого человечество подчиняет и преобразовывает сопротивляющиеся элементы природы" [164, с. 108].

Различные подходы к капиталу обусловлены не только идеологией, а в конечном итоге необходимостью взвешенного подхода к разным видам и объектам инвестиций, а также проблемой обоснования *распределяемого дохода*¹ между участниками хозяйственного процесса. На результативность взаимоотношения труда и капитала оказывает влияние политико-экономическая среда. Но между собственником средств производства и рабочим, приводящим эти средства в "экономическое движение", кругооборот, появляется еще один важный компонент — "*организация*", или предпринимательский фактор, достаточно сильно влияющий на результативность используемых ресурсов без дополнительных затрат. Поэтому в начале века возникает и новая наука — *менеджмент*, предметом которой как раз и является выбор альтернатив по

¹ Важной задачей для экономической науки на постсоциалистическом пространстве является разработка законов распределения, разрешающих в целом интересы всех классов и социальных слоев.

принятию решений, оптимизирующих экономическое поведение субъектов в практической реализации организационно-экономических отношений.

Конкуренция своим жестким механизмом действия¹ предопределила дальнейшую дифференциацию капиталов и создала тем самым предпосылки для возникновения монополии, *что существенно изменило правила поведения субъектов рыночной экономики*. Но пока неоклассики выступали против якобы "иной" для рынка монополии, Э. Чемберлин и Дж. Робинсон обосновывают ее *имманентность* для капиталистического хозяйства², что *изменило образ экономического мышления* о монополистическом хозяйстве.

Финансовый капитал уже отражает совсем иную стадию развития рыночного хозяйства, поскольку *в утилитаристскую модель поведения хозяйствующего субъекта встраивается спекулятивный компонент*, изменяющий критерии и сам *механизм регуляции* социально-экономических отношений. Финансовый капитал можно сравнить со второй производной (деньги – первая) от того первоначального понятия "экономика", которое вкладывал в него Аристотель. Финансовый капитал с его навязывающей остальным элементам хозяйства спекулятивной логикой поведения усиливает источник нестабильности и кризисов [60, с. 50]. "Если исключить несколько коротких счастливых периодов, — пишет Ф.Хайек, — можно сказать, что история государственного управления денежной системой была историей непрекращающегося обмана и лжи" [483, с. 181]. Из-за резких колебаний нормы прибыли в финансовом и реальном секторе экономики, предприниматель (особенно мелкий) теряет в целом свое экономическое положение³, постепенно отходя от дел, также приходя к финансовой пирамиде законного и незаконного типа образования. Структура финансового рынка в РБ и РФ позволяет видеть первые и вторые в полном объеме, хотя по мотивам они ничем не отличаются друг от друга.

Государство, центробанки, кредитно-банковские учреждения и другие финансовые институты, сконцентрировав экономико-политическую власть, усиливают ее, проводя в жизнь необходимые законы и акты, чем достигают своих вполне осязаемых денежных целей. Конкуренция здесь переходит из экономического в *институциональное поле* в целом. Так что *коррупция* — это своего рода сделка между финансистами и политиками, а взятка в той или

¹ Интересно то, что в неоклассической теории конкуренция является своего рода "черным ящиком". Анализ литературы подвел автора к выводу, что *механизм конкуренции* лучше всего прописан в работах Маркса.

² Несколько позже А. Харбергер и др. эконометрически доказывают незначительные потери экономики США [516, с. 656] без выгод от монополистических структур [522].

³ Проблема малого бизнеса на Западе началась именно с подавлением финансово-монополистическими группами предприятий-аутсайдеров. С этого времени начинается новая волна в по поддержке малого бизнеса.

иной форме выступает ценой оказываемых услуг. Ежегодные антикоррупционные скандалы, разгорающиеся в той или иной стране, являются тому подтверждением, равно как и то, что эти сделки недостижимы в рамках правового поля в период существующего режима власти.

Учитывая, что норма прибыли на политическом поле опережает даже уровень доходов от наркобизнеса и алкоголя, а общественная полезность от такого политического бизнеса стоит на грани *национальных интересов*, то возникает острая *проблема общественного надгосударственного контроля за деятельностью в области политики*. Кстати сказать, возрождение неолиберальных традиций (не следует путать с идеями монетаристов, которые отрицают любую форму контроля, включая и государственную, кроме финансовой) связано именно с тем, что *политический институт типа современного государства основательно подорвал к себе доверие граждан*. Некоторые авторы (П. Дракер, О. Тоффлер, М. Кастельс) видят в этом *отмирание государства* с присущей ему структурой и функциями. Естественно, с формированием глобальной мир-экономики предполагается, что возникающие уже институты по общественной координации будут более эффективными и относительно недорогими. Речь в данном случае идет о *метаинститутах*, прототипом которых в настоящее время являются некоторые международные структуры. Принимая какое-то важное решение, правительство любой страны уже не может не обращаться для полноты сведений к этим информационно-аналитическим структурам в прямой или косвенной форме (к косвенным видам можно отнести используемые программы, технику, подключение к некоторым банкам данных). Естественно, *решение принимается национальным правительством или соответствующими другими органами, бизнесом, но исходя из имеющейся информации и рекомендаций*.

Информация в настоящее время эквивалентна деньгам, а деньги — синтетической информации. И это вовсе неспроста, поскольку собственно "банки" как хранилища универсального общественного богатства срослись с "банками данных"¹. Возможным такое сращивание оказалось благодаря *новой информационной функции денег*, которую они стали выполнять, переходя этап бумажных и записи на счетах в банках к электронному виду. *Стоимость изделия, созданная знанием*, выходит за привычные пределы затрат, необходимых для его изготовления. На цену этого изделия оказывает решающее влия-

¹ Понятия "тезаурация" и "тезаурус" имеют общий корень thesauros (греч.), что в переводе означает "сокровище" и "полный систематизированный набор данных".

ние множество других переменных факторов, которые в основном продуцируются не просто его индивидуальной полезностью или ценностью, а *ценностью социальной, институциональной* [342, с. 327–371]. Как показывает накопленный практикой опыт, претерпевает существенные изменения и механизм защиты интеллектуальной собственности, авторских и смежных прав [450, 215], влияющего на *развитие и рост*.

Начиная со второй половины XX в. заметно возросло значение информационного продукта в воздействии на рациональное поведение потребителя и определения верных решений, принимаемых производителем. Кроме этого, сформировался *новый специфический рынок* информационных услуг, дающий возможность получать значительные доходы от информационной деятельности. Специфика этого рынка не только в том, что *возникает* новая система экономических и правовых отношений по защите прав информационно-интеллектуальной собственности, но и в *новых принципах ценообразования на этот товар*. Рынок информации стал определяющим среди всех других рынков товаров и услуг. Частным моментом, подтверждающим высказанное выше утверждение, является значительное увеличение доли затрат, осуществляемых фирмами на информационную деятельность в том или ином направлении, в структуре цены на другие товары и услуги. Уровень информационемкости стал решающим в обеспечении конкурентоспособности [391, 446, 394]. И это при всем том, что *информационный продукт*, являясь *общественным благом*, в большом объеме финансируется из государственного бюджета, других национальных фондов [548, с. 98]. Но если в обществе или на фирме не представляется равных возможностей доступа к ней, то возникают отношения *экономической, социальной и психологической эксплуатации*, создающих условия для *низкой мотивации трудовой деятельности* работников всех уровней.

Доля затрат в ВВП на науку выступает своеобразным *нормативом, критерием, показывающим правильность направления* экономической политики того или иного государства. Теорией уже давно установлена прямо пропорциональная зависимость между затратами на науку и долгосрочным экономическим развитием [49; 391, с. 224]. Выводы, следующие из этого, достаточно очевидны. Но осторожное поведение фирм объясняется, во-первых, проблемой защиты от пиратства и воровства интеллектуальной собственности, имеющей капитальную значимость, как для фирм, так и для стран. Во-вторых, тем, что новые технологии требуют весьма значительных первоначальных затрат ресурсов, которых, как правило, не хватает. Это ограничивает и сущест-

венно *видоизменяет формы конкуренции* в сфере научно-информационного и технологического бизнеса. В-третьих, *"экономика" и организация интеллектуального бизнеса* — дело относительно *новое и малоизученное*, дающее большой шанс на ошибку в силу своей неизвестности и *нестандартности*. Но фактом является то, что даже на традиционных рынках направление конкуренции сместилось от наиболее значимых свойств рынка товаров, казалось бы, к наименее предпочтительным — социально-психологическим [531].

Выделение новых элементов капитала в качестве самостоятельных, иногда определяющих в общей структуре используемых ресурсов и в то же время отличных от традиционных по многим признакам и свойствам, прямо и косвенно меняет взаимодействие между "трудом и капиталом". Попытка увидеть *общие основания* между "трудом и капиталом" дает в 50-е гг. начало новой теории, получившей название *"теории человеческого капитала"* [161, 296]¹. Не вдаваясь в дискуссию, отметим лишь, что капитал в любой форме для получения прибыли как главного своего "вознаграждения" должен быть в движении, или, иначе говоря, в *социально-экономическом сцеплении с системой*, оставляя "след"² в последней. Теория "человеческого капитала" отразила *реальные изменения человеческого фактора* и влияние *отношений*³ в обществе [155] на весь производственный процесс, качество продукции, производительность труда, но которые не излагаются в учебной массовой литературе. Также экономически подтверждаются более высокие доходы у людей, имеющих высокий образовательный ценз, культурный уровень. Под *человеческим капиталом* понимается совокупность всех качеств работника, включая приобретенные знания, навыки, а также мотивацию и энергию, используемые для производства экономических благ. Хотелось бы подчеркнуть при этом, что возникновение теории "человеческого капитала" отразило, во-первых, *принципиальные изменения на рынке труда*, когда спрос на труд превратился из вторичного в первичный⁴. К этому необходимо добавить, что рынок капиталов, лидируя, мог лишь черпать "фактор труда" на рынке труда (фазе обмена),

¹ В оценке этого вида актива не следует пренебрегать позицией К. Маркса, который подчеркивает: "К сожалению, имеются два обстоятельства, неприятным образом опрокидывающих это безмозглое представление: во-первых, рабочий должен работать, чтобы получить проценты, и, во-вторых, он не может обратить в звонкую монету капитальную стоимость своей рабочей силы путем ее передачи другому" [291, т. 24, ч. 2, с. 8].

² Ученый или артист, как свидетельствует практика, должны постоянно находиться "на виду", *в сознании человека* разного рода мероприятия, подтверждая, таким образом, свою социальную значимость и, таким образом, *товарную полезность, ценность*.

³ Аспект созидательного влияния производственных отношений в работах Маркса был прописан меньше всего. Он, кстати, получил большее распространение популяризаторами его идей.

⁴ В массовой учебной литературе утверждается с настойчивостью до сих пор, что спрос на труд является вторичным по отношению к спросу на товары и услуги.

оставляя за пределами внимания сам процесс формирования и подготовки этого важного, приобретающего первичность элемент производства. Об этом свидетельствует тот категориальный аппарат, которым пользовались (и пользуются по преимуществу сейчас) экономисты-неоклассики: цена труда и его предельная эффективность, минимальная заработная плата и др. Ведь даже признание безработицы, самым решительным образом влияющей на формирование и воспроизводство рабочей силы в рыночной экономике, произошло только в 30-е гг.¹ К тому же усложнение техники и технологии, рост затрат на продукцию так увеличился, что рисковать, сделав затраты на вещественные элементы и не найдя соответствующих работников, могущих эффективно использовать технику, было нельзя. Поэтому *проблема воспроизводства рабочей силы выходит на уровень государственной национальной политики*, проявляющейся в регулировании интеллектуальной миграции, уровня минимальной заработной платы, развитии бесплатного для граждан образования, медицинского обслуживания, мероприятий по преодолению безработицы. В литературе, которая перестала игнорировать *изменения, происходящие в экономике и обществе*, меняются и подходы к собственности, роли работников интеллектуального труда и специалистов, которых Дж. К. Гэлбрейт назвал технотрудовой [111].

Конкуренция, о которой так много говорили экономисты-неоклассики, начала выходить на уровень *предварительных технологических разработок* новых машин, станков, организационных мероприятий и т. п. Надо заранее спрогнозировать и совместить цикл появления технологического способа производства и качественно новой рабочей силы. Именно эта проблема несовместимости возможностей использования технологического способа производства и соответствующего уровня квалификации возникла в США в середине 80-х гг. Для развивающихся стран существенным тормозом в преодолении своей экономической отсталости и экономического роста является также фактор труда. *Мобильность капиталов и труда обнаружили свое несоответствие и противоречие*³ в пространстве, времени, формах взаимодействия.

¹ В институциональной теории эта проблема нашла отражение в категориях "принципал – агент". Бинарная экономика, получившая развитие в США, [133, с. 160–168] в решении современных практических проблем выходит на уровень анализа *реальных отношений собственности капитала и труда*. Если признать, что исторически безработица в рыночном хозяйстве существовала всегда, то даже гипотетическое допущение о равновесии на рынке труда является просто ошибкой в основании.

³ Не взирая на утверждение о высокообразовательном уровне населения Беларуси, существует проблема специфицированных кадров по многим специальностям. Низкие доходы работников отражают либо их низкую производительность, либо "несправедливое" распределение.

Для подготовки работника нужны *авансы уже со стороны собственников ресурсов общества*. Эти первоначальные затраты могли быть в виде добровольных фондов или налогов, которые в последующем направлялись на образование, медицину и т. п. Но для авансов требуется гарантии, страховка в смысле перспективности и правильности программ образования, которые бы соответствовали техническому и общественному прогрессу, обеспечивая стабильность и устойчивость развития² [373, с. 172–177].

Г. Беккер, обращаясь в своих работах к нехарактерным для ортодоксальной науки проблемам, видит в домохозяйствах не только основного потребителя ВВП. Семья для него также неоднородна и в принятии решений, например, о размерах потребления или накопления. Эти решения зависят от количества членов семьи, их образовательного ценза, формы брака и т. п. К тому же семья, как следует из выводов Г. Беккера, *мощный институт, закладывающий долгосрочную мотивацию поведения людей, их культуру*. Таким образом, понятие капитала приобретает интегральное выражение, акцентирующее внимание на главном элементе создания общественного богатства — человеке с его многосторонними качествами и формой [557, 558]. Но в настоящее время можно найти расхождения во мнениях экономистов: куда относить затраты на образование, медицину, некоторые социальные программы — на потребление или к инвестициям. Это важно, поскольку граница между *v* (переменным капиталом) и *m* (прибавочным продуктом) имеет уже не такой жестко фиксированный вид. На практике это находит выражение в поисках наиболее "рационального, эффективного, справедливого" распределения. Речь идет об *институциональном влиянии на доходы, которые не координируются с динамикой предельных величин (дохода и затрат)*¹ [227, с. 138–153], о чем свидетельствует факт изменения доходов в развитых странах [55, с. 90–114].

Логика анализа капитала обнаруживает слияние или интеграцию традиционной экономики, этики, философии, права. Таким образом, если говорить о *синергетическом эффекте* в восприятии сложной структуры капитала и его не совсем простых элементов в обеспечении экономического роста, то не менее важным и значимым является общий положительный эффект от интегрированного знания, преодолевающего узкий экономизм в определении.

² В Беларуси, как и во многих других странах, идет вяло текущий процесс поиска стратегии образования. Пока еще нынешняя модель экономики использует преимущества "старой" системы образования.

¹ Известная формула $MC=MR$ не может быть проверена на практике, поскольку ни рабочий, ни работодатель не могут и не считают эти параметры. Еще труднее отделить от MC долю труда. Но если $MC > MR$, то вина в этом не наемного работника, которого "организует" капитал.

Обращение к новым аспектам содержания категории "капитал" дает возможность и делает необходимым инвестировать в "нетрадиционные" сферы, *институциональную инфраструктуру*¹, что позволит не только получать сверхприбыли отдельным хозяйствующим субъектам, но и *институциональную ренту*² всему обществу за счет снижения общих транзакционных издержек.

Конкуренция идет также и *через объекты будущих вложений*, а не только через уже действующие отрасли производства. В свою очередь, новые сферы деятельности требуют и учета более *сложной мотивации, организационных форм* предприятий. Расширение предмета науки обратило свой взор в поисках нового спектра активов в "человеческом капитале", требующего специфического вложения инвестиций³. В частности, было замечено, что значение капитала, включая человеческий в смысле повышения его профессионализма, в темпах экономического роста значительно выше, чем показывают расчеты Р. Солоу [615, с. 159]. Основная идея *новых подходов* заключается в том, что инвестиции становятся индивидуально или общественно окупаемы, если они одинаково вкладываются в капитал (традиционный), работника и все то, что с ними связано [409, с. 620–621]. Исходя из этого можно сделать вывод о значимости в *капитальном накоплении культурологических факторов, увеличивающих общественный капитал* [170-172].

Нельзя не видеть и того, что сегодня *под влиянием финансового капитала* создается серьезная *опасность капиталу реального сектора производства*. "Благодаря" спекуляциям финансового капитала, последний оказывается оторванным от передвижения реального капитала. В свою очередь, нарушается *общий мировой кругооборот капитала* и капиталов национальных, движение товаров и услуг. Сейчас на долю реальных товаров и услуг приходится всего лишь около 2 % всего оборота капитала. Директора финансовых организаций и банков, руководствуясь спекулятивными интересами и имея корпоративную установку с вполне определенным набором категорий, уже не в состоянии разобратся в существе подобных операций и практически упустили контроль над реальным сектором экономики и тем более над общей экономической ситуацией.

¹ Современная экономика "размыла" понятия "инвестиции" и "потребление".

² В некоторых странах уже возникает проблема распределения и присвоения этого вида доходов между различными категориями работников и социальными группами.

³ Специфика их в том, что это не только денежные затраты, но мотивированная активизация по постоянному получению образования и его повышению. Этот парадокс наблюдается в постсоциалистических странах, где низкая оплата последипломного образования не лишает молодых людей стремления учиться. В то же время, например, в 3. Европе степень интенсивности всего образования заметно упала.

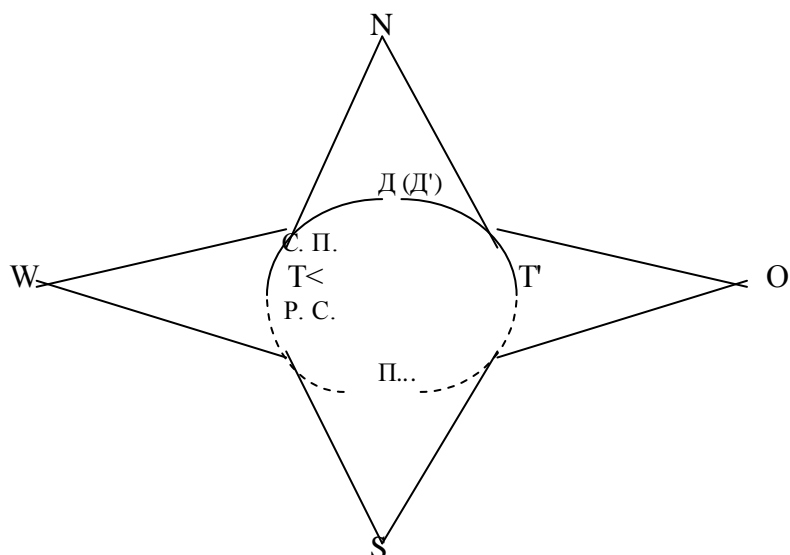

Рис. 4.7. Размещение функциональной структуры современного капитала

Капитал нации — это не только капитал частных лиц. Бисмарк понимал это, когда вводил государственный контроль за амортизационными отчислениями. У Маркса эта проблема анализируется через призму понятий *индивидуальной и общественной производительной силы труда*, кругооборота индивидуального и общественного капитала, кооперацию. Скромные попытки в этом направлении делали А. Алчиан и Д. Демсетц через *экономическую организацию* [520, с. 280–317], что, впрочем, не развивает эту идею глубоко. Капитал, таким образом, если обратиться к современной практике и теории (см. рис. 4.7), представляет эту категорию одновременно и как вещь, и как деньги, и как процесс, как отношение и как производство [532, с. 390]. Символы Д, Т, ...П..., Т', Д' и пр. отражают типичные для кругооборота капитала явления. Здесь важно заметить то, что в силу сложившегося разделения труда и капиталов на севере (N) работает рынок ценных бумаг, где "делают" деньги непосредственно из денег. Западные агенты (W) в силу своей специализации предпочитают пока использовать рынки физических капиталов и труда. Восточные же (O) отдают предпочтения рынкам товаров, а южные (S) сориентированы на непосредственное производство серийных потребительских благ. Такая схема, на наш взгляд, помогает отразить в большей степени реальность понятия "капитал", установить связь между его различными формами в пространственном и временном размещении. К *какой стороне* представленного рисунка отнести экономику России или Беларуси можно судить по отраслевой структуре, составу ВВП, платежному балансу [434, 435].

Современная реформа существенно снизила нормы накопления до разрушающих размеров, после которых восстановить на прежнем техническом, экономическом, социальном и институциональном уровне какое-либо государство практически не представляется возможным *без огромнейших дополнительных затрат*. Сказывается эффект запредельного разрушения системы. Для транзитивных экономик данная проблема является одной из актуальнейших, когда экономическая динамика требует дополнительных капиталовложений, а последних как раз и не хватает в силу низкой эффективности производства и сложных мирохозяйственных отношениях (см. рис. П.4.5). Далее, очень важен механизм начисления, контроля и использования амортизационных отчислений, которые в Беларуси, например, уже давно не являются источником восстановления даже простого воспроизводства по причине обычного "проедания" капитального фонда¹.

Инвестиционная привлекательность для иностранного капитала выходит далеко за пределы формирования "хороших политических условий", не подкрепленных серьезной *институциональной инфраструктурой*. Отсутствие этой широкой инфраструктуры повышает риск в целом через рост социальных и транзакционных издержек, что ведет, в конечном счете, к утрате *конкурентоспособности капитала*² республики.

Но все перечисленные выше сферы по преимуществу являются не коммерческими, а следовательно, требуют затрат из государственного бюджета и других общественных фондов. Иначе говоря, ситуация с современным накоплением капитала в переходных экономиках повторяется, когда *капитал* нации в достаточно жестких условиях *"вскармливают"* вся страна. Для социализма в переходный период был определен *"закон социалистического первоначального накопления"*, который также реализовывался в развитии индустриализации за счет ограничения личных доходов граждан³.

Однако дело даже не в этом. Капитал в классическом своем понимании жестко ориентируется на прибыль. Новые высокие технологии, наука, образование, институциональная инфраструктура и пр. не попадают в зону его интереса, а, следовательно, могут не развиваться, чем в целом влияют на снижение эффективности функционирования капитала. Поэтому для молодых незави-

¹ Об этом свидетельствует степень износа материального и морального износа капитала в РБ.

² В этом деле огромное значение сегодня имеет *способность к внушаемости* о преимуществе каких-то товаров или услуг, опыт чего отсутствует в республике.

³ Известны и законы капиталистического накопления. Для постсоциалистических стран существует особая проблема в формировании и накоплении капитала [383, с. 40–52].

симых государств важно, понимая происходящие изменения в структуре капитала в его классическом варианте и новой интерпретации, выстраивать необходимую экономическую политику, *ориентированную на постиндустриальную эпоху развития, где воспроизводство "общественного капитала"* приобретает первостепенное значение. Конечно, не просто преодолеть замкнутый порочный круг¹.

В настоящее время основным элементом богатства, а, следовательно, и капитала, являются *институциональная составляющая, само информационное поле*, где коммерческое и некоммерческое начала проявляют себя крайне противоречиво. Но если рассмотреть динамику доходов и занятых в экономике, то обнаружится, что среди последних преобладают люди, работающие в информационных сферах [391, 446]. В этих же отраслях, как правило, и более высокие доходы людей, имеющих, естественно, высокий образовательный ценз. Однако этот рынок капитала не подчиняется тем теоретическим основам, которые разработала ортодоксальная экономическая теория [546, 548]. Но, несомненно, то, что сегодня *информационный капитал возглавляет пирамиду* всех элементов капитала, управляя вместе с финансовым капиталом всей системой отношений воспроизводства, включая мир-экономику (рис. П.4.7).

Однако в неоклассических традициях эта, равно как и проблема "глобального капитала", не попадает в объект исследования. В рамках же политэкономического подхода можно выделить к началу века силу ТНК и взаимозависимых трех центров: ЕС, США и Японии [603]. Обращаясь к финансово-информационному проявлению глобализации, можно кроме доминирующего влияния этой силы на все происходящие экономические процессы заметить необходимость изменения *подходов и методологии* экономической науке². Денежные оценки сложного современного мира экономики, распространившись на *нестойкие сферы* человеческой деятельности, искажают реальность³. "Экономическая теория, – как пишет Сорос, – верна в качестве гипотетической конструкции, в которой рефлексивность отсутствует. Когда мы применяем экономические теории к реальному миру, то мы можем получить ис-

¹ Проблема экономического развития (роста в том числе) совсем недавно в работах Д. Норта, Р. Нельсона, У. Винтера и других снова приобрела новое звучание, поскольку граница между вторым и третьим тысячелетием зафиксировала также ограничения на известные людям источники и факторы социально-экономического развития.

² Экономическая наука на сегодняшний день сосредоточивает свое внимание на следующих направлениях глобализации: функционировании финансового рынка; информационной мировой сети; сформировавшимся и развивающимся ТНК; регионализации экономики; интенсификации мировой торговли через электронные формы коммуникации и виды расчетов; тенденции к конвергенции.

³ В классической политэкономии использовались категории *перенесенных экономических форм и оценок*.

каждую картину. Это особенно заметно на финансовых рынках, где рефлексивность играет важную роль. Теории рациональных ожиданий и эффективных рынков являются глубоко неверными" [427, с. 48]. Денежно-финансовая парадигма даже не ориентирует исследователя на выполнение эвристической функции. Дж. Сорос отмечал: "...Финансовая гипотеза не должна быть истинной для того, чтобы быть прибыльной, достаточно, чтобы она стала общепринятой. Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго... Деньги узурпировали роль подлинных ценностей" [429, с. 101]. Общим результатом проведения политики финансового фундаментализма явилась *виртуальная экономика*. Мир финансов стал практически самостоятельным автономным космосом, *утратившим прямую зависимость от физической экономической реальности*. К концу XX в. на планете уже сформировалось самостоятельное *номинальное поле разнообразных валютно-финансовых операций с деньгами, обусловивших противоречивое столкновение этой квазиэкономики с экономикой реального сектора* [208, с. 342–352].

Еще в 1992 г. М. Алле написал работу "Монетарные условия рыночной экономики", в которой он отмечал, что "мировая экономика как целое опирается сегодня на гигантскую пирамиду долгов, которые находятся в весьма сложном равновесии. Никогда в прошлом не было такого гигантского накопления обещаний платить. И, несомненно, никогда не было так трудно справиться с ними. Эта спекуляция с валютами или спекуляция на фондовых рынках свидетельствует, что мир стал одним огромным казино с игровыми таблицами, распределяемыми по всем широтам и долготам. Генерируется перманентная потенциальная нестабильность и растущее разъединение между финансовой системой и реальной экономикой" [506, с. 16]. Стремительно растущие дефициты и государственный долг, который, например, в США превышает более 5.5 трлн долл., создают у многих экономистов представление о том, что "государства в настоящее время живут в бюджетной тюрьме, из которой нет выхода" [619, с. 216]. Поэтому, проводя особую национальную экономическую политику с безусловной ориентацией на свои государственные интересы, это надо понимать, равно как и то, что сфера мировой экономики с ее информационными технологиями уже накопила критическую массу для возникновения нового кризиса на глобальном уровне. Осознавая вероятность грозящей катастрофы, вина за которую возлагается на МВФ и другие соответствующие финансовые институты, Дж. Сорос предлагает превратить МВФ в "нечто вроде международного центрального банка" [428]. Опасность никем не

контролируемых огромных финансовых потоков обсуждалась в конце октября 1998 г. в Лондоне на совещании министров финансов ведущих экономических держав. М. Фридмен также пишет: "Финансовый кризис в экономиках Азии был порожден комбинацией трех составляющих элементов: застоя в Японии, привязки центральными банками обменного курса национальных валют к американскому доллару, а также существования и политики МВФ" [481, с. 4]. В настоящее время происходит структурная реформа МВФ, действительные цели которых пока неизвестны.

Парадокс ситуации в том, что сама *кризисность мира* обеспечивает пока еще внушительную *глобальную ренту* финансовому капиталу, который проводит рискованные операции на фондовых и валютных рынках. И если в рамках мировой экономики с точки зрения создания национального богатства эти операции выступают всего лишь игрой с нулевой суммой, то для участников финансовой игры результаты чередуются от проигрыша к выигрышу¹. Глобальные финансы усиливают риск *неуправляемости, неконтролируемости и, следовательно, очередного всеобщего мирового кризиса*. Ведь извлечение глобальной ренты возможно лишь через постоянное нарушение равновесных процессов. Погоня за ней создает реальную угрозу для срыва мировой финансово-банковской системы и выход ее за пределы действенного контроля и профессионального прогноза.

Политэкономия Смита, Рикардо, Маркса сделали поистине революцию в теории экономики, обосновав вклад в национальный доход и богатство фактора труда, используя категории: стоимость, абстрактный труд, производительный и непроизводительный труд. В структуру ВВП, обоснованием которого выступила уже неоклассическая теория, начали включать и разного рода услуги с их субъективированными оценками. Доля же финансовых в ВВП индустриально развитых государств выступает уже на уровне 10–19 %. Однако с институциональной точки зрения весь финансовый сектор попадает уже в разряд транзакционных отраслей [513, с. 206–207]. Эти транзакционные издержки характеризуют издержки по эксплуатации экономики рыночного типа или, иначе говоря, это усилия на преодоление "трения" в современной экономической системе и обслуживанию всякого рода сделок по защите правомочий собственности и свобод. Следовательно, они должны вычитаться из ВВП, а не суммироваться в качестве общих составляющих реального сектора экономи-

¹ Крупный финансовый капитал в долгосрочном периоде всегда "выигрывает", поскольку он всегда начинает. Кавычки мы поставили для того, чтобы указать на экономическую бесполезность данной деятельности, игры.

ки[627]. Переход от СНС (система национальных счетов) к системе социальных счетов (ССС) позволит более четко зафиксировать роль и участие каждого сектора экономики в создании действительно общественно полезных благ и услуг, производство которых и обеспечит реализацию известной стратегии по устойчивому экономическому развитию отдельных государств и мирового сообщества в целом, которая стоит первым пунктом в принятом 18–20 июня 1999 г. коммюнике на заседании Группы семи [392, с. 11]. *Финансовый капитал вступил в противоречие с капиталом как экономическим феноменом, основанном на частной собственности и производительной норме поведения.* Это порождает условия для общей мировой нестабильности. В свою очередь, сложившаяся на этой основе *денежная система отношений* вступила в противоречие против человека как вида и как социума [170]. В отличие от экологической эта проблематика практически не обсуждается в экономике. Еще меньше заметен в условиях глобализации *переход власти от денег и государства как политического института к знанию и информации* [275, с. 78–96]. *Парадигмальный сдвиг в теории позволяет анализ существующих проблем проводить на ином уровне отношений, связей, форм и методов управления.* Возникает возможность также рассматривать воспроизводство мирового капитала для *прогноза возникновения следующего экономического кризиса, как на всеобщем, так и на региональных уровнях.* В свою очередь международная кооперация капиталов предопределяет синергетический эффект в мировом развитии, в котором возникла *проблема распределения глобальной ренты и доходов, нуждающихся в теоретическом разрешении.*

Выводы.

1. *Позитивный научный опыт* складывается из критики существующих теорий, практики и формирования новых исследовательских программ. Современная экономика содержит черты прошлого классического опыта, но уже с количественными и качественными изменениями в технологиях, формах организации, управления, нормах поведения, отражающихся в институциональной теории. Последняя предметом, методологией, уровнями анализа и прочими научными атрибутами, восстанавливая целостный подход к *основанию* социально-экономических явлений, является частным случаем общей теории экономики. Обращение к институтам как главным несущим *конституирующим* элементам системы позволяет зафиксировать *внутренние причинно-следственные связи между экономическим и внеэкономическим факторами,*

которые влияют на результативность хозяйственной деятельности индивидов, фирм, государства, общества. Современная политико-экономическая эпоха представляет собой состояние *всеобщей неопределенности и переходности*, которые свойственные в разной степени для всех стран. Это несет в себе необходимость анализа *институциональных изменений, развития*.

2. Такие базовые институты как собственность и идеологии, имея определенную структуру, внутренне взаимосвязаны между собой. Междисциплинарный подход к институту собственности позволяет обнаружить *направления поиска эффективных форм его реализации* в конкретно-исторических условиях. Перераспределение прав собственности сопровождается транзакционными издержками с непропорциональным распределением их источников покрытия и рентных доходов, снижающих потенциал стран. Идеально-нравственный уровень (идеология), где достигается *противоречивый баланс интересов*, представляет основу для юридических форм, закрепляющих отношения собственности. Каждый технологический способ производства имеет специфические субъектно-объектные отношения отчуждения–присвоения, с адекватными функционально-управленческими формами, в которых реализуется интересы принципала (распорядителя)–собственника–агента (работника). Трансформация собственности начинается со смены идеологии, что последовательно изменяет всю социально-экономическую систему отношений и форм. Распределение выгод и издержек при приватизации (национализации) осуществляется далеко непропорционально для субъектов хозяйствования. Сама частная или общественная собственность еще не порождает развития.

3. Продуктообмен, переходя в товарообмен, выдвинул стоимость в качестве базового отношения, *институционализирующего* рыночную систему хозяйства, придающего последней определенную целостность и способность к саморегуляции и развитию. *В ней время и пространство получили экономическую характеристику*. Стоимость, кроме всего прочего является общественным нормативом, регламентирующим не только экономическое поведение граждан, но и социально-культурные отношения между людьми. *Структура стоимости* определяет меру и права собственности каждого участника хозяйственного процесса, имеющего экономическую основу, признаваемую большинством, и юридическое закрепление.

Возникновение *экономического института денег* дало старт *экономической цивилизации*, основанной на *феномене капитала* в целом и банковского в том числе. Но разработка лишь *функционального аспекта денег* не позволяет

видеть социально-экономического контекста развития. В современных условиях транзакционные издержки и их рост, связанный с деньгами и дает возможность оценивать эффективность *конкретной экономической модели* и осуществить мероприятия на минимизацию данного вида издержек, использования преимуществ и недостатков различных видов денег. Как мера *Д* также перестала быть мерой экономической и социальной значимости по причине своей неустойчивости. Субъектам хозяйствования, участвующим тем или иным способом в *денежной экономике* с определенными результатами для себя, свойственно *психологическое дисконтирование* результатов хозяйствования. Речь идет о *психологических нормах забывания и прогнозирования*, на которые влияют наследственные, социальные и другие факторы. В свою очередь, сложившаяся на этой основе *денежная система отношений* вступила в противоречие против человека как вида и как социума.

4. В условиях глобализации осуществляется *переход власти от денег и государства как политического института к знанию и информации, имеющих специализированные институты. Парадигмальный сдвиг в теории* позволяет анализ существующих проблем проводить на ином уровне реальных отношений, связей, форм и методов управления. Возникает возможность также рассматривать воспроизводство мирового капитала для *прогноза возникновения следующего экономического кризиса*, как на всеобщем, так и на региональных уровнях. В свою очередь *международная кооперация капиталов* предопределяет синергетический эффект в мировом развитии, в котором возникла проблема распределения глобальной ренты и доходов.

В усложненной структуре капитала, осваивая новые нетрадиционные сферы приложения, капитал принимает финансово-информационную доминанту как противоречиво интегрирующую и решающую силу, которая изменяет совокупную характеристику общественного капитала. В современной мир-системе капитал в воспроизводственном процессе "разнесен" во времени и пространстве, объединяющимися через финансово-информационные связи.

5. Мобильность капиталов и труда обнаружили свое несоответствие и противоречие в пространстве, времени, формах взаимодействия. Ситуация на уровне глобальных финансов усложняется тем, что возрастает риск *неуправляемости, неконтролируемости и, следовательно, очередного всеобщего мирового кризиса*. Финансовый капитал вступил в противоречие с капиталом как экономическим феноменом, основанном на частной собственности производительной норме поведения. И это порождает условия для общей мировой

нестабильности, а *кризисность мира* обеспечивает внушительную *глобальную ренту* финансовому капиталу, который инициирует рискованные операции.

6. В Республике Беларусь и других подобного рода государствах нет капитала как развитого явления, отношений, имеющих длительную историю формирования, общественного сектора, где бы государство "работало" с ним по экономическим нормам и принципам государственного капитализма, что обнаруживает проблему поиска источников развития, инвестиций. Материальные, технологические, экономические и социальные предпосылки в Беларуси ориентируют лишь *зрелые формы капитала*. Капитал в Беларуси – это пока капитал физических лиц, потому что даже собственники фирм, уходя от контроля, накапливают личную собственность, а не корпоративную. Развитие функциональных отношений капитала противоречат развитию капитала-собственности, который явно преобладает. *Еще больше противоречит крупный капитал малому и среднему бизнесу*. Свою действительную генетику капитал проявляет в теневой экономике ("серой"), которая подавляется формальными институтами, которые вводятся государством и легальной экономикой. Финансовый капитал еще больше ограничивает капитал как экономический феномен, реализующий себя в реальном (производительном) секторе экономики. Разрешение этих противоречий в пользу будущего стратегического развития может быть через использование нормы прибыли (отношение прибыли к затратам капитала) в высокотехнологичных отраслях, а также других показателей, формируемых здесь, в качестве индикаторов по регулированию социально-экономических процессов.

7. В постсоциалистических странах произошло нарушение оптимума Парето: небольшая часть населения обогатилась за счет другой части, не вложив в экономику даже необходимого собственного ресурса для роста национального дохода. Нарушение "этики Парето" создало дестимулирующий эффект, способствуя нарушению институционального равновесия, что в свою очередь разрушило потенциал к экономическому развитию. Институциональное планирование следует рассматривать как научную и практическую форму осуществления динамических преобразований политико-экономической системы. Институциональная матрица содержит в себе не только определение равновесного состояния (институциональное равновесие), но и направление поиска, практических мер, выработку процедур по управлению и контролю политическими, экономическим и социальными изменениями.

Глава 5. НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ¹

5. 1. Переходный период как категория институциональной экономики

В *институтах* начинаются, развиваются и совершенствуются изменения социально-экономической системы. Понятие же "переходный период" за последнее десятилетие приобрело особую значимость, актуальность и вместе с тем усилилась его смысловая неопределенность. Если так называемые постсоциалистические государства переосмысливают очередной переходный период с обратным знаком – от "социализма к капитализму" [346], то для индустриально развитых государств также обострилась проблема выбора приоритетов развития в условиях *перехода* к постиндустриальной, *постэкономической цивилизации, метакapитализму*² [92, 319, 505, 515].

Строго говоря, обращение к понятию "*переходного периода*" является свидетельством слабости теории в вопросах прогнозирования ситуации, объяснения процесса развития и реализации позитивных тенденций. Последнее, как известно, в первую очередь имеет характеристику *причин, направлений, источников, форм и качественных* изменений системы. К сожалению, наиболее влиятельные направления экономической теории старались проблему *причинной детерминанты и развития вообще не затрагивать* [7, 88].

Мало что давали в объяснении причин и направления социально-экономического развития и советские экономисты, поскольку коммунизм был объявлен конечной инстанцией без объяснения последующих этапов развития³ [20, 358]. В свою очередь этот строй объявлялся без каких либо изъянов и недостатков. Начала воплощения этой идеи в практике социализма сразу же выдвинула массу острых и часто не решаемых проблем, приведших в конечном итоге к перестройке, к рыночным реформам. Выдвижение переходного периода в качестве самостоятельной эпохи или периода, таким образом, во-первых,

¹ Под институционализацией следует понимать такие изменения, в результате которых происходит "выравнивание" разнородных норм и правил, опосредующих поведение экономических агентов, социальных групп, классов, и установление доминирующей стратегии, вырабатываемой в процессе совместных действий.

² Поиск, как названия, так и реальных мер по изменению существующей западной экономической модели хозяйствования начался еще в конце 60-х годов. И названия этому новому этапу, фиксирующему как реальные изменения, так и желаемые, предлагаются самые разные: от технотронного, информационного общества до глобальной экономики. Нашел себя уже и термин "глобальная политэкономия".

³ Т. И. Адамович данную проблему гносеологического тупика предлагает решить в рамках диалектики, используя понятие метаморфозы [202, с. 39–63].

фиксирует пространственно-временные *особенности* объекта исследования, которым является экономика во всех ее проявлениях. Во-вторых, активизирует поиск новых подходов и инструментов к анализу этого феноменального явления. В-третьих, понятие "переходный период" фокусирует внимание на *динамичности развития* социально-экономических процессов. В-четвертых, особую актуальность приобретают *качественные методы* исследования. В-пятых, для реального переходного периода характерна и *переходная экономическая теория*. Она отражает *смену* не только *парадигмальной оболочки*, но и *основы парадигмы*, т.е. "жесткого ядра"¹. "В то время как фундаментальные неоклассические предпосылки о редкости ресурсов и, следовательно, конкуренции были здравыми (с точки зрения основ анализа), – пишет Д. Норт, – предположение о беспрепятственном (frictionless) характере обмена завело экономическую историю в тупик" [349, с. 6].

Констатация того, что идет трансформация от "социализма" к "капитализму" или к "рынку", абсолютно не проясняет суть проблемы и понятия "переходный период". Доминирующий функциональный анализ неоклассики, имея гносеологические преимущества в исследовании механистических, стационарных и устойчивых систем рассматривает такие взаимосвязи на уровне потоков ресурсов-доходов, чем крайне ограничивает проблему эволюционных изменений. Поэтому *переходный период* следует определить, прежде всего, как период смены базовых, системообразующих институтов общества. Следовательно, для него характерно, прежде всего, *институциональное неравновесие* [348]. Первый признак данного явления – нарушение и (или) разрушение формальных институтов. Второй признак – противоречие и конфликты неформальных норм с формальными (П.5.6). Поскольку эти институты, хотя в разной степени, но затрагивают *все слои населения*, то *по-разному* они будут стремиться изменить существующий "временный порядок" переходного периода *или противостоять* другим силам в направлении изменений. Третий – резко снизившийся уровень доверия населения друг к другу, государству, бизнесу. С этой точки зрения в процессе *институционализации* разрешаются имеющиеся в экономике противоречия правил и установление доминирующей новой нормы (норм) поведения, приведение в соответствие существующих различных мотивов, интересов, отношений с вводимыми новыми институтами [207].

¹ История науки, к сожалению, располагает небольшим исследовательским материалом, в котором отражалась смена теоретических постулатов и взглядов под казалось бы неоспоримыми фактами.

На активность людей (игроков) нарушить имеющуюся *институциональную среду* (равновесие) оказывает существенное влияние понимание и возможность получить *трансформационную ренту*. Последняя может выражаться не только в денежных единицах дохода, но и в изменении социального статуса, возможностях, прочих благах, всегда сопровождающих участников глубоких социально-экономических перемен¹. Предшествует возникновению переходного периода рассогласование неформальных и формальных институтов [182, 389]. В последующем противоречие между ними нарастает, выливаясь в более острые политические, социальные и экономические противодействия. Очевидное проявление такого несоответствия между ними обнаруживается ростом бюрократизма, с которым безуспешно начинают бороться. Для приведения в реальное соответствие противоречия неформальных и формальных институтов есть два способа. Первый связан с изменениями содержания норм и других неформальных институтов, что связано с большими затратами ресурсов и времени. Наука, образовательная система, пропаганда и пр. выступают именно такими формами изменения неформальных норм и правил [48, 451, 538]. Изменить же формальные правила легче, быстрее и дешевле. И хотя этому второму способу, как правило, отдают большее предпочтение в силу еще своей очевидности и быстроты проводимых изменений, он является менее результативным, о чем свидетельствует практика. Не совсем очевидное, но более глубокое противоречие рассогласования формальных и неформальных норм, проявляется в *несоответствии официальной морали и идеологии с внутренними побуждениями и нравственными ценностями* большинства населения страны. Две морали (официальная и неофициальная) заставили измениться западное общество конца 19-начала 20 в. [283, с. 86–95]. Это же противоречие потребовало существенных перемен и в социалистических странах, что еще не завершено до сих пор [54, 86, 87].

Сам переходный период можно разделить на несколько этапов. *Первый* этап сопровождается разрушением (иногда "до основания") старых формальных норм, правил, законов. В результате этого происходит нарушение механизма социально-экономической координации, снижается защита прав собственности и резко возрастают индивидуальные трансакционные издержки. Рас-

¹ Об изменении статуса элиты в эпоху революционных изменений писал В. Парето и другие экономисты. Действительно, почти ни один инициатор любой волны перестройки (революции) ни в одной стране не остался без какой-то доли этой трансформационной (институциональной) ренты [387].

пад *организационных структур*, в рамках которых осуществлялась экономическая деятельность, также обеспечивает рост не только трансакционных, но и трансформационных, а также других видов издержек¹ [105, 369, 442, 466].

Стремительно снижается также "*плотность экономического поля*"², в результате чего падает как индивидуальная, так и общественная производительность труда. Нарушается наряду с падением уровня благосостояния подсистема распределительных отношений³, нарастает социальная напряженность. Вследствие этого возрастает недоверие к существующим политическим институтам. Известная формула "верхи не могут", а "низы не хотят" приводит уже к политическим конфликтам, нарушению "порядков". Низкое доверие в результате разрушения формальных институтов при неопределенности действия институтов неформальных усложняет сделки, что способствует их сокращению. В своих действиях субъекты хозяйствования будут руководствоваться соотношением степени доверия к возможным убыткам и выгодам:

$$\frac{P}{1-P} > \frac{L}{G}$$

где P – основанная на личном опыте вероятность, что людям можно доверять; $(1 - P)$ – вероятность обмана; L – возможная потеря в случае невыполнения контракта; G – возможный выигрыш. Обмен прекращается, если правая часть уравнения станет больше левой. Для осуществления каких-то экономических операций начинается торг за предоплату и ее механизм, чтобы снизить риск проигрыша.

Второй этап сопровождается стремительным, но стихийным созданием новых формальных законов, норм, правил. Усиливается *конфликт различных способов*⁴ *координации*, в результате чего из их множества выкристаллизовывается один или ограниченное количество институциональных механизмов регулирования и ограничения. На этой стадии возможно возникновение "*трансформационных ловушек*", *квазиинститутов*, *институциональных "пустот"* [31, 174, 388, 500]. Например, проведенная формально и в спешном порядке

¹ Термин "трансформационные издержки" в нашей интерпретации означает издержки по институциональной динамике или, иначе говоря, *издержки реформы*.

² Понятие "плотность экономического поля" характеризуется степенью активности хозяйствующих субъектов, частотой трансакционных сделок и количеством заключения контрактов. Может изменяться количество выполняемых деньгами функций, усиливается тенденция к натуральному товарному обмену.

³ Для них важно не только повышение в какой-то степени абсолютных доходов, сколько экономически оправданное *относительное* их изменение, обобщающееся в категории "справедливость".

⁴ Для республики и других стран этот конфликт проявляется на уровне стремления к единому государственному управлению (планированию) по издержкам, сбыту, социальным гарантиям и рыночному свободному ценообразованию, распределению доходов.

массовая приватизация в постсоциалистических странах в конечном итоге не обеспечила более рационального использования ресурсов и повышения эффективности. Скорее наоборот, поскольку сработал "эффект Веблена", отражающий всего лишь расточительное потребление "праздного класса" перераспределенной трансформационной ренты¹. Сотни возникших и исчезнувших бирж, инвест- и страховых компаний на которые, кстати сказать, было потрачено огромное количество средств, подтверждают спекуляцию на *лжеинститутах*. Чаще всего формальный собственник не стал реальным капиталистом.

В свою же очередь до сих пор остро ощущается *"недопроизводство" новых и высокоэффективных институтов*. Третий этап переходного периода характеризуется созданием в крайне противоречивых условиях *метаинститута*, который в последующем принимает на себя функцию координатора и регулятора институциональных норм и соглашений². При всем притом, что, как правило, таким институтом выступает государство, все-таки нельзя не отметить очень важных и значимых особенностей деятельности этого метаинститута [100]. Эти особенности являются следствием очень многих составляющих: сформированными историческими традициями, политико-правовой культуры, конституционными условиями, уровнем подготовки так называемой политической элиты, научной подготовленностью, степенью завершенности социальной стратификации общества и пр.³ Четвертый этап фиксирует завершение переходного периода. Упрочилось мнение, что такое завершение сопровождается формированием нового *институционального фундамента*⁴. Думается, основанием этого фундамента выступает сформированный блок системообразующих институтов формального и неформального толка. Д. Норт в качестве главного критерия изменения экономической истории отмечает *идеологию* [602, с. 45]. Иногда в общественных изменениях завершение переходного периода совпадает с повышающей *фазой технико-экономического цикла*, в котором обнаруживается новый *технологический способ производства*. Такое сочетание обеспечивает сильный импульс макрогенерации, и, следовательно, к экономическому развитию [98]. В РБ повышающаяся фаза трансформационного цикла совпала с по-

¹ Пожалуй, это еще одно подтверждение теоремы Коуза, но с выводом о том, что в "прежней" системе права собственности были специфицированы не худшим образом [81].

² Временное правительство или и. о. президента, премьера являются примерами метаинститутов.

³ Глубина институциональных трансформаций создает условия для хаоса в науке и практике. Как подтверждает история, тогда, как правило, устанавливаются диктаторские режимы, поддерживаемые населением, поскольку отдается предпочтение хотя бы какому-то порядку, чем его отсутствию.

⁴ Эти вопросы носят еще во многом дискуссионный характер [119, 151, 336].

нижающейся фазой цикла технологического, произошло также наложение других циклов развития, создающих условия для катастроф [2].

Рассогласование, вызванное радикальной и быстрой ломкой предшествующей институциональной системы, может привести к катастрофическим последствиям¹, что было, например, в революционные времена. Чтобы кризис не превратился в катастрофу, в переходных период необходимо или не разрушать или же создать новый, если это возможно, но каким-то образом вмонтировать в систему *общественный стабилизатор* своего рода "якорь". Специфические условия каждой страны определяют выбор *конкретного стабилизирующего института*² [214, 219, 221]. Особая роль здесь отводится *переходным институтам*. Независимо от времени они более устойчивы и более влиятельны, и более *нейтральны* к переменам. Консервативность, т.е. сохранение, является их отличительным признаком. На Западе, как известно, консервативно-религиозные традиции и ценности выполняют роль более менее устойчивого стабилизатора. Наукой эти ценности и нормы поддерживаются, сохраняются, развиваются и пропагандируются. Поэтому в современных условиях экономическая наука приобретает особое значение для выполнения своей стабилизирующей функции. В целом последняя функция вполне корреспондируется с эвристическо-прогностической функцией науки. Ведь знание будущего, возможность его предвидения стабилизирует обычных потребителей, производителей, руководителей. Предсказуемость поведения (и цен в том числе) – важнейший элемент стабилизации, которая для переходного периода является главной целью и макро- и микрополитики. В этом смысле становится понятным значение и роль *информационного ресурса* для установления институционального равновесия [69, 276, 447].

Таким образом, теория переходного периода, с одной стороны, находится в состоянии критического накопления информации. С другой – она приобретает *всеобщий характер* по причине состояния неопределенности и перманентных изменений, которые охватывают практически все страны мира. В-третьих, сама теория экономики испытывает серьезные испытания на научную зрелость. Ей не удалось предсказать ни кризисов, ни потрясающих изменений очередного переходного периода. В-четвертых, теория переходного периода выступает

¹ Экономическая теория катастроф сегодня может занимать отдельное место в структуре науки.

² Любая социально-экономическая система имеет свои *стабилизаторы* устойчивости и надежности. Это может быть коронованный император, класс, социальная группа, некий институт в виде религии или признанной элиты общества, теневой кабинет, харизматический лидер и т. п.

частным случаем *теории эволюции, динамики и реформ*, которая до сих пор не получила известности и применения.

Концептуально *современные проблемы трансформации* на наш взгляд, можно охарактеризовать как *переход от "шока" к рациональности* [442, 443]. Как свидетельствует история, столетий иногда недостаточно, чтобы вместе с капиталом *импортировать и соответствующие институты*. Сказывается разрушенность *институционального капитала*, который для своего воссоздания на ином уровне также предполагает не только материальные затраты, но и времени, интеллектуального ресурса, политико-правовых мероприятий.

Заслуга Смита состояла в том, что в новой зарождающейся на тот период системе он *расставил по своим местам системообразующие институты*: мораль, государство, класс предпринимателей, труда и отношения между ними. Рассуждения шотландского мудреца о производительном и непроизводительном труде, его определения *стоимости* хорошо иллюстрируют противоречиво наметившиеся общественные и экономические изменения. Сама классификация институтов (формальные и неформальные, системообразующие и производные, основные и второстепенные, экономические и политические, социальные и этнические, традиционные и искусственно формируемые, зарождающиеся и уходящие) позволяет заметить динамику их изменений, равно как и силы, генерирующие и осуществляющие эти изменения. Естественно, что *скорость изменения разных институтов будет различная, так же как и эффект* (положительный или отрицательный) от "распада, разложения" старых или возникающих новых институтов.

Чтобы заметить необходимость институциональных изменений, спрогнозировать их динамику, спланировать этапность и все необходимые мероприятия для практического осуществления этих перемен (реформ), необходимо как к каждому институту в отдельности, так и к их целостной системе подходить с многомерной позиции (см. П.4.1-П.4.3) [201, с. 152–153]. Расчеты затрат на нововведение институтов и выгод (индивидуальных, коллективных, общественных) от их функционирования выступает критерием регулирования институциональной динамики¹ [509]. Сравнение затрат и выгод от институциональных

¹ Вид формулы выглядит так: $\sum [B'_t / (1 + r)^t] > C_t + \sum [C'_t / (1 + r)^t]$, где B'_t — ожидаемые выгоды в период времени t ; C_t — первичные издержки, необходимые для институционального нововведения; C'_t — вторичные или "операциональные" издержки институционального нововведения; $1/(1 + r)^t$ — норма дисконтирования для периода t .

нововведений вполне может быть использована как на национальном, так и на уровне фирмы, которая заключает контракты.

В результате установления новых правил и ограничений, кроме всего прочего, должна *снижаться неопределенность и риск* совершаемых операций и действий для всех участников сделки. Это достигается установлением порядка¹, который просчитывается каждым субъектом экономических отношений. Здесь принимаются в расчет и возможные санкции за нарушение вводимого нового порядка. Поэтому, взвешивая все "за" и "против", участники институциональной сделки могут принять или же не принять новые правила поведения, проявляя оппортунизм. Реальная практика формирования новых институтов состоит в том, что далеко не всегда эти новые правила распространяются на лиц, которые *их планируют и вводят*. Не совпадают также *источники покрытия затрат* на институциональные нововведения с инициаторами последних. Иначе говоря, новые правила, законы и пр. вводят одни, например, законодатели, которые получают за это деньги, льготы, *а издержки по их внедрению и функционированию несут совершенно другие лица*. Здесь сказывается элементарное "*несцепление*" вводимых новых формальных институтов с существующими традициями, культурной средой той или иной страны. Таким образом, *институциональная инновация*, кроме того, что требует немалых затрат на ее введение, может создавать условия для увеличения производственных, трансакционных и социальных издержек при проведении различного рода сделок. Устойчивая и глубокая депрессия в большинстве реформирующихся государств, является именно следствием вышеуказанного противоречия [30, 31]. Вводимая институциональная рыночная инфраструктура в этих странах "не вписывается" в социокультурный контекст исторически сформированных традиций, норм и правил поведения. Скорость проведения реформ ("политика шоковой терапии") способствует *иррациональности* [324, с.72–80]. Созданная таким образом квазирыночная институциональная инфраструктура создает условия лишь для небольшого количества лиц, извлекающих *институциональную ренту*, ибо эти нововведения абсолютно гетерогенны для интересов и мотивов населения стран. Например, около 1/3 граждан Беларуси, имеющих право на получение приватизационных чеков, даже не сделали попытки их получить.

¹ Стратегической целью общей политики является установление форм и механизмов непротиворечивого взаимодействия различного рода "порядков": политического, экономического, правового, социального, нравственно-этического, культурологического и пр., что обеспечивает в конечном счете общий синергетический эффект деятельности хозяйствующих агентов. Это положительная отдача от институтов.

Больше половины уже получивших не использовали их по назначению. Это свидетельствует о том, что политика в области изменения института собственности не адекватна сложившимся интересам населения. Экспертные оценки (40 % в России и 25 % в Беларуси) функционирующего нелегального сектора экономики убедительно подтверждают сложившееся противоречие между вводимыми новыми институтами и социально-экономической средой. Лишь около 2 % опрошенных подтверждают выгоды от современных *инноваций* [622].

Очевиден и теоретический парадокс, который не замечается. Его суть состоит в том, что экономическое равновесие, являющееся контрапунктом экономического анализа, имеет следствием всегда политические, экономические, социальные и другие виды издержек. За нарушенным равновесием скрываются неэффективные сделки, имеющие разные выгоды для сторон контрактных отношений. Следует учитывать затраты и выгоды самого процесса достижения равновесного состояния рынка¹, что вообще упускается наукой [577, с. 46].

Институциональная среда также конкурентна, хотя проявление ее специфическое и сложное для изучения явление. Ортодоксальная теория пока еще не создала соответствующего методологического и технического инструментария исследования этой сложной сферы человеческой деятельности и отношений. Даже на такой стадии процедуры, как принятие какого-то отдельного закона, весьма трудно распознать действительное стремление реализовать, например, государственный интерес от эгоистического группового интереса узкого круга лиц, лоббирующих нормативный документ. Но рано или поздно противоречие, опосредованное созданием неэффективного института, приобретает особую остроту и потребует своего правильного решения. Поэтому прогнозирование, планирование и проектирование изменений институтов является важной теоретической и практической проблемой [241, 451]. "Несовместимость формальных правил и неформальных ограничений, – пишет Д. Норт, – что может быть результатом глубины культурного наследия, порождает трения, которые могут быть ослаблены путем перестройки всех ограничений в обоих направлениях, и тогда будет достигнуто новое равновесие, значительно менее революционное, чем риторика перемен" [349, с. 10]. Разработка проблем *взаимосвязи транзакционных издержек и роли государства в спецификации и охране прав собственности находится в начальной стадии, но, несомненно, является тем*

¹ Для определения этого явления можно использовать термин "цена очищения рынка". В условиях глобализации эта "цена" перекладывается на реформирующиеся государства, чем продлевается цикл оборота товаров.

фокусом, на котором должны быть сосредоточены усилия экономистов [601, с. 255]. Для современного этапа системной реформы сама практика выделила необходимость рассмотрения *трансформационных ловушек* [120, 365, 388], которые стали неожиданностью и серьезной проблемой для политиков, руководителей фирм, населения. Из-за асимметричной информации, асинхронности проведения политики реформ¹ они усилили *неопределенность*. Это обусловило общий рост трансакционных издержек, который лег тяжелым бременем на плечи большинства населения. Выгоды же от реформаций в виде *трансформационной ренты* использовало незначительная доля населения, которая была близка к осуществлению политики реформ.

Итак, разного рода "шоки", негативно влияющие на результативность реформы связаны в первую очередь с *трансформационными ловушками*: а) неожиданное возникновение *институциональных пустот* и отсутствие метainститута для координации институциональных изменений; б) рассогласование политической, экономической, социальной, культурной, технико-технологической и пр. подсистем между собой, нарушивших тенденцию не только к развитию, но и к функционированию целостной общественной системы [355]. Следствием этого явился не кризис, а *системный гистерезис*, означающий снижение общего экономико-технического потенциала как проявление эффекта рассогласования норм поведения и *вектора интересов*; в) *приватизационная ловушка*; г) валютно-денежная ловушка и долларизация национальных экономик; д) *ловушка неадекватных психологических ожиданий* [103]; е) отсутствие автоматизма в планировании и организации формирования новых эффективных институтов; ж) интеллектуальная ловушка, обнаружившая мифы, догмы и действительные научные проблемы. "Самое вредное – писал Ф. Найта, – это вовсе не невежество, а знание чертовой уймы вещей, которые на самом деле неверны"[51, с. 700; 95, 127–130].

¹ Это "мягкое выражение" мы использовали для того, чтобы указать на отличие в степени *осведомленности* людей разного уровня и ранга, в их целях при желании изменить прошлую систему. Обращает на себя внимание высокое доверие к рекомендациям западных экспертов по политике и стратегии реформ [1, 77, 106, 145, 173].

5.2. Экономическая политика переходного периода: общее и особенное

Аристотель писал, что "если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественная цель самой главной из всех наук и искусств, именно политики" [28, с. 53–54]. Однако на лекциях в Эдинбурге А. Смит говорил: "Человек обычно рассматривается государственными деятелями и прожектерами (т. е. политиками. - П. Л.) как некий материал для политической механики. Прожектеры нарушают естественный ход человеческих дел... Для того чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей ступени благосостояния, нужны мир, легкие налоги и терпимость в управлении" [611, с. 53-54]. Просто, ясно, но трудно реализуемо на практике. Ведь экономическая политика всегда первична к экономике¹, через которую можно, сконцентрировав имеющиеся даже незначительные ресурсы и согласовав многочисленные интересы хозяйствующих субъектов, осуществить решение самых разных задач и проблем.

Одна из причин *несогласования экономики и политики* заключается в незнании действительных законов развития, функционирования и влияния экономической политики, что, в свою очередь, выступает следствием *разделения* в начале XX в. науки политэкономии на две самостоятельные сферы научного знания: *экономическую теорию и политологию* [386, 530]. "Ответственность за интеллектуальное заблуждение, – пишет Дж. Бьюкенен, – отчасти ложится на раскол старой «политической экономии» на отдельные современные дисциплины: «экономикс» и «политологию». Экономисты в большинстве своем стремились остаться позитивными аналитиками... Политологи, напротив, стремились нормативно трактовать государственные процессы. В результате общественный выбор между организационными альтернативами часто представлял собой сравнение между реальным институтом, с одной стороны, и идеальным, с другой" [68, с. 426]. Добавим, что в результате такого раскола и углубления специализации "экономической теории" без внимания, кроме собственности, идеологии остались и многие другие институты и социальные проблемы, в последующем получившие название "внешних отрицательных эффектов".

¹ Правильнее говорить о *детерминированной взаимосвязи* экономики и политики, поскольку долговременное несоответствие экономической политики со сферой экономики приведет в какой-то форме к смене политического курса. И, как свидетельствует история, вовсе необязательно, что к более эффективному. Громадная работа предстоит по анализу эффективности функционирования современного института политики (например, Беларуси, России) как по отношению к своим затратам, так и по отношению к упущенной *выгоде* на протяжении уже целого ряда лет.

Для Беларуси данная проблема усугубляется двумя обстоятельствами. Во-первых, "новая теория рыночной экономики" осваивается белорусскими специалистами в *упрощенных* традициях неоклассики со всеми гносеологическими последствиями. Во-вторых, белорусская реальность пока еще *не преодолела энтропию* и даже еще не приблизилась к состоянию нормально функционирующей *системы*. То, что происходит в странах с так называемыми переходными системами (политическими в том числе), на уровне существующих формально-логических политических конструкций нельзя ни доказать ни опровергнуть без использования системной методологии. В-третьих, политико-экономический суверенитет государств (а) *ограничен международными институтами* [352, с. 55–58].

Послевоенное развитие теории у нас и в мире в целом привело к *чрезмерным ожиданиям* от используемого потенциала экономической политики, где последняя априори предполагалась эффективной, а политические субъекты бескорыстными. Кризис государств всеобщего благосостояния в развитых странах, неспособность обеспечить стратегию быстрого перехода к рынку для стран третьего мира, проблемы осуществления перехода к рынку стран ЦВЕ и бывшего СССР уменьшили надежды о возможностях точной настройки экономической системы или отдельных рынков. В то же время этот растущий пессимизм пока еще не привел к новому консенсусу стратегии государственной политики, ее содержания, инструментов. Результаты белорусской деятельности (практической и научной) не дают оснований считать *существующую теорию экономической политики освоенной, чтобы* развивать ее начала¹.

Ценность "Богатства народов" состоит и в том, что формулируется правильное представление о богатстве и о главном источнике его производства [420, с. 245]. Смит стремился преодолеть меркантилистские инстинкты монархов, подчинявших развитие национальных экономик и внешней торговли задаче максимизации запасов ценных металлов для реализации интересов казны².

¹ Для этого надо соблюдение следующих условий: а) долгосрочность политики; б) осознанное ее проведение и более менее внятное отражение на идеальном (теоретическом) уровне; в) доступность аналитиков к принятию решений и всей информации в ходе проведения политического процесса; г) признание ошибок и корректирующие мероприятия; д) относительно демократическая смена политических элит.

² Ныне альянс финансовой олигархии и политики позволяет реализовать лишь интерес первой при ущербе национальному интереса. Особенно это проявляется в переходных системах.

*Цели политики являются производными от предпочтений населения и политических деятелей*¹. Модель показывает, какие значения целевых параметров достижимы и как они достигаются. Цели можно взвесить по степени их предпочтительности в целевой функции – $T(x_1, \dots, x_n)$. Кроме того, могут оцениваться и инструменты, что предполагает включение их в целевую функцию.

Экономическая политика использует определенные инструменты для достижения отдельных целей или для максимизации целевой функции. Если цели фиксированы¹, то используются правила: 1) в целом число инструментов должно (по крайней мере) равняться числу целей; 2) отдельные инструменты не должны привязываться к определенным целям; 3) все инструменты должны координироваться и направляться таким образом, чтобы достичь *всех* поставленных целей [409].

Для политики важное значение также имеет структура модели (как теоретической, так и практической), которая определяет, можно ли модель разделить на составные части. Все эндогенные переменные и инструменты могут быть ранжированы в соответствии с "причинным упорядочиванием", начиная от первого порядка до наивысшего n -го порядка. Инструменты n -го порядка влияют на цели n -го порядка, не затрагивая более низкие порядки системы. Тем самым, можно передать инструменты и цели n -го порядка одному органу и т.д. Но при этом необходимо учитывать, что использование инструментов 1-го порядка может оказывать влияние не только на целевые переменные 1-го порядка, но также и на эндогенные переменные более высокого порядка, а возможно и всей системы (рис. П.5.1).

При использовании данной модели возникают проблемы. *Количественная* теория политики принимает как данное базовую структуру экономической системы, то есть уравнение (1) и стремится манипулировать существующими инструментами для достижения поставленных целей. Вплоть до настоящего времени выводы традиционной экономической теории были действительно глав-

¹ Модель экономической политики Я. Тинбергена продолжает оставаться основной частью аналитического аппарата теории. Формально, модель экономической системы (фирмы, рынка, экономики) может быть представлена в следующем общем виде: $y = f_i(x_1, \dots, x_n; a_1, \dots, a_m) = 0, i = 1, \dots, n$ (1), где y - желаемые и объективно обусловленные цели; x_1, \dots, x_n - n эндогенных переменных; a_1, \dots, a_m - m экзогенных переменных или параметров, *некоторые* из которых (например, обменный курс, налоговые ставки, денежная база) контролируются политическими акторами, тогда как *другие* ограничивают их действия. О фиксированности целей говорится в модели Тинбергена. С нашей точки зрения правильнее говорить об *объективно заданных целях*, чем должна заниматься и занималась в свое время классическая политэкономия.

ным образом для количественной политики, поскольку теория не пыталась объяснить всю экономическую систему из внутренних эндогенных начал [23].

Структурная, т. е. качественная политика стремится изменить структуру уравнения (1), а иногда и добавить новые переменные или новые взаимосвязи. Непосредственная цель состоит не в том, чтобы достичь нового значения целевой функции в модели количественной политики, а в том, чтобы установить новую взаимосвязь между (новыми) инструментами и целями. Различие же между количественной и структурной политикой видно не всегда. Так, экономисты признают, что со временем то, что рассматривалось как меры количественной политики, часто меняло структуру уравнения (1). *В отличие от количественной политики нельзя провести эффективную структурную политику без теории институтов (формальных и неформальных) и институциональных изменений.* Политические лидеры могут сохранить свою энергию, используя относительно простые модели, однако, лишь пока инструменты низкого порядка могут обеспечить автоматическую корректировку переменных более высокого порядка во всей системе, то есть базовых институтов, если уже они есть.

Традиционная экономическая теория (микро-макроекономика) игнорирует стимулы и поведение политических акторов, а также влияние политических процессов на выбор целей. Такие направления институциональной экономики как *теория общественного выбора*, *новая политическая экономия* пытаются выбор целей и инструментов включить во внутренний фактор [201, с. 131–149]. При моделировании анализе экономической политики требуется, следовательно, обращать внимание на информационную среду и информацию как главный ресурс политики. Здесь возникает проблемы: 1) есть ли информация и в каком она состоянии доступности; 2) существуют издержки приобретения информации; 3) политические и экономические актеры экономят на редкой информации, формулируя упрощенные модели окружающей среды; 4) возможности и способности актеров по усвоению и обработке информации – ограничены; 5) степень доступности информации до широкой публики и правильность понимания этой информации относительно проводимого курса. Этих пять проблем могут быть охарактеризованы и входят составной частью в теорию и практику экономической политики.

Институциональный срез дополняет современную теорию экономической политики [64], поскольку *институты значимы* и влияют на поведение, стиму-

лы и определяют издержки приобретения информации. Институты имеют также закономерности эволюции. Поэтому демократическое устройство общества, сочетающего устойчивое развитие на основе реализации рыночных принципов предполагает использование *институционального планирования*. Это инструмент анализа и управления включает в себя по определенной методологии *исследование и прогноз, деятельность и контроль, определение параметров поведения и коррекцию изменений*. Но планируются не действия экономических агентов, а соответствующие структуры, правила, нормы, обеспечивающие этим агентам и обществу в целом снижение издержек в целом и транзакционных в частности. В этом вся сложность данного инструмента и его преимущество.

Институциональное планирование [241, с. 24–31; 452] должно стать прерогативой не только государства, но и *адекватных общественных органов*, чтобы исключить присвоение *институциональной ренты* частными лицами. Лицензирование и разного рода сборы являются механизмом извлечения этого дохода. К сожалению, государство и его служители мало чем отличаются в поведении от обычных граждан с их эгоистическим мышлением. Но если последние могут увеличить свой доход за счет оказания дополнительных услуг, то государственные чиновники увеличивают "свои" доходы за счет создания новых организационных структур, инструкций, форм, правил и пр. Финансируются же такие нововведения из госбюджета, "обоснованных" внебюджетных фондов и лицензионно-сборовых платежей. Для переходного периода характерно резко увеличивающиеся расходы содержания формальных институтов и возникновения людей, присваивающих *трансформационную ренту*. Последняя может и является демократическим видом дохода, но его происхождение однозначно не выступает доходом предпринимательским [163, с. 158].

Институциональное планирование, как инструмент исследования и национального управления может использовать институциональную матрицу (рис. П.4.6). *Институциональная матрица* представляет собой устойчивую систему однозначно взаимоувязанных системообразующих экономических, политических и пр. институтов, которые придают экономике и обществу целостное состояние. Главная проблема в формировании такой матрицы заключается в разработке такой институциональной структуры, которая бы отражала действительную реальность той или иной страны. Основная диагональ матрицы отражает состояние *институционального равновесия*. Однако в переходный период

существует противоречие "старых" и "новых" институтов, которое выражается в явной и неявной формах. Сопоставление же "старых" и "новых" институтов, представленных матрицей, позволяет формировать правильную *стратегию проектирования институтов, соответствующей политики* с учетом эффектов их разрушения и создания. Структура новой институциональной системы не обязательно должна совпадать со старой по вполне понятной причине необходимости ее изменения. Такая матрица упреждает типичную ошибку импорта институтов¹, которые неадекватны условиям страны. Данная ошибка проявляется в росте социальных и транзакционных издержек, что создает дополнительные трудности для осуществления реформ. *В нашей республике и других подобного рода транзитивных экономиках затраты на создание новых институтов пока превышают их полезный эффект.*

Особенность преобразований, начатых в середине 80-х г., состоит в том, что они не имели какого-то рационального *позитивного* начала с четко обозначенными политико-экономическими параметрами. Переход же начатых трансформаций в режим *спонтанности* и известного "шока" предопределил необходимость *быстрой* замены старых институтов новыми, называемые рыночными. Из-за отсутствия соответствующего опыта, экономической теории институтов этому процессу никак не предшествовало какое-нибудь институциональное проектирование, планирование и моделирование. История еще свежа фактами быстрого роста банков, многочисленных бирж, финансовых компаний, инвестиционных и чековых фондов, страховых компаний, других *псевдоинститутов* с неопределенными целями и функциями. Все это способствовало и росту транзакционных издержек, размер которых значительно превысил и превышает до сих пор полезный эффект от происходящих перемен [401, 434].

Мы когда-то могли планировать объемы производства продукции, хуже планировали услуги, *еще хуже представляем содержание институционального планирования, проектирования и устройства*. Процедура институционального планирования еще более сложная по причине того, что она должна строиться на основе обширнейшей информации из *разных* областей жизни. Кроме этого эту функцию любая существующая власть в стране всегда пытается сохранить за собой, чтобы стабилизировать не политико-экономическую ситуа-

¹ Для отбора адекватных какой-стране импортируемых институтов можно предложить ряд методик, использование которых выявит возможное противоречие между существующими историческими традициями страны и предполагаемыми для внедрения новыми институтами [360, тема 7].

цию, а упрочить свое положение. На утилитарном уровне *собственность на информацию*, не говоря уж о праве (возможно даже исключительном) дает возможность занятым, например, в государственной организации извлекать *властную ренту*. Последняя распределяется между накоплением *авторитета власти*, укрепляющим социально-экономическую систему, и взятками, которые присваивают чиновники. *Оптимальным было бы наделение независимой негосударственной научно-политической структуры полномочиями институционального прогнозирования, проектирования и планирования, чтобы обеспечить не революционное, а стабилизационно-эволюционное поступательное развитие с минимальной амплитудой цикла* [453, с. 29–40]. Еще более серьезный вопрос возникает по государственному строительству, поскольку предполагается *расщепление его структуры и функций*, когда право принять решение становится формальным *из-за обоснования его компетентным научным органом* [598]. Такие тенденции некоторые связывают с отмиранием государства как традиционного политического института [40, 462, 619], поскольку изменения в экономической системе не могут не коснуться *изменений и системы политической*.

Уровень транзакционных издержек установления и поддержания контроля действует как барьер для производственной деятельности. Урок для политиков – структурная политика, которая стремится увеличить возможности экономической системы с целью роста благосостояния, должна вести к *планированию, созданию таких институтов, которые снижают транзакционные издержки и создают условия для экономического роста и развития*¹. Некоторые меры структурной политики могут принести потенциальную выгоду всем членам общества, но несовершенные институты часто препятствуют этому. Поэтому необходимо исследование политической сферы и использование понятия транзакционных издержек в политическом процессе для объяснения того, *почему* политические акторы (лидеры) не приходят к согласию по поводу планирования, проектирования и формирования таких институтов, которые могут поспособствовать экономическому росту и развитию. Например, высокие издержки измерения приводят к неполной информации. Еще больше возрастает уровень последней, *если нет людей*, которые бы "добывали" и работали с этой информацией [339]. Увеличение предельных издержек получения информации предполагает, что *политическая сфера не может полностью контролировать все*

¹ Как показывает анализ всех программ развития (РБ, России и пр.), в них отсутствует срез планирования и развития институциональных изменений. Обычно речь идет о количественных показателях экономики.

эти параметры. Следовательно, возникает неполный контроль, и потому могут существовать стимулы для неэффективной экономики.

Необходимо также признать, что многие социальные институты и структуры, содействующие экономическому росту, возникают спонтанно, а не через сознательное моделирование и построение. Исходя из этого, особый интерес представляет изучение *роли общественных ценностей и норм в экономическом развитии, росте*. Но, признавая эволюцию общественных ценностей, остается открытым вопрос *как* политические акторы могли бы ими управлять. Мы можем сказать, что общество, которое пытается создать стимулы и информационную среду для экономического развития путем проведения институциональных изменений, может надеяться на успех в случае: 1) если лежащие в основе этого общества общественные ценности (неформальные институты) являются совместимыми с *новыми институтами*; 2) если общественные ценности являются гибкими и быстро приспосабливаются к институциональной среде; 3) если решается вопрос творческого осмысления *информации* на уровне интерпретативной рациональности¹. Использование психологии, биологии помогает улучшить понимание того, *как* политики моделируют окружающую среду, а также понять, *как* меняются неформальные правила (например, общественные ценности, традиции и пр.) [302, с. 73–81].

При неполных моделях существуют значительные *лаги в проведении структурной политики*. В переходные периоды акторам, лидерам необходимо не только *ресурсы*, но и *время*, чтобы овладеть новыми институтами современной рыночной экономики. Речь идет о самом преобразовательном процессе и времени на обучение. Причина существования таких лагов – *зависимость* от предшествующей траектории развития. Может возникнуть *сопротивление мерам*, даже если они могут оказать значительное влияние на снижение транзакционных издержек и повышение эффективности. С теоретической точки зрения также очень важно отслеживать *непротиворечивость самой идеи, модели, а также действия инструментов* экономической политики по ее реализации (рис. П.5.1). Как показывает мировая практика, арсенал современной теории экономической политики значительно обширнее и более действенен, чем он применяется на практике постсоциалистических стран [23, 355].

¹ Психологи данный феномен объясняют трактовкой специалиста некой неизвестной ситуации для личности, которая в последующем руководствуется уже этими характеристиками в своем будущем поведении.

Сегодня экономическая политика в отличие от времен периода свободной конкуренции является *внутренним содержательным элементом* социально-экономической системы [82]. Речь идет не только об общественном секторе, прямых и косвенных инструментах управления, но и о том, что *это специфический особый рынок, влияющий на остальные рынки* [68, 362, 412, 413].

К косвенному и незаметному инструменту государственного регулирования можно отнести экономическую науку, в идеях, идеях которой находят отражение интересы и мотивы всех основных социальных слоев и классов [384, с 56–67]. Уровень и багаж полученных экономических знаний формируют поведение потребителей и хозяйствующих субъектов в том или ином направлении экономической политики. К тому же после того, как человек посредством выбора сам связал себя сетью определенных экономических отношений, его поведение, прежде не прогнозируемое, теперь становится детерминированным экономическими потребностями, в которых денежная или другая мотивация занимает определенное место. *Влияние института экономической науки на происходящие социально-экономические процессы осуществляется по многим направлениям* [129, 134, 160].

Для того чтобы достичь определенных целей, необходимо знать весь арсенал средств и то, как соотносятся инструменты экономической политики с поставленными целями. И хотя проблема соотношения целей–средств не нова в теории, но все же типичной *ошибкой в экономической политике переходного периода является множество выдвигаемых целей при ограниченном наборе инструментов политики*. Речь в данном случае уже не идет о том, насколько цели являются научно выверенными. Если даже гипотетически предположить, что это так и есть на самом деле, то сверхактуальным остается вопрос *выбора инструментов политики*, которых, как свидетельствуют последние разработки, должно быть больше, чем поставленных целей. У нас же наоборот: целей много, а инструменты и механизмы не разработаны во всей своей полноте и их всегда меньше целей. Другая проблема экономической политики, не попадающая в поле зрения анализа, – это *процедура принятия решения и какие методы* анализа обеспечивают выбор того или иного проекта. Рано или поздно "государственная целесообразность", которая представляется "черным ящиком" государственной машины, обнаруживает свою проблематичность и бесконтрольность.

Пока можно отметить, что, во-первых, в структуре государственного управления экономическая наука еще не нашла своего действительного места и влияния, свойственного ее природе. Ее имплантация в структуру национально-го управления зависит: а) уровня развития самой науки об экономике (и политике в том числе); б) от уже имеющейся в стране общей организационной структуры государственного управления, где есть самостоятельное место науке и научным кадрам; в) от уровня профессиональной подготовки руководящих кадров. Если судить по документообороту, циркулирующему при процедуре принятия решений, их выполнения, то институт экономической науки во всей управленческой структуре в нашей республике *выполняет информационную вспомогательную функцию*. К тому же *обратной связи*, при которой анализируется эффективность принятия тех или иных решений, пока, на наш взгляд, не наблюдается. В данном случае речь идет о критериях и оценках эффективности органов управления. Во-вторых, отечественная экономическая наука имеет немало *своих внутренних* методологических, инструментальных, организационных, кадровых и финансовых *проблем*. Пока ее влияние больше внешнее, поскольку крайне ограничен доступ к информации по принятию решений и контролю за ними. К началу XXI в. *и права, и ответственность науки расширяются* не по прихоти ученых, а *в силу объективных обстоятельств*, вытекающих из самого процесса развития производительных сил, глобализации последствий человеческой деятельности, усложнения мотивации и поведения хозяйствующего субъекта. Однако это расширение научной деятельности вступает в острое *противоречие с фетишизацией политической деятельности*.

Для политико-экономов аналитическая доминанта смещается из плоскости получения результатов *в плоскость* возможности и правильности выбранного *направления, метода и методик исследования* политико-экономического процесса и порядка. Второй важной составляющей является поиск действительного *политико-экономического факта* и его оценка в связи с другими фактами. Выбор и моделирование *политико-экономических форм* в сопоставлении их с реальностью является следующим этапом изучения экономической политики. Мощным фактором творческого развития науки является *постоянная востребованность* ее выводов практикой. Востребованность и внедрение разработок дают возможность науке делать наблюдения и выводы более достоверными и реальными. Любая гипотеза, оформленная в теорию, но не получившая практи-

ческого отражения, является всего лишь гипотезой, по поводу которой можно спорить десятилетиями. Иначе говоря, *не создается материала для позитивной части экономической науки.*

Важный шаг, если не сказать определяющий, который необходимо сделать и в теории, и в реальности, — это выработка сначала на *идейном уровне* таких *концептуальных основ*, которые бы были приняты и поддержаны большинством трудоспособного населения страны. Для *формирования* белорусской *государственной политики* сегодня необходимо, во-первых, знать ограничительные рамки выбора стратегического вектора, которые сложились к началу XXI в. [121]. Во-вторых, какова структура *ценностей* белорусского общества, определяющая "экономическую генетику" [286, с. 36–45; 425]. В-третьих, экономическая политика не может игнорировать технико-технологическую основу [203, с. 136–138; 331]. Здесь находятся корни *конкурентных преимуществ, которые могут реализоваться лишь через адекватные институциональные формы* [16]. В-четвертых, можно не принимать марксизм в угоду сложившихся новых идеологических догм, но нельзя отказаться от трудовой теории стоимости в целом. Не вдаваясь в определение понятий, отметим, что "Общая теория занятости, процента и денег" Кейнса, выступив лишь *частным случаем трудовой теории стоимости*, обеспечила небывалый в истории экономический рост [98, с. 95–11]. Еще никому в мире не удалось добиться материального и социального благополучия, полностью лишив людей, занятых в сфере реального сектора экономики, *интересов, мотивации и стимулов, если не обеспечить себе через определенные каналы перераспределение глобальной ренты* [192]. Стратегическим просчетом новой реформы является то, что произошло не обоснованное ни в экономическом, ни в политическом, ни в социальном отношении *перераспределение собственности и ее функций*. Отношения труда и капитала (включая государственный капитал) не носят социально-партнерских отношений, которые бы регламентировались контрактами. Наемный труд, формально лишившись собственности, а точнее ее материальной основы, реально потерял социальный статус, право на трудовой *доход*, о чем свидетельствуют низкая зарплата и постоянные ее задержки¹. В республике уровень фонда зарплаты лиц наемного труда занимает всего лишь 25–32 % в структуре ВВП. "Средняя" *уравнитель-*

¹ Мы здесь не говорим о защите прав собственности, поскольку об этом говорилось раньше и что в литературе прописано лучше. Как свидетельствует история, капитал и труд создают новую "общественную производительную силу" благодаря "партнерским отношениям", закрепленным в контрактах.

ная месячная зарплата высококвалифицированного труда¹ не способствуют использованию потенциала "человеческого капитала" республики, имеющего противоречивую динамику (табл. П.2.11, П.2.12) [42, 43, 500].

Неопределенная в теоретическом отношении политико-экономическая система затрудняет выработку *принципов распределения*, без чего сама система не может считаться системой как таковой. "Превращение предпринимателя в спекулянта, – писал Кейнс, – это удар капитализму, ибо он разрушает то психологическое равновесие, благодаря которому возможно существование неравенства доходов... Дельца переносят лишь постольку, поскольку его доходы стоят в некотором соответствии с содеянным им" [159, с. 100]. Но с распределением напрямую связаны налоги, бюджет и вся воспроизводственная система. В налогах же пока разговор идет на уровне "больше-меньше" и не обращается внимание на важность принципов "за что", "кому", "как" и "для кого" платить. Парадокс в том, что наши налоговые ставки сегодня не так уж велики, но стимулирующего действия они ни у кого не вызывают. Это же относится и к России, где налоговая ставка на доходы составляет 13 % [91, с. 55–61]. За 2003 г. в России и РБ *можно оценить как рост без развития*.

Если не принимать во внимание глубокой дифференциации по социально-классовому составу и доходам, в большинстве молодых реформируемых стран в результате приватизации наметилась лишь *деиндустриализация* экономик [139, 174, 181, 622]. Особенно остро и масштабно этот процесс проявил себя в России и на Украине. В Беларуси доля пятого технологического способа производства в ВВП по сравнению с 1990 г. снизилась с 10 до 4–5 %. Сократилась доля наукоемкости ВВП при всем при том, что повторяется мысль о высококвалифицированных кадрах республики (см. рис. П.5.3, табл. П.5.5).

Для "нечастной собственности" из-за отсутствия теоретического и институционально-правового понимания также не созданы *приемлемые* экономические формы, что усиливает неэффективность используемых ресурсов, создает базу для служебных злоупотреблений. К негосударственным видам собственности применяются неадекватные методы анализа, контроля и государственного управления: *каждый тип и вид собственности имеют свои специфические формы и методы реализации, соответствующие инструменты регулирования*.

¹ Напомним, что без установления *законов распределения*, их адекватных институциональных норм ни одна система эффективно "работать" не будет.

Их границы определяют технико-технологический уровень и содержание имеющихся производственных отношений.

В-пятых, политико-экономическая проблема роли государства в экономике, к сожалению, не идет дальше обычных заявлений "больше или меньше государства" [355]. Тип государственного устройства, его механизм, структура, а также способность людей страны делегировать управленческие функции этому институту, не нарушающего оговоренных правил – это *необходимые условия* эффективного взаимодействия государства и экономики. *Достаточным же условием* будет являться *способность* государственных чиновников *понимать* политико-экономические процессы и *уметь* корректировать их в направлении достижения "всеобщего благосостояния" (Пигу, Гэлбрейт, Хайлбронер, Калдор), а не в бюрократических интересах [301]. Обобщающим критерием эффективной экономической политики явится достижение *политико-экономического равновесия*. "Рассеянное" знание сегодня, приводит к тому, что "и рынки, и правительство, как – пишет Дж. Бьюкенен, – терпят провалы, и нет никакой благосклонной «мудрости». Человек 70-х попал в ловушку дилеммы. Он понимает, что две «великие альтернативы», «laissez-faire» и социализм умирают, и вряд ли можно ожидать их возрождения" [68, с. 430].

5.3. Институциональные конфликты трансформационных процессов

Категория "институционального конфликта" является относительно новым понятием, фиксирующим причинно-следственные взаимосвязи политэкономии с институциональным подходом¹. Но как показывает опыт мировой экономической эволюции и в частности опыт проведения современной экономической реформы [236, 260], конфликты разной степени остроты, распространения, последствий всегда сопровождают *институциональные изменения* [405, с. 42–53].

Конфликт начался с первыми попытками *трансформации общественного сознания, политического передела и приватизации власти*² отдельными группами людей. После наступает "большой передел" денежных активов, "имущества", природных ресурсов [407, 442]. Безотносительно к эффективности используемых ресурсов и экономики в целом такая схема была применена практически во всех странах, где темпы приватизации стали главным показателем "успеха" новой реформы [436, с. 4–17; 389, с. 58–65]. Государственная собственность, *т.е. система отношений*, превратилась в "имущество" с соответствующим министерством. В итоге, как показывает анализ, действительно, *одна целевая экономическая иррациональность — национализация*, долгое время царившая в умах многомиллионной части населения мира, сменилась на другую — *приватизацию* [407, 458, 512]. Неотработанные в теоретическом отношении желаемые кардинальные изменения, начатые более десяти лет тому назад, обеспечили пока лишь *социально-психологическую депрессию* большинства населения постсоциалистических государств. "Пауперизация значительных групп населения... на фоне вызывающей роскоши нуворишей, — пишет Е. Гайдар, — гремучая смесь, долгосрочная питательная среда политического радикализма с национал-социалистической окраской" [90, с. 51]³.

Ныне, как и в прошлой системе отношений собственности, во-первых, теоретически не разработаны и, следовательно, не установлены строгие нормы от-

¹ Отличительные особенности данных подходов, их преимущества и недостатки рассмотрены в главах 3 и 4. Институциональный конфликт отражает столкновение устоявшихся норм, привычек, интересов с теми правилами, законами, которые пытаются внедрить формальным и неформальным способами. Можно выделить и несколько других конфликтов: воспроизводственных, монетарных, идеологических.

² Хотя эта тема входит в предмет новой политической экономии, в силу привлечения в ее зону многих сил, мы все-таки ограничимся лишь констатацией данного вопроса.

³ Стремящимся к другой крайности — национализации, — уместно также было бы обратиться к истории тех стран, где государственная собственность на средства производства достигала до 90 %, и вспомнить те проблемы, которые в конечном итоге потребовали изменений в экономической политике и реформ. Но реализация последних в контексте "радикального обновления социализма" даже на гносеологическом уровне зашла в тупик [119, 280, с. 85–92; 313; 333, 406].

ношений и права всей структуры собственности¹. Эта *неопределенность* в правах собственности на ее материальные и управленческие условия порождала распространенную у населения смешения "моего" с "нашим", в результате чего происходило юридически незаконное, а точнее, *противозаконное перераспределение 1/3 части национального дохода*. В результате терялись мотивационные установки работников, следствием чего была низкая производительность труда. Еще более неопределенным и запутанным как в теоретическом, так и в практическом отношении оказался функционально-управленческий срез "государственной" собственности². По сути дела, даже не сами ресурсы как возможный объект собственности, а именно *контрольно-распределительные функции* оказались камнем преткновения при делении СССР на независимые государства, а также при переводе середине 80-х гг. реформы "социалистической платформы" на "рыночно-демократические" принципы. Этому начинанию, в свою очередь, предшествовал "последний" хозрасчетный принцип "самофинансирования", открывавший предприятиям *возможность самостоятельно использовать часть прибыли* не только для простого, но и для расширенного воспроизводства. *Государственные и частные предприятия в настоящее время испытывают еще большую неопределенность в управлении, распределении доходов*.

В социалистических странах *противоречие*, вызванное процессом отчуждения работника не только от средств производства, но и от результатов своего труда³, от контрольно-распорядительных функций, выплеснулось в классовое столкновение власти, монополизировавшей отношение собственности, с населением или с "хозяином собственности", имевшим крайне ограниченные и к тому же размытые "права собственности" даже в части фонда заработной платы. Отсутствие в этой системе *экономических стабилизаторов* в виде реальных форм и субъектов присвоения материальных условий производства в конечном итоге не обеспечили ее устойчивости при проверке на прочность со стороны

¹ Теория "прав собственности" получила свой старт в конце 60- начале 70-х гг. в связи с падением эффективности производства, социальными проблемами и ростом трансакционных издержек, возникающих на стыке экономики и права [65, с. 87, 124; 189, с. 33–53; 516, с. 39, 105, 141].

² История перманентных реформ (реформы политические могут составить тему отдельного обсуждения) в управлении экономикой СССР: тресты — синдикаты — наркоматы — комитеты — министерства — совнархозы — министерства — объединения и т. п. дает богатую информацию для поиска форм реализации собственности в целом и распределения функциональных прав и полномочий в частности [73, 300, 301].

³ Об этом подтверждают постоянные дискуссии на эту тему, которые велись советскими экономистами и юристами вплоть до середины 90-х гг., не нашедшие своего теоретического разрешения. Показателями отчуждения могут выступать доля заработной платы в национальном доходе отдельно и в совокупности с общественными фондами потребления, производительность труда, участие работников в управлении.

давления "народа" как формального хозяина собственности, объединившегося против власти как носителя функции собственности.

Новые реформаторы *вначале "приватизировали" контрольно-распорядительные функции собственности*. Это давало, в свою очередь, реальный шанс на "получение" некоторой доли материальных элементов собственности из "фонда государственного имущества". Практика приватизации во всех бывших социалистических странах подтверждает, что размер этой доли прямо пропорционален уровню занимаемой должности в настоящем или прошлом. Поэтому *конкуренция за власть* – это, пожалуй, единственный вид конкуренции, *который удалось создать под эгидой возрождения рынка*. Политическая среда в широком своем аспекте, кроме алкогольного и наркобизнеса, оказывается самым рентабельным вложением капитала. Идея же наделения "всех свободными собственниками" через ваучеры и приватизационные чеки оказалась самым большим мифом XX в. [150].

Конфликт проявил себя и в том, что, получив в том или ином виде собственность, новые реформаторы "ушли" со своими капиталами на финансовые рынки из реального сектора экономики, где благодаря спекулятивным мероприятиям и игре на бирже можно обеспечить более высокую доходность [131, с. 24–40; 492]. В конечном итоге официальная правительственная политика по достижению макроэкономической стабильности и равновесия вступила в противоречие со спекулятивной политикой финансовых кругов. Финансовый кризис показывает, что снова в проигрыше оказываются не только широкие слои населения, но и класс производителей, пытающийся осваивать реальный сектор экономики. У многих стран наступил критический уровень экономической безопасности, проблема чего активно обсуждается сейчас в литературе [392, с. 3–12; 537]. Для обслуживания, например, государственного долга в России, запланировано в госбюджете 2001 г. 50 % всех расходов. Кстати сказать, рост государственного долга (как внутреннего, так и внешнего) при снижающихся темпах экономического роста — общая закономерность, присущая всем странам [55, 123]. *Причины* же этого явления в рамках "мэйнстрима" теории *не объясняются*, а лишь описываются на уровне рекомендаций по хрестоматийному ужесточению бюджетной политики.

Расширив диапазон анализа за привычные функциональные рамки нельзя не заметить, что практически все проблемы пронизывает и *охватывает ин-*

ститут собственности (табл. П.4.1). Но применительно к самому институту собственности в нынешних условиях технического и технологического развития *материальная субстанция собственности* не играет решающей роли с точки зрения влияния на экономическое развитие и рост. Природе человека с его сложной мотивацией для раскрытия полного потенциала присуще использование широкого спектра отношений собственности: от индивидуальной и мелкой частной до смешанной *межгосударственной и виртуальной*¹. Однако требуется учитывать отрасль приложения капитала, используемый технологический способ производства, форму организации фирмы, стиль управления, уровень образованности работников и многое другое, что реально влияет на результаты производства, включая степень концентрации и размеры предприятий. Как следует из анализа приватизируемых предприятий, лучших результатов достигли те фирмы, чей будущий собственник имел *четкую стратегию* и увязывал ее с *эффективным менеджментом*, регулирующим экономические отношения, опираясь на *капиталистическую норму поведения*.

Анализ также свидетельствует, что положение субъектов хозяйствования сегодня, независимо от формы собственности, на которой они базируются, в значительной степени зависит от и факторов, находящихся *вне их сферы влияния*. Эти *институциональные факторы* либо способствовали в зависимости от ситуации повышению эффективности приватизируемых предприятий, либо наоборот². Среди них можно выделить *нормы поведения*, которую принимает большинство граждан, защиту этих норм и прав, менеджмент [544].

Что же касается демонополизации собственности, к которой прибегали в бывших соцстранах вплоть до технологического разрушения предприятий, то, "насколько высоким должен быть уровень концентрации продавцов, чтобы обеспечить эффективность производства, зависит от связи между уровнем технологии и размерами рынка (подч. – П. Л.)" [34, с. 112]. Однако степень концентрации и размеры фирм — две стороны одной медали: конкуренции и монополии. "Мы должны признать, — пишет Й. Шумпетер, — что крупное предприятие стало наиболее мощным двигателем этого прогресса и в особенности долговременного наращивания объемов производства не только вопреки, но благодаря той стратегии, которая в каждом индивидуальном случае и в каждый

¹ Последняя связана с заключением фьючерсных контрактов, опционов, другими проявлениями.

² Существует проблема отбора институтов, среди которых могут быть и неэффективные. Примером здесь может быть еще недавнее количество бирж, возникших в начале 90-х гг. и в последующем исчезнувших.

момент времени выглядит ограничительной. В этом отношении совершенная конкуренция не только невозможна, но и нежелательна и никак не может считаться образцом идеальной эффективности" [522, с. 153]. Напомним, что в американской обрабатывающей промышленности потери ВВП от монополий в 1924–1928 гг. составили всего лишь 0.1 %, в 1988 г. — 4.8 млрд долл. или 20 долл. на человека [516, с. 656]. Это означает, что есть догмы, которые требуют своего преодоления и в части *монополизации* [420]. К сожалению, мы мало продвинулись в направлении прагматичного, конструктивного и *взаимопонимаемого диалога* научной общественности, политиков, работников при проведении реформ¹. *Упрощенная национализация в прошлом обернулась не менее примитивной экономикой сегодня*. Цели, цены, налоги и т. п. находятся в антагонистическом противоречии с социально-экономическими интересами потребителей, работников, предпринимателей. Парадокс в том, что создали *некую систему (?)*, от которой пытаются защитить практически все слои населения — от пенсионеров до предпринимателей и политиков. Но сама *защита составляет особый вид транзакционных издержек системы*, которые не обеспечивают повышения эффективности имеющихся ресурсов. К сожалению, многие постсоциалистические государства политику в области трансформации собственности пока еще строят по одномерному и двухполюсному пониманию собственности: приватизация - национализация, капитализм - социализм. Освобождение работников от отчуждения также является делом долговременным и требующим управленческой подготовки. К тому же *новые виды бизнеса* строятся уже не на имущественно-материальных отношениях [117, 203, 308, 309, 339, 340]. В переходных экономиках пытаются реанимировать простейшие *инстинктивные отношения собственности*, базирующиеся на 3 и 4 технологическом способе производства, *противоречащие сформированному человеческому капиталу*. Есть явно выраженная *рентоориентированность* (табл. П.5.9) предпринимателей [175] новых собственников, административно-отчуждаемая стратегия управленцев и *потребительская психология наемных работников*, имеющая историческую обусловленность. Последние, наблюдая за изменениями в распределении на предприятии, в управленческих отношениях, проявляют скрытый саботаж, который не способствует общей эффективности приватизированного предприятия. Разорвать порочный круг мало кому удалось (рис. П.4.5).

¹ Наблюдения показывают, что белорусские экономисты на конференциях, в литературе очень редко находят объединяющее начало, позволяющее продвигаться осваивать дальше имеющиеся проблемы.

Политика приватизации-национализации является единой политикой с двумя рычагами движения, в ходе которого на практике достигается относительно лучший набор отношений по институциональному закреплению прав собственности определению комплекса их форм реализации [107, 312]. Как правило, в процессе преобразований собственности в переходных экономиках происходит усиление отчуждения [405, с. 42–53; 407, 382]. Освобождение работников от психологии наемников, которая *исчерпывает себя 2 и 3-м технологическими способами производства*, уже требует создания систем открытого управления и самоуправления [153, 172]. Открытость управления — это отказ менеджмента на монополию информации и привлечение к управлению самих работников (рис. 4.6). Экономическую культуру собственности способны создавать те руководители, которые принимают идею *равного партнерства с работниками*, осуществляемую через контракт. И эта проблема достаточно активно разрабатывается и используется, начиная с 50-х гг. на Западе, но, к сожалению, не экономистами, а менеджерами, социологами, правоведами, которые практически *понимают общую динамику собственности* (табл. П.5.12) *и ее организационно-правовые формы* [5, 112, 151, 155]¹.

Противоречивая трансформация институтов идеологии, собственности сопровождалась преобразованиями в банковском секторе. Стартовал этот процесс через *создание* коммерческих банков, их акционирование². Банки, маскируясь под борьбу с инфляцией, ограничивают выдачу вкладов их собственникам одновременно учреждая разного рода фирмы и выдавая льготные кредиты "своим" отдельным лицам и предприятиям [216, с. 21–31]. *Специфический материал — деньги на счетах в банках* не позволяет сразу же обнаружить нарушения прав собственности [323, с. 15–38]. Инфляция генерируется как банками, которые распоряжались "чужими деньгами", так и кредитополучателями [471].

Формирование новой банковской системы было по сути экономическим *началом разрушения институционального* и политико-экономического *равновесия*. Через инфляционные кредиты, в Беларуси было "конфисковано" около 20 (!) млрд долл. сбережений только населения республики, которые были ими

¹ Например, парадокс в том, что по данным опроса НИСЭПИ, проведенного в декабре 2002 г. 58.8 % опрошенных белорусов верят в эффективность частной собственности, 34.7 выбрали госсобственность. Однако работать на частном предприятии пожелало уже лишь 49.8 % респондентов.

² Государство на тот период никак не контролировало этот процесс, в том числе и по причине разрушения сложившегося хозяйственного механизма.

накоплены на 1 января 1990 г.¹ В реальный сектор экономики была *заложена дестимулирующая норма*, поскольку перераспределение прав собственности не носило экономического характера и обусловило значительное отклонение от известного равновесия по Парето. Следствием изменения прежнего механизма аллокации ресурсов с его существенным влиянием на дифференциацию доходов населения явилось снижение производительности труда, что обусловило снижение объемов ВВП в целом, и душевого дохода в частности. Почти при двукратном падении ВВП лишь 2–3 % трудоспособного населения республики увеличили свое благосостояние, а у 80 % произошло существенное снижение доходов. Ныне более 50 % граждан находятся за чертой бедности. Иначе говоря, законы распределения, на которые повлияла кредитно-денежная система в первую очередь, вступили в противоречие с законами собственно производства, которые более инерционны из-за специфичности используемых активов и технологий, а еще более с законами воспроизводства.

Привившаяся за все прошлые десятилетия ментальность сориентировала использование этих условно кредитных ресурсов не на капитализацию, а на потребительские нужды. Праздная жизнь как вторая, производная сторона экономик рыночного типа небольшого числа богатых государств, которую критиковал еще Т. Веблен, оказалась ближе, чем жизнь производственная. Естественно, это был основательный шаг на подрыв доверия к республиканской валюте и банковской системе. Национальный банк как политико-монетарный институт на тот период еще не занял своего подобающего места в общей структуре государственных органов управления, что позволило коммерческим банкам воспользоваться деньгами вкладчиков как общественной собственностью. Ф. Хайек писал: "Ремесленников и кузнецов боялись из-за того, что они занимались преобразованием материальных субстанций; торговцев боялись из-за того, что они занимались преобразованием такого неосязаемого качества, как ценность. Насколько же сильнее люди должны бояться банкира, совершающего преобразования с помощью самого абстрактного и бестелесного из всех экономических институтов?!" [484, с. 179].

Следующим шагом разрушения национальной кредитно-денежной системы было *использование оборотных средств* крупных белорусских предприятий для открытия новых банков. Сработал спекулятивный эффект, о котором мы

¹ Денежные накопления предприятий кратно превышали эту сумму. Но никто претензий пока не предъявил.

говорили выше. Использование денег банковским капиталом стало более выгодным, чем использование их в самом процессе производства. С одной стороны, предприятия сразу нарушили свой производственный режим работы со всеми вытекающими отсюда последствиями, а с другой — та же производственная необходимость подталкивала их брать "свои" деньги, но уже под проценты. Часто новый директор заключал кредитный договор со старым, который к тому времени состоит уже в структуре управления или в составе собственников нового банка. Конечно, использование кредитов повлияло на формирование тенденции к увеличению цен выпускаемых товаров, что попало без особого осмысления причин под определение "инфляция издержек". Кроме этого есть прямая зависимость между увеличением банковских кредитов, падением производства и ростом безработицы [8, с. 38–45]. Банки, пользуясь своим *монопольным положением* аккумулировать ликвидные средства клиентов и гонясь за сиюминутной выгодой, часто не выполняли и не выполняют распоряжений своих клиентов (особенно в критических ситуациях), чем существенно дестабилизируют кредитно-денежную систему, *нарушая элементарные права собственников и весь воспроизводственный цикл*. Общая политико-экономическая нестабильность усиливает неопределенность теоретическую, что увеличивает риск и неуверенность на всех уровнях принятия управленческих решений.

Сложившийся практически во всех постсоциалистических государствах политико-банковский альянс как наиболее влиятельная сила через реализацию своих интересов *формирует и соответствующую спекулятивную и рискованную финансово-денежную политику*, чем дестабилизирует и дезориентирует по многим направлениям весь производственный сектор экономики и поведение домохозяйств. Более того, неустойчивая национальная валюта выгодна финансовым кругам, поскольку, проводя множественные трансакции на товарных и валютных рынках, они на технике счета, разнице курсов, других инструментов получают дилинговый доход. Однако этот доход следует оценивать как трансакционные издержки, которые несут *все* держатели денежных ресурсов¹.

¹ Белорусская национальная валюта не способствует институциональной стабилизации и экономическому равновесию в силу своей некой *условности*. Парадокс состоит в том, что в самом названии "расчетный билет", которым обозначена денежная единица Беларуси, заложена основа для того, чтобы относиться к ней *как к временному и где-то условному счетному* средству, но не как к перспективной национальной валюте, выполняющей все известные функции фидуциарных денег. Культивируемая же годами мысль об объединении валют с Россией создает еще большие условия для недоверия к своему расчетному билету с его крайне ограниченными функциями. Граждане Беларуси не обязаны знать природы денег и законов денежного обращения, но они, чувствуя, что эта *природа нарушена*, начинают играть по навязываемым им со стороны институтов правилам игры,

В структуре небольших финансовых *сбережений населения иностранная валюта занимает более половины* всех активов (табл. П.5.3). Из-за известного недоверия к банкам наличная форма хранения денег и расчетов преобладает. Предполагается, что на руках граждан РБ находится 2–3 млрд долл., с которыми они не желают расставаться даже при известной валютной инфляции. Все это искажает взаимоотношения, связанные с движением доходов населения, обескровливает вытягиванием из республик "сеньорского" дохода слабый инвестиционный потенциал Беларуси, других стран (табл. П.2.9, 2.10). Бедные кредитуют богатых, так устроена современная мир-система. Неустойчивая денежная единица подталкивает хозяйствующих субъектов к *имплицитным контрактам*. Как правило, в этих *контрактах наиболее сильная в экономическом отношении сторона находится в более выгодном положении*, что в зависимости от ситуации как бы дает ей основание для нарушения условий договора. Размытость же самих условий этого вида контракта, как по времени, так и по обязательствам затягивает возникающие в таких случаях судебные тяжбы, делая соответствующие решения непредсказуемыми. Для установления справедливости оговоренных условий в контракте используется неформальный институт "третейского суда" в виде рэкета или "помощи" преступных авторитетов.

Немалую отрицательную роль сыграли в общественной дестабилизации через финансовую сферу возникающие в начале 90-х гг. страховые компании, общая численность которых к середине этого десятилетия доходила до сотни фирм. Однако как *альтернатива прежнему институту защиты и стабилизации* страховые компании так и не стали. Проводя крайне непрофессиональную и агрессивную спекулятивную политику, страховые компании, накопив известные суммы от населения и соответствующие обязательства по рискам, поспешили объявить себя банкротами. Население и здесь потеряло солидную часть своих сбережений, а государство в целом не сумело превратить их в инвестиции. Сегодня на рынке страховых услуг работает около десятка маломощных фирм, а сам страховой рынок в лучшем случае освоен на уровне 0.5 %. Необходимо, проводя экономическую политику на рыночные преобразования, четко

усугубляя процесс валютно-финансовой нестабильности. Поэтому следующий парадокс текущего периода заключается в том, что формирование полноценной национальной валюты как составного элемента экономики начинается не с экономики и денег, а с формирования в стране *нормы поведения и доверия* по отношению граждан друг к другу, фирмам, к власти и другим институтам. *Норма поведения* — это сложная, тонкая, но очень важная институциональная категория, которая является продуктом многих составляющих факторов и которую далеко не просто восстановить или воссоздать на другой политической и социально-экономической основе.

иметь в виду, что институт страхования — неотъемлемый элемент всей экономической системы. На Западе он приобрел вид *обязательного* страхования с сочетанием *права* каждого индивидуума *самому делать оптимальный выбор* относительно своих текущих доходов и ориентиров жизни на будущее, приобретая тот или иной полис. Кроме того, институт страхования в той или иной форме выступает *одним из главных источников формирования сбережений*, а, следовательно, и инвестиций. *Инвестиционные фонды и компании* в странах из-за своей крайне слабой активности не заняли должного места в институциональной инфраструктуре. Но аморфное состояние рынка ценных бумаг несколько смягчает последствия финансовых кризисов.

Слабость теоретическая, ресурсная¹, организационная кредитно-банковского института первого уровня [228, с. 15–23], о котором пока невозможно говорить как о некой сформировавшейся системе, дополняется и часто усугубляется отрицательно корректирующей и регулирующей деятельностью Национального банка. Есть проблемы и с формированием стабилизационного фонда национальной валюты, поскольку накопление евро и доллара создает условия для возрастания *зависимости и риска* нарушения стабилизации политико-экономической системы республик². Недоверие банков к частным фирмам, обусловленное их текущим финансово-экономическим положением и серьезным риском не возврата получаемых ссуд, привела к сокращению их доли в общей сумме выдаваемых кредитов. Сложилась ситуация нового *конфликта*. Скромные кредитные ресурсы из-за жестких правил, установленных банками, НБ и низкой рентабельности предприятий не находят своего применения. По теории же развития (Шумпетер) именно в кредитной политике банков открывается материальный ресурс *инноваций* [521].

¹ На 1.08.2003 г. собственный капитал банков РБ достиг 667.5 млн. евро, что примерно составило 68.8 евро на душу населения. На 1.10.2002 г. этот показатель равнялся около 50 евро.

² "Профессиональная" деятельность банковского сектора привела к 2000 г. почти к двукратной потере собственного капитала, поскольку в 1996 г. эта цифра равнялась примерно 350 млн долл. Поэтому вмешательство со стороны государства относительно необходимости увеличения уставных фондов банков является необходимой мерой, в том числе и для жизнедеятельности самих банков. Ведь стоимость невозвращенных кредитов только в валюте на ноябрь 1998 г. составила 120.3 млн долл. и 17.2 млн DM. Активная политика на возвращение полученных кредитов потребовала возбуждения 490 уголовных дел, из которых на начало 2000 г. осталось в производстве 140. Таким образом, к февралю 2000 г. возвращено лишь пока около половины сомнительных кредитов, что для банковской системы Беларуси является весьма внушительной суммой. И хотя, как правило, банки в текущей финансовой отчетности по вполне понятным причинам стараются не показывать точной информации относительно всех сомнительных кредитов, их доля по республике на начало 2000 г. составила 16.7 % всей суммы кредитов размером 386 776.3 млрд неденоминированных рублей, выданных народному хозяйству.

Клиенты банков высказывают недовольство тем, что задерживаются расчетные операции, получение же кредитов связано с большими трудностями и *потерей времени* на оформление документов. На это обратили внимание 20 % опрошенных, на неподъемный залог при оформлении кредитов — 81 %, на нереальный срок возврата — 45.4 % респондентов. Почти половина опрошенных руководителей белорусских фирм не удовлетворены полностью или частично своими отношениями с банками, 6 % из них уже подыскивают себе другой банк. Все это также увеличивает как внутренние, так и внешние, альтернативные и фактические издержки разного рода экономических агентов в отдельности и общества в целом. Непонимание "отрицательной ставки реального процента" при достаточно высоком его номинальном уровне приводит к потерям от размещения на депозиты в любой валюте. Вместе с тем нельзя не видеть того обстоятельства, что именно белорусские предприятия своими текущими счетами "дают" банкам 35 % всех почти *бесплатных кредитных ресурсов*, которые предприятия могут получить уже по крайне высоким процентам. Этот показатель можно также использовать для оценки уровня доверия отечественных и зарубежных фирм к банку.

Банк, как показывает анализ, — это *переходный институт*, который в зависимости от естественноисторических условий, сложившейся системы хозяйственных отношений и формы политической власти может проводить как спекулятивную стратегию, разрушающую производственный сектор, так и осуществлять под общественным контролем и вместе с другими институциональными структурами управления мероприятия, направленные на генетическую связь с действительной экономикой или, как сейчас принято говорить, реальным сектором. Ситуация в нашей банковской системе в чем-то подобна американской, где также нарушены нормальные экономические отношения между различными секторами экономики и гражданами. Американские экономисты пишут: "...Банкиры утверждают, что их отношения с деловым миром сейчас не такие тесные, как в прошлом. Отношения по типу "домашнего банка" (эпоха банковского капитала. — *П. Л.*), которые были настолько сильны, что могли крепко привязать к определенному банку, сильно ослабли, так как компании стали более непостоянными, часто меняют условия займов и более склонны к использованию ценных бумаг" [541, с. 315].

Противоречие отечественного переходного периода заключается еще и в том, что, приняв во многом *не отработанную в теоретическом отношении социально-ориентированную модель экономики*, мы механически приняли *неадекватную ей упрощенную двухуровневую американскую кредитно-банковскую модель*. Для ориентации на гибкое разрешение этого противоречия можно привести слова председателя правления крупнейшего чешского банка "Komerční Bank" З. Зальцмана, который сказал: "Мы говорим по-английски, принимаем советы американцев. Но ...мы идем к германской системе" [41, с. 11]. *Европейская модель банковской системы*, имея свойственные кредитно-финансовым учреждениям универсальные законы и нормы поведения, все же в целом вписывается в институциональный контекст традиционной западной цивилизации, придавая ей динамизм и развитие. Создание "евро" подтверждает стремление западноевропейского региона разрешать возникающие известные противоречия между такими секторами, как, например, денежный, финансовый, научно-технический, производственный и политический.

Национальная банковская система Беларуси по своей материальной основе, технической оснащенности, по связи с информационными мировыми институтами, уровню подготовки кадров в части понимания всех проблем, происходящих в мировом сообществе, *не в состоянии проводить свою абсолютно независимую национальную финансовую политику*. Ей выгоднее, получая свою "маржу" на различных операциях, сотрудничать с финансовыми международными структурами, исходя из спекулятивного интереса. Риск же, возможно, и будет учтен национальным финансовым органом, *но в пропорции привлеченного/собственного капитала*. Эта пропорция определяет и *степень переходности института банковской системы любого государства*. Например, на 1.01.2000 г. в РБ соотношение всех ресурсов к уставному капиталу банков составляло 6:1. Это значит, что банки, *рискуя всем капиталом (или только "чужим", привлеченным)*, в случае выигрыша *могут (?) распространить его на весь используемый капитал*. В случае же проигрыша в таком состоянии оказываются те же вкладчики да, как правило, мелкие держатели акций. Последние слишком неорганизованны, чтобы повлиять на принятие решения именно в их пользу, а не в пользу крупных акционеров и управляющих [228, с. 15–33]. Эти факты приводятся для того, чтобы подчеркнуть, что ставка рефинансирования, к которой обращается Национальный банк Беларуси как к некому универсальному инст-

рументу регулирования денежной массы и, следовательно, стимулирования сбережений, может иметь положительные реальные последствия лишь при установлении и не нарушении в долгосрочном периоде весьма казалось бы далекой от экономики нормы — *нормы доверия к действиям правительства*. Требуется *ряд мероприятий*, имеющих различную направленность, механизм и временной лаг воздействия [360, с. 137–141; 456]. Высокая ставка банковского процента при значительном уровне инфляции, с одной стороны, никак не способствует установлению доверия к национальной валюте, а, наоборот, ориентирует на будущие инфляционные ожидания. С другой — из-за "*ликвидной ловушки*" не срабатывают механизмы регулирования денежного, инвестиционного и товарного рынков. Производственный сектор, представленный совокупностью фирм, начинает "сжиматься" и ограничивать себя от банковского сектора с естественной целью *технологического выживания*.

Для стимулирования реального сектора экономики надо исходить не из учетной ставки банковского процента как некой нормы поведения экономических агентов, а из нормы прибыли промышленного капитала [22, с. 298]. Именно с этого начался этап развития промышленного капитала в свое время. В современных условиях *норма доходности предприятий высокотехнологичных отраслей* должна служить *критерием эффективности*¹ и ориентиром для цен на другие товары, заработную плату, налоги, уровень занятости и пр.². Исторически сложившаяся структура технологических способов производства экономики Беларуси, профессионально-квалификационный уровень выдвигают именно этот критерий, равно как и то, что отрасли высоких технологий обеспечивают конкурентные преимущества, а, следовательно, прогресс, развитие и благополучие. К тому же с институциональной точки зрения мы должны учитывать, что деньги есть всего лишь средство, а жизнь — цель. В белорусском обществе монетарная мотивация с соответствующим поведением и организацией общества не является доминирующей жизненной стратегией ни теперь, ни в будущем [18]³.

¹ Мы опускаем анализ категорий "прибыли", "средней прибыли", "средней нормы прибыли", "органического и технического строения капитала", других категорий классической политэкономии, которые дают нам целостное восприятие функционирования капитала как явления, по причине того, что это известно читателю из курса политэкономии.

² "*Золотым правилом*" накопления некоторые считают равенство темпа роста, средней нормы прибыли, процента, уровня безработицы, сбережений [93, с. 341].

³ *Норма доверия* еще не стала показателем социально-экономической устойчивости. Она имеет свойства меняться [359, с. 25–36; 500, с. 46], (см. табл. П.5.7, П.5.10).

Социологические исследования по вопросам экономической политики указывают на следующую структуру векторов белорусского населения: рынок с государственным регулированием — 36.9 %; рынок с незначительным государственным регулированием — 32.8; плановая экономика — 25.7; другой тип экономики — 2.3; нет ответов — 2.3 [430, с. 16]. Этот вектор направлений, а также сложившаяся социально-классовая, профессиональная структура населения, где *каждая группа имеет свои мотивационные установки*, должны несомненным образом учитываться теорией с ее дедуктивными умозаключениями. Как отмечал Дж. Бьюкенен, теория будет полезной и применимой только в том случае, "если экономическая мотивация преобладает в поведении *всех участников* (выделено нами — П. Л.) рыночной деятельности" [68, с. 53]. Таким образом, банковский процент *не является всеохватывающим* и поэтому "не цепляет" и основных агентов сбережений — население. Национальная *политика сбережений* носит достаточно общий, неопределенный и фрагментарно-усеченный характер. *Сказывается непроработанность теоретическая и поведенческие институты*, которые сложились за прошедшие десятилетия. У многих сформировалось впечатление, что *правительство всесильно* и своими государственными законами первенствует над законами экономическими¹. Однако государственный порядок отличается от того, что принято называть "экономическими порядками" [202, с. 105–120]. *Издержки, связанные с функционированием новых и старых институтов, значительно превышают отдачу от всех институциональных изменений*². Причем *издержки и выгоды от новых институтов далеко не совпадают как по объектам, так и по субъектам* [477]. Проводя политику на сбережения, следует ориентироваться не только на *размер доходов, но и на конкретные слои, классы населения, его местожительство, профессию, формы доходов* и многое другое, что конкретизирует проблему "склонности" к сбережениям и потреблению. Отрыв сбережений и инвестиций *во времени и пространстве* имеет негативные последствия на реальный сектор экономики. Однако как важно видеть всю сложную гамму отношений, влияющих на сберегательные процессы, так в свою очередь очень важно представлять *весь противоречивый процесс инвестирования*, куда входит масса составляющих.

¹ В первые годы Советской власти основным экономическим законом считался закон диктатуры пролетариата. Это мнение просуществовало вплоть до известной дискуссии 1951-1952 гг.

² За эти разработки Трюгве Хавельмо получил в 1989 г. Нобелевскую премию.

Кейнса часто вспоминают в связи с тем, что он *разграничил субъектов сбережений и инвестирования, плановые и реальные инвестиции*¹.

Конфликтным является проникновение научных экономических идей в практику [237, 243, 246]. Но именно этот контур сознания предопределяет определенный *тип хозяйственного поведения* потребителей, предпринимателей, политиков, бюрократов [355]. Поэтому эволюция неформальных отношений, правил напрямую связана с *изменением экономического образа мышления*² [489] всех социальных слоев и классов, с чего по существу начинается и через что реализуется реформа [112, с. 270]. Желание что-то изменить, еще не означает *знания всего этого сложного процесса и процедуры изменения* [53, 326].

Если даже предположить, что все участники Вашингтонского консенсуса имели искренние цели [186, 443], то все-таки разделим их личную *веру* в успехи начинавшихся изменений и *научную обоснованность* этого процесса³. Неопровержимым фактом остается то, что прошлое экономическое знание и подготовка на менеджеров, политиков, советников, рядовых граждан прямо влияют на результаты текущей реформы. Сегодня у *каждого свой опыт, подтверждаемый практической деятельностью и обобщенный на определенном уровне*.

В силу ряда объективных и субъективных обстоятельств на смену прежним курсам политэкономии капитализма и социализма в наши высшие учебные заведения пришел "экономикс", получивший лишь на первый взгляд несколько нейтральную интерпретацию — "экономическая теория". "То, что сегодня преподается в большинстве университетов под маркой экономической теории, — пишет Л. Мизес, — на деле является ее отрицанием"[315, с. 221]. "К сожалению, — как пишет У. Баумоль, — достижения нашей науки не отразилось *существенным образом* на содержании наших базовых учебников" [36, с. 79].

¹ Еще более актуальным является категория "*инвестиционный процесс*", куда входит мотивация осуществляющих непосредственное внедрение инвестиций, источников финансирования, организационных мероприятий и пр. О том, что это так, свидетельствует существование на 1.01.2000 г. 23.4 тыс. недостроенных в республике объектов, которых еще год назад было 20.9 тыс. При жестком дефиците финансовых ресурсов для Беларуси это крайне внушительная цифра. Она указывает на *незамкнутость* сберегательно-инвестиционного цикла, который имеет место в республике, и на неэффективность проводимой политики в этом направлении.

² Экономическое сознание развитой информационно-коммуникативной системе выступает *дополнительным ресурсом, условием, фактором*, позволяющими существенно повлиять на экономические результаты хозяйствующего индивида и общества. Фактор активного распространения влияния экономического образования через включение теории в учебные планы на экономический рост и развитие еще не исследовался. Хотя напомним, что в теории Д. Норта способ получения и передачи знания выступает главным компонентом для объяснения экономического роста и развития страны.

³ Сейчас очевиден авантюризм "Программы 500 дней", как, впрочем, и многих других аналогичных программ.

Безусловно, познавательный эффект от использования традиционного "экономикс" зависит и от глубины понимания в целом *всей его философии возникновения, традиций исследований, содержания, ограничений и допущений* нашими и зарубежными аналитиками. Проблема отечественных экономистов, преподавателей теории в вузах состоит в механическом восприятии "экономикса" *первого* его начального уровня, т.е. арифметики экономики. Однако анализ учебных планов, программ по экономическим дисциплинам показывает, что произошла экспансия неоклассической теории, которая просто механически заменила марксизм в его советском теоретическом и практическом варианте исполнения. Учебники и учебные пособия очень однообразны и в лучшем случае для иллюстрации иногда содержат "местную статистику". В этих пособиях отсутствуют исторический, социальный и институциональный контексты, какие-нибудь проблемы и противоречия, существующие в самой теории, что побуждает читающих делать догматически жесткие и безапелляционные выводы. Нет также сведений ни в исторической, ни в логической последовательности о *возникновении тех или иных категорий, моделей и инструментов исследования*. Таким образом, не будет большим преувеличением охарактеризовать складывающуюся ситуацию в белорусском экономическом образовании как смену одной схоластической теории — ортодоксального марксизма на другую — ортодоксию неоклассики¹. Но не способствуют формированию научного экономического мышления и учебные программы, авторы которых, не желая терять "завоеванные позиции" и одновременно боясь быть ретроgrадами в глазах своих коллег, общественности, включают в них абсолютно случайные и разнородные по своей философской основе темы, не имеющие *целостности и законченной смысловой нагрузки*.

Текущая ситуация не вписывается в привычные понятия и определения. Можно говорить о *цикле*, своеобразие которого состоит в том, что поставлены *под сомнение* необходимость и возможность существования *традиционной основы общества с его целями, стремлением, моралью, устоявшимися экономическими принципами, мотивацией, научными критериями*. И эти положения должны быть исходными, стартовыми в формировании университетского экономического мышления, когда экономическая теория преподается не как набор ограниченных абстрактных инструментов, *а скорее как метод, методология*.

¹ Ранее мы писали и гносеологических недостатках этой теории [207, 223, 233, 234, 246, 249].

Последнее обстоятельство позволяет быть первопроходцем в познании ситуации, что в первую очередь повышает конкурентоспособность страны, фирмы.

Надо учесть то обстоятельство, что теория экономики в своих классических образцах всегда ограниченно впитывала все богатства философии, идей естествознания, знания о технике и технологии, социологии, права, политики. В этом смысле только *университеты* и могут обеспечить такой учебный процесс, который основан на действительно научных исследованиях, дающих системное, "живое" знание, поскольку только здесь существует пласт фундаментальной науки, представленной факультетами естествознания. С тиражированием же экономического знания вполне могут справиться и другие высшие учебные заведения, выполняющие свои, хотя и более узкие, но очень важные задачи по подготовке кадров узко технического профиля. Такого рода знания необходимы для анализа законов и закономерностей поведения, а также принципов функционирования системы. Вопросы *институционального основания, изменения этой системы, ее "наладки" и корректировки возможны лишь для тех*, кто получает ориентир и необходимые знания, подготовку в плане развития творческого созидательного начала.

Придание учебному процессу действительно научного характера означает, что требуется осознанное понимание и использование методологии и сопутствующих методик, отвечающих современным условиям хозяйствования, определение объекта исследования, а также других важных, но забытых этапов *всего алгоритма исследования*. Учитывая сложную структуру и *нелинейность развития современной хозяйственной практики, наработки теории*, а также важность получения выпускниками учебных заведений действительно фундаментального экономического образования, представляется, что программы, как и учебные планы, должны содержать следующие блоки уже разработанных наукой проблем с соответствующим категориально-понятийным наполнением.

1. Общеэкономические категории и законы *устройства экономики, общества, природы*. По сути — это предмет классической политэкономии, дополненные новым состоянием экономической реальности — мир-экономики.

2. Основные *принципы и законы оптимального функционирования экономики* при условии заданных ресурсов на международном, национальном, региональном, межотраслевом и отраслевом уровнях. Речь здесь идет не просто о

макроэкономике, а о "Новой макроэкономике", книги которой появились уже в середине 80-х гг.

3. Инструментарий и закономерности поведения экономических агентов на внутрифирменном уровне, т. е. микроэкономика. Даже в пунктах 2 и 3 мы выходим уже за пределы того, что привычно стало трактоваться как теория рыночного хозяйства.

4. Теория институтов и институциональных изменений.

5. Принципы и законы построения прогнозов, планов, отражающих будущую перспективу и стратегию развития экономики. Этот блок должен отражать теоретические конструкции и модели, к которым необходимо стремиться, выбирая соответствующий и *способ достижения* намеченных прогнозов.

6. Теории социально-экономического *развития*, отражающие кроме всего прочего, проблемы экономической динамики, конъюнктуры, роста, а также институциональные закономерности устройства и проектирования общества.

7. Закономерности выработки, принятия решений, формирования экономической политики и ее реализации на различных уровнях хозяйствования.

Пункты 4–7 попадают в то, что сегодня называют *новой политической экономией*, и что не преподается в большинстве вузов даже экономических.

8. Формирование мир–экономики и проблемы глобализации требуют включения в содержание экономического образования соответствующих разделов, представленных глобальной политэкономией (геоэкономикой).

9. Для экономических вузов (специальность, например, экономическая теория) предполагает изучение метаэкономики или метатеории.

10. Прикладная и экспериментальная экономика.

11. Блок истории логики экономического анализа, методологии и инструментария экономических исследований, заключающий предмет фундаментальной теории.

Вот примерно те области знания, которые необходимо усвоить будущим выпускникам учебных заведений. Они отражают различные и сложные стороны, уровни реально функционирующей системы, которая в современных условиях нуждается в корректировке для достижения целей устойчивого развития и прогресса. Но поскольку хозяйственная практика требует специалистов разного уровня подготовки и квалификации, то у тех, кто будут работать в отраслях, производящих серийную продукцию, должно быть сформировано экономиче-

ское мышление, имеющее прикладной технико-экономический аспект. Те же специалисты, использование которых предполагается в отраслях, где *генерируется творчество и создается продукция высоких технологий*, должны иметь, естественно, и креативное экономическое знание, выходящее за пределы определенного устойчивого набора принципов, схем и моделей. Сфера подготовки научных работников и специалистов по государственному управлению отличается, в свою очередь, и получаемым широким многофакторным знанием по "устройству" системы, умению ее регулировать, поддерживая в состоянии не только оптимального функционирования, но и тенденции к развитию.

Безусловно, при таком подходе к экономическому знанию должны отличаться и методики. *Новые методики* образовательного процесса также имеют *иную парадигму*, смысл которой состоит в активизации обучения экономическому знанию. Интерактивное обучение предлагает такой выбор форм и методов, которые бы позволяли студентам не запоминать новые схемы и модели, а вооружать методологией и методиками, дающих приращение к имеющемуся знанию. Это вытекает из быстрого устаревания имеющегося знания. Заметим, что широко применяемое тестирование обучающихся по экономическим дисциплинам, вполне уместно для "натаскивания" в хорошем смысле слова студентов-учащихся, будущая профессия которых предполагает тиражирование продукции, где необходимо твердое и безошибочное знание. Способность же к творческому мышлению, раскрытие потенциальных возможностей логического мышления должны осуществляться *творческими формами контроля*, диапазон которых достаточно широк.

Уже на идеальном уровне новая экономическая реформа натолкнулась еще на одну крайне важную и *противоречивую проблему* – *культурологическую*. Генний А. Смиа заключается в том, что он соединил политэкономический интерес индивидуума с его нравственно-этическими нормами поведения, предусматривающими и *религиозный компонент* [79, 421]. В средние века торговля и промышленность развивались не благодаря, а *вопреки существующим этическим законам и правилам*. Как известно, именно религия в это время выступала главным институтом, регламентирующим общественную деятельность. "Религия, — пишет Дж. Робинсон, — это способ существования, предписанный нам потому, что он поддерживает мораль, но не мораль как таковую, предписанную постольку, поскольку она вытекает из религии" [607, с. 15].

В лоне протестантской веры, дерзко противопоставившей себя господству ортодоксального католицизма, в ходе Реформации XVI в. *формулировались стимулы* новой социальной системы с массовой предпринимательской деятельностью. Если официальный католицизм рассматривал необходимость трудиться, добывать хлеб "в поте лица своего" преимущественно как расплату за первородный грех, как своего рода наказание, то протестант уже видел в труде важнейшую жизненную ценность, священный долг перед Богом, обществом и самим собой. *Экономическая активность получала благословение свыше*, и человек как бы вручал себя надежному божественному партнеру. Превращение делового успеха выступает показателем избранности тех, кому даровано предопределение к спасению (табл. П.5.7, 5.8). *Это послужило мощным стимулом эффективного, рационального хозяйствования*, ориентированного на получение прибыли. На базе протестантской этики [79], являвшейся, прежде всего "этикой мотивов", зарождался и креп "дух капитализма", который, сыграл решающую роль в возникновении буржуазного строя и его распространении на другие континенты мира [531]. Но *протестантизм утверждался при ожесточенном сопротивлении католического Рима*. Со второй половины XIX в., таким образом, начинается мощный процесс секуляризации общественной жизни. В последующем раскрывается роль религии (Э. Дюркгейм) как стимула активизации участия индивидов в различных сферах общественной жизни, а О. Конт подчеркивает роль и значение обрядов в укреплении социальной *справедливости и экономической солидарности* граждан [375, 478, 479].

В Беларуси и России, как известно, новому, т. е. капиталистическому, укладу западного типа достаточно сильно сопротивлялись. И церковь здесь играла, пожалуй, доминирующую роль. Однако все же Туган-Барановский, Милютин и др. под воздействием изменения реальности заявляли: "Мы имели другую историю, но с падением крепостного права... мы такие же" [62, с. 357].

Вместе с тем любостяжательство, т. е. погоня собственника за увеличением своего богатства в денежной форме, вызывает особый протест церкви. Она же признает и собственность, но под углом зрения того, что "все творения, все земные блага, по своему существу и природе принадлежат Творцу, что только Он один есть истинный и полный обладатель всех созданий... Человеку право собственности в отношении известной части благ земли принадлежит в том смысле, что он может пользоваться только ее плодами" [85, с. 365, 366]. *Собст-*

венность и доходы признаются лишь средствами для жизни, но никак не ее целью. Цель жизни в ее спасении, в достижении вечной благой жизни. Даже в языках это наблюдается. На европейских языках говорят: "I have", "Ich habe" — "я имею", а по-русски — "у меня есть". *Дворянство и соборность* также русские особенности (табл. П.5.11).

Выдающийся вклад в теорию и практику *христианской экономики* внесли русские православные монастыри, которые возродили *Студийский устав* монашеского общежития, развернули широкую хозяйственную деятельность и благотворительность. Семейное хозяйство, описанное в "Домостроях", общины, старообрядческие общежития представляют *особые области христианской экономики*. Кризис индустриальной европейской цивилизации дал основание в противовес утверждению Ницше "Бог умер" задуматься и заявить: "Бог только отступил". И действительно, многие исследователи пытаются найти новую систему координат или новую парадигму, которая бы фиксировала в себе не только стремление к росту, а к такому экономическому развитию, где гуманистическая составляющая была бы доминирующей. Речь идет о том, чтобы *разрешить* сложившееся в настоящее время *противоречие между генерируемым духом рынка (капитализма) и духом возрождаемых религиозных христианских ценностей*. К тому же, как показывают разные методы анализа, люди разных конфессий имеют различное отношение к идеям и принципам рыночной реформы, ее стратегии и тактике осуществления (табл. П.5.8). Католикам и протестантам они ближе и, естественно, ведут они себя более активно в направлении предпринимательской деятельности, формированию института частной собственности и его защиты. Православные же, к которым себя в республике причисляют 80 % опрошенных (10 % — к католикам, 2 % — к протестантам), имеют уже более противоречивое отношение к ценностям, генерируемые на формальном уровне современной экономической политикой. Такое противоречие усиливает эффект социальной депрессии, когда чей-то экономический успех не находит положительного сопереживания, эмпатии, что не способствует генерации сил, интересов к социально-экономическому развитию многих переходных стран и республики в том числе [34, 313, 503, 526].

5.4. Социально-экономическое развитие: классический смысл и институциональные особенности исследования

Эволюционный принцип начал играть важную роль в экономических исследованиях в 18 веке в связи с утверждением естественнонаучного мировоззрения. Однако достиг высшей отметки в 19 веке, в котором Й. Шумпетер выделяет пять самостоятельных типов эволюционистской мысли: *эволюционизм философов (Гегель); марксистский эволюционизм; эволюционизм историков (речь идет, прежде всего, об исторической школе); интеллектуальный эволюционизм Кондорсе и Конта; дарвинистский эволюционизм* [523, т. 2, с. 572].

Теоретически более оформлено учение об экономическом эволюционизме в основной работе А. Смита [420]¹. Он рост дохода и, соответственно, богатства связывает со *степенью разделения труда*², содержание которого трактуется так широко, что дает нам основание именовать последнее как технический прогресс. Богатство и доход анализируются Смитом за определенный период времени, которые связываются с понятием "*производительной силы труда*". Теорию Смита отличает то, что "мощная побудительная сила личного интереса действует в согласии с интересами общества только в совершенно определенных институциональных условиях" [52, с. 55]. В конечном итоге ценность, сила и значимость экономики определяется по Смиту жизнедеятельностью населения. Т. Мальтус своим "Опытом о законе народонаселения" устанавливает связь между способностью человека к продолжению рода с ограничительными факторами, среди которых ограниченная возможность людей производить средства существования выдвигается в качестве доминирующего. В свою очередь низкая возможность производить продовольственные ресурсы выводятся на основе закона убывающей эффективности³.

Маркс был, пожалуй, последним из *политэкономов*, по-своему подошедшему к трактовке закона народонаселения, зафиксировав его связь с законами накопления капитала. Однако Маркс в своей *теории развития*, которая опиралась на идеи Гегеля, обращается к факторам, ограничивающим и ослабляющим внутренние самодвижущие силы рынка, основанного на *капитале*. Поэтому требуется разрешение противоречия через смену отношений и их соответст-

¹ По каким-то собственным мотивам оценка А. Смита Й. Шумпетером была достаточно сдержанной.

² В современной терминологии речь шла бы о расширении границ рынка и всего экономического поля.

³ В 80-х годах возникла версия, что А. Смит и Т. Мальтус дали идею Ч. Дарвину идею его теории естественного отбора [170]. Его же теории не оказали существенного влияния на развитие экономической мысли.

вующих форм. "...Марксистский анализ, – пишет Й. Шумпетер, – является единственной по-настоящему эволюционной экономической теорией, созданной в тот период. Его допущения и его методы вызывают серьезные возражения, хотя отчасти это объясняется незаконченностью работы... Но великое видение имманентной эволюции экономического процесса устояло перед самой мощной враждебной критикой" [523, т. 2, с. 579-580].

Й. А. Шумпетер не рассматривает хозяйственные изменения в рамках различных эпох, а ставит задачу вычленить *факторы*, вызывающие изменения внутри системы. Однако Шумпетер все же признает *зависимость прошлого для последующего* этапа развития, хотя и не в сильной степени. Поскольку равновесно-стационарное состояние спроса и предложения, к которому обращаются экономисты, *не отражает силы для динамики, то источник развития автор предлагает искать на стороне производства.* Критерием развития экономики выдвигается *новое качество блага, организации, иной метод, источник сырья* и т. п. Таким объектом анализа, претендующего на роль генератора развития, является *предприниматель.* Но не всякий предприниматель или собственник, хозяин, а именно тот, *мотивом поведения которого является даже не прибыль, а достижение или внедрение* чего-то нового, преодолевающего уже имеющуюся хозяйственную "рутину". Инновация осуществляется за счет кредита, порождающей временную инфляцию, но которая погашается через "осуществление новых комбинаций" и производство дополнительных благ, обеспечивающих возврат кредита и получение прибыли. На этом кругооборот завершается, опять создавая условия для банкротства, которые Шумпетер назвал "созидательным разрушением".

Вебленовский эволюционизм основывается на *инстинктах* (мастерства, родительского чувства, праздного любопытства) и психологических привычках. Праздное любопытство создает новые стереотипы мышления и поведения, что действует как созидательная сила для развития. Но *противоречие индустрии и бизнеса* деформируют промышленную систему, вызывая разного рода кризисы. По сути Веблен заложил основы для понимания *развития как кумулятивной последовательности смены институтов,* что нашло поддержку в более поздних теориях институционализма. Причем эта концепция эволюции базируется на *органическом единстве человека, общества, природы, техники.*

Неоклассики проблему развития ограничили *экономическим ростом* с решением задач по функционированию экономической системы¹, что породило ряд. Поэтому современные эволюционные теории делают попытку преодолеть эти упущения науки. Первоначально они были связаны с теориями экономического роста и динамики, но после статьи в 1950 г. А. Алчиана "Неопределенность, эволюция и экономическая теория" [399, с. 268-293] утверждается мнение о состоянии неопределенности как нормальном для экономики, вытекающим в свою очередь из ограниченности человеческого знания. Оказалось, что *мало говорить о конкуренции как о механизме развития, если неизвестны глубинные процессы поведения фирмы и мотивы человеческой деятельности*². Понятие экономической системы расширяется за счет социальных, политических, правовых и прочих институтов, влияние которых на функционирование и развитие оказывается более сложным, чем представлялось до сих пор [485, с. 41-45]. Поэтому неоклассическую экономику можно рассматривать как *частный случай институциональной экономики*, которая, по его мнению, способна достичь более высокого уровня обобщения [335, с. 56]. Д. Норт выводит правило, которое помогает понять источник развития: "...Структура правил и механизм обеспечения их выполнения помогает определить ту цену, которую мы платим за выбор, обусловленный идеологическими установками; чем ниже эта цена, тем больше значение идей и идеологий" [347, с. 77] (см. рис. П.4.1, П.4.4).

Систематизировано раскрыть природу, механизм, можно сказать, генетику смены институтов попытались Р. Нельсон и С. Уинтер [334, 599]. Их теория состоит из трех уровней: теории поведения индивидов – теории умений, теории поведения организаций – теории рутин, формального эволюционного моделирования. Разработчики данной теории стремятся увязать поведение индивидов, организаций и развитие отраслей. Ограниченная рациональность поведения индивидов и фирм³ признается здесь авторами в качестве исходного постулата с раскрытием содержания данного понятия. На выбор и принимаемое решение оказывает влияние имеющиеся навыки, знания умения⁴. Последние имеют раз-

¹ Парадоксально то, что основатель неоклассической теории А. Маршалл считал, что экономическая наука в широком смысле родственна скорее биологии, чем физике [297, т. 1, с. 17, 69].

² Механизм и формы конкуренции частично были раскрыты лишь классической политэкономией.

³ В своей теории Р. Нельсон и С. Уинтер используют идеи ограниченной рациональности Г. Саймона. В теории неоклассиков предполагается, что хозяйствующие субъекты обладают полной рациональностью.

⁴ Под умениями понимается "потенциальная возможность гладко осуществлять некоторую последовательность скоординированных действий, которая является обычной в смысле достижения своей цели, если эти действия производятся в нормальной для них обстановке" [334, с. 95]

ную степень наследственности. Что касается рутин¹, то они двояко действуют на развитие: с одной стороны сложившимся порядком консервируют как достоинства фирмы, так и недостатки, а с другой, таким образом, обеспечивая генетическое сохранение преимуществ, дает основание для достижения новых целей. Эти цели продуцируются инновациями, что в свою очередь нарушает рутину. И здесь очень *важно сохранить не только текущую рентабельность*, но и другие *конкурентные преимущества* организации, использование имеющихся специфичных активов. Все это и другое необходимо для достижения *селекционного равновесия*, под которым понимается ситуация определенного динамического процесса по расширению рентабельных и сокращению фирм нерентабельных [334, с. 173]. Между последним и ортодоксальным долгосрочным равновесием имеется много общего. *Однако принципиальное отличие между ними состоит, прежде всего, в том, что если равновесие ортодоксальная теория связывает с результатом, то селекционное равновесие характеризует весь сложный процесс поиска, отбора конкурентных преимуществ* фирмы со всем механизмом их обеспечения и реализации.

Переход к устойчивому *развитию* является стратегической задачей мир-системы и отдельных государств², среди которых Республика Беларусь, Россия не являются исключением [179–181, 184, 329]. С одной стороны, такая стратегия в целом является верной. Однако, с другой, при сложившейся *проблеме сбыта*, когда полугодовые объемы ВВП не находят реализации, задолженности по зарплате, низкой норме накопления постановка вопроса о "прибавке" хотя бы одного процента является, мягко говоря, экономически некорректной. Деньги, выплаченные работникам за нереализованную продукцию, дезориентируют производство и являются не только генераторами инфляции, но создают *нерациональные ожидания* и не обеспечивают тенденций к переходу к постиндустриальному этапу с использованием 5 и 6-го технологических способов производства как доминирующих³.

Впервые серьезная дискуссия о *возможностях* плановой экономики пре-

¹ Понятие "рутина" отражает либо постоянно повторяющийся шаблон деятельности всей организации, индивидуального умения, либо гладкое бессобытийное функционирование на уровне индивида или фирмы.

² Совместная стратегия является исходной, но важной институциональной нормой координации и ориентиром для бизнеса, потребителей (рис. П.4.1).

³ Возникший термин "прогноз-задание", видимо, надо отнести к досадному недоразумению, появившемуся на общем фоне теоретической слабости национальной экономической науки. Объявление о социально ориентированной рыночной экономике еще вовсе не указывает на доминирующую *форму регуляции* хозяйства. Следует говорить о *плане* на новой исходной и теоретической основе.

одолеить сложившуюся в 20-е гг. негативную социально-экономическую динамику возникла в Советской России между сотрудниками Института конъюнктуры Д. Кондратьевым, В. Базаровым, В. Громаном и сторонниками Госплана Г. Кржижановским, С. Струмилиным, А. Коном и др. И если первые утверждали, что *"естественная стихийная закономерность"* все равно возьмет свое, то вторые в плановой экономике видели огромные преимущества перед стихийно-рыночным механизмом для обеспечения высоких темпов роста. Невзирая на некоторую *"лукавость цифр"* органов советской статистики достижения в самом деле были достаточно заметными, чтобы вызвать недоверие к ним на общем фоне тяжелейшего мирового кризиса (табл. 4.1). Особое значение здесь придается автором *пятилетним планам* [94].

Страны	Общее производство	Производство в расчете на душу населения	Промышленность
СССР	210.0	161.5	318.4
США	175.8	122.1	154.0
Великобритания	138.3	119.2	151.7
Германия	165.9	132.2	149.3
Франция	124.0	123.3	110.0
Италия	164.0	129.7	161.4

Источник: [94, с. 180].

**Таблица 4.1. Динамика производства некоторых стран в 1939 г.,
(%, 1913 = 100 %)**

Не менее прозорливыми оказались и Кондратьев со своими коллегами, которые еще в свое время спрогнозировали затухание темпов роста социалистической экономики. Действительно, к середине 80-х гг. реальные темпы роста национального дохода в СССР составили менее 2 %, что явно не могло обеспечить расширенного воспроизводства, соответствующего НТП.

Трудно сказать, *насколько* были знакомы с этой идеей западные экономисты, *но она нашла несколько иную интерпретацию и другое авторство в более позднее время*. Например, в конце 70-х гг. утвердилось мнение, что страны с невысоким уровнем развития первоначально имеют высокие темпы роста за счет освоения *уже известных технологий*, используемых более развитыми государствами. В дальнейшем по мере наращивания своего потенциала темпы роста имеют тенденцию к затуханию. Действительно, низкие темпы роста экономики СССР дополняются другими отрицательными количественными и качественными параметрами. И наша республика здесь не была исключением.

Парадоксально, но именно *плановой экономикой*¹ также была упущена новая технологическая волна, которая сопровождалась значительной энерго- и металлоемкостью выпускаемых товаров, большим удельным весом непроизводительных затрат. Все это снижало конкурентоспособность производимой продукции даже на внутреннем рынке.

Согласно политэкономии социализма труд в сфере услуг считался непроизводительным. Поэтому существовал остаточный принцип финансирования отраслей, обеспечивающих тенденцию к *развитию, но не получающей инвестиционного, организационного и политического обеспечения*. Для того времени каждый процент прироста требовал порядка 100 млрд долл. капиталовложений, что составляло примерно 15 % всего национального дохода. Это ориентировало экономику на валовое производство, в результате чего произошло *перенакопление капитала на экстенсивной основе* при снижающемся потреблении.

Парадокс и теории, и политики, и практики состоял в том, что проблему перевернули с ног на голову, поскольку был сделан *вывод* о нехватке 6–7 млн рабочих рук для вновь построенных предприятий. В экономике планово-централизованного типа возникла диспропорция, когда жесткий дефицит высококачественных товаров сопровождался большими запасами "валовых" неликвидов производственного и потребительского назначения [185–187]. Теоретики, практики настойчиво искали *универсальный показатель плана*, который бы разрешил одно из многих накопившихся в экономике противоречий, официально признанных лишь к концу 80-х гг. [73].

После того как в рамках прежней экономической системы не была разрешена проблема роста одновременно со сменой его качества, возникла идея перестройки, которая незаметно вышла за пределы плановой институциональной системы. Иначе говоря, целевая функция роста сместилась в плоскость экономики рыночного типа. Но с началом так называемых рыночных преобразований практически все бывшие соцстраны "потеряли" почти половину своего ВВП. Не преодолели негативных тенденций в экономической динамике эти страны вплоть до настоящего времени (табл. П.2.5). Другие параметры также не свидетельствуют о *накопившемся потенциале и тенденциях к качественным изменениям и развитию* в экономиках этих стран [174, 336].

¹ Термин "административно-командная система" не отражает суть прежней "плановой экономики".

Чтобы исключить заклинания о том, что "рынок обеспечит автоматически рост и развитие", подчеркнем острый интерес к динамике в рыночной экономике, который обнаружился в западных странах в 30-е годы. С одной стороны, это объясняется *разрушительным экономическим кризисом* всех индустриальных держав, а с другой – желанием развивающихся стран разорвать *порочный круг экономической отсталости* и политической зависимости в условиях острого национально-освободительного движения. Точкой отсчета активного начала развития теории роста можно считать 1939 г., когда в "Экономическом журнале" появилась работа английского ученого Р. Харрода, почти не замеченная в связи с военными событиями. С 1944 г. Е. Домар, развивая идеи кейнсианства, публикует ряд статей, собранных впоследствии в книгу "Очерки теории экономического роста"¹.

Безусловно, неоклассическое направление (Соллоу, Мид и др.) не могло остаться в стороне от столь актуальной проблемы, как экономический рост, и предложило свою точку зрения [544]. Поскольку в литературе довольно подробно описаны некейнсианские и неоклассические теории экономического роста [93, 202, 414, 464], остановимся кратко на современных теориях развития и роста *в институциональном ракурсе*. Однако, отметим некоторый теоретический парадокс. Одним из первых попытку оценить вклад человеческого капитала в *экономическое развитие* предпринял Р. Лукас [591, с. 3–42], который показал, что инвестиции в человеческий капитал индивидуума повышают производительность не только его труда, *но и других людей*. По его оценкам увеличение положительного эффекта человеческого капитала на 10 % приводит к увеличению выпуска продукции на 4 % [409, с. 636].

Расширение границ исследования инструментарием некейнсианско-неоклассической школы за привычные пределы агрегированных категорий совокупного спроса, сбережений и инвестиций, а также понятий модели производственной функции позволяет говорить *о новом направлении теории роста — институциональном*. В этом пункте как бы смыкается теория роста и развития, поскольку в долгосрочном периоде одного без другого не бывает². "Институциональная среда, — пишет Дж. Скалли, который провел сравнение 115 стран за период 1960–1980 гг., — оказывает весьма существенное влияние на

¹ Более подробно см. [231].

² "Под развитием, — пишет Г. Мюрдаль, — все мы фактически понимаем движение вперед всей социальной системы" [597, с. 18). О различии между теориями роста и развития см. также: [14, с.31–44; 326, 357, 521].

эффективность и темпы роста. Политически открытые общества, в которых соблюдаются нормы закона и защищаются частная собственность и рыночное распределение ресурсов, растут в 3 раза быстрее и в 2,5 раза эффективнее обществ, где свобода ограничена" [612, с. 652]. В этом ракурсе следует также признать влияние вида права (общего и гражданского) на темпы роста и развития [540, 1999, № 6, с. 29–30], что подтверждается эконометрически, но практически это проблема более сложная [154, 341].

В новых моделях роста [201, с. 195–224, 351, 409, 464, 608], называемых *эндогенными*, делается попытка смоделировать динамику роста за счет *общих условий хозяйствования и институтов*, влияния неравномерности распределения доходов и глубины реформ. Надо отметить, что *политология, экономическая социология, экспериментальная экономика и др.* науки значительно раньше начали разрабатывать эти проблемы, влияющие на социокультурную динамику и развитие [386, с. 625–695]. Принципиальной ошибкой является утверждение о том, что *переход к рынку автоматически* обеспечит экономический рост и тем более *развитие*. Если бы было все так просто, то индустриальные государства не нуждались бы ни в каких теориях роста, а развивающиеся страны уже давно бы разорвали *порочный круг*: бедность → низкая норма сбережений → слабая инвестиционная активность → низкая производительность труда → низкие темпы роста → бедность [344, 350, 589]. Для новых реформирующихся государств, имеющих на первых порах значительный запас физического и человеческого капитала, но почти двукратное падение ВВП, проблемой является объяснение не только "сжатия", но и устойчивой стагнации экономики.

Важной *методологической установкой* для выяснения проблем развития и роста в транзитивных экономиках представляется *категория транзакционных издержек, механизм и траектория институциональной динамики* [287]. Экономический рост и развитие в разных условиях – это, прежде всего, результат *расширения такой кооперации и обмена*, при которых транзакционные издержки не увеличиваются. В переходных экономиках "благодаря" разрушению (стихийному или целенаправленному) старых формальных институтов образовалась институциональная пустота, а "плотность экономического поля" резко снизилась. Новые же институты для своего создания требуют часто довольно значительных затрат интеллектуального ресурса, времени, равно как и затрат материальных. И хотя "*институциональные пустоты*" нуждаются в более тща-

тельном описании, общим итогом этого явления стал резкий распад *социально-го капитала*, не позволяющего реализовать имеющийся потенциал.

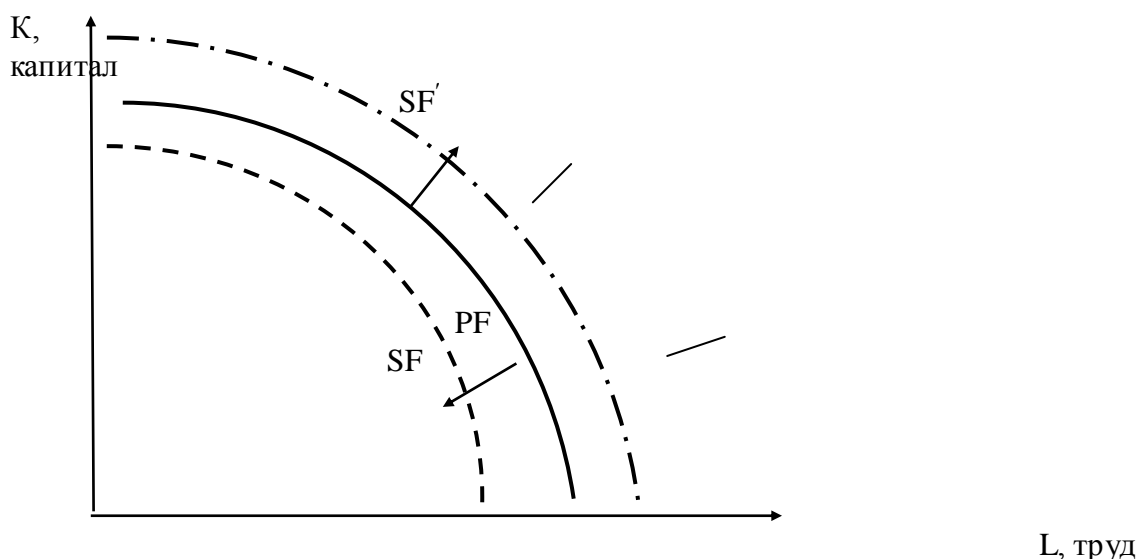

Рис. 4.8. Кривая производственных (PF) и институционально-социальных (SF) возможностей

Таким образом, кривая "институционально-социальных возможностей" выступает ограничителем реализации "производственных возможностей" [570]. Обмену мешают увеличивающиеся транзакционные издержки, следствием чего выступает низкая эффективность используемых факторов производства. Но новые институты (SF') могут обеспечить рост и развитие экономики при тех же ресурсах. Эти возможности расширяются за счет *социального капитала*, который создается преемственностью традиций, взаимной поддержкой и доверием различных социальных слоев и классов, их общими целями [565, с. 300-304]. Но новая институциональная среда может стать серьезным препятствием реализации экономического потенциала [68, с. 83–89; 138]. Типичный пример – экономика постсоциалистических государств, где *низкая плотность экономического поля*¹, обусловленная отсутствием институциональной среды, не позволяет использовать имеющийся ресурсный потенциал стран.

Институты как общественные блага практически всегда сопровождаются издержками (CI) при выгодах UI (рис. 4.9), которые распределяются неравномерно между членами и группами общества. В момент внедрения новых институтов (t_1) издержки всегда будут превышать выгоды вплоть до точки А, когда график CI пересечется с графиком UI. Положительный эффект от внедрения новых институтов проявит себя с периода t_2 до t_3 , после чего потребуются оче-

¹ В первую очередь характеризуется количеством сделок и транзакций.

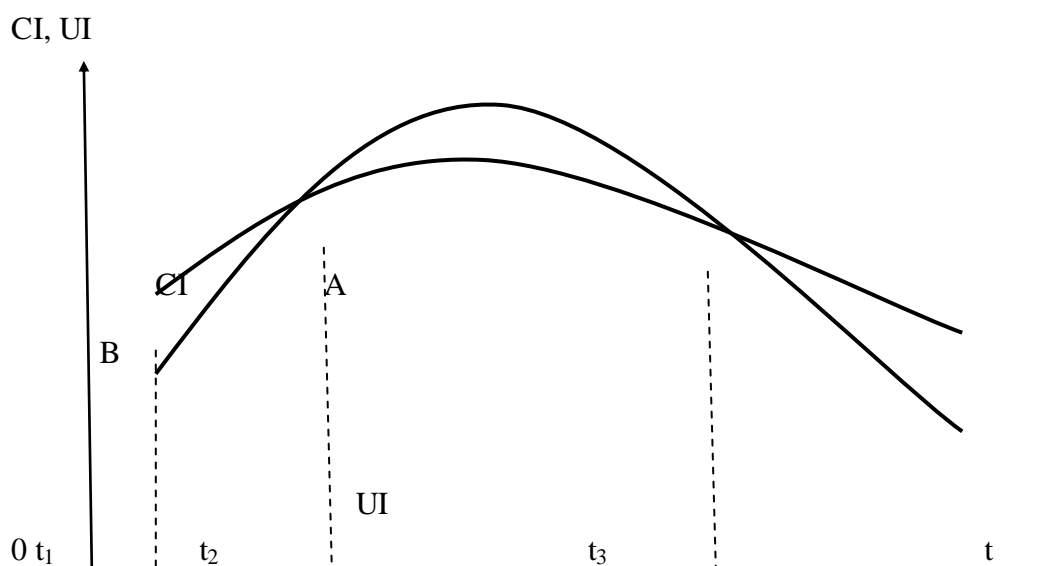

Рис. 4.9. Зависимость издержек (CI) и выгод (UI) при проектировании новых институтов в интервале времени t .

редные изменения институциональной среды и соглашений. Сложной прикладной проблемой является эмпирический подсчет эффективности прежней институциональной системы и сравнение с дополнительными затратами и выгодами формируемой новой системы. Однако, как показывает анализ истории и теории реформ, любая институциональная система имеет *предел положительной отдачи от своего функционирования*. Социально-экономическое развитие, которое включает и институциональные изменения, имеет S-образную траекторию. Переход же от одной институциональной

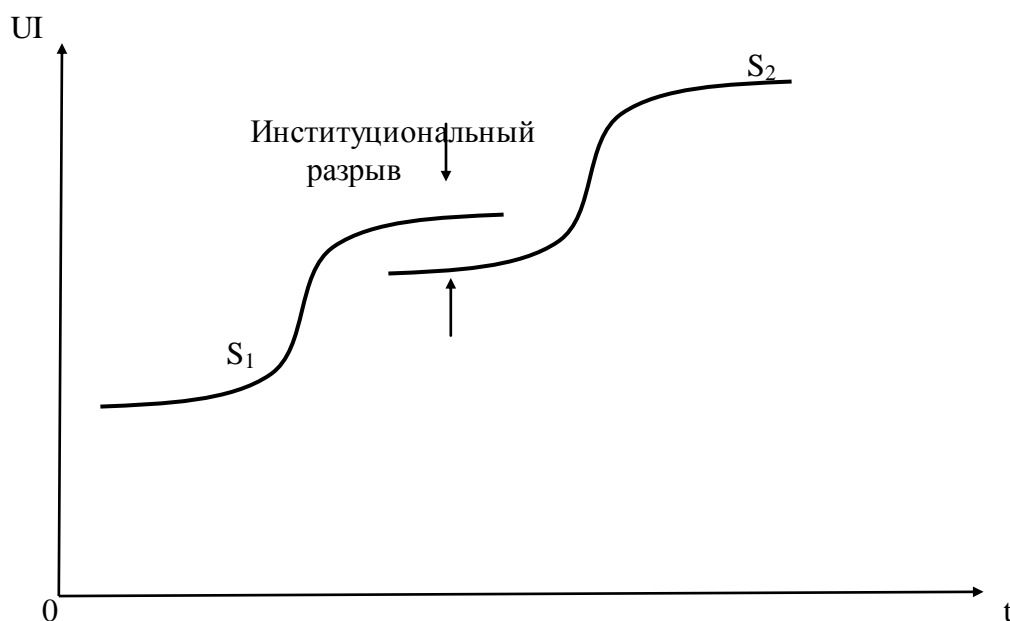

Рис. 4.10. Направление развития и смены институциональной системы S_1 на S_2 .

системы (S_1) к другой (S_2) сопровождаются разрывом (см. рис.), когда чаще всего нет институциональной преемственности. В нашей терминологии этот разрыв получил название *переходного периода*.

Институциональный мультипликатор отражает темп изменений институтов к изменению темпа потенциала и результатов экономического развития. Речь идет об оценке эффективности социально-политических изменений, которые обеспечивают рост не только чистого потребления, но и развитие самого человеческого и социального капитала. Для нашего общества, как, впрочем, и для других постсоциалистических государств, главной проблемой является заполнение этого разрыва эффективными *переходными институтами*, имеющих системообразующее начало для последующих институциональных изменений. Речь может идти о политико-экономической идее и отношении собственности, которые бы имели преемственность, проходившей от будущего через настоящее к прошлому. До сих пор этот *разрыв не нашел своего наполнения и перехода на новый виток* институционального развития. Акцент на выработку новой приемлемой идеологии для республики подтверждает это.

Для пропаганды идеи либерализма не совсем плодотворной оказывается попытка связать рост лишь со степенью вмешательства государства в экономику, рассчитывая только коэффициенты свободы. Как показывает практика, *требуется разработки способов, методов взаимодействия института государства, других институциональных составляющих и экономики на разных уровнях, в разных формах.* Установлено, что если, к примеру, государство не обеспечивает защиты прав собственности, накопления культурных традиций, *институционального капитала*, то это существенно снижает условия для экономической динамики.

Современное государство является слишком сложным институтом, чтобы видеть лишь степень либерализма и экономической свободы для развития. В этом направлении экономическая мысль продвинулась вперед, включая в процесс развития все новые аспекты влияния [556, 599]. Например, эконометрически доказывается, что на экономическую динамику влияет не столько демократия, сколько *форма власти*, ее стабильность, процедура политического процесса, назначение кадров и пр. [135, 202, с. 134–221, 556]. Для любой страны можно выделить две *области*, два направления, влияющие на экономическую динамику. *Первая* относится к внешним условиям существования государства, а

вторая — представляет совокупность условий, характеризующих внутреннее состояние страны во всей сложности и многомерности проявления. Причем в каждый конкретно-исторический период может доминировать та или иная сфера влияния.

Нынешние обстоятельства, таким образом, требуют выяснения факторов, влияющих на экономическую динамику как со знаком плюс, так и ограничительных, которых сегодня, как ни парадоксально, стало значительно больше, чем, например, в конце XX в. Самым серьезным препятствием для экономической динамики выступает природно-экологическая среда, диктующая в рамках геополитического положения использование безопасных технологий. Дороговизна последних делает их применение с точки зрения затрат явно невыгодным для фирмы, теряющей конкурентоспособность своих товаров. *Всякие же отклонения от общепринятых стандартов регулируются наднациональными органами с весьма влиятельными полномочиями.*

Изменения в экономических отношениях между индустриально развитыми и странами третьего мира, происшедшие в 50-е гг, потребовали также по-новому взглянуть на такой *внешний источник роста, как колонии*. Так, Великобритания, да и некоторые другие страны, потеряв свои колониальные владения, на много лет потеряли и приоритеты в экономическом развитии. В то же время Япония и другие страны обеспечили себе в послевоенный период успех, который никак и никем в таком аспекте не прогнозировался, преимущественно за счет аккумуляции своего внутреннего потенциала, в котором *национальное самосознание и все вытекающие отсюда институциональные составляющие* сыграли далеко не последнюю роль. Но весьма важно трезво оценить сложившееся внутреннее положение в стране, начиная от наличия ресурсов и заканчивая вектором интересов и мотивов, олицетворяющих социально-классовый состав общества. *Диаметриально противоположные оценки по стратегии и механизмам роста в республике свидетельствует о продолжающемся состоянии энтропии экономики.*

Существенные изменения с точки зрения влияния на экономический рост внешних и внутренних факторов вносит интернационализация производства и в целом интеграция национальных социально-экономических систем [393, с. 33]. Процессы, происходящие на международном уровне, стали определяющими в национальном экономическом развитии. Это связано, во-первых, с тем, что

страны мирового сообщества распределились по ранжиру в своем развитии, *закрепив все это юридическими и джентльменскими соглашениями. Ведущие государства сконцентрировали, объединившись в союзы, огромный научно-технический и производственный потенциал, который стал решающим фактором в конкурентной борьбе, росте производительности труда, качестве продукции.* Только попав в "зону" благоприятного положения мировой политики, определяемой ведущими государствами, более отсталые страны могут сделать некоторый рывок вперед за счет уже накопленного потенциала, занимая на мировом рынке *заранее отведенную для них нишу.* Во-вторых, огромное влияние оказывает на национальные экономики международная финансовая система с ее наднациональными органами. В-третьих, конкурентоспособность страны и бизнеса зависит от степени адаптации страны к информационной системе, *пониманию ее природы.*

Внутренние аспекты развития, хотя и переплетаются с внешними в условиях интернационализации производства, все же имеют более локальное и самостоятельное значение. В некотором роде это как проявление общего в специфическом. Понимая происходящее, всегда есть возможность проводить самостоятельную, сильную и эффективную национальную экономическую политику. На первом этапе важно зафиксировать истинные причины успехов и неудач. Второй этап предполагает принятие правильных решений. На третьем этапе осуществляется реализация стратегии развития и роста с соответствующим контролем и коррекцией в политике.

Поскольку в республиках сложилась ситуация, характеризующаяся *непропорциональным накоплением вещественного капитала явно не в пользу активной его части* [42, 43, 367, 434], то вполне закономерным будет выбор *интенсивного типа экономического роста.* Последнее означает, что независимо от формы собственности, источников формирования инвестиционного портфеля более предпочтительны и целесообразны вложения в то, что создает условия для перехода на *новый технологический способ производства*, имеющего институциональное закрепление [96, 98, 380, 422].

Противодействие экономической динамике тесным образом связано и с *частыми изменениями в правительстве*, которые имеют место в странах с переходными экономиками. Как показывают мировые наблюдения, этот фактор изменяет темп роста от +5.2 до -2.7 в год. Чем глубже и чаще правительствен-

ные пертурбации, тем глубже экономический спад в стране [556, с 189–212]. К факторам, повлиявшим на столь значительное падение объемов производства за последние годы в нашей стране, следует отнести образовавшийся *институциональный вакуум*, который резко снизил производственные возможности. Новый же формируемый класс предпринимателей имеет явно *рентоориентированный, спекулятивный* характер [194, 433; 540, 2001, № 1, 2, 6;]. "Я рассматриваю... рантьерскую особенность капитализма, – писал Дж. Кейнс, – как переходную форму, которая исчезнет после выполнения своей миссии. А с исчезновением этой рантьерской черты изменится и многое другое" [158, с. 451].

В белорусской экономике, других государствах, *воспроизводственный процесс распался на отдельные фазы производства, распределения, обмена и потребления, каждая работающая по своим законам*. В большей степени рыночным преобразованиям стали соответствовать отношения *обмена* в силу известных хрестоматийных обстоятельств. Отношения потребления "сжались" по причине сокращения доходов и вышли на физиологические нормы потребления со снижающимися утилитарными интересами и нормами поведения людей. В отношениях производства возникла *тенденция к деиндустриализации*, усиливающейся из-за ограниченных природно-технологических условий [179, 331, с. 19–22; 338]. В некоторой степени реформы затронули систему отношений распределения и перераспределения [90, 286]. Причем это относится как к первичному, так и вторичному, третичному уровням распределения, их различным формам. Но, с одной стороны, абсолютное меньшинство населения (4–5 %), не участвуя в производстве, а, следовательно, и не создавая национального богатства, присваивает через легальные и нелегальные операции не менее половины ВВП республики [500]. Большинство же лиц наемного труда (85 %) живут в основном за счет заработной платы, средний размер которой едва покрывает минимальный потребительский бюджет, чего не обеспечивают пенсии. В целом при массовой уравниловке произошла абсолютно экономически необоснованная дифференциация населения, особенно в распределении частей создаваемого годового продукта. Власть дистанцировалась от населения, создав *политический рынок с разными формами ренты* и преференций. Естественно, это не могло негативным образом не сказаться на мотивации труда, на распределении доходов и, следовательно, и на производительности. В частности, в 1960 г. доля ВВП на душу населения у 20 % самых богатых людей в мире была в 30 раз

больше, чем у 20 % самого бедного населения. Зато в 1990 г. она была больше в 59 раз, имея тенденцию к увеличению. Этот период характеризуется возникшей стагнацией практически во всех странах мира [193, 472].

Противодействию экономической динамики продолжает содействовать *политика финансово-кредитной сферы*, которая по своей природе *спекулятивна*. Финансовые спекуляции кредитно-банковской системы обеспечивают "дутый" рост ВВП. Полученные же прибыли без производства объясняются довольно просто: перераспределением создаваемой стоимости из сферы производства малого и среднего бизнеса в пользу крупных корпораций и финансово-промышленных групп с политическим альянсом [306]. В условиях переходности экономик неустойчивые функциональные связи при низкой "плотности экономического" поля производственных отношений создают условия, при которых, банковско-финансовые приемы и манипуляции пока не способствуют накоплению *институционального капитала для роста и развития* [353].

Выводы.

1. Любая реформа, а тем более системная, предполагает прежде всего *институциональные изменения*. Последние оказались слишком неожиданными для практики, неизвестными науке. Поэтому продолжается хозяйствование методом проб и ошибок, в теории возникают новые мифы, догмы, лжепроблемы.

Теория переходных процессов находится в состоянии поиска соответствующих методологических основ, накопления фактов, новых инструментов, категорий. Если говорить о *субстанции переходного периода*, то *институциональное неравновесие отражает его основу*. Суть его сводится к противоречию и рассогласованности различных норм поведения: экономического, нравственно-этического, технологического, социального, политического и других уровней человеческой деятельности. На практике *основное противоречие переходного периода* переходит в плоскость противоречий между формальными и неформальными институтами. Нарушенное институциональное равновесие стимулирует экономический рост и развитие. Проявилось оно в том, что небольшая часть населения обогатилась за счет другой части, не вложив в экономику даже необходимого собственного ресурса для роста национального дохода. Нарушение "этики Парето" создало деструктивный психологический эффект для проведения реформ на рациональной основе.

Институциональные "ловушки" и образовавшиеся "пустоты" придают особенности для выбора соответствующих механизмов и методов экономполитики для разных стран. Институциональные изменения обусловили возникновение гистерезиса в переходных экономиках. *Нарушился целостный воспроизводственный цикл* со всеми вытекающими отсюда последствиями. Институциональное планирование позволяет выбрать наиболее оптимальные пути решения проблем переходного периода, как в теории, так и на практике.

2. Крайне неопределен и противоречив в условиях *переходности политический процесс*, содержание и инструменты экономической политики. Борьба его участников чаще всего сводится к борьбе за извлечение политической ренты. В этом случае для стабильности особую значимость приобретает институциональный стабилизатор, не позволяющий разрушать сложившуюся систему до запредельных состояний, когда восстановление потребует значительно больших затрат, чем получили выгод от переустройства системы. Уровень "разрушения" системы условия для экстремальной экономической политики, когда выдвигает слишком много приоритетных задач, целей, решение которых невозможно без активного привлечения, например, государства, других политических институтов. Это противоречие возникло в современной экономической реформе. Это значительно сужает диапазон возможностей любой власти независимо от ее политической и философской ориентации. Выдвижение многих целевых параметров делает уязвимым обоснование рациональной и "сильной" политической системы, а высокая степень интеграции мировой экономики объективно ограничивает национальный суверенитет стран.

3. Преобразования породили в неявной и неявной формах *институциональные конфликты*. Их проявления многообразны – от интеллектуальных заблуждений и типичного воровства, коррупции до возникновения социальной депрессии у большинства населения, его дифференциации в доходах, снижения уровня мотивации труда. Однако самый глубокий его след обнаруживается в *использовании экономических форм хозяйствования*, которые никак не отвечают сложившемуся технологическому укладу и уровню образованности, профессиональной подготовки работников. Это породило *деиндустриализацию экономик* большинства постсоциалистических государств.

4. Экономика Беларуси и других стран далеко выходят за пределы законов и принципов, описываемых теорией "денежной экономики". Монетарный угол

зрения не воспроизводит в полной мере происходящие социально-экономические процессы. Переходные же процессы характеризуются *трансформацией базовых институтов* экономики и общества. Поэтому необходимо *проектировать* их развитие, которое в равной степени представляло бы условия для выгодного поведения всем хозяйствующим субъектам, а не только лицам денежно-кредитной и финансовой сфер. Разрешить же глобальную проблему для мировой экономики в целом и национальных в частности (из-за образовавшейся дихотомии между реальным и финансовым секторами и огромного риска для глобального всеобщего кризиса) можно пониманием производности денег и всех сопутствующих деривативов, а в последующем *рациональной национальной экономической политикой*.

5. Стабилизация национальной валюты, цен требует более широких мероприятий, чем те, которые сегодня проводятся. Кредитно–денежная система стран, "работая" со специфическим активом, подвержена спекулятивным *колебаниям мирового финансового сообщества*. Сам процесс ее формирования в республике и других подобного рода странах породил основу для финансовой неустойчивости и других проблем. Этот сектор является *транзакционным сектором*. Исследование данного сектора, его методики нуждаются в использовании современной методологии экономической науки. Из этого вытекает то, что кредитно–денежная политика должна быть *встроена* в общую национальную экономическую политику.

6. Вектор и нормы поведения людей, которые сегодня выступают базовым капиталом нации, зависят от того, какое экономическое мышление закладывается. *Его основы* – уровень и тенденции развития самой экономики, включая ее национальный сектор, достижения современной экономической науки, а также конкурентные преимущества (или специализация) учебного заведения. То, что преподается в учебных заведениях, как это преподается и на каком методическом материале с учетом выработки практических навыков, сегодня нуждается в *качественном обновлении и новой образовательной парадигме*.

7. Другие социальные институты, например, религия, и культура в стабилизации экономик, развитии играют неоднозначную роль, имея разные механизмы. Существует огромное противоречие между целями современной реформы и христианскими ценностями, традициями культуры. Религиозный ком-

понент следует принимать во внимание не только для общественной стабилизации, но и в направлении активизации экономической активности.

8. Социально-экономическое развитие генерируется институциональными факторами. Об этом свидетельствуют имеющиеся немногочисленные и к тому же крайне мало востребованных эволюционных теорий. Социально-экономическое развитие – есть, прежде всего, отбор, селекция эффективных институтов с ориентацией на долгосрочную перспективу. Институты определяют начала и последующую эволюцию целостной экономической системы. В институциональных изменениях, имеющих определенную закономерность, наблюдается зависимость от исторической обусловленности и импорта институтов. Все это находит отражение в институциональном планировании, которое является функцией не только государства, но и другие общественно-политических и экономических организаций. Соотношение затрат и выгод от институциональных преобразований – главный критерий эффективности реформ, которые распределяются не одинаково между членами общества.

9. Экономический рост является *частью общей проблемы развития*, под которым в широком смысле следует понимать создание условий и реализацию имеющегося социального, научно-технического и производственного потенциала той или иной страны. Не всякий рост является благом, поэтому необходимо достигать тождества равновесного, гарантированного и натурального видов экономического роста. Прямой жестко детерминированной связи инвестиции — рост, развитие не существует. Экономический рост и развитие в разных условиях – это, прежде всего, результат расширения такой кооперации и обмена, при которых транзакционные издержки не увеличиваются. В переходных экономиках "благодаря" разрушению старых формальных институтов образовалась институциональная пустота, а "плотность экономического поля" резко снизилась. Новые же институты для своего создания требуют значительных затрат времени, равно как и затрат материальных. Анализ обнаруживает доминанту эндогенных факторов экономического развития и роста, смысл которых заключается в создании адекватной для Беларуси, России системы институтов. Речь идет об *институциональном ресурсе*. Основной фактор роста экономики конца XX в. является фактор *социального капитала*, органически отражающего институциональное устройство страны, развитие науки, образования, новых высоких технологий, хозяйственных связей и отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Экономическая наука и практика всегда испытывали и испытывают корректирующее взаимодействие. В реальности этот процесс противоречив и сложен. *Нелинейность и дискретность* в тенденциях развития, противоречивое соотношение монополизации и деконцентрации, обособление фаз и нарушение воспроизводственного процесса, навязывание финансовым сектором спекулятивных мотивов всем экономическим субъектам включая политику, создание валютно-финансового риска и нестабильности мировой экономической системы, обострение глобальных проблем, рост информационной эксплуатации населения и стран — вот неполный перечень основных характеристик современной мир-экономики. *Нет адекватности* во взаимоотношениях политики и экономики, экономики и социальной сферы, социальной сферы и культуры, культуры и природы. *Цивилизационный кризис подчинил другие кризисы*, охватив практически все страны. К началу третьего тысячелетия накопился ряд "случайных величин", обусловленных и фактором науки, что придало *специфику* очередному *мировому циклу*. Но если на этапе становления науки экономики главной задачей являлось *познание* окружающей практики, что в последующем переросло в цель *изменить* экономический мир, то сегодня первоочередной задачей выступает *оценка самой теории в сопоставлении с устроенным ныне хозяйственным порядком* в ракурсе развития экономики и общества в будущем. Фрагментарность и калейдоскопичность, статичность и формализованная абстрактность, функционализм и универсализм знания усиливают *необходимость оценки* науки экономики.

Системные трансформации еще более противоречиво проявили себя как в отечественной хозяйственной практике, так и в науке. Время и институциональные изменения позволяют определить уже не постсоциалистическое наследие, а результаты *неопределенного переходного экономического мышления* и мероприятий. Также пока нет изменений парадигмального, методологического и инструментального содержания политико-экономической теории. В научно-учебной сфере наблюдается интуитивно-эмпирическая методология в исследованиях и схоластическая интерпретация категорий вводного уровня "экономика". Серьезной формой проявления противоречий, складывающихся в национальной экономической науке, выступила *философско-методологическая неопределенность* и организационная *разобщенность* научных сил. Наруши-

лась классическая процедура и алгоритм научных исследований, в которых доминируют трендовый анализ и императивные выводы, новые догмы и мифы, не подкрепленные историческим контекстом.

2. Под развитием экономической науки следует понимать лишь те изменения, которые позволяют глубже, объемнее и всесторонне отражать реальный хозяйственный мир. Как идеальная конструкция экономическая наука может создавать лишь видимость (символо-графическую, математическую или словесную) развития. Решающим в познавательной способности экономической науки является ее основание, или *парадигма*. История науки об экономике свидетельствует, что такого рода основания теории являются синтезом истории, права, философии, собственно экономики, технологий. Эволюция экономической науки может идти как через изменение парадигмы, так и через понятийный аппарат, используемый разными школами в рамках одной теоретической основы. В этом особенность развития науки об экономике. Традиции теории, сложившиеся на основе отражения линейно-функциональных зависимостей, перестали отражать отношения, связи, технологии, хозяйственные *формы и порядки* (институты) современной экономики. В 20-м веке частные и прикладные теории имели больший успех, чем фундаментальная часть науки об экономике, что привело к *проблеме выбора стратегии и источников развития*.

3. Верхний срез и внутреннюю основу современной экономики представляет "новая экономика", а традиционные отрасли уходят в "основание" системы. *Начала "новой экономики" задают и гносеологический ориентир* познания всей экономической реальности. В настоящее время отражение этой реальности в силу "смешанности" укладов, способов производства, связей может быть выполнено лишь через использование *всего* понятийно-категориального аппарата современной науки. Понятия "неоклассический синтез", мейнстрим, новая политэкономия, экономическая теория и пр. подтверждают интеграцию науки. Современная наука об экономике (теоретическая экономика) осваивает и формирует новую парадигму, методологию и понятийный аппарат.

Процесс развития теории сопровождался разделением предмета политэкономии и специализацией ряда частных наук и знания. История экономического исследования (политэкономического и аналитического) фиксируется *рядом парадигмальных оснований*, которые использовались крупными школами и направлениями экономической науки. Но особенность экономической науки со-

стоит в том, что параллельно могло существовать несколько школ, имеющих одну парадигму, чего нет в науках естественных. *Структуризация науки* по предмету, логическому содержанию, историко-экономической эволюции фиксирует отличительные *особенности различных школ*, методологическую *трансформацию*, категориальную преемственность.

4. Институциональная теория предметом, методологией и прочими научными атрибутами восстанавливает целостный и кумулятивный подход к социально-экономическим явлениям. Обращение к институтам позволяет зафиксировать как главные "несущие" элементы системы, так и внутренние причинно-следственные связи между *экономическими и внеэкономическими* факторами, что очень важно для отражения современной политико-экономической эпохи, ее дальнейшей эволюции. Изменения в институте собственности исключают существующее представление о том, что эффективная ее реализация возможна лишь на уровне формальной приватизации-национализации. Закрепление или перераспределение прав собственности сопровождается ростом транзакционных издержек с непропорциональным распределением их источников покрытия и рентных доходов. Распределение выгод и издержек при приватизации осуществляется непропорционально между индивидами. Сами по себе частная или общественная собственность еще не порождают *развития*. Но их преобразования порождают на практике *институциональные конфликты*, проявления которых многообразны. Однако самый глубокий его след обнаруживается в использовании экономических форм хозяйствования, основанных на альянсе политики и денег, что порождает деиндустриализацию переходных экономик. Поиск эффективных форм собственности лежит в плоскости субъектно-объектных отношений, общественных форм организации, управления, технологий.

Исторически и практически экономика содержит в себе идеологическую компоненту, которая *аккумулирует* имеющийся потенциал страны, объединяя на идейном, мировоззренческом, политико-экономическом уровне интересы различных социальных групп и классов. Переход к новой идеологии подталкивает к изменению всей социально-экономической системы, обеспечивающей преимущества развития. Социально-экономическое развитие генерируется институциональными факторами мирового, регионального, национального, межотраслевого, отраслевого, внутрифирменного и межличностного уровней, создавая "общественный капитал". *Социально-экономическое развитие – есть,*

прежде всего, отбор, селекция эффективных и перспективных институтов. В институциональных изменениях наблюдается зависимость от исторической обусловленности и импорта институтов. Соотношение затрат и выгод от институциональных преобразований – главный критерий эффективности реформ. Но распределяются затраты/выгоды не одинаково между членами общества, социальными слоями и классами, что порождает сопротивление реформам.

Экономический *рост* является частью общей проблемы *развития*. Но не всякий рост является благом, поэтому необходимо достигать тождества равновесного, гарантированного и натурального видов экономического роста.

5. Любая реформа предполагает, прежде всего, институциональные изменения. Субстанцией переходного периода является институциональное неравновесие. Суть его сводится к противоречию или рассогласованности различных норм поведения: экономического, нравственно-этического, технологического, социального, политического и других уровней человеческой деятельности. В политике переходного периода важно прогнозировать возможные *институциональные "ловушки" и образовавшиеся "пустоты"*. Институциональное планирование – тот экономический феномен, который позволяет выбрать оптимальные пути решения проблем переходного периода.

В постсоциалистических странах произошло нарушение оптимума Парето: небольшая часть населения обогатилась за счет другой части, *не вложив в экономику* собственного ресурса для роста национального дохода. Нарушение "этики Парето" создало *дестимулирующий эффект* для проведения реформ на рациональной основе, где велика склонность к потреблению и низкая склонность к накоплению. Прямой жестко детерминированной связи инвестиции – рост – развитие не существует. В нашей общественной системе произошло *нарушение законов институционального равновесия с законами денежной экономики и реального производственного сектора*, в результате чего нарушился *целостный воспроизводственный цикл*.

6. Высокая степень интеграции мировой экономики, проявляющаяся по многим направлениям и частью которой является экономика Беларуси, объективно ограничивает национальный суверенитет. Фактом является то, что источники экономического развития и роста находятся уже не на границах между государствами, *а на политико-экономической кооперации* государств, фирм и индивидов в мировом экономическом пространстве. Ведь современная мир-

экономика представляет собой сложную нелинейную адаптивную систему, в которой велико значение разного рода *связей и отношений*.

Крайне *неопределен и противоречив* в условиях переходности политический процесс, содержание и инструменты экономической политики. Борьба его участников чаще всего сводится к извлечению политической ренты, превышающей факторные доходы. В этом случае для стабильности особую значимость приобретают *переходные институты*, не позволяющие разрушать сложившуюся систему до запредельных состояний, когда восстановление потребует значительно больших затрат, чем получили выгоды от переустройства сложившейся в прошлом системы. Уровень "разрушения" системы создает условия для экстремальной нерациональной экономической политики, когда выдвигается много приоритетных задач, целей, решение которых невозможно без активного привлечения, например, внешних сил государства и других политических институтов. Это значительно сужает диапазон возможностей любой власти независимо от ее политической и философской ориентации.

7. *Монетарный угол зрения* не воспроизводит в полной мере все происходящие социально-экономические процессы, характеризующиеся трансформацией базовых институтов экономики и общества. Поэтому *их проектирование и политика по развитию* в равной степени создавало бы условия для выгодного поведения *всем* хозяйствующим субъектам, а не только лицам денежно-кредитной и финансовой сфер. Разрешать глобальные проблемы мировой экономики в целом и национальных в частности из-за образовавшейся дихотомии между реальным и финансовым секторами, накопившегося риска глобального кризиса можно вначале *пониманием производности денег* и сдержанной экономической политикой в спекулятивных операциях.

Стабилизация национальных валют является частью институционального развития. Но кредитно-денежные системы в силу специфики активов подвержена естественным спекулятивным колебаниям мирового финансового сообщества. Сам процесс ее формирования в странах породил основу для финансовой нестабильности и роста транзакционного сектора. Из этого вытекает то, что кредитно-денежная политика должна быть *органически встроена в общую национальную экономическую политику*.

8. Различные функциональные формы капитала играют разное значение, одновременно создавая внутренние силы для саморазвития и нарушения равно-

весия. В республике Беларусь и других государств нет капитала как развитого явления, отношений, обеспечивающих экономическое преимущество использования ресурсов. Стратегии "вперед к капиталу" и "назад к капиталу" имеют принципиальные отличия по многим своим признакам и практическому осуществлению. Капитал Беларуси, России – это пока капитал физических лиц, потому что даже собственники фирм накапливают личную собственность, а не капиталную, размывая утилитарным интересом национальное богатство. Развитию функциональных отношений капитала противоречит капитал-собственность, интерес которого преобладает. Еще больше противоречит крупный капитал малому и среднему бизнесу. Свою действительную генетику капитал проявляет лишь в теневой экономике, которая подавляется формальными институтами. "Европейского образца законы" тормозят экономические неформальные нормы поведения хозяйствующих субъектов, создавая условия для затянувшейся депрессии и теневого капитала. Современный *финансовый капитал* еще больше *ограничивает капитал* как экономический феномен, реализующий себя в производительном секторе экономики. Разрешение этих противоречий в пользу будущего стратегического развития может быть через использование в государственном регулировании нормы прибыли (отношение прибыли к затратам капитала) *в высокотехнологичных отраслях*.

9. Вектор, нормы поведения людей, которые сегодня выступают, если не основным, то важным капиталом нации, государства, зависят от того, *какое экономическое мышление* им закладывается через различные формы общественного сознания. *Его основы* – уровень и тенденции развития самой экономики, включая ее национальный сектор, достижения современной экономической науки, а также конкурентные преимущества (или специализация) учебного заведения. То, *что* преподается в учебных заведениях, *как* это преподается и на *каком методическом материале с учетом выработки практических навыков*, сегодня нуждается в *качественном обновлении* у нас и в целом в мире. В политике реформ важно выдерживать институциональное соответствие в отношении исторической генетики и конгруэнтность в строительстве новых правил и рамочных норм. Возрождая, например, религию, для достижения стабилизации экономики и общества, не обращается внимание на огромное противоречие между целями реформы и христианскими ценностями, традициями культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Абалкин Л.И.* Логика науки и стереотипы массового сознания // *Экономист*. – 2000. – № 11. – С. 3–11.
2. *Абрамов И.М.* Экономические кризисы-катастрофы и пути их преодоления. – Мн.: БГЭУ, 2001. – 120 с.
3. *Авдашева С.Б., Розанова Н.М.* Теория организации отраслевых рынков: Учебн. – М.: Магистр, 1998. – 311 с.
4. Австрийская школа в политэкономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер / Пер. с нем.; Пред., ком., сост. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1992. – 493 с.
5. *Автономов В.С.* Человек в зеркале экономической теории. – М.: Наука, 1993. – 175 с.
6. *Автономов В.С.* Рыночное поведение: рациональный и этический аспекты // *Мировая экономика и междунар. отношения*. – 1997. – № 12. – С. 6–13.
7. *Агапова Г.* Современная экономическая теория: методологическая база и модели // *Российский экономический журнал*. – 1995. – № 10. – С. 84–88.
8. *Адам Я.* Инфляция и безработица // *Вопросы экономики*. – 1991. – № 1. – С. 38–45.
9. *Акерлоф Дж.* Рынок "лимонов": неопределенность качества и рыночный механизм // *THESIS*. – 1994. – Вып. 5. – С. 91–104.
10. *Алле М.* Единственный критерий истины – согласие с данными опыта // *Мировая экономика и междунар. отношения*. – 1989. – № 11. – С. 24–40.
11. *Алле М.* Современная экономическая наука и факты // *THESIS*. – 1994. – Т. 2. – Вып. 4. – С. 23–48.
12. *Алле М.* Экономика как наука / Пер. с фр. – М.: Наука для общества, 1995. – 166 с.
13. *Алле М.* Условия эффективности в экономике / Пер. с фр. Л.Б. Азимова и др. – М.: Наука для общества, 1998. – 299 с.
14. *Александров М.* Термины "рост" и "развитие" в зарубежной литературе // В кн.: *Теории экономического роста развивающихся стран*. – М.: Экономика, 1973. С. 31–44.
15. *Александрович Я.М.* Стратегические цели и направление устойчивого развития Республики Беларусь // *Белорусский экономический журнал*. – 2002. – № 4. – С. 4–10.
16. *Александрович Я.М., Богданович А.В.* Оценка конкурентных преимуществ и направления повышения национальной экономики Республики Беларусь // *Белорусская экономика: анализ, прогноз, регулирование*. – 2003. – № 2. – С. 34–40.
17. *Алиев У.Ж.* Противоречивое развитие предмета и метода теоретической экономики // *Философия хозяйства*. – 2001. – № 5 – С. 154–169.

18. *Альбер М.* Капитализм против капитализма / Пер. с фр.; Под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 292 с.
19. *Ананьин О.* Экономическая теория: кризис парадигмы и судьбы научного сообщества // Вопросы экономики. – 1992. – № 10. – С. 81–99.
20. *Ананьин О.* Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 135–152.
21. *Ананьин О.* Концепции экономической трансформации постсоветских обществ // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1996. – № 6. – С. 6–15.
22. *Ананьин О.* Исследовательская программа Т. Веблена: сто лет спустя // Вопросы экономики. – 1999. – № 11. – С. 49–63.
23. *Андреев В.И.* Теории экономической политики. – М.: ЮНИТИ, 1999. – 212 с.
24. *Антипина О.Н.* Загадка "новой экономики" (парадокс Солоу) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика. – 2000. – № 6. – С. 3–18.
25. Антология экономической классики: В 2 т. / Сост. и предислов. И.И. Столярова. – М.: ЭКОНОВ, 1993. – Т. 1: У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо. – 475 с.
26. *Аоки М.* Экономическая модель японской фирмы // Вест. Ленингр. ун-та. Сер.5, Экономика. – 1991. – Вып. 1. – С. 58–69.
27. *Аоки М.* Фирма в японской экономике: Информация, стимулирование и заключение сделок в японской экономике / Пер. с англ; Научн. ред. В.С. Каткало. – СПб.: Лениздат, 1995. – 431 с.
28. *Аристотель.* Политика. Афинская полития / Пер. С.А. Жабелева, С.И. Радцига. – М.: Мысль, 1997. – 460 с.
29. *Аронсон Эллиот.* Общественное животное. Введение в социальную психологию: Учеб. пособие для вузов / Пер. с англ. М.А. Ковальчука. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 516 с.
30. *Архипов А., Нестеренко А., Большаков А.* Экономика: Учеб. / Под ред. А.И. Архипова. – М.: Проспект, 1998. – 786 с.
31. *Архиреев С.И.* Трансакционные издержки и производство в условиях рыночной трансформации. – Харьков, 2000. – 288 с.
32. *Аукуцис С., Жуков В., Капелюшников Р.* Доминирующие категории собственников и их влияние на хозяйственное поведение // Вопросы экономики. – 1998. – № 12. – С. 108–127.
33. *Барр Р.* Политическая экономия: В 2-х т. / Пер. с фр. – М.: Международные отношения, 1995. – Т.1 – 608 с.; – Т.2 – 750 с.
34. *Баттервот Дж., Харрис М.* Принципы психологии развития / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2000. – 349 с.
35. *Баумоль У.* Экономическая теория и исследование операций / Пер с англ. – М.: Прогресс, 1965. – 496 с.
36. *Баумоль У.* Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 73–106.

37. Беккер Г. Экономика семьи и макроповедение // США: Экономика. Политика. Идеология. – 1994. – № 2 – С. 99–108; – № 3 – С. 93–99.
38. Беккер Г. Теория распределения времени // США: Экономика. Политика, Идеология. – 1996. – № 1. – С. 75–84; – № 2. – С. 114–127.
39. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 24–40.
40. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 783 с.
41. Беларусь в региональном контексте // Belarus Monitor. Мн.: ООО "Ин-предо", 1999. – 65 с.
42. Беларусь: ретроспектива и перспектива // Национальный отчет о человеческом развитии. – Мн.: Тарпей, 1999. – 106 с.
43. Беларусь: выбор пути // Национальный отчет о человеческом развитии. – Мн.: Тарпей, 2000. – 122 с.
44. Белянин А. Д. Канеман и В. Смит: экономический анализ человеческого поведения // Вопросы экономики. – 2003. – № 1. – С. 4–22.
45. Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ // Австрийская школа политической экономии. – М.: Экономика, 1992. – С. 94–102.
46. Бердяев Н.А. Философия свободы: Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: ЗАО "Сварок и К", 1997. – 413 с.
47. Бердяев Н.А. Философия неравенства. – СПб., 1993. – 298 с.
48. Бернал Дж. Наука в истории общества / Пер. с англ.; Общ. ред. Б.М. Кедрова и И.В. Кузнецова. – М.: Иностранная литература, 1956. – 735 с.
49. Березовская М. Инновационный аспект экономического развития // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 58–66.
50. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 256 с.
51. Бжезинский З. Вне контроля. Глобальный беспорядок накануне XXI века // США – экономика, политика, идеология. – 1994. – № 4. – С. 112–121.
52. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / Пер. с англ. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело ЛТД, 1994. – 720 с.
53. Богданов А. Тектология: Всеобщая организационная наука: В 2 т. – М.: Экономика, 1989. – Т. 1. – 304 с.; – Т. 2. – 352 с.
54. Богомолов О.Т. Реформы в зеркале международных сравнений. – М.: Экономика, 1998. – 159 с.
55. Болотин Б. "Мировая экономика за 100 лет" // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2001. – № 9. – С. 90–114.
56. Бондаренко И. Институциональная экономическая теория: Некоторые основные вопросы // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1995. – № 11. – С. 31–35.

57. *Брагинский С.В., Певзнер Я.А.* Политическая экономия: некоторые вопросы, пути обновления. – М.: Мысль, 1991. – 300 с.
58. *Бродель Ф.* Динамика капитализма / Пер. с фр. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 124 с.
59. *Бруннер К.* Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 3. – С. 51–72.
60. *Буайе Р.* Теория регуляций: Критический анализ / Пер. с фр. – М.: Наука, 1997. – 212 с.
61. *Бузгалин А.В.* Переходная экономика: курс лекций по политической экономике. – М.: Таурис Просперус, 1994. – 472 с.
62. *Булгаков С.Н.* Православие (Очерки учения Православной церкви). – Париж : YMCA-Press, 1989. – 403 с.
63. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства / АН СССР, Ин-т социологии / Подг. В.В. Сапов. – М.: Наука, 1990. – 413 с.
64. *Бункина М.К., Семенова В.А.* Макроэкономика (Основы экономической политики): Учеб. – М.: ДИС, 1997. – 320 с.
65. *Бурков В.Н., Новиков Д.А.* Введение в теорию активных систем. – М.: ИПУ РАН, 1997. – 125 с.
66. *Бухарин Н.И.* Политическая экономия рантье: теория ценности и прибыли австрийской школы. – М.: Орбита, 1988. – 191 с.
67. *Бьюкенен Дж.* Конституция экономической политики // Вопросы экономики. – 1994. – № 6. – С. 104 – 113.
68. *Бьюкенен Дж.* Нобелевские лауреаты по экономике. Избранные труды / Пер. с англ. – М.: Таурис-Альфа, 1997. – 560 с.
69. *Вайништейн Г.* От новых технологий к "новой экономике" // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2002. – № 10. – С. 22–30.
70. *Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Х.* Фактор четыре: затрат – половина, отдача – двойная. – М.: Academia, 2000. – 399 с.
71. *Валлерстайн И.* Глобализация как переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир-системы. – М.: Красные холмы, 1999. – 212 с.
72. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина; Под общ. ред. Б.Ю. Кагарницкой. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
73. *Валовой Д.В.* Рыночная экономика: возникновение, эволюция и сущность. – М.: Наука, 1997. – 457 с.
74. *Валевич Ю.В.* Экономическое равновесие в институциональном измерении // Автореферат дис. ...к.э.н. – Минск: БГУ, 2003. – 20 с.
75. *Вальрас Л.* Элементы чистой политической экономики или теория общего богатства. – М.: Изограф, 2000. – 448 с.
76. *Ванберг В.* "Теория порядка" и конституционная экономика // Вопросы экономики. – 1995. – № 12. – С. 86–95.
77. *Васильев В.С.* У времени в плену. Российские реалии и теория Г. Беккера // США: Экономика. Политика. Идеология. – 1996. – № 4. – С.15–27.

78. *Васильчук Ю.А.* Социальное развитие человека в XX веке // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 4. – С. 5–31.
79. *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.
80. Вехи экономической мысли: В 3-х т. / Под ред. В. М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1999. – Т. 1 – 380 с.; – Т. 2 – 534с.; – Т. 3 – 496 с.; – Т. 5. – 667 с.
81. *Вереникин А.О.* Трансакционные издержки в рыночной экономике // *Вест. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика*. – 1997. – № 3. – С. 52–64.
82. *Вильфенс П.* Основы экономической политики / Пер. с нем. – СПб.: ДБ, 2002. – 495 с.
83. *Винер Н.* Кибернетика. – М.: Советское радио, 1968. – 327 с.
84. *Вишневская Н., Гимпельсон В., Моноусова Г.* Динамика рабочего времени. Сравнительный анализ // *Мировая экономика и междунар. отношения*. – 2001. – № 2. – С. 61–72.
85. *Владимир, митрополит.* Труд и собственность в учении Русской церкви // *Экономика русской цивилизации*. – М., 1995. – С. 365–366.
86. *Волков В.* Политэкономия насилия, экономический рост и консолидация государства // *Вопросы экономики* – 1999. – № 10. – С. 44 –59.
87. *Волконский В.А.* Институциональные проблемы российских реформ. – М.: Диалог, 1998. – 100 с.
88. *Вэриан Х.Р.* Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход: Учеб. для вузов. – М.: ЮНИТИ, 1997. – 767 с.
89. *Гаджиев А.Г.* Становление и развитие антропологических традиций в экономической науке // *О-во и экономика*. – 1996. – № 6. – С. 97–111.
90. *Гайдар Е.Т.* Об аномалиях экономического роста // *Политэконом.* – 1996. № 4. – С.55 – 61.
91. *Гвоздева Е., Капитуров А., Олейник А., Патрушев С.* Междисциплинарный подход к анализу вывоза капитала из России // *Вопросы экономики*. – 2000. – № 2. – С. 15–45.
92. *Генкин Б.М.* Введение в метаэкономику и основание экономических наук. – М.: Наука, 2002. – 368 с.
93. *Геретик Ш.* Критика буржуазных теорий политэкономии. – М.: Прогресс, 1977. – 376 с.
94. *Герман Ван дер Вее.* История мировой экономики (1945–1990) / Пер. с франц. – М.: Наука, 1994. – 413 с.
95. *Гермейер Ю.Б.* Игры с не противоположными интересами. – М.: Наука, 1990. – 256 с.
96. *Гетц Р.* Некоторые соображения по поводу перспектив экономического роста // *Политэконом.* – 1996. – № 4. – С. 35–45.
97. *Глазьев С.Ю.* Экономическая теория технического развития. – М.: Наука, 1990. – 230 с.
98. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993. – 310 с.

99. *Глух Н.А.* Сравнительная экономика К. Полянши // Вест. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика. – 1997. – № 3. – С. 21–40.
100. *Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избр. произ.: В 2-х т. – М.: Мысль, 1964. – Т. – 748 с.
101. *Голанский М.М.* Новые тенденции в мировой экономике и участь отставших стран с глобальным тоталитаризмом. – М.: ИНФРА-М, 1995. – 107 с.
102. *Гор Эл.* Земля на чаше весов / Пер. с англ. – М.: ППП, 1993. – 431 с.
103. *Гордон Л.* Когда психология важнее денег // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1998. – № 11. – С. 68–77.
104. *Гордон Л., Клопов Э.* Социальный контекст процессов политической институционализации // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1998. – № 3. – С. 20–32.
105. *Городецкий А.* Об основах институциональной трансформации // Вопросы экономики. – 2000. – № 10. – С. 118–133.
106. *Градов А.П.* Национальная экономика. – СПб.: Специальная литература, 1997. – 314 с.
107. *Грейсон Дж. мл., О’Делл К.* Американский менеджмент на пороге XXI века / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1991. – 319 с.
108. *Гринберг Р.* Итоги и уроки десятилетия системной экономической трансформации в странах ЦВЕ и в России // Российский экономический журнал. – 2000. – № 1. – С. 67–74.
109. *Громыко А.А.* Становление нового мирового порядка // США–Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 11. – С. 78–89.
110. *Гугняк В.Я.* Институциональная парадигма в политической экономике (на примере Франции). – М.: Наука, 2000. – 175 с.
111. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество / Пер. с англ.; Общ. ред. Н.Н. Иноземцева. – М.: Прогресс, 1969. – 480 с.
112. *Гэлбрейт Дж.К.* Экономические теории и цели общества / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1979. – 406 с.
113. *Гэлбрейт Дж.К.* Кризис глобализации // Проблемы теории и практики управления. – 1999. – № 6. – С. 32–36.
114. *Давид Р., Жоффре-Стинози К.* Основные правовые системы современности / Пер. с фр. – М.: Международные отношения, 1996. – 399 с.
115. *Дайнеко А.Е.* Беларусь и мировая экономика на пороге третьего тысячелетия. Мн.: БелНИИЭИ АПК, 1999. – 179 с.
116. 25 ключевых книг по экономике / А. Бейтон, А. Казорла, К. Долло, А.М. Дре. – Челябинск: Урал, 1999. – 559 с.
117. *Демин А.И.* Информационная теория экономики. Макромодель. – М.: Палев, 1996. – 347 с.
118. *Дергачев В.О.* Геоэкономика. – Киев: Вира, 2002. – 369 с.
119. *Дерябина М.* Институциональные аспекты постсоциалистического переходного периода // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 108–124.

120. *Дискин И.* Реформы и элиты: институциональный аспект // *Общественные науки и современность.* – 1995. – № 6. – С. 29–41.
121. Доклад о мировом развитии 2002 года. Создание институциональных основ рыночной экономики. – М.: Весь мир, 2002. – 264 с.
122. *Долгов С.И.* Глобализация экономики: новое слово или новое явление? – М.: Экономика, 1998. – 213 с.
123. *Доронин И., Загашвили В., Приписнов В.* Мировая хозяйственная конъюнктура в 2000 - начале 2001 гг. // *Мировая экономика и междунар. отношения.* – 2001. – № 8. – С. 3–24.
124. *Дюмон Луи.* Номо AEGALIS. Генезис и расцвет экономического идеологии. – NoTa Bene, 2000. – 240 с.
125. *Дятлов С.А.* Предмет и метод информационной экономики. – В кн. *Экономическая теория на пороге XXI века.* – М.: МГУ, 1998. – Т. 2. – С. 497–519.
126. *Дятлов С.А.* Человеческий капитал в системе современной экономики // Автореф. дис. ...д.э.н. – СПб., 1995. – 46 с.
127. *Евстигнеев В.Р.* Экономическая наука в поисках новой парадигмы // *Мировая экономика и междунар. отношения.* – 1995. – № 7. – С. 5–17.
128. *Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* Российская реформа в контексте теории Кейнса // *Вопросы экономики.* – 1997. – № 3. – С. 95–111.
129. *Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* Проблема синтеза общеэкономической и институционально-эволюционной теории // *Вопросы экономики.* – 1998. – № 8. – С. 97–113.
130. *Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* От стандартной экономической теории к экономической синергетике // *Вопросы экономики.* – 2001. – № 10. – С. 24–40.
131. *Евфимимова Н.П., Динелл Н.П.* Капитал и российские банкиры // *Социс.* – 2000. – № 2. – С. 75–87.
132. *Ершова Т.В.* Наемный труд и проблема постиндустриальной бедности // *Философия хозяйства.* – 2001. – № 6. – С. 160–168.
133. *Ершова Т.В.* Бинарная модель – путь демократизации российской экономики: Материалы 4-й междунар. научн.-практ. конфер. – В.: ВГУ, 2001. – С. 51–53.
134. *Жамс Э.* История экономической мысли XX века. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 572 с.
135. Закономерности экономического роста: анализ зарубежного опыта / Мин-во науки, высш. шк. и техн. политики Рос. Федерации / Н.С. Бабинцева, В.И. Березовский, Н.В. Бондаренко и др.; Под ред. С.И. Иванова. – СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 1992. – 166 с.
136. *Занг В.-Б.* Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории / Пер. с англ. – М.: Мир, 1999. – 335 с.

137. *Зомбарт В.* Современный капитализм. Хозяйственная жизнь в эпоху развитого капитализма: В 3-х т. – М – Л.: Государственное издательство, 1930. – Т. 3. – 584 с.
138. *Илларионов А.* Экономическая свобода и благосостояние народов // Вопросы экономики. – 2000. – № 11. – С. 83–89.
139. Инвестиционный кризис в России (Доклад Экономического института). // Вопросы экономики. – 1999. – № 12. – С. 14–34.
140. *Иноземцев В.Л.* За десять лет. К концепции постэкономического общества. – М.: Academia, 1998. – 576 с.
141. *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. – М.: Наука, 1998. – 640 с.
142. *Иноземцев В.Л.* Расколота цивилизация: системные кризисы индустриальной эпохи // Вопросы философии. – 1999. – № 5. – С. 3–18.
143. *Иноземцев В.Л.* Пределы "догоняющего" развития. – М.: Экономика, 2000. – 295 с.
144. *Иноземцев В.Л.* США и ЕС в новом столетии: союзники или соперники // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 9. – С. 3–19.
145. *Истерли У.* В поисках роста // Эковест. – 2001. – Вып. 1 – № 3. – С. 448 – 463.
146. Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М.: Экономика, 1989. – Вып. 1. – 335 с.
147. История экономических учений: Учеб. пособие / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М.: Инфа-М., 2001. – 784 с.
148. История рынка и рыночных институтов. Опыт Европы. – Барнаул, 1996. – 112 с.
149. *Йохансен Л.* Очерки макроэкономического планирования / Пер. с англ.: В 2 т. – М.: Прогресс, 1982. – Т.1. – 398 с.; – Т.2. – 471 с.
150. *Капелюшников Р.* Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). – М.: Наука, 1990. – 90 с.
151. *Капелюшников Р.* "Где начало того конца?" (К вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. – 2001. – №1. – С. 138–157.
152. *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. – М., 1989. – Т. 1. – 640 с.
153. *Карлоф Б.* Деловая стратегия / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1991. – 239 с.
154. *Карл Х. Оппенлендер.* Экономический рост. Теория и политика. – М.: Экономика, 1992. – 298 с.
155. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ.; Под ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 606 с.
156. *Кашин Э., Ниркова Е.* Концепция постклассической экономической теории // Вопросы экономики. – 1998. – № 5. – С. 68–78.

157. *Кейнс Д.Н.* Предмет и метод политэкономии / Пер. с англ. – М., 1898. – 278 с.
158. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег / Избранные произведения. – М.: Экономика, 1993. – 543 с.
159. *Кейнс Дж.М.* Трактат о денежной реформе / Избранные произведения. – М.: Экономика, 1993. – 543 с.
160. *Келлик В.* Логика экономики. – Таллинн: ТТУ, 1991. – 132 с.
161. *Кендрик Дж.* Совокупный капитал США и его формирование / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1978. – 275 с.
162. *Кириенко В.* Менталитет белорусов как фактор общественного реформирования // Социология. – 1999. – № 1. – С. 35–56.
163. *Киринер И.* Конкуренции и предпринимательство / Пер. с англ.; Под ред. А.Н. Романова. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2001. – 239 с.
164. *Кларк Д.Б.* Распределение богатства / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1992. – 447 с.
165. *Клейнер Г.* Механизмы принятия стратегических решений и строения планирования на предприятиях // Вопросы экономики. – 1998. – № 9. – С. 46–65.
166. *Клейнер Г.* Нет тени только у привидений (о книге "Неформальный сектор экономики" // Вопросы экономики. – 1999. – № 4. – С. 149 – 153.
167. *Клучи Д.* Государство, бизнес, экономика // США: Экономика. Политика. Идеология. – 1995. – № 3. – С. 60–67.
168. *Козлова К.Б.* Институционализм в американской политэкономии. – М.: Наука, 1987. – 214 с.
169. *Козлова К.Б., Энтов Р.М.* Теория цены. – М.: Мысль, 1972. – 239 с.
170. *Козловски П.* Этика капитализма. Эволюция и общество: Критика социобиологии. – СПб.: Экономическая школа, 1996. – 160 с.
171. *Козловски П.* Этическая экономия как синтез экономической и этической теории // Вопросы философии. – 1996. – № 8. – С. 66–88.
172. *Козловски П.* Культура постмодерна / Пер. с нем. – М.: Республика, 1997. – 239 с.
173. *Кокарев В.* Институциональные преобразования в современной России: анализ динамики транзакционных издержек // Вопросы экономики. – 1996. – № 12. – С. 64–71.
174. *Колодко Г.В.* Уроки десяти лет постсоциалистической трансформации // Вопросы экономики. – 1999. – № 9. – С. 19–32.
175. *Колодко Г.В.* От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. – М.: ЗАО "Эксперт", 2001. – 392 с.
176. *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. – М.: Наука. 1991. – 569 с.
177. *Кондратьев Н.Д.* Проблема предвидения // Экономика и математические методы. – 1988. – Т. 24. – Вып. 2. – С. 245–268.

178. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – 768 с.
179. Конкурентоспособность национальной экономики. Внешняя торговля: состояние и перспективы / Под науч. ред. М.В. Мясникова, П.Г. Никитенко. – Мн.: НАН РБ, 2002. – 130 с.
180. Концепция и программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на 1998–2015 гг. // Белорусский экономический журнал. – 1998. – № 2. – С. 4–25.
181. Концепция стратегического развития России до 2010 года. – М.: ЛТД, 2001. – 136 с.
182. *Кола Доминик.* Политическая социология / Пер. с фр. – М.: Инфра-М., 2001. – 405 с.
183. Конституция Республики Беларусь: Научно-практический комментарий / Под общ. ред. В.Г. Тихини и др. – Мн.: Беларусь, 1996. – 224 с.
184. Концепции современного естествознания / М.И. Басаков, О.П. Самыгина, Л.Д. Столеренко и др. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 446 с.
185. *Корнаи Я.* Дефицит / Пер. с англ. – М.: Наука, 1990. – 607 с.
186. *Корнаи Я.* Социальная система: политэкономия коммунизма / Пер. с англ. – М.: НП "Вопросы экономики", 2000. – 642 с.
187. *Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 4–23.
188. *Коуз Р.Г.* Институциональная структура производства // Вест. СПб-го ун-та. Сер. 5, Экономика. – 1992. – Вып. 4. – С. 86–95.
189. *Коуз Р. Г.* Фирма, рынок, право / Пер. с англ. – М.: Дело, 1993. – 192 с.
190. *Кочетов Э.Г.* Неоэкономика – новая цивилизационная модель экономического развития // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1997. – № 3. – С. 3–17.
191. *Кочетов Э.Г.* Геоэкономика (освоение мирового экономического пространства): Учеб. – М.: БЕК, 1999. – 480 с.
192. *Кочетов Э.Г.* Глобалистика: методология, теория, практика. – М.: НОРМА-Инфра, 2002. – 630 с.
193. *Кругман П.М., Обстфельд М.* Мировая экономика. Теория и политика: Учеб. для вузов по экон. специальностям / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – 832 с.
194. *Куликов В.* Российская приватизация в шестилетней ретроспективе // Российский экономический журнал. – 1998. – № 1. – С. 10–19.
195. *Кун Т.* Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова; Общ. Ред. С.Р. Микулинского, Л.А. Марковой. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.
196. *Куриц Х.Д.* Капитал. Распределение. Эффективный спрос / Пер. с англ.; Под ред. И.И. Елисеевой. – М.: ЮНИТИ, 1998. – 295 с.
197. *Лакатош И.* Структура и развитие науки. – М.: Наука, 1978. – 487 с.
198. *Латов Ю.В.* Экономическая теория преступлений и наказаний // Вопросы экономики. – 1999. – № 10. – С. 60–75.

199. *Латова Н.В., Латов Ю.В.* Российская экономическая ментальность на мировом фоне // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 4. – С. 31–45.
200. *Леге Ж.- М.* Кого страшит развитие науки / Пер. с фр. – М.: Знание, 1988. – 190 с.
201. *Лемещенко П.С.* Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции // *Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции*. – Минск: БГУ, 2001. – 299 с.
202. *Лемещенко П.С.* Проблемы развития современной экономической науки // *Очерки политической экономии* / Под общ. ред. П.С. Лемещенко. – Минск: БГУ, 1999. – С. 3-7, 78-105.
203. *Лемещенко П.С.* Неоэкономика: онтологические изменения и теоретические начала // *Экономическая теория на пороге XXI века – 7* / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М.: МГУ, 2003. – С. 136-148.
204. *Лемещенко П.С.* Институциональная теория современной экономической реформы // *Выбранные научные работы БДУ: У 7 т. – Т. 3* / Адк. рэд. В. М. Гадуноў. – Минск: БДУ, 2001. – С. 211-231.
205. *Лемещенко П.С.* Наука политэкономия: прошлое, настоящее, будущее // *Политическая экономия современной экономической политики Беларуси: Мат. и докл. науч.-практ. конф.* / Отв. ред. П.С. Лемещенко. – Минск: БГУ, 2003. – С. 3-14.
206. *Лемещенко П.С.* Метаморфозы современной экономики: опыт теории и отечественной практики // *Ежегодные политико–экономические чтения: Материалы межвуз. науч. конф. "Национальная экономика Беларуси в контексте глобальных политико-экономических тенденций"* / Отв. ред. П.С. Лемещенко. – Минск: БГУ, 2002. – С. 26-45.
207. *Лемещенко П.С.* Проблемы и противоречия развития современной экономической науки // *Преодоление Маркса*. – М.: МГУ, 1998. – С. 207-218.
208. *Лемещенко П.С.* Кредитно-банковская система в институциональном измерении // *Экономическая теория на пороге XXI века – 5* / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М.: МГУ, 2001. – С. 342-352.
209. *Лемещенко П.С.* Слоўнік катэгорый эканамічнай тэорыі // *Слоўнік катэгорый эканамічнай тэорыі* / Навук. рэд. С.Я. Янчанка, П.Г. Нікіценка. – Минск: Право и экономика, 1999. – 288 с. (58 с. авторск.).
210. *Лемещенко П.С.* Возникновение планомерной формы общественного производства // *Планомерность – форма движения социалистических производственных отношений* / С. Е. Янченко и др. – Минск: Универс., 1988. – С. 34-56.
211. *Лемещенко П.С.* – руководитель, Новикова И.В., Ключня В.Л., Воскресенский В.И. *Руководящий документ РБ. Образовательный стандарт по специальности Э. 01. 01. 00 – Экономическая теория*. – Минск: БГУ, 2000. – 40 с.

212. *Лемешенко П.С.* Институциональная экономика: история значима // Социология. – Минск: БГУ, 2003. – № 1. – С. 33-43.
213. *Лемешенко П.С.* XXI век и проблемы парадигмального обновления экономической науки // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. – 2003. – № 3. – С. 19-24; – № 4. – С. 32-39.
214. *Лемешенко П.С.* Переходный период в институционально-эволюционной теории // Известия Гомельского гос. ун-та. – 2003. – № 3 (17). – С. 68–76.
215. *Лемешенко П.С., Лемешенко Е.П.* Интеллектуальная собственность как институциональное явление // Политическая экономия современной экономической политики Беларуси: Мат. и докл. науч.-практ. конф. / Отв. ред. П.С. Лемешенко. – Минск: БГУ, 2003. – С. 386-411.
216. *Лемешенко П.С.* Институциональные закономерности и тенденции функционирования денежно-кредитной системы Беларуси // Белорусский экономический журнал. – 2001. – № 1. – С. 21-31.
217. *Лемешенко П.С.* Информационная экономика и электронная торговля: политико-экономическая оценка // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2001. – № 3. – С. 93-97.
218. *Лемешенко П.С.* Новая экономика и теория: закономерности эволюции // Беларусь и Россия: императивы общественного развития. – Минск: ИСПИ, 2002. – С. 78-95.
219. *Лемешенко П.С.* Переходный период в контексте институционально-эволюционной теории // Философия хозяйства. – М.: МГУ, 2002. – № 3. – С. 179-193.
220. *Лемешенко П.С.* Неоэкономика: онтологические изменения и теоретические начала // Философия хозяйства. – М.: МГУ, 2002. – № 4. – С. 108-123.
221. *Лемешенко П.С.* Антикризисное управление: теоретический смысл и институциональные рамки // Антикризисное управление и повышение конкурентоспособности экономики Республики Беларусь: Сб. статей II Междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. В.Ф. Байнева. – Минск: БГУ, 2004. – С. 68-76.
222. *Лемешенко П.С.* Учиться отделять зерна от плевел // Беларуская Думка. – 1998. – № 9. – С. 41-43.
223. *Лемешенко П.С.* Национальная экономическая наука: от кризиса к рациональным практическим решениям // Управление капиталом. – 1997. – № 4. – С. 8-16.
224. *Лемешенко П.С.* Становление науки политэкономии: ретроспективный взгляд // Веснік БДУ. Сер. 3. – 1999. – № 1. – С. 50-53.
225. *Лемешенко П.С.* Неополитэкономия или тенденции развития современной экономической науки // Веснік БДУ. Сер. 3. – 1998. – № 2. – С. 37-43.

226. *Лемещенко П.С., Булавко В.Г.* Институт собственности и проблемы переходных экономик // *Веснік БДУ. Сер. 3.* – 1998. – № 3. – С. 65-70.
227. *Лемещенко П.С.* Институциональная теория современной экономической реформы // *Вестник Ассоциации белорусских банков.* – 2001. – № 41. – С. 32–46.
228. *Лемещенко П.С.* Институциональный аспект функционирования денежно-финансовой системы Беларуси // *Вестник Ассоциации белорусских банков.* – 2000. – № 16. – С. 15-33.
229. *Лемещенко П.С.* Современная экономическая наука (содержание и тенденции) // *Альманах.* – М.: МГУ, 1998. – № 9. – С. 112-123.
230. *Лемещенко П.С.* Электронная торговля в контексте фундаментальной экономики // *Электронная торговля в СНГ и Восточно-европейских странах: вместе в XXI век* / Отв. ред. Б. Н. Панышин. – Минск: БГУ, 2001. – С. 126-130.
231. *Лемещенко П.С.* Слагаемые экономического роста // *Финансы. Учет. Аудит.* – 1997. – № 2. – С. 11-15; – № 3. – С. 16-18; – № 4. – С. 10-13.
232. *Лемещенко П.С.* Белорусская экономическая наука в лабиринтах поиска // *Гуманитарно-экономический вестник.* – 1997. – № 2. – С. 97-102.
233. *Лемещенко П.С.* Неополитэкономия как теоретический императив постиндустриального развития // *Философия хозяйства.* – М.: МГУ, 2000. – № 2. – С. 68-89.
234. *Лемещенко П.С.* Экономика и наука на срезе // *Финансы. Учет. Аудит.* – 1996. – № 11. – С. 9-13.
235. *Лемещенко П.С.* Теория и практика радикальной реформы // *Политическая экономия.* – Минск: Университетское, 1989. – № 17. – С. 3-15.
236. *Лемещенко П.С.* Приватизация: способы разные, цель – одна // *Плюс-минус.* – Минск: БГЭУ, 1993. – № 1-2. – С. 73-80.
237. *Лемещенко П.С.* Экономическая наука, образование и практика в Беларуси // *Беларусь и Россия на пути в XXI век: Сборник науч. труд.* – Минск: ИСПИ, 1998. – С. 120-132.
238. *Лемещенко П.С.* Становление планомерного характера производства // *Политическая экономия.* – Минск: Университетское, 1983. – Вып. 11. – С. 41-48.
239. *Лемещенко П.С.* Социально-экономическая сущность пропорциональности // *ИНИОН АН СССР, № 20467 от 23. 04. 85. (Библ. Указ. "Экономика".* – 1985. – № 10). – 20 с.
240. *Лемещенко П.С.* Современное экономическое образование: слагаемые стратегического выбора // *Менеджмент высшей школы: состояние и перспективы: Сборник матер. межд. науч. конф. / Под ред. В.В. Сенько.* – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 169-176.
241. *Лемещенко П.С.* Институциональное планирование как стратегическая форма разрешения противоречий экономического развития // *Проблемы управления экономическим потенциалом экологодестабилизированного*

- региона: Матер. межд. науч.-практ. конф. – Гомель: ГГУ, 2002. – С. 24–31.
242. *Лемещенко П.С.* Христианские традиции и новая экономическая реформа: противоречивый диалог // Христианские ценности в современной культуре: Матер. науч.-практ. конф. – Минск: БГУ, 2001. – Ч. II. – С. 48–51.
243. *Лемещенко П.С.* Основные составляющие университетского экономического образования // БГУ: университетское образование в условиях смены образовательных парадигм: Матер. науч.-практ. конф. – Минск: БГУ, 1997. – С. 145-148.
244. *Лемещенко П.С.* Национальная экономическая наука: от кризиса к новой парадигме // Высшему экономическому образованию –75: Матер. республ. науч.-практ. конф. – Минск: БГЭУ, 1997. – С. 99-101.
245. *Лемещенко П.С.* Проблема научности в процессе преподавания экономической теории // Повышение эффективности познавательной деятельности студентов: Тезисы докл. – Минск: БГЭУ, 1997. – С. 14-16.
246. *Лемещенко П.С.* Научность – основа формирования экономического мышления студентов // Воспитательная работа в высших учебных заведениях: теория, практика, перспективы: Матер. межд. науч.-практ. конф. – Минск-Горки: Веды, 1997. – С. 29-32.
247. *Лемещенко П.С.* Проблема переходности в контексте теории общего экономического развития // Переходные формы производственных отношений в условиях трансформации экономических систем: Матер. межд. науч. конф. / Отв. ред. П.С. Лемещенко. – Минск: БГУ, 17-18 февраля 1999. – С. 56-58.
248. *Лемещенко П.С.* Аграрная политика: проблемы теории и методологии // Формирование системы социально-экономического развития села: Матер. межд. науч.-практ. конф. – Горки, 28-30 мая 1998 г. – Ч. 2. – С. 141–150.
249. *Лемещенко П.С.* Проблема научного обеспечения системной реформы в Беларуси // Проблемы реформирования предприятий: Матер. науч.-практ. конф. – Минск: БГЭУ, 1999. – Ч. I. – С. 2–5.
250. *Лемещенко П.С.* Реформа и налоги: системный аспект // Финансово-бюджетная политика государства: Матер. республ. науч.-практ. конф. (15 января 1999 г.). – Минск, 1999. – С. 106-109.
251. *Лемещенко П.С.* Политико-экономические основания современной белорусской государственности // Идеология белорусской государственности: теория и практика: Матер. науч. конф. – Минск: ИСПИ, 1998. – С. 69-73.
252. *Лемещенко П.С.* Проблемы методологии аграрной политики // Аграрная экономика на рубеже тысячелетий: Матер. межд. науч.-практ. конф. – Горки, 10-11 июня 1999. – С. 63–66.

253. *Лемещенко П.С., Лемещенко Е.П.* Экономико-правовая компонента в структуре современного гуманитарного знания // Обществоведение в системе высшего образования: Матер. республ. науч. конф. – Минск: МГПУ, 23 апреля 1999. – С. 73-75.
254. *Лемещенко П.С.* К вопросу о парадигме политической экономии // На пути к рыночной экономике: Сборник. – Минск: БГИНХ, 1991. – С.14-16.
255. *Лемещенко П.С.* Методологический аспект превращения планомерности в целостную систему // Планомерность и стоимость: Матер. межд. науч. конф. – Минск: БГУ, 1989. – С.76-83.
256. *Лемещенко П.С.* Условия эффективного государственного регулирования многоукладной экономики // Методы государственного регулирования социально-экономических отношений: Матер. науч.-практ. конф. 24-25 апреля 1992 г. Минск: БГУ, 1992. – С. 18.
257. *Лемещенко П.С.* О предмете современной теории экономики // Стратегия устойчивого развития и перспективы цивилизационной динамики на рубеже веков: Матер. межд. науч. конф. – Минск: БГУ, 1998. – Ч. I. – С. 112-114.
258. *Лемещенко П.С.* О воспитании нового экономического мышления студентов // Теория и практика воспитательной работы в высших учебных заведениях / Ред. кол.: А.И. Цыганов и др. – Минск - Горки, 1997. – С. 29-31.
259. *Лемещенко П.С.* Научность – основа совершенствования учебной деятельности // Пути совершенствования учебного процесса: Сборн. тезисов республ. науч.-метод. конф. – Минск: БГУ, 1989. – С. 203-208.
260. *Лемещенко П.С.* Формы реализации собственности // Формы активизации познавательной деятельности студентов в процессе изучения политической экономии: – Матер. науч.-метод. конф. – Минск: БГУ, 1988. – С. 105-108.
261. *Лемещенко П.С.* Программа по основам экономической теории (для лиц с высшим образованием) // Праграмы ўступных экзаменаў для паступаючых у БДУ у 2003 годзе. – Мн.: БДУ, 2003. – С. 145-149; – 2002. – С. 144-148; – 2001. – С. 133-137.
262. *Лемещенко П.С.* Программа государственного экзамена по экономической теории // Программа гос. экзамена по экономической теории. – Минск: БГУ, 1998. – 24 с.
263. *Лемещенко П.С.* Проблемы развития современной экономической науки. Институциональная экономика // Современная политическая экономия: Учебное пособие / Под общей ред. П.С. Лемещенко. – Минск: Книжный Дом, 2005. – С. 3-7, 73-98, 384-467.
264. *Лемещенко П.С.* Теоретическая экономика: истоки, предмет, методология. – Минск: БГУ, 2002. – 19 с.

265. *Лемещенко П.С.* Актуальные проблемы политической экономии // Актуальные проблемы политической экономии / Практикум. – Минск, 1989. – 20 с.
266. *Лемещенко П.С.* Практикум для проведения семинарских занятий по курсу "Политическая экономия". – Минск: БГУ, 1989. – 76 с.
267. *Лемещенко П.С.* Современная мир-система и проблемы теории неоимпериализма // Философия хозяйства. – М.: МГУ, 2005. – № 2. – С. 53-73.
268. *Лемещенко П.С.* Актуальные проблемы политической экономии // Методические рекомендации по курсу "Актуальные проблемы политэкономии". – Минск, 1989. – С. 31-57.
269. *Лемещенко П.С., Мельникова Н.А.* Институциональная теория фирмы // Учебное пособие. – Минск: БГУ, 2005. – 128 с.
270. *Лемещенко П.С.* Институты и распределение глобальной ренты // Что дает Беларуси глобализация? / – 1997. – № 1. – С. 78.
271. *Лемещенко П.С.* Институциональный аспект современной теории денег // Науч. труды ДНТУ. – Сер. экон. – 2005. – Вып. 89-2. – С. 62-68.
272. *Лемещенко П.С., Шухно В.М.* Активизация работы студентов // Экономические науки. – 1988. – № 12. – С. 126-128.
273. *Леонтьев В.* Экономические эссе / Пер. с англ. – М.: Политическая литература, 1990. – 416 с.
274. *Леонтьев В.* Межотраслевая экономика. – М.: Экономика, 1997 – 490 с.
275. *Лесков Л.В.* Апокалиптика глобализации // Философия хозяйства. – 2002. – № 4. – С. 78–96.
276. *Лисин В.С.* Институциональные аспекты экономических реформ в России. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Высшая школа, 2000. – 144 с.
277. *Литвиненко О.И.* Теории прибыли. – М.: Мысль, 1979. – 206 с.
278. *Львов Д.С.* Экономика развития. – М.: Экзамен, 2002. – 512 с.
279. *Лузин Г.П., Павлов К.В.* Патэкономика: задачи, проблемы, направления исследований. – Апатиты, 1995. – 111 с.
280. *Лыч Г.М.* Беларусь на пути к рыночной экономике // Российский экономический журнал. – 1995. – № 10. – С. 85–92.
281. *Маевский В.* Эволюционная теория и макроповедение // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 28–41.
282. *Маевский В.* Эволюционная теория и технологический процесс // Вопросы экономики. – 2001. – № 11. – С. 4–17.
283. *Майминас Е.* Информационное общество и парадигма экономической теории // Вопросы экономики. – 1997. – № 11. – С. 86–95.
284. *МакКлоски Д.Н.* Полезно ли для экономической науки прошлое? // THE-SIS. – 1993. – Вып 1. – № 1. – С. 107–137.
285. *Макконнелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: В 2 т. – М: Республика, 1992. – Т. 1. – 400 с.
286. *Максюта Г.* Беларусь в Европу, а народ – куда? // Belarus Monitor. НЦСИ "Восток–Запад". – 1999. – № 5. – С. 36–45.

287. Малахов С. Трансакционные издержки в российской экономике // Вопросы экономики. – 1997. – № 7. – С. 77–86.
288. Мамедов О.Ю. Смешанная экономика. Двухсекторная модель. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 223 с.
289. Мандевиль Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества / Пер. с англ. Е.С. Лагутина, А.Л. Субботина. – М.: Наука, 2000. – 289 с.
290. Маркс К. Нищета философии / Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – М.: Политическая литература, 1955. – Т. 4. – С. 65–185.
291. Маркс К. Капитал / Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – М.: Политическая литература, 1955. – Т. 23. – С. 43–784; – Т. 24. – С. 31–604; – Т. 25. – Ч. 1. – С. 3–489; – Ч. 2. – С. 29–485.
292. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики / Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – М.: Политическая литература, 1955. – Т. 2. – С. 3–230.
293. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – М.: Политическая литература, 1955. – Т. 3. – С. 7–544.
294. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ. – М.: REFL-book, 1994. – 341 с.
295. Марцинкевич В., Соболева И. Экономика человека. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – 285.
296. Марцинкевич В.И. Человеческий фактор и эффективность экономики. – М.: Наука, 1991. – 239 с.
297. Маршалл А. Принципы экономической науки: В 3-х т. / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1993. – Т. 1 – 415 с.; – Т. 2 – 310 с.; – Т. 3 – 351 с.
298. Маршалл Дж.Ф., Бансал В.К. Финансовая инженерия / Пер. с англ. – М.: Инфра-М, 1998. – 784 с.
299. Мау В. Экономическая реформа и политический цикл в современной России // Вопросы экономики. – 1996. – № 6. – С. 25–42.
300. Мау В. Российские экономические реформы глазами западных критиков // Вопросы экономики. – 1999. – № 12. – С. 34–48.
301. Мау В.А. Экономика и власть. Политические исследования экономических реформ в России. – М.: Дело Лтд, 1995. – 112 с.
302. Махлун Ф. Теория фирмы: маржиналистские, бихевиористские и управленческие // Теория фирмы / Сост. и общ. ред. В.М. Гальперина. – СПб: Экон. школа. – 1995. С. 73–91.
303. Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. – М.: Экономика, 2001. – 295 с.
304. Медведев Е.К. Категория собственности (Очерки методологии). – Минск: Право и экономика, 2000. – 130 с.
305. Мезоэкономика: Учебн. пособие / Под ред. И.К. Ларионова. – М.: Дашков дом, 2001. – 444 с.

306. *Мелман С.* Прибыли без производства / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1987. – 520 с.
307. *Мельянцева В.* Информационная революция – феномен "новой экономики" // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2001. – № 2. – С. 3–10.
308. *Мелюхин И.С.* Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. – М.: МГУ, 1999. – 208 с.
309. *Мелейбр А.П.* Что такое новейшая экономика / Пер. с англ. – М.: Дом, 1995. – 90 с.
310. *Менар К.* Экономика организаций. – М.: Инфра-М, 1996. – 160 с.
311. *Меньшиков С.М., Клименко А.О.* Длинные волны в экономике. – М.: Международные отношения, 1989. – 272 с.
312. *Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента / Пер. с англ. – М.: Дело, 1992. – 702 с.
313. *Мизес Л.* Социализм. Экономический и социологический анализ / Пер. с англ. – М.: Catallogy, 1994. – 416 с.
314. *Мизес Л.* Либерализм в классической традиции / Пер. с англ. – М.: Начала-Пресс, 1995. – 175 с.
315. *Мизес Л.* Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. – М.: Экономика, 2000. – 877 с.
316. *Мизес Л.* О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки // THESIS. – 1994. – Т. 1. – Вып. 4. – С. 205.
317. *Миксюк С.В.* Концептуальные и методологические основы макромоделей экономики Беларуси // Белорусская экономика: анализ, прогноз, регулирование. – 2000. – № 10. – С. 3–12.
318. *Милль Дж.С.* Основы политической экономии: В 3 т./ Пер. с англ.; Общ. ред. А.Г. Милейковского. – М.: Прогресс, 1980. – Т. 1 – 495 с.; 1980. – Т. 2 – 480 с.; 1981. – Т. 3 – 447 с.
319. *Минс Г., Шнайдер Д.* Метакапитализм: революция в электронном бизнесе в XXI веке. – М.: Альпина, 2001. – 270 с.
320. *Мировая экономика: Учеб.* / Под ред. А.С. Булатова. – М.: Юрист, 1999. – 734 с.
321. *Митчелл У.К.* Экономические циклы / Пер. с англ. – М., Л.: Гос. изд., 1936. – 503 с.
322. *Мишенин А.И.* Теория экономических информационных систем: Учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 1999. – 237 с.
323. *Мишкин Ф.* Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков / Перев. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 820 с.
324. *Мовсесян А.Г.* Иррационально-эволюционный подход к развитию мировой экономики // Вест. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика. – 2001. – № 3. – С. 72–80.

325. *Мовшович С. М., Соколовский Л. Е.* Выпуск, налоги и кривая Лаффера // Экономика и математические методы. – 1994. – Т. 30. – Вып. 3. – С. 129 – 141.
326. *Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития / АН СССР. – М.: Наука, 1987. – 302 с.
327. *Моисеев Н. Н.* Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 3–28.
328. *Мэнкью Н. Г.* Принципы экономики / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1999. – 784 с.
329. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь / Нац. комис. по устойчивому развитию Рес. Беларусь / Отв. исполн. Л. С. Антонович и др. – Минск: НИЭИ Минэкономики РБ, 1997. – 231 с.
330. *Найт Ф.* Понятие риска и неопределенности // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 12–28.
331. *Некипелов А.* Объективные основания для промышленной политики в условиях постсоциалистической трансформации // Политэконом. – 1996. – № 4. – С. 19–22.
332. *Некlessа А.* Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2002. – № 9. – С. 103–113.
333. *Нельсон Л.* За пределами рационального // Вопросы экономики. – 1995. – № 8. – С. 23–56.
334. *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений / Пер. с англ. – М.: Инфра-М, 1997. – 538 с.
335. *Нестеренко А. Н.* Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 42–57.
336. *Нестеренко А. Н.* Переходный период закончился. Что дальше? // Вопросы экономики. – 2000. – № 6. – С. 4–17.
337. *Нестеренко А. Н.* Экономика и институциональная теория / Отв. ред. Л. И. Абалкин. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 416 с.
338. Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. – 576 с.
339. *Нижегородцев Р. М.* Информационная экономика и методологические основы технико-экономического прогнозирования современной экономики России // Вест. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика. – № 3. – С. 3–21
340. *Никитенко П. Г., Гринберг А. С., Горбачев Н. Н., Тимошек П. Е.* Информационный ресурс и информационная экономика // Экономика и право. – 1998. – № 2. – С. 3–53.
341. *Новак Майкл.* Дух демократического капитализма / Пер. с англ. В. Г. Марутика. – Мн.: ЗАО "Лучи Софии", 1997. – 455 с.
342. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 631 с.

343. Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – 451 с.
344. Новик В.В. Иностранные инвестиции в переходных экономиках // Белорусский экономический журнал. – 2000. – № 1. – С. 61–70.
345. Новиков Д.А. Механизмы функционирования многоуровневых организационных систем. – М.: Фонд "Проблемы управления", 1999. – 150 с.
346. Новикова И.В. Глобализация и рынок. Выбор стратегии экономического развития в XX веке. – Мн.: Академия управления при Президенте РБ, 2001. – 167 с.
347. Норт Д. Институты и экономический рост // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 69–92.
348. Норт Д. Институты и институциональные изменения / Пер. с англ. – М.: Начала, 1997. – 178 с.
349. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 6–18.
350. Нуреев Р.М. Основы экономической теории. Тема 13: Теория общественного выбора // Вопросы экономики. – 1996. – № 7. – С. 129–160.
351. Нуреев Р. Теории развития: кейнсианские и неоклассические модели // Вопросы экономики. – 2000. – № 4. – С. 137–156.; – № 5. – С. 145–158.; – № 7. – С. 141–156.; – № 9. – С. 136–157.
352. Обухов Н.П. Глобализация и возникновение новых направлений в экономической науке: геоэкономики и геофинансов // Финансы. – 1999. – № 12. – С. 55–58.
353. О важнейших тенденциях развития экономики и денежно-кредитной сферы Республики Беларусь в ноябре 2003 г. – Мн.: НБ Республики Беларусь, 2003. – 157 с.
354. Овсянников В.И. В поисках новых парадигм социально-гуманитарных наук // Социально-политический журнал. – 1998. – №1. – С. 54–62.
355. Ойкен В. Основные принципы экономической политики / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1995. – 496 с.
356. Ойкен В. Основы национальной экономики / Пер. с нем. – М.: Экономика, 1996. – 351 с.
357. Олейник А. Сценарий институционального развития переходного общества // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1996. – № 7. – С. 48–54.
358. Олейник А. В поисках институциональной теории переходного общества // Вопросы экономики. – 1997. – № 10. – С. 58–68.
359. Олейник А. Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1997. – № 12. – С. 25–36; – 1998. – № 1. – С. 18–28.
360. Олейник А. Институциональная экономика. – М.: Инфра-М, 2000. – 416 с.
361. Олейник А. "Бизнес по понятиям": об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. – 2001. – № 5. – С. 4–26.

362. *Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / Пер. с англ. – М.: Наука, 1995. – 396 с.
363. *Ольсевич Ю.Я.* Трансформация хозяйственных систем: Сб. статей. – М.: Междунар. фонд. Н.Д. Кондратьева, 1994. – 220 с.
364. *Ольсевич Ю.Я.* "Неортодоксальный взгляд" У. Баумоля на достижения экономической науки в XX веке и ее задачи // Вопросы экономики. – 2001. – № 12. – С. 18–32.
365. *Осадчая И.* Государство в переходной экономике: между Левиафаном и анархией // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1998. – № 1. – С. 140–149.
366. *Осинов Ю. М.* Теория хозяйства: В 3 т. – М.: МГУ, 1998. – Т. 1 – 468 с.; – Т. 2. – 790 с.; – Т. 3. – 608 с.
367. Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 годы. – Минск: ООО "Мисанта", 1998. – 61 с.
368. Основы экономической теории: принципы, проблемы. Германский опыт и рыночный путь / У. Базелер, З.Сабов, И. Хайнрих, В. Кох. – СПб.: Питер, 2000. – 800 с.
369. От кризиса к модернизации: теория и опыт переходных экономик / Под ред. А. Бузгалина, А. Колганова, П. Шульца. М., 1998.
370. *Отмахов П.А.* Эмпиризм в экономической науке: теория и практика // Вопросы экономики. – 1989. – № 4. – С. 58–72.
371. *Отмахов П. А.* Современная американская политэкономия: вопросы методологии / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: МГУ, 1991. – 86 с.
372. *Отмахов П.А.* Рационализм в экономической науке: теория и практика // Вопросы экономики. – 1999. – № 2. – С. 119–137.
373. От плана к рынку: Отчет о мировом развитии – 1996 / Международный банк реконструкции и развития, Всемирный банк. – Вашингтон, 1996. – 314 с.
374. *Оучи У.* Методы организации производства: японский и американский подходы / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1984. – 184 с.
375. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / Пер. с англ. – М.: Академический проект, 2002. – 880 с.
376. *Паскаль Б.* Цикл контратакует (новая попытка синхронизации мирового роста) // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2000. – № 4. – С. 12–19.
377. *Патов Ю.* Экономическая теория преступлений и наказаний // Вопросы экономики. – 1999. – № 10. – С. 60–76.
378. *Пебро М.* Международные экономики, валютные и финансовые отношения / Пер. с фр. О.С. Савкович, М. М. Литвякова; Под общ ред. Н.С. Бабинцевой. – М.: Прогресс, 1994. – 496 с.
379. Пересмотр международного экономического порядка / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – 485 с.

380. *Пишайнен Т., Турунцев Е.* Отталкиваясь от Макса Вебера: к пониманию процессов социальной трансформации в России // Вопросы экономики. – 1998. – № 7. – С. 65–77.
381. *Пигу А.* Экономическая теория благосостояния: В 2 т. / Пер. с англ.; Общ. Ред. С.П. Аукуционека. – М.: Прогресс, 1985. – Т.1. – 512 с.; – Т.2. – 454 с.
382. *Питерс Т., Уотермен Р.* В поисках эффективного управления / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 422 с.
383. *Плышевский Б.* Частный капитал: образование и особенности // Экономист. – 2004. – № 1. – С. 40–52.
384. *Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии / Пер. с англ.; Общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова. – М.: Прогресс, 1985. – 344с.
385. Политические институты на рубеже тысячелетий / Отв. ред. К.Г. Холодковский. – Дубно: Феникс, 2001. – 480 с.
386. Политическая наука: новые направления / Под. ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингельманна. – М.: Вече, 1999. С. 625–725.
387. *Полищук Л.* Экономическая эффективность и присвоение ренты: анализ спонтанной приватизации // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35. – Вып. 2. – С. 5–24.
388. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. – 1996. – Т. 32. – Вып. 2. – С. 3–20.
389. *Попов В.* Сильные институты важнее скорости реформ // Вопросы экономики. – 1998. – № 8. – С. 58–65.
390. *Попов Г.* Новая экономика: мифы и реальность // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 6. – С. 19–25.
391. *Поппель Г., Голдстайн Б.* Информационная технология – миллионные прибыли / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1990. – 238 с.
392. *Пороховский А. А.* Экономика США и мирохозяйственные процессы // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 10. – С. 3–12.
393. *Портер М.* Международная конкуренция / Пер. с англ. И.В. Кавсюка; Под ред. В.Д. Щетинина. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 896 с.
394. *Портер М.* Конкуренция / Пер. с англ. – М.: Изд. дом "Вильямс", 2000. – 495 с.
395. *Портной М.А.* Внешнеэкономическая стратегия России и мировой опыт // США: Экономика. Политика. Идеология. – 1996. – № 10. – С. 11–22.
396. *Пребиш Р.* Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива. – М.: ИЛА РАН, 1992. – 337 с.
397. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

398. Преодоление времени: По материалам международной научной конференции / Под ред. Ю.М. Осипова, В.М. Кулькова, Е.С. Зотовой. М., 1998. – 560 с.
399. Природа фирмы / Под ред. О.И. Уильямсона, С.Дж. Уинтера. – М.: Дело, 2001. – 360 с.
400. Пуанкаре А. О науке / Пер. с фр. – М.: Наука, 1983. – 560 с.
401. Республика Беларусь в цифрах, 2001: Краткий стат. сб. / Мин-во Статистики и анализа Респ. Беларусь. – Минск, 2002. – 330 с.
402. Реформы глазами американских и российских экономистов / Под общ. ред. О.Т. Богомолова. – М., 1996. – 348 с.
403. Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 472 с.
404. Рогов С. Россия в системе глобальной экономики на пороге XXI века // Проблемы теории и практики управления. – 2000. – № 1. – С. 49–56.
405. Роза Ж.-Ж. Национализация, приватизация и распределение финансовой собственности // Вест. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика. – 1994. – № 2. – С. 42–53.
406. Рудакова И. О применимости экономической теории к базовым экономическим институтам для анализа рыночной экономики // Вопросы экономики. – 2001. – № 12. – С. 32–46.
407. Савас Э.С. Приватизация: ключ к рынку / Пер. с англ. – М.: Дело, 1992. – 411 с.
408. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 3. – С. 16–38.
409. Сакс Дж., Ф. Ларрен Б. Макроэкономика: глобальный подход / Пер. с англ. – М.: Дело, 1996. – 848 с.
410. Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д. Экономика / Пер. с англ. М.: БИНОМ, 1997. – 800 с.
411. Самуэльсон П. Экономика / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1964. – 843 с.
412. Санько Г.Г. Монополия и конкуренция. – Мн.: БГЭУ, 1999. – 302 с.
413. Сатир Ж. К экономической теории неоднородных систем: Опыт исследования децентрализованной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 248 с.
414. Селезнев А.З., Чередниченко Л.Г. Очерки теории экономического роста. – М.: Северный город – 7, 2003. – 315 с.
415. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли / Пер. с англ.; Под. Общ. Ред. А.М. Румянцева. – М.: Прогресс, 1968. – 600 с.
416. Сен А. Об этике и экономике / Пер. с англ. – М.: Наука, 1996. – 160 с.
417. Святліцкі І.С. Два бакі і дзве тэорыі вартасці // Веснік БДУ. Сер. 3. – 1997. – № 1. – С. 59–63.
418. Сью К.К. Управленческая экономика / Пер. с англ. – 7-е изд. – М.: Инфра-М, 2000. – 669 с.

419. *Скитовски Т.* Суверенитет и рациональность потребителя // Теория потребительского поведения и спроса / Под ред. В. М. Гальперина. – СПб., 1993. – С. 370–377.
420. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 684 с.
421. *Смит А.* Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997. – 351 с.
422. *Смолбоун Д., Вельтер Ф., Слонимский А.А.* Барьеры на пути малого предпринимательства в Беларуси // Белорусский экономический журнал – 2000. – № 1. – С. 71–79.
423. Современная экономическая мысль / Пер. с англ.; Общ. ред. В.С. Афанасьева, Р.М. Энтова. – М.: Прогресс, 1981. – 815 с.
424. Современная философия науки. – М.: Логос, 1996. – 397 с.
425. *Соколова Г.Н.* Экономическая социология. – Мн.: Вышэйшая школа, 1998. – 368 с.
426. *Сорос Дж.* Алхимия финансов / Пер. с англ. Т.С. Аристова – М.: Инфра-М, 1995. – 416 с.
427. *Сорос Дж., Виеном С.Б., Коэн С.* Сорос о Соросе. Опережая перемены / Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 1996. – 333 с.
428. *Сорос Дж.* Как предотвратить следующий кризис // Бел. газ. – 1999 г. – 8 февр. – С. 9, 11.
429. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма / Пер. с англ. С.К. Умрихиной – М.: Инфра-М, 1999. – 262 с.
430. Социальная политика Беларуси // Belarus Monitor. Минск: ООО "Инпредо", 1999. – с.
431. *Сраффа П.* Производство товаров посредством товаров / Пер. с англ. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 160 с.
432. *Ставинский И.* Капитализм сегодня и капитализм завтра / Пер. с англ. – М.: УРСС, 1997. – 327 с.
433. *Старк Д.* Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитала // Вопросы экономики. – 1996. – № 6. – С. 4–25.
434. Статистический ежегодник Республики Беларусь: Ст. сб. / Министерство статистики и анализа РБ. – Мн., 2001. – 608 с.
435. Статистический бюллетень (ежемесячник) / Мин-во статистики и анализа; Отв. за выпуск Л.Л. Рыбчик. – Мн., 2001. – Вып. 7 (июль). – 208 с.
436. *Степин В.С.* Становление научной теории. – Мн.: БГУ, 1976. – 319 с.
437. *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.
438. *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
439. *Стиглер Дж. Рикардо Д.* и 93 %-ная трудовая теория ценности // Вехи экономической мысли: В 3-х т. / Под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1999. – Т. 3. – С. 162–178.

440. *Стиглер Дж.* Экономическая теория информации // Экономика и математические методы. – 1994. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 36–48.
441. *Стиглиц Д.* Альтернативные подходы к макроэкономике: методологические проблемы и кейнсианство // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1997. – № 5. – С. 64–72; – № 7. – С. 59–61.
442. *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы? // Вопросы экономики. – 1999. – № 7. – С. 78–97.
443. *Стиглиц Дж.* Многообразие инструментов, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики. – 1998. – № 8. – С. 4–34.
444. *Стиглиц Дж.* Экономика государственного сектора / Науч. ред., пер Г.М. Кушанина. – М.: Инфра-М, 1997. – 718 с.
445. *Столерю М.* Равновесие и экономический рост. – М.: Статистика, 1974. – 472 с.
446. *Страссман П.* Информация в век электроники: Проблемы управления / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1987. – 237 с.
447. *Стрежнева М.* Особенности институционального развития ЕС // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1999. – № 3. – С. 16–24.
448. *Студенцов В.* Новая кембриджская школа // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1988. – № 2. – С. 110–120.
449. *Суперфин Л.* Осознание общецивилизационного сдвига и проблемы выработки новой парадигмы в социально-экономической мысли Запада // Вопросы экономики. – 1993. – № 1. – С. 53–65.
450. *Супян В.Б.* Эволюция форм собственности в США: современные особенности // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2001. – № 1. – С. 3–26.
451. *Сухарев О.С.* Институционально-эволюционная теория в объяснении некоторых классических проблем политики // Эволюционная экономика и "мэйнстрим" – М.: Наука, 2000. – С. 97–112.
452. *Тамбовцев В.* Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 82–94.
453. *Тамбовцев В.* Институциональная динамика в переходной экономике // Вопросы экономики. – 1998. – № 5. – С. 29–40.
454. *Танци В.* Роль государства в экономике: эволюция концепции // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1998. – № 10. – С. 51–62.
455. *Тарасов В.И.* Проблемы современных денег и монетарная политика // Белорусский экономический журнал. – 2000. – № 3. – С. 3–11.
456. *Тевено Л.* Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. – 1997. – № 10. – С. 69–84.
457. Теоретическая экономика (политэкономика): Учеб. / Под ред. Г.П. Журавлевой, Н.Н. Мильчановской. – М.: ЮНИТИ, 1997. – 515 с.

458. *Тимофеев Л.* Общественный договор "ноль прав собственности" и теневой порядок // Вопросы экономики. – 1999. – № 4. – С. 61–71.
459. *Тобин Дж.* Теорема о "невидимой руке" должна быть модифицирована // Российский экономический журнал. – 2002. – № 3. – С. 42–45.
460. *Тобин Дж.* Глобальная экономика: кто у руля // Проблемы теории и практики управления. – 1999. – № 1. – С. 45–51.
461. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории / Пер. с англ. И.Е. Киселевой, М.Ф. Носовой. – М.: Прогресс, 1996. – 478 с.
462. *Тоффлер О.* Третья волна. // США: Экономика. Политика. Идеология. – 1982. – № 7. – С. 84 – 100.; – № 8. – С. 83 – 91; – № 9. – С. 78 – 83; – № 10. – С. 99 – 109; – № 11. – С. 90 – 98.
463. Трактат по политической экономии / Ж.-Б. Сэй. Экономические софизмы. Экономические гармонии / Ф. Бастиа. – М.: Дело, 2000. – 232 с.
464. *Трофимов Г.* О режимах долговременного экономического роста // Вопросы экономики. – 2000. – № 11. – С. 27– 46.
465. *Туроу Л.* Будущее капитализма. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – 430 с.
466. *Уайт С., Лайт М., Лоуэнхарт Дж.* Белоруссия, Молдавия, Украина: к Востоку или Западу // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2001. – № 7. – С. 59–68.
467. *Уильямсон О.И.* Сравнение альтернативных подходов к анализу экономической организации // Вестник Ленингр. ун-та, Сер. 5, Экономика. – 1991. – № 3. – С. 50 – 58.
468. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, "отношенческая" контрактация / Пер. с англ. Ю.Е. Благова и др.; Науч. ред. В.С. Каткало– СПб.: Лениздат, 1996. – 702 с.
469. *Урсул А.Д.* Проблема информации в современной науке. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
470. *Усоскин В.М.* Денежный мир М. Фридмена. – М.: Мысль, 1989. – 175 с.
471. *Усоский В.Н.* Генезис и трансформация кредитно-денежных отношений в экономике Беларуси. – Мн.: ЕГУ, 2001. – 352 с.
472. *Устинов И.Н.* Мировая торговля: Статистическо–энциклопедический справочник / И.Н. Устинов. – М.: ЗАО "Экономика", 2002. – 848 с.
473. *Уткин А.И.* Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2001. – 253 с.
474. *Фавро О.* Внутренние и внешние рынки // Вопросы экономики. – 1997. – № 10. – С. 90–103.
475. *Фавро О.* Экономика организаций // Вопросы экономики. – 2000. – № 5. – С. 4–17.
476. Финансовое состояние экономики в 2001 г. // Белорусская экономика: анализ, прогноз, регулирование. – 2002. – № 3. – С. 6.

477. Фактор транзакционных издержек в теории и практике Российских реформ: по материалам Круглого стола / Под ред. В.Л. Тамбовцева. – М.: МГУ, ТЕИС, 1998. – 152 с.
478. *Фельдблюм В.Ш.* К общеэкономической теории через взаимодействие наук. – Ярославль, 1995. – 237 с.
479. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. А.Л. Никифорова; Общ. ред. И.С. Нарского. – М.: Прогресс, 1986. – 545 с.
480. *Франк Р.* Микроэкономика и микроповедение: Учеб. для студентов вузов экон. спец. / Пер. с англ. – М.: Инфра-М., 2000. – 695 с.
481. *Фридмен М.* Уроки финансового кризиса // Независ. газ. – 1998. – 23 окт. – С. 4.
482. *Фридмен М.* Методология экономической науки // THESIS. – 1994. – Т.2. – № 4. – с. 3–28.
483. *Хайек Ф. А.* Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма / Пер. с англ.; Под ред. У.У. Бартли. – М.: Новости, 1992. – 302 с.
484. *Хайек Ф.* Частные деньги / Пер. с англ. – М.: Баком, 1996. – 229 с.
485. *Хайлбронер Р.* Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 41–56.
486. *Харвей Дж.* Современная экономическая теория / Пер. с англ. – М.: ЮНИТИ-Д, 2003. – 703 с.
487. *Харрис Л.* Денежная теория / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 750 с.
488. *Харрод Р., Хансен Э.* Классики кейнсианства: В 2-х т. – М.: Экономика, 1997. – Т. 1. – 414 с.; – Т. 2. – 414 с.
489. *Хейне П.* Экономический образ мышления / Пер. с англ. С.А. Автономова; Под ред. Б. Пинскера. – М.: Новости, 1992. – 702 с.
490. *Херманн П.* Социальная рыночная экономика как форма цивилизации // Вопросы экономики. – 1999. – № 12. – С. 48–55.
491. *Хикс Дж. Р.* Стоимость и капитал / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1993. – 488 с.
492. *Хирочи О.* Российский путь в капитализм и японский путь в посткапитализм. – М.: Восточная литература, 1994. – 150 с.
493. *Ходжсон Дж.* Привычки и правила и экономическое поведение // Вопросы экономики. – 2000. – № 1. – С. 39–56.
494. *Ходжсон Дж.* Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // Вопросы экономики. – 2001. – № 8. – С. 32–45.
495. *Холтон Дж.* Что такое "антинаука?" // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 26–58.
496. *Хубиев К.* "Экономикс": о методолого-теоретическом содержании и возможности синтеза с постэкономической традицией // Российский экономический журнал. – 1999. – № 7. – С. 78–84.

497. *Цвылев Р.И.* Постиндустриальное развитие: уроки для России. – М.: Наука, 1996. – 206 с.
498. *Цвылев Р.И.* Метаморфоза индустриальной экономики: проблема экономических изменений // *Мировая экономика и междунар. отношения.* – 2001. – № 2. – С. 11–19.
499. *Чекмарев В.В.* Экономическое пространство как объект и предмет экономической науки // *Философия хозяйства.* – 2000. – № 3. – С. 59–82.
500. Человеческий потенциал Беларуси: экономические вызовы и социальные ответы / Национальный отчет о человеческом развитии 2003. – Минск: Юнипак, 2003. – 118 с.
501. *Чемберлин Э.* Теория монополистической конкуренции / Пер. с англ. Э.Г. Лейкина. – М.: Экономика, 1996. – 351 с.
502. *Чепиков М.Г.* Интеграция науки (философский очерк). – М.: Мысль, 1975. – 246 с.
503. *Черняк В.С.* История. Логика. Наука. – М.: Наука, 1986. – 372 с.
504. *Чешков М.* Глобальная экономика и новая наука. – М.: Экономика, 1998. – 158 с.
505. *Чешков М.* Взгляд на глобализацию через призму глобалистики // *Мировая экономика и междунар. отношения.* – 2001. – № 2. – С. 52–56.
506. *Чибриков Г.Г.* Взаимодействие финансовой системы и реального производства в современном мире // *Вест. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика.* – 1999. – № 6. – С. 16–23.
507. *Чупров А. И.* История политической экономии. – Новороссийск: 3-е изд. перераб., 1898. – 216 с.
508. *Чупров А. И.* Курс политической экономии. – М.: МиС, 1913. – 352 с.
509. *Шаститко А.Е.* Экономическая теория институтов. – М.: ТЕИС, 1997. – 105 с.
510. *Шаститко А.Е.* Теория фирмы: альтернативные подходы // *Российский экономический журнал.* – 1995. – № 8. – С. 97–104.
511. *Шаститко А.Е.* Условия и результаты формирования институтов // *Вопросы экономики.* – 1997. – № 3. – С. 67–81.
512. *Шаститко А.Е.* Неинституционализм: экономическая теория // *Вест. Моск. ун-та. Сер. 6, Экономика.* – 1997. – № 6. – С. 3–22.
513. *Шаститко А.Е.* Неинституциональная экономическая теория. – М.: ТЕИС, 1998. – 424 с.
514. *Шаститко А.Е.* Модели рационального экономического поведения человека // *Вопросы экономики.* – 1998. – № 5. – С. 53–67.
515. *Шемятенков В.* Альтернативные системы капитализма: (Об одной новой тенденции в западной экономической мысли) // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2003. – № 3. – С. 3–11.
516. *Шерер Ф. М., Росс Д.* Структура отраслевых рынков / Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 698 с.

517. *Шванс Б., Маньян Э.* Постсоциалистические траектории и западный капитализм // *Мировая экономика и междунар. отношения.* – 1999. – № 12. – С. 42–52.
518. *Шемятенков В.Г.* Теории капитала. – М.: Мысль, 1977. – 224 с.
519. *Шимов В.Н.* Экономическое развитие Беларуси на рубеже веков: проблемы, итоги, перспективы. – Мн.: БГЭУ, 2003. – 229 с.
520. *Шмалензи Р.* Реклама и рыночная структура // *Вехи экономической мысли. Теория отраслевых рынков* / Под общ. ред. А.Г. Слуцкого. – СПб.: Экономическая школа, 2003. – Т. 5. – С. 179–212.
521. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1982. – 455 с.
522. *Шумпетер Й.А.* Капитализм, социализм и демократия / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.
523. *Шумпетер Й.А.* История экономического анализа: В 3-х т. / Пер. с англ. В.А. Автономова. – СПб.: Экономическая школа, 2001. – Т. 1. – 495 с.
524. *Щетинин В.* Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // *Мировая экономика и междунар. отношения.* – 2001. – № 12. – С. 42–50.
525. *Эволюционная экономика и "мэйнстрим"* / Редкол.: Л.И. Абалкин и др. – М.: Наука, 2000. – 224 с.
526. *Эволюционный подход и проблемы переходной экономики* / Под ред. Л.И. Абалкина, В.Л. Макарова, Д.С. Львова и др. – М.: Институт экономики РАН, 1995. – 225 с.
527. *Эггертссон Т.* Экономическое поведение и институты / Пер. с англ. – М.: Дело, 2001. – 408 с.
528. *Эклунд К.* Эффективная экономика: шведская модель / Пер. со швед. – М.: Экономика, 1991. – 349 с.
529. *Экономика Беларуси: векторы и факторы развития в условиях международной интеграции* / Круглый стол "перспективы и пути дальнейшего укрепления экономических связей Беларуси, России и Украины", Москва, 10 марта 1999 г. / П. Никитенко, В. Медведев, Г. Лыч и др. – Мн.: Ин-т экономики, 1999. – 37 с.
530. *Экономическая политика и политическая экономия.* – М.: Некоммерческое партнерство "Политэконом", 2000. – 400 с.
531. *Экономическая психология* / Под ред. А.И. Андреевой. – СПб.: Питер, – 2000. – 512 с.
532. *Экономическая теория на пороге XXI века – 2* / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. – М.: Юрист, 1998. – 768 с.
533. *Экономическая теория на пороге XXI века – 4: Финансовая экономика* / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. – М.: Юрист, 2001. – 704 с.
534. *Экономическая теория на пороге XXI века – 5: Неоэкономика* / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. – М.: Юрист, 2001. – 624 с.

535. Экономическая теория на пороге XXI века – 7: Глобальная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Н. Бабурина, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. – М.: Юрист, 2003. – 992 с.
536. Экономическая теория и опыт переходных экономик / Под ред. В. В. Радаева, З. А. Гранберга. – М.: Таурис Альфа, 1997. – 168 с.
537. Экономическое положение России и мировые тенденции на рубеже веков / Отв. ред. А. А. Пороховский. – М.: ИСКРАН, 1996. – 506 с.
538. Экономический образ мышления: реальность и перспективы / Под ред. Г.Н. Соколовой. – Мн.: Навука і тэхніка, 1994. – 222 с.
539. Экономическая энциклопедия: Политическая экономия: В 4 т. / Гл. ред. А.М. Румянцев. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – Т. 1. 560 с.; – 1975. – 560 с.; – 1979. – Т. 3. – 624 с.; – 1980. – Т. 4. – 672 с.
540. Экономический бюллетень "Трансформация". – 1999. – №№ 1–6; – 2000. – №№ 1,2,5; – 2001. – №№ 1,2,6.
541. *Энг М., Лис Ф., Мауер Л.* Мировые финансы. – М., 1998. – с.
542. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг / Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – М.: Политическая литература, 1955. – Т. 20. – С. 5–343.
543. *Энгельс Ф.* К истории первобытной семьи / Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. – М.: Политическая литература, 1955. – Т. 22. – С. 214–225.
544. *Энтов Р., Автономов В.* Р. Солоу и развитие теории экономического роста // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1996. – № 8. – С. 66–70.
545. *Эрнандо де Сото.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит неудачу в других странах / Пер. с исп. – М.: Инфра-Бизнес, 2002. – 265 с.
546. *Эрроу К.* Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 1. – С.53–69.
547. *Эрроу К.* Восприятие риска в психологии и экономической науке // THESIS. – 1994. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 58–69.
548. *Эрроу К.* Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. – 1995. – № 5. – С. 98–108.
549. *Эрхард Л.* Благополучие для всех / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1991. – 332 с.
550. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 297 с.
551. *Якобсон Л.И.* Экономика общественного сектора: основы теории государственных финансов: Учебн. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 319 с.
552. *Яковец Ю.В.* Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М.: Наука, 1999. – 447 с.
553. *Яковлева Г.* Экспериментальная экономика (критический обзор) // Вопросы экономики. – 1995. – № 7. – С. 137–141.
554. *Янченко С.Е.* Промышленный капитализм (политико-экономический очерк). – Мн.: Право и экономика, 2000. – 192 с.

555. Япония: смена модели экономического роста / И.П. Лебедева, С.Б. Маркарьян, И. С. Тихоцкая и др. / Отв. ред. И.П. Лебедева, А.И. Кравцевич. – М.: Наука, 1990 – 318 с.
556. *Alesina A., Ozber S., Roubini N. and Swagel P.* Political Instability and Economic Growth: NBER Working Paper 4173. Cambridge (Mass), September 1992, 49 P. // *Journal of Economic Growth*. – 1996, June. – Vol. 1. – No. 2. – P. 189–212.
557. *Becker G.* The Economic Approach to Human Behaviour. – Chicago, 1978. – 320 p.
558. *Becker G.* A Treatise on the Family. Cambridge (Mass), 1981. – 288 p.
559. Beyond Positive Economics? Proceedings of Section F (Economics) of the British Association the Advancement of Science // Ed. by J. Wiseman. - New York, 1981 – 217 p.
560. *Blaug M.* Advancement of Science. – New York, 1981.
561. *Blaug M.* Kuhn versus Lakatos or Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics // *Method and Appraisal in Economics* / Ed. by S. Latsis. - Cambridge, 1976. – P. 233-264.
562. *Blaug M.* The methodology of economics. – Cambridge (Mass), 1992. – 314 p.
563. *Brown V.* Decanonizing discourses: Textual analysis and the history of economic thought // *Economics and language*. – 1993. – P. 64–84.
564. *Buchanan J. M.* Constitutional Economics. The New Palgrave: A Dictionary of Economics // Ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. – 1987. – Vol. 1. – P. 134-142.
565. *Coleman J. S.* Foundations of Social Theory. – Cambridge, 1990. – 993 p.
566. *Collingwood R. G.* Economics as a Philosophical Science. "Ethics". — *Unknowledge and Choice in Economics* / Ed. by S. F. Frowin. – Basingtoke, 1990. – 219 p.
567. *Davis L., North D.* Institutional Change and American Economic Growth. – Cambridge, 1971. – 283 p.
568. *Denzau A., Nort D.* Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // *Kyklos*. – 1994. – Vol. 47. – P. 3-31.
569. *Dimock M. T.* The New American Political Economy. – New York, 1962. – 306 p.
570. *Eggertson T.* Economic Behavior and Institutions. – Cambridge, 1990. – 404 p.
571. *Eichner A. Ed.* Why Economics Is not Yet a Science. – N.Y., 1983. – 215 p.
572. *Why Economics Is Not Yet a Science* / Ed. by Eichner, A. – New York, 1983. – 249 p.
573. *Ekins P.* The Living Economy. A New Economics in the Making. – New York, 1986. – 398 p.
574. *Fourastié J.* Le grand espoir du 20ème siècle. – Paris, 1958. – 450 p.

575. *Friedman M.* The methodology of positive economics // Essays in positive economics. – Chicago, 1953. – P. 3-43.
576. *Furubotn E. G., Richter R.* The New Institutional Economics: An Assessment // Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics / Ed. By E. G. Furubotn, R. Richter. – 1991. - 506 p.
577. *Galbraith J. C.* Economic in the Century Ahead // Economics Journal. – Vol. 101, Issue 404, January. – 1991. – P. 41–46.
578. *Hamilton U.* Institution // Encyclopedia of the social sciences. – Vol. 8. – N. Y., 1932. – P. 84-89.
579. *Heilbroner R.* Economics as Ideology // Economics as Discourse: An Analysis of the Language of Economists / Ed. by W. Samuels. – Boston, 1990. – P. 24–35.
580. *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J.* Global Transformations: Politics, Economics and Culture. – Cambridge, 1999. – 540 p.
581. *Hicks J.* The Scope and Status of Welfare Economics. – Oxford Economic Papers, 1975. – P. 27–32.
582. *Journal of Post Keynesian Economics.* – 1984. – Vol. 6. – P. 485.
583. *Klein L. R.* The Keynesian Revolution. – Basingstoke, 1980. – 303 p.
584. *Knight F. H.* On the History and Methods of Economics. – Chicago, 1956. – 308 p.
585. *Koslowski P.* The Categorical and Ontological Presuppositions of Austrian and Neoclassical Economics / General Equilibrium or Market Process: Neoclassical and Austrian Theories of Economics / Ed. by A. Bosch, Tübingen. – 1990. – P. 1–20.
586. *Kornai J.* Resource-Constrained Versus Demand-Constrained Systems // *Econometrica.* – 1979. – Vol. 47. – № 4. – P. 801–820.
587. *Krueger A.O.* The Political Economy of the Rent-Seeking Society // *American Economic Review.* – 1974. – Vol. 64. – № 3. – P. 291–303.
588. *Leijonhufvud A.* Schools, "Revolutions" and Research Programmes in Economic Theory // Method and Appraisal in Economics / Ed by S. Latsis. – Cambridge, 1976. – P. 291-345.
589. *Lewis W.* The Theory of Economic Growth. – New York, 1959. – 456 p. (2003 Edition, London).
590. *Lucas R. E.* Methods and Problems in Business Cycle Theory// *Journal of Money, Credit and Banking.* – 1980. – Vol. 12. – P. 696-715.
591. *Lucas R. E.* On the Mechanism of Economic Development // *Journal of Monetary Economics.* – 1988. – Vol. 22. – P. 3–42.
592. *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. – Warszawa, 1982. – 178 p.
593. *Naisbitt J.* Megatrends 2000: Ten New Directions for the 1990's. – New York, 1982. – 417 p.
594. *McCloskey D.* Knowledge and Persuasion Economics. – Cambridge, 1994. – 455 p.

595. *McCloskey D.* The Rhetoric of Economics. – Madison, 1985. – 235 p.
596. *Miles M. M.* Beyond Monetarism: Finding the Road to Stable Money. – New York, 1986. – 270 p.
597. *Myrdal G.* Asian Drama: An Inguiri into the Poverty of Nations. – N. Y., 1968. – P. 18.
598. *Myrdal G.* The political element in the development of economic theory. – Cambridge, 1954. – 384 p.
599. *Nelson R., Winter S.* An evolutionary theory of economic change. – Cambridge, 1982. – 438 p.
600. *Niskanen W.A.* The Peculiar Economics of Bureaucratyc // American Economic Review. – 1968. – Vol. 30. – № 2. – P. 293–305.
601. *Nort D.C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge, 1990. – 159 p.
602. *North D.C.* Structure and Change Economic History. – New York, 1981. – 229 p.
603. *Ohmae K.* The Borderless World: Power in the Interlinked Economy. – Cambridge, 1990. – 223 p.
604. *Olson M.* The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. – Cambridge. 1965. – 179 p.
605. Organization theory. From Chester Barnard to the Present and Beyond / Ed. by O. E. Williamson. – New York. 1990. – 214 p.
606. *Psacharopoulos G.* Returns to Education: an International Comparison. – San Francisco. 1973. – 216 p.
607. *Robinson J.* Economic Philosophy. – N. Y, 1964. – 140 p.
608. *Romer P.* Increasing Returns and Long-Run Growth // Journal of Political Economy. – 1986. – Vol. 94, Issue 5. – P. 1002-1037.
609. *Russell B.* The Scientific Outlook. – London, 1931. – 285 p.
610. *Schumpeter J. A.* History of Economic Analysis. – London, 1954. – 1260 p.
611. *Scott W. R.* Adam Smith as Student and Professor. – Glasgow, 1937. 156 p.
612. *Scully G. W.* The Institutional Framework and Economic Development // Journal of Political Economy. – June 1988. – Vol. 96, Issue 4. – P. 652-662.
613. *Simon H.* Rationality as Process and as Product of Thought // American Economic Review. – May 1978. – Vol. 68, No.2. – P. 1-16.
614. *Shackle G. L. S.* The Years of High Theory. – Cambridge, 1967. – 336 p.
615. *Solow R.* Technical Change and the Aggregate Production Function // Review of Economics and Statistics. – August 1957. – Vol. 39, No.3. – P. 312-320.
616. *Sztompka P.* Human Agency: the Marxian Tradition and Beyond // The Polish Sociological Bulletin, 1989. – № 1. – P. 6–25.
617. Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics // Ed. By E. G. Furubotn, R. Richter. – 1991. – 506 P.
618. *Tullock G.* Economics and Sociobiology: A Comment // J. Lit. 1977. – Vol. 15. – P. 502–506.
619. *Thurow L.* The Future of Capitalism. – New York, 1996. – 385 P.

620. *Tobin J.* Are New Classical Models Plausible Enough to Guide Policy? // *Journal of Money, Credit and Banking*. – 1980. – Vol. 12, Issue 4. – P. 788-799.
621. *Tobin J.* The Monetary Interpretation of History: A Review Article // *American Economic Review*. – June 1965. – Vol. 55, No.3. – P. 464-485.
622. Transition Report – 2001 / European Bank for Reconstruction and Development / London: European Bank for Reconstruction and Development, 2001. – 2001.
623. *Trivers R. L.* The Evolution of Reciprocal Altruism // *Quart. Rev. Biol.* – 1971. – Vol. 46. – P. 35–57.
624. *Vorzimmer P.* Charles Darwin: The Years of Controversy, the Origin of Species and Its Critics, 1859-1882. – Philadelphia, 1970. – 300 p.
625. *Walras L.* Elements d'economie politique pure: ou, Théorie de la richesse sociale. – Losane, 1900. – 491 p.
626. *Wilson E. O.* Sociobiology: The New Synthesis. – Cambridge, 1975. – 697 p.
627. *Wallis J.J., Nort D.C.* Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870-1970 // Long-Term Factor in American Economic Growth / L. Dawis, Wallis J.J. Nort D.C. et al.; Ed. by S.L. Engerman, R.E. Gallman. – Chicago: University of Chicago Press, 1986. – P. 95–161.
628. *Winiecki J.* Political Economy of Reform and Change. A Case of Eastern Europe. – Commack: Nova Science Publishers, 1997. – 230 p.

Исходные базовые категории и модели

Антинаука – понятие для характеристики активного процесса и результата, противоположных научной деятельности. Целенаправленное или неявное заблуждение, искажение реальности, основывающееся на внешней схожести с научной процедурой и алгоритмом исследования.

Вторая экономическая революция – радикальное изменение ресурсообеспеченности населения, основанное на эластичном предложении новых знаний, использовании капиталоемких технологий и соответствующих им форм экономической организации.

Геоэкономика – 1) слияние политики и экономики в сфере международных отношений; 2) географическая локализация определенных сфер экономической деятельности в контексте нового типа мирового разделения труда, связанного с формированием системы глобального управления.

Дезингрессия – процесс обособления или расчленения целого на самостоятельные функционирующие части, не разрушающих целое.

"Дефект знания" – мозаичное представление о реальной хозяйственной системе, получаемое в результате механического "сложения" частных отдельных теорий.

Единица анализа – исходная базовая категория, фиксирующая в обобщенном виде начало исследовательской процедуры.

Идеология экономическая – это набор аксиоматических установок, встроенных в теоретические и модельные конструкции, позволяющих людям в той или иной степени объективности не только отразить социально-экономическую картину мира, его организацию, порядок, но и вычленив ряд норм и правил, регламентирующих поведение в своей хозяйственной деятельности.

Ингрессия – (вхождение) логический метод или практическая форма, объединяющая два не связанных между собой явления, понятия.

Институт – ряд правил, которые выполняют функцию ограничений поведения экономических агентов и упорядочивают взаимодействие между ними, а также соответствующие механизмы контроля за соблюдением данных правил.

Институциональное равновесие – ситуация, в которой при данном соотношении сил игроков и при данном наборе контрактных отношений, образующих экономический обмен, ни один из игроков не считает для себя выгодным тратить ресурсы на изменение соглашений.

Институционализация – такие изменения, в результате которых происходит "выравнивание" разнородных норм и правил, опосредующих поведение экономических агентов, социальных групп, классов, и установление доминирующей стратегии, вырабатываемой в процессе совместных действий.

Институциональное планирование – категория для отражения процедуры предвидения, проектирования, формирования и контроля различных институтов, отражающих целостные свойства той или иной страны, региона.

Институциональная матрица представляет собой устойчивую систему однозначно взаимоувязанных системообразующих экономических, политических и пр. институтов, которые придают экономике и обществу органически целостное состояние и тенденцию к развитию.

Институциональный капитал – накопленный и сохраненный в процессе общественного развития страны (или мира) такой набор взаимосвязанных между собой институтов (формальных и неформальных), которые обеспечивают условия для оптимального и эффективного развития и экономического роста.

Институциональный мультипликатор – категория, отражающая темп изменения институтов к изменению потенциала и результатов экономического развития. Он < 1 , поскольку институциональные изменения не являются самоцелью и предполагают конечный результат, фиксируемый развитием с большей положительной величиной.

Интерпретативная рациональность – прокомментированная и объясненная специалистом неизвестная проблема, волнующая человека, принятая последним в качестве верной истины.

Исследовательская программа – заранее оговоренная процедура или алгоритм познания реальной хозяйственной действительности, признаваемая определенной корпорацией ученых, школой, течением.

Каталлактика – наука об обмене, рынке.

Методологический индивидуализм – аналитический прием, использующийся в современной экономической теории, определяющий экономических агентов как рациональных, автономных и равноправных индивидов.

Мир-экономика – это словесный символ для обозначения целостного и устойчивого состояния мирохозяйственной системы, объединенная в реальной жизни различными сетями.

Норма доверия – основанное на опыте отношение вероятности выигрыша к вероятности проигрыша или обмана.

Общественный капитал – понятие, фиксирующее определенную иерархию взаимосвязей отдельных капиталов, пронизывающих всю остальную его структуру социально-экономической системы.

Первая экономическая революция – радикальное изменение ресурсобеспеченности населения вследствие формирования исключительных прав собственности.

Политическая рента – доход, получаемый инициаторами институциональных изменений от трансформации институтов.

Переходные институты – это те институты, которые с одинаковой степенью эффективности и "живучести" могут существовать в разные исторические периоды, отражая ценности этих эпох.

Плотность экономического поля – отражает степень активности экономических агентов, обусловленное отсутствием (наличием) соответствующей институциональной среды.

Праксиология – наука о всеобщей человеческой деятельности.

Рентоориентированность – норма поведения хозяйствующего субъекта, ориентированная на извлечение дохода в форме ренты без предоставления другим экономическим агентам материальных благ и услуг.

Селекционное равновесие – ситуация определенного динамического процесса по расширению рентабельных и сокращению фирм нерентабельных. Отличие от равновесия неоклассики в том, что оно *характеризует весь сложный процесс поиска, отбора конкурентных преимуществ* фирмы со всем механизмом их обеспечения и реализации.

Социальный капитал создается преемственностью традиций, взаимной поддержкой и взаимного доверия различных социальных слоев и классов, их общими целями и интересами.

Системный гистерезис означает отставание во времени в силу утраты из-за системных институциональных трансформаций научно-производственного и технико-экономического потенциала со всеми вытекающими последствиями.

Паранаука – отклонение в определенном аспекте под влиянием различных условий, интересов, состояний от общепринятых в научной корпорации традиций научно-исследовательской деятельности.

Псевдонаука – сфера идеальной человеческой деятельности, имитирующей прирост знания околонучными атрибутами, мнимыми результатами.

Гетеронаука – направление или школа экономической науки, отличающееся от устойчивого и общепринятого исследовательского направления.

Теоретическая экономика – это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы, выработка оптимальных хозяйственных "порядков", определение норм, принципов и форм координации взаимоотношения людей, социальных групп, классов, реализующих в процессе своей деятельности определенные цели и интересы.

Теоретический опыт – переосмысленная хозяйственная практика через призму доминирующей теории, влияющей на имеющуюся реальность.

Холизм – целостный подход к изучаемому явлению; объяснение поведения и интересов индивидов через характеристики существующих институтов, которые предопределяют параметры деятельности.

Хрематистика – учение об умении наживать состояние в форме денег.

Эволюционные институциональные изменения – периферийные изменения в формальных и/или неформальных правилах, обуславливающие постепенные изменения во всей институциональной системе.

Экономика – наука о законах хозяйствования с целью жизнедеятельности человека.

Экономическое развитие – это такая комбинация интеллектуальных, ресурсных и институциональных изменений системы, которые создают условия для накопления кумулятивного потенциала, способного осваивать совершенные технологии, создавать новые виды продукта, осваивать иные рынки сбыта, увеличивая реальный продукт для потребления, обеспечивая благоприятные условия для жизнедеятельности человека, продолжительности его жизни.

Модели экономического равновесия

Вальрасовская модель общего равновесия

Экономическая система Л. Вальраса состоит из домашних хозяйств, которые являются исключительно потребительскими единицами, и фирм, производящих предметы потребления.

Все домашние хозяйства выступают как собственники определенных капиталов, в классификации которых Вальрас придерживался традиционного выделения трех факторов производства. По характеру использования услуги капиталов делятся на услуги потребительского и производственного назначения. Каждый собственник капиталов решает, сколько производительных услуг он предложит на рынке, и сколько использует сам. Максимум полезности достигается им тогда, когда соотношение предельных полезностей производительных услуг равно соотношению их цен.

Цены производительных услуг определяют доходы домашних хозяйств и, соответственно, то количество предметов потребления, которое можно купить за эти средства. При повышении цен производительных услуг растет их предложение, что вместе с тем означает увеличение спроса на потребительские товары, и наоборот. Покупая предметы потребления, домашнее хозяйство достигает максимума полезности также при равенстве соотношения цен и соотношения предельных полезностей приобретаемых товаров.

Исходя из этого, Вальрас получает две группы уравнений – (1) и (2). Первая группа выражает величину спроса на потребительские товары как функцию *всех* цен (цен предметов потребления и цен производительных услуг); вторая показывает, что величина предложения производительных услуг также является функцией *всех* цен (цен производительных услуг и цен предметов потребления):

$$x_i = f(p_i, v_j), \quad i = 1, \dots, n, \quad j = 1, \dots, m, \quad (1)$$

$$y_j = f(v_j, p_i), \quad j = 1, \dots, m, \quad i = 1, \dots, n, \quad (2)$$

где x_i – величина спроса на i -й потребительский товар; p_i – цена i -го потребительского товара; v_j – цена j -й производительной услуги; y_j – величина предложения j -й производительной услуги.

Фирмы, согласно Вальрасу, действуют в условиях совершенной конкуренции. При этом технологические коэффициенты, показывающие, сколько производительных услуг разного рода необходимо затратить при производстве единицы определенного товара, предполагаются постоянными. Это означает, что технология производства задана, и, таким образом, фирма не нуждается в поисках оптимального сочетания факторов производства, чтобы минимизировать свои издержки. В состоянии равновесия фирма не получает ни прибыли, ни убытков, поскольку цены равны производственным издержкам. По-

стоянным источником доходов владельцев фирм может быть лишь вознаграждение за услуги, которые их собственные “капиталы” предоставляют производству.

На этой основе Вальрас строит третью группу уравнений, которые с помощью технологических коэффициентов выражают цены готовой продукции в ценах потребленных производительных услуг:

$$p_i = \sum_{j=1}^n \sum_{i=1}^m a_{ij} v_j, \quad (3)$$

где a_{ij} – технологический коэффициент, показывающий, сколько производительных услуг j -го рода необходимо затратить на производство одной единицы товара i .

Если предположить, что технологические коэффициенты постоянны, то производственные ресурсы будут использоваться полностью. Поскольку количество предлагаемых на рынке производительных услуг изменяется вместе с их ценами, то производительные услуги, которые домашние хозяйства не продадут, могут быть потреблены непосредственно ими самими. Если же предположить (как это делается в других моделях общего экономического равновесия), что количество производственных ресурсов задано, то их полное использование потребует переменных технологических коэффициентов, подразумевающих возможность замещения производительных услуг.

Тем самым, четвертая группа уравнений Вальраса показывает равенство между совокупным количеством производительных услуг, проданных на рынке, и количеством потребленных в процессе производства отдельных предметов потребления:

$$y_j = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m a_{ij} x_i. \quad (4)$$

Таким образом, в системе уравнений (1)-(4) неизвестными являются: цены и количества потребительских товаров ($2n$), а также цены и количества производительных услуг ($2m$).

Учитывая то, что на поведение экономических субъектов влияют только *относительные цены*, Л. Вальрас выбрал один товар в качестве счетной единицы и выразил цены всех других товаров относительно цены данного товара (равной единице). По этой причине в системе уравнений стало на одну переменную меньше ($2n + 2m - 1$).

В результате Вальрас получил на одно уравнение больше ($2n + 2m$), чем число неизвестных. На первый взгляд в таком случае систему решить невозможно. Однако мы можем исключить одно уравнение, исходя из так называемого закона Вальраса. Согласно этому закону, при условии, что все рынки, за исключением одного, находятся в состоянии равновесия, в таком состоянии должен находиться и последний рынок, то есть и на нем спрос должен быть

равен предложению. Уравнение равновесия этого рынка излишне, поскольку оно не является независимым, а выводится из всех других уравнений. При его исключении получается такое же число уравнений, как и неизвестных.

В равенстве числа уравнений и неизвестных Л. Вальрас видел достаточное условие математического решения проблемы общего равновесия. Но это условие он понимал *не в том смысле, что для любого количества уравнений можно найти числовое решение*. В соблюдении этого условия он видел лишь математическое доказательство того, что рассуждения об условиях равновесия правильны и раскрывают экономическую логику всей системы, переменные величины которой связаны отношениями функциональной зависимости.

Модель общего равновесия Дж. Хикса и П. Самуэльсона

Вальрасовский анализ рынка производительных услуг и рынка потребительских товаров был значительно усовершенствован Дж. Хиксом и П. Самуэльсоном. Они независимо друг от друга пришли к схожим выводам об условиях равновесия потребителей и производителей. Введя в модель общего экономического равновесия дополнительные переменные, они смогли показать, что потребители, максимизирующие полезность в рамках своих бюджетных ограничений, и производители, максимизирующие прибыль, в условиях совершенной конкуренции в итоге достигают результата, являющегося эффективным по Парето.

Модель общего равновесия Ж. Дебре и К. Эрроу

К. Эрроу и Ж. Дебре перестроили систему Вальраса, включив в нее выпуклое множество производственных возможностей вместо технологий, заданных фиксированными коэффициентами, а функцию полезности заменили системой предпочтений. При этом они рассматривали две модели: будущее известно достоверно и будущее неопределенно. Ситуация неопределенности трактуется ими формально тем же самым образом, как и случай с известным будущим. Основная гипотеза состоит в том, что товар зависит от события, с которым он связан. Каждому товару, имеющемуся в данный момент времени и в данном месте, соответствует столько товаров, сколько имеется возможных событий. Модель исходит из конечного числа возможных событий и, следовательно, конечного числа товаров. Каждый товар имеет рынок и цену, общую для всех субъектов. Предполагаемая выпуклость пространства выбора имеет своим следствием то, что различные потребители не приемлют риск.

Проблема существования равновесия формулируется следующим образом: существует ли такой вектор неотрицательных цен (каждому рынку должна соответствовать одна, и только одна, цена), что в случае, когда производители и потребители максимизируют значения своих целевых функций при заданных ценах, соотношение между спросом и предложением, которые сформируются на указанных рынках в результате оптимального поведения участников, определит вектор цен, равный исходному? Тем самым, доказательство

существования конкурентного равновесия предполагало отыскание такого вектора цен, который при условии потребительских предпочтений и технологии сможет зафиксировать равновесную ситуацию.

С математической точки зрения доказательство было основано на использовании теории множеств и взятой из топологии концепции неподвижной точки. Новые аналитические методы позволили не только доказать существование равновесия, но и показать, что оно единственно. Кроме того, Эрроу и Дебре смогли доказать, что конкурентное равновесие обеспечивает эффективное по Парето распределение ресурсов: любое иное распределение повлекло бы за собой ухудшение положения, по крайней мере, одного субъекта экономики.

Модель общего равновесия М. Алле

Оригинальную модель общего экономического равновесия в начале 1970-х гг. предложил М. Алле. Отличительной чертой его модели является то, что рыночные сделки в ней (в отличие от модели Л. Вальраса) осуществляются *до* достижения состояния общего равновесия. При этом цены, по которым заключаются эти сделки, являются *особыми* для каждой обменной операции.

Ни одна из сделок, в общем, не приводит экономику в состояние общего равновесия, *но каждая из них приближает к нему*. Если структура экономической системы остается неизменной, то экономика через некоторое время неизбежно придет в состояние равновесия (которое также является состоянием максимальной эффективности для *данной* структуры экономики или, по крайней мере, очень близким к нему). Общее экономическое равновесие будет достигнуто тогда, когда все возможности для заключения взаимовыгодных сделок на рынке будут исчерпаны.

Алле подчеркивает, что разные экономические системы отличаются друг от друга лишь теми способами, которые используют экономические субъекты для максимизации чистого выигрыша (прибыли или полезности). А эти способы, в свою очередь, зависят от институциональных рамок экономики, определяющих структуру стимулов.

Следовательно, для того чтобы достичь общего экономического равновесия и при этом максимально возможной эффективности в экономике должны быть созданы *соответствующие рыночные институты*. В противном случае установится экономическое равновесие, не позволяющее достичь эффективности размещения ресурсов в соответствии с неоклассической аргументацией.

Институциональное равновесие

Институты определяют величину трансакционных издержек, технологии определяют величину трансформационных издержек (неоклассических произ-

водственных издержек. Таким образом, институты выступают в качестве дополнительных ограничений (или возможностей) для человеческого поведения. При данных относительных выгодах и издержках состояние *институционального равновесия* означает, что субъектам экономики невыгодно осуществление институциональных изменений. Следовательно, институциональное равновесие в отличие от неоклассического общего экономического равновесия по своему характеру является неэффективным по Парето и по Нэшу. Институциональное равновесие является уникальным для каждого общества. Наиболее значимыми факторами, определяющими содержание институционального равновесия, являются: ресурсно-технологические, исторические, демографические, макроэкономические, социальные, религиозные, идеологические, а также случайные и внешние.

Изменение этих факторов может приводить к степени затруднений трансакций на рынке. Результатом этого могут стать институциональные изменения и движение экономической системы в сторону нового институционального равновесия. Данный процесс происходит дискретно по мере накопления изменений.

Категория институционального равновесия позволяет *расширить и интегрировать* экономическое исследование, поскольку фиксирует шесть уровней экономической системы: глобальный, институциональный, политико-экономический, национальный, макроэкономический, микроэкономический, внутрифирменный, организационный. Таким образом, имеющиеся неоклассическая и кейнсианско/неокейнсианская экономические теории представляют всего лишь частный случай *институциональной теории*.

Такой общий подход к социально-экономическим системам (мировой и национальной) позволяет в расширенном диапазоне увидеть *ряд новых проблем*, а, следовательно, и получить новые возможности их разрешения.

Политико-экономическое равновесие

Баланс интересов института государства, власти и основных с производительной точки зрения классов, социальных групп, элит. Основной критерий – накопление потенциала к развитию.

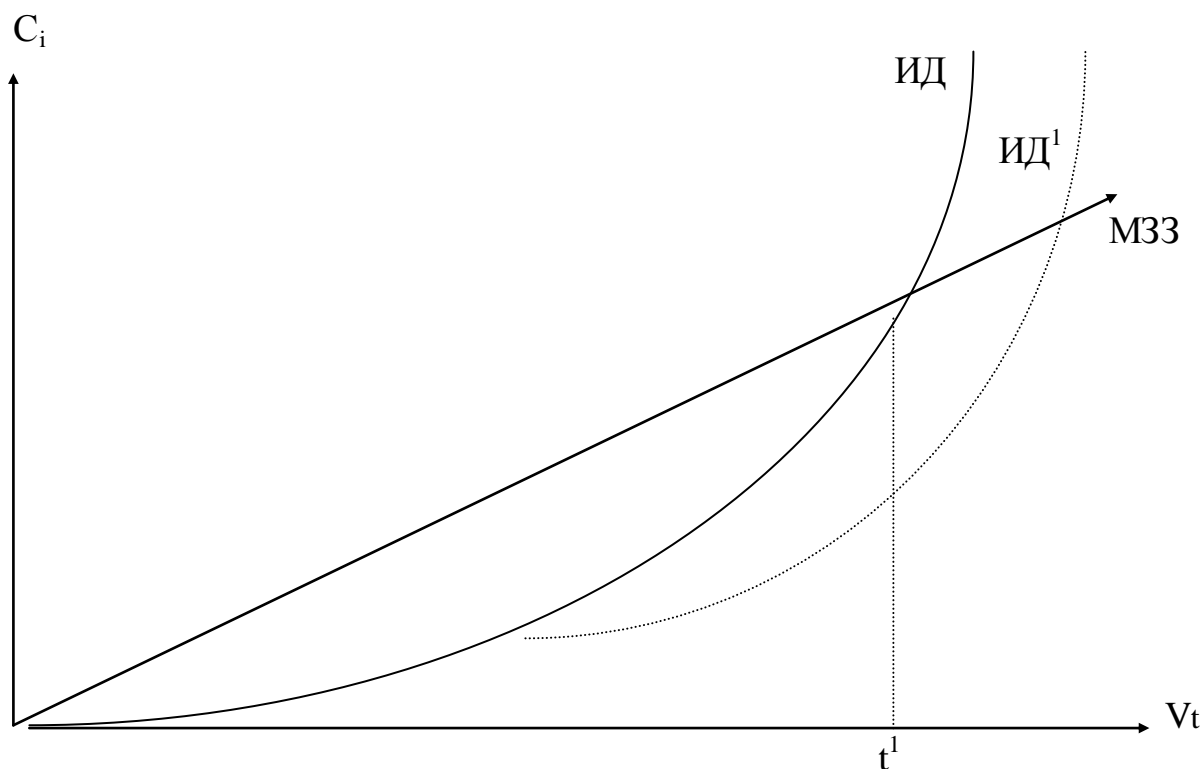

Рис. П. 1.1 Информационный парадокс в условиях "дефекта знания"

Специфика когнитивного ресурса определяется избранной парадигмой, которая осваивает и перерабатывает количество информации, придавая последней качественный смысл и значимость. Производство информации как и всякого ресурса сопровождается издержками (C_i). Но любая познавательная парадигма имеет определенный период освоения мирового запаса знания (МЗЗ), после которого (t_1) нарастает информационный "шум", а издержки по поиску необходимой информации значительно увеличиваются (ИД). Разрешение данного парадокса возможно лишь за счет смены научной и образовательной парадигмы (ИД¹), которая позволяет освоить значительно больший объем накопленного мирового запаса знаний, придав последнему целевого назначение и смысл. В рамках же отсутствия или использования одной заданной парадигмальной основы (ИД) количественное наращивание усилий по поиску необходимой информации ведет лишь к увеличению издержек и интеллектуальным заблуждениям в виде "рассеянного" знания.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица П.2.1

Мировое производство и макроэкономические показатели, население мира, мировое производство и ВВП на душу населения, 1980 – 2000 гг.

	Темпы прироста ВВП (в % к предыдущему году), на основе ППС)			Темпы прироста населения (в % к предыдущему году)			Численность населения (млн. чел)			ВВП на душу населения (на основе ППС 2000 г. в \$)		
	1981 1990	1991 1995	1996 2000	1981 1990	1991 1995	1996 2000	1980	1995	2000	1980	1995	2000
Все страны	3.1	3.3	3.7	1.7	1.4	1.3	4384	5674	6070	6200	7400	8100
Развитые страны	2.8	1.7	3.3	0.6	0.3	0.2	756	800	853	20000	24800	29000
В том числе:												
США	2.9	2.0	4.0	1.0	0.5	1.0	230	270	285	25500	34142	36100
Европейский союз	2.3	1.3	2.6	0.3	0.2	0.1	355	369	372	17400	22998	23063
Япония	4.0	1.7	1.0	0.6	0.1	0.2	117	125	127	18000	26755	27642
Страны с переходной экономикой	2.0	-6.4	2.6	0.7	0.1	0.0	378	411	410	13400	11300	9800
Развивающиеся страны	3.8	5.8	4.8	2.1	1.8	1.7	3250	4438	4750	2200	3200	3800
По регионам:												
Латинская Америка	1.3	3.0	2.9	2.0	1.7	1.6	354	481	520	6800	6500	7000
Африка	2.0	2.1	3.2	2.9	2.7	2.4	455	707	792	3247 ¹	3213 ²	–
Западная Азия	-0.6	2.6		3.4	2.6	2.2	137	172	192	6232 ¹	3432 ²	–
Южная и Восточная Азия	5.8	5.9		2.2	1.8	1.6	362	481	520	1796 ¹	510 ²	–
Китай	9.1	11.6	7.9	1.5	1.1	0.9	999	1219	1275	700	2224	3900
Для справки:												
Страны Африки к югу от Сахары	0.5	2.6		3.0	2.9	1.6	262	577	653	1200	1000	900
Наименее развитые страны	2.4	3.5		2.6	2.5	2.4	379	450	488	280 ¹	255 ²	–

Источники: International Monetary Fund, Word Economic Outlook; United Nations Population Division; Доклад о развитии человека за 2002 г; Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // МЭиМО. – 2001. – №9. – С. 190-114.

¹ – данные на основе обменных курсов.

² – данные за 1996 г.

Таблица П. 2.2

Ежегодный прирост ВВП (в процентах к предыдущему году)

Регион / Группа стран	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Развитые страны	3.5	2.7	3.4	3.9	1.0	1.8	1.8	2.9
Развивающиеся страны	5.9	3.5	3.9	5.7	4.1	4.6	5.0	5.6
Европейский союз	2.6	3.0	2.8	3.6	1.7	1.1	0.8	2.0
Ведущие промышленно развитые страны	3.2	2.8	3.0	3.5	0.8	1.6	1.8	2.8
Другие развитые страны	4.3	2.2	5.0	5.3	1.6	2.7	1.7	3.0

Источник: International Monetary Fund, Word Economic Outlook.

Таблица П.2.3

**Развитые страны: темпы прироста реального ВВП, 1997–2004 гг.
(в процентах к предыдущему году)**

Страны	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Все развитые страны	3.5	2.7	3.4	3.9	1.0	1.8	1.8	2.9
Ведущие промышленно развитые страны	3.2	2.8	3.0	3.5	0.8	1.6	1.8	2.8
Канада	4.2	4.1	5.5	5.3	1.9	3.3	1.9	3.0
Франция	1.9	3.6	3.2	4.2	2.1	1.2	0.5	2.0
Германия	1.4	2.0	2.0	2.9	0.8	0.2	-0.0	1.5
Италия	2.0	1.8	1.7	3.1	1.8	0.4	0.4	1.7
Япония	1.9	-1.1	0.2	2.8	0.4	0.2	2.0	1.4
Соединенное королевство Великобритания	3.4	2.9	2.4	3.1	2.1	1.9	1.7	2.4
США	4.4	4.3	4.1	3.8	0.3	2.4	2.6	3.9
Прочие промышленно развитые страны	4.3	2.2	5.0	5.3	1.6	2.7	1.7	3.0
Западная Европа								
Европейский союз	2.6	3.0	2.8	3.6	1.7	1.1	0.8	2.0

Источник: International Monetary Fund, Word Economic Outlook.

Таблица П.2.4

**Развивающиеся страны: темпы прироста реального ВВП, 1997–2003 гг.
(в процентах к предыдущему году)**

Страны	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Все развивающиеся страны	5.9	3.5	3.9	5.7	4.1	4.6	5.0	5.6
По регионам:								
Латинская Америка								
Африка	3.0	3.2	2.7	3.0	3.7	3.1	3.7	4.8
Западная Азия								
Южная и Восточная Азия								
Китай	8.8	7.8	7.1	8.0	7.5	8.0	7.5	7.5

Источник: International Monetary Fund, Word Economic Outlook.

Данные, основанные на исследованиях International Monetary Fund, International Financial Statistics могут отличаться от данных Word Economic Outlook.

Таблица П.2.5

**Страны с переходной экономикой: темпы прироста реального ВВП, 1997–2004 гг.
(в процентах к предыдущему году)**

Страны	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Страны с переходной экономикой	1.9	-0.9	4.1	7.1	5.1	4.2	4.9	4.7
Центральная Европа	2.5	2.5	2.3	3.9	3.1	3.0	3.4	4.1
Албания	-10.5	12.7	8.9	7.7	6.8	4.7	6.0	6.0
Болгария	-5.6	4.0	2.3	5.4	4.1	4.8	5.0	5.5
Бывшая Чехословакия								
Чешская Республика	-0.8	-1.0	0.5	3.3	3.1	2.0	1.7	2.6
Словакия	5.6	4.0	1.3	2.2	3.3	4.4	4.0	4.0
Венгрия	4.6	4.9	4.2	5.2	3.8	3.3	3.0	3.5
Польша	6.8	4.8	4.1	4.0	1.0	1.4	2.9	4.1
Румыния	-6.1	-4.8	-1.2	2.1	5.7	4.9	4.7	5.0
Югославия								
Хорватия	6.8	2.5	-0.9	2.9	3.8	5.2	4.6	4.5
Словения	4.6	3.8	5.2	4.6	2.9	3.2	2.2	3.0
Балтийские государства								
СССР								
СНГ	1.4	-3.2	5.2	9.1	6.4	4.9	5.8	5.0
Армения	3.3	7.3	3.3	6.0	9.6	12.9	7.0	6.0
Азербайджан	5.8	10.0	7.4	11.1	9.9	10.6	9.2	9.1
Беларусь	11.4	8.4	3.4	5.8	4.7	4.7	4.0	3.2
Казахстан	1.6	-1.9	2.7	9.8	13.5	9.5	9.0	8.0
Российская Федерация	1.4	-5.3	6.3	10.0	5.0	4.3	6.0	5.0
Украина	-3.0	-1.9	-0.2	5.9	9.2	4.8	5.3	4.8
Узбекистан	2.5	2.1	3.4	3.3	4.1	3.2	0.3	2.5

Источник: International Monetary Fund, Word Economic Outlook.

Данные, основанные на исследованиях International Monetary Fund, International Financial Statistics могут отличаться от данных Word Economic Outlook.

Таблица П.2.6

**Развитые страны: темпы прироста реального ВВП, 1997 – 2003 гг.
(в процентах к предыдущему году)**

Страна	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Канада	4.2	4.1	5.5	5.3	1.9	3.3	1.9	3.0
Франция	1.9	3.6	3.2	4.2	2.1	1.2	0.5	2.0
Германия	1.4	2.0	2.0	2.9	0.8	0.2	-0.0	1.5
Италия	2.0	1.8	1.7	3.1	1.8	0.4	0.4	1.7
Япония	1.9	-1.1	0.2	2.8	0.4	0.2	2.0	1.4
Соединенное Королевство	3.4	2.9	2.4	3.1	2.1	1.9	1.7	2.4
Соединенные Штаты	4.4	4.3	4.1	3.8	0.3	2.4	2.6	3.9

Все страны	4.2	2.8	3.6	4.8	2.4	3.0	3.2	4.1
------------	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----

Источник: International Monetary Fund, Word Economic Outlook.

Таблица П.2.7

Основные макроэкономические показатели развитых стран

	США			Япония			Еврозона		
	1999 г.	2000г.	2001г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
ВВП	4.2	5.0	1.3	0.8	1.7	0.5	2.5	3.4	2.4
Валовые капиталовложения	9.2	9.6	-1.3	-0.9	1.3	-1.9	5.2	4.7	3.6
Промышленное производство	4.1	5.6	0.2	0.8	5.3	-1.2	1.9	5.5	1.7
Потребительские цены	2.2	3.4	2.5	-0.3	-0.7	-0.4	1.1	2.3	1.9
Уровень безработицы	4.2	4.0	4.5	4.7	4.7	5.0	10.0	9.1	8.7
Экспорт товаров и услуг	2.9	9.3	4.2	1.4	11.5	3.1	4.7	12.0	5.9
Импорт товаров и услуг	10.7	13.6	4.6	3.0	9.4	2.3	6.4	11.0	7.7
Платежный баланс по текущим операциям, % к ВВП	-3.6	-4.3	-4.0	2.4	2.5	2.6	-0.1	-0.4	-0.6
Дефицит гос. бюджета, % к ВВП	1.0	2.4	2.6	-7.4	-7.0	-6.3	-1.2	0.3	-0.7

Источник: BNP Paribas, Monthly Economic and Market Monitor, March 2001. P. 9, 14, 19.

Таблица П.2.8

Ежегодный приток прямых иностранных инвестиций
по основным группам стран, млрд. долл.

	В среднем за 1988-1993 гг.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000г., оцен- ка
Мир в целом	191	256	332	378	473	680	866	1140
Развитые страны	140	145	206	220	275	480	637	890
Развивающиеся страны	47	104	110	143	176	177	205	218
Страны ЦВЕ и ССС/СНГ	4	7	16	15	22	23	24	32

Источник: Мировая экономика и междунар. отношения. – 2001. – № 8. – С. 3–4.

Таблица 2.9

Баланс американского империализма (млрд. долл.)

	1990 г	1991г.	1992г.	1993г.	1994г.	1995г.	1996г.	1997г.	1998г.	1999г.	2000г.
Сальдо товаро-обмена по платежным балансам США (прирост чистого товарного кредита, полученного США от остального мира)	-111,0	-76,9	-96,9	-132,5	-165,8	-174,2	-191,0	-198,1	-246,7	-345,4	-452,2
Нетто-прирост объемов американских ценных бумаг, приобретенных остальным миром ("бумага взамен товаров")	18,7	58,1	73,2	111,1	140,4	231,9	370,2	388	277,8	350,2	456,3

Рассчитано по: OECD. National Accounts (Annex table № 47. Trade balances. 1984-2002); Statistical Abstract of the United States. 2001 (Table № 830); United States. Department of the Treasury Bulletin (various issues).

Из этой таблицы можно определить за счет какого сектора американская экономика достигает своего благополучия и в каких размерах. Но финансовый сектор, как следует из последних научных наблюдений, является транзакционным сектором.

Данные статистики также свидетельствуют, что глобализацию кредитуют не индустриально развитые страны, а другие, включая бедные. Например, отрицательное сальдо платежного баланса США на 2002 г. составило 2369,9 млрд. долл. "Другие" же страны на тот период имели положительное сальдо – 455,4 млрд. долл. Эти показатели можно, таким образом, оценивать как с точки зрения ортодоксальной макроэкономики, так и с точки зрения институциональной теории.

Таблица II. 2.10

Сальдо платежных балансов (млрд. долл.)

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	1993-2002
Развивающиеся страны	68,3	33,9	58,1	44,5	91,7	35,8	-121,1	-248,4	-223,1	-200,5	
США	-82,5	-118,2	-109,9	-120,9	-139,8	-217,5	-324,4	-444,7	-407,1	-404,9	-2369,9
ЕС	24,7	16,9	53,4	81,5	102	63,8	28,7	-6,5	15,5	26,2	406,2
Япония	132	130,6	111,4	65,8	94,1	121	106,8	116,9	88,8	108,9	1076,3
Другие	8	1,9	0	8,9	15,4	61,3	72,7	101,9	94,9	90,4	455,4

Источник: World economic outlook. October 2001. P. 208-248.

Таблица П. 2.11

**Динамика макроэкономических показателей
Республики Беларусь**

Годы	Населе- ние, тыс. чел.	Показатели (в % к предыдущему году)				Экс- порт, млн долл.	Уро- вень безра- боти- цы	Им- порт, млн долл.	Кэф- фи- циент пенси- онной нагруз- ки
		ВВП	Проду- кция промы- шлен- ности	Инвес- тиции в основ- ной капитал	Индекс потреби- тельс- ких цен				
1991	–	98,8	99,0	104	194,1	–	–	–	–
1992	–	90,4	90,8	71	1070,8	–	–	–	–
1993	–	92,4	90,6	85	1290,2	–	–	–	–
1994	–	88,3	85,4	89	2321,0	–	–	–	–
1995	10194 ¹	89,6	88,3	69	809,3	4803,2 ²	2,9	5563,6	0,600 ³
1996	10160	102,8	103,5	95	152,7	5651,5	4,0	6939,3	0,610
1997	10117	111,4	118,8	120	163,8	7301,2	2,8	8688,8	0,610
1998	10072	108,4	112,4	125	173,0	7069,7	2,3	8549,3	0,602
1999	10035	103,4	110,3	92	393,7	5908,9	2,1	6637,7	0,595
2000	10005	105,8	108,0	97	268,6	7326,4	2,1	8646,2	0,592
2001	9971	104,7	105,9	110,5	161,1	7450,6	2,3	8286,4	0,592
2002	9925	105,0	104,2	109,8	142,6	8020,9	3,0	9092,3	0,596
2003	9874	106,8	106,8	109,4	128,4	9964,3	3,1	11504,9	0,605

¹ В 1990 г. численность населения республики составляла 10 млн 189 тыс. чел.

² В 1990 г. объем экспорта равнялся 32749,5 млн долл., а импорт 29697,4.

³ В 1990 г. этот показатель равнялся 0,458.

Таблица П. 2.12

Основные показатели малообеспеченности населения

Показатели	1995 г.	1997 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
Численность населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже минимального потребительского бюджета тыс.чел.	8195,8	7780,3	7947,9	7683,8	7019,5	7056,5
% к общей численности населения	80,4	76,9	79,2	76,8	70,4	71,1
Численность населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума тыс.чел.	3914,4	3247,7	4686,4	4192,1	2881,6	3027,1
% к общей численности населения	38,4	32,1	46,7	41,9	28,9	30,5
Коэффициент фондов (коэффици- ент дифференциации дохо дов), раз	5,5	5,3	5,8	5,8	6,1	5,9
Коэффициент концентрации дохо дов (индекс Джини)	0,261	0,258	0,269	0,270	0,278	0,272

Источник: [401, 434; – Белорусский экономический журнал. – 2004. – № 1. – С. 130–131].

Таблица П. 2.13

Структура денежных доходов населения

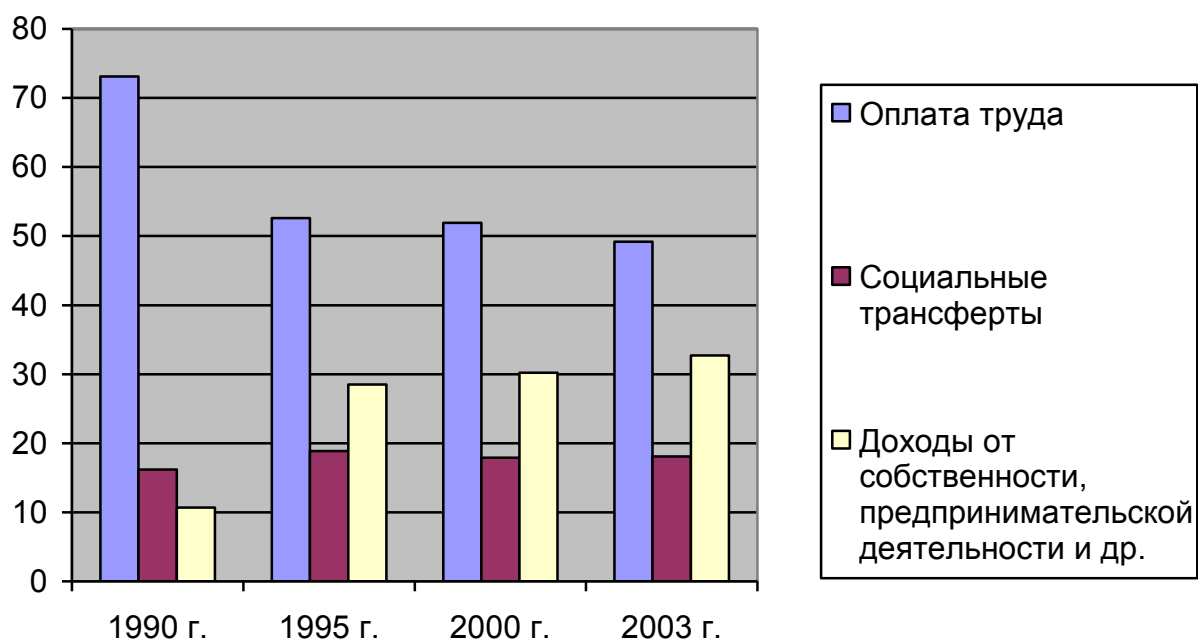

Таблица П. 2. 14

Структура денежных расходов и сбережений населения

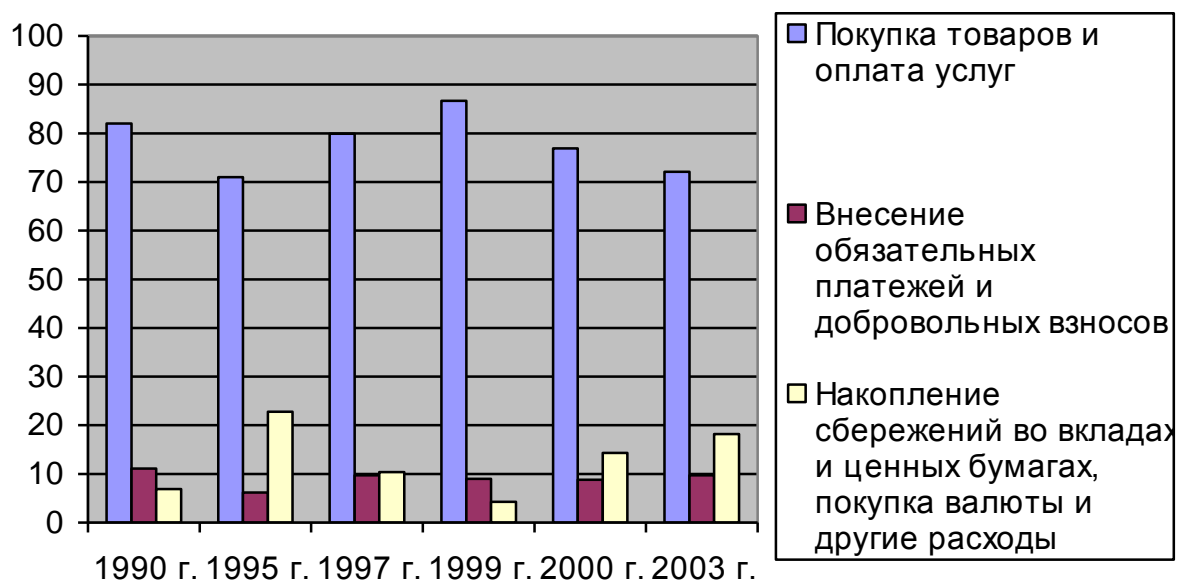

Таблица П. 2. 15

Основные показатели малообеспеченности населения

Показатели	1995 г.	1997 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
Численность населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже минимального потребительского бюджета тыс. чел. % к общей численности населения	8195,8 80,4	7780,3 76,9	7947,9 79,2	7683,8 76,8	7019,5 70,4	7056,5 71,1
Численность населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума тыс. чел. % к общей численности населения	3914,4 38,4	3247,7 32,1	4686,4 46,7	4192,1 41,9	2881,6 28,9	3027,1 30,5
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), раз	5,5	5,3	5,8	5,8	6,1	5,9
Коэффициент концентрации доходов (индекс Джини)	0,261	0,258	0,269	0,270	0,278	0,272

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Таблица П.3.1

Технико-экономические циклы, промышленные приоритеты и страны–лидеры мировой экономики

Циклы	Годы	Ведущая отрасль, вид инноваций	Энергетическая революция	Революция на транспорте и в связи	Страна- лидер
I	1830	1770 г. – прядильная машина; 1785 г. – ткацкие станки; текстильная промышленность	1769 г. – паровоз- ный двигатель, уголь	Первая желез- ная дорога	Великобрита ния
II	1880	1856 г. – Бессемеровский метод плавки стали; металлургия, железные дороги	1860 г. двигатель внутреннего сгорания, 1867 г. – динамо- машина	Железные дороги, телеграф; 1876 г.- изобре- тение телефона	Германия, становление Франции и США
III	1930	1901 г. – радио 1903 г. – синтез аммиака; производство автомобилей, электричество, химия, машино- строение; 1929 г. – изобретение телевидения	Нефть	Самолет и автомобиль	США, СССР, Германия
IV	1980	1935 г. – нейлон; автомобиль и авиатранспорт; 1946 г. – компьютер; 1968 г. – полиэстер, электрони- ка, нефтехимия	1954 г. – атомная энергетика; атомная энергия	Авиатранспорт	Становление Японии, США, Германия
V	2000	1982 г. – космические техно- логии, биотехнология, новые материалы, нанотехнологии	Новая энергия (поиск источников)	Информатика, связь, глобальные сети	ТНК, США, ЕС

Из таблицы следует, что те страны определяют мировую политико-экономическую стратегию, а, следовательно, и геополитику, которые лидируют в каких-то инновациях и соответствующих отраслях, производстве товаров и услуг, технологий. Техничко-технологические циклы не совпадают с циклами экономического развития, но корреспондируют друг с другом.

Анализ доминирующих укладов в стране в сравнении с общей мировой циклической динамикой указывает на возможности выбора национальной стратегии развития, промышленной политики, определение институциональных форм по реализации конкурентных преимуществ страны в общем мировом контексте.

Рис. П.3.1 Предмет современной теоретической экономики (логико-исторический аспект)

Рис. П.3.2 Основные направления развития и тенденции современной теории экономики

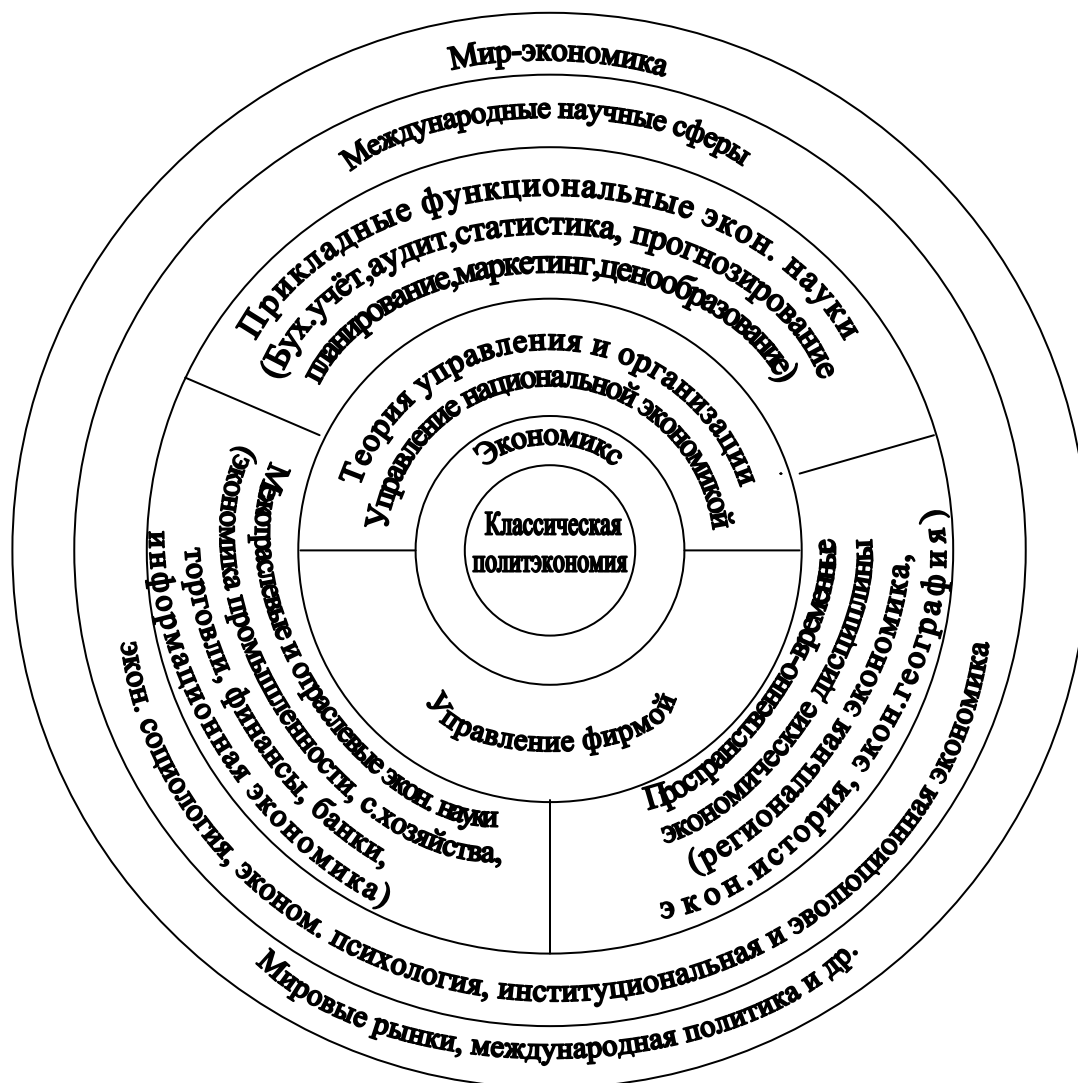

Рис. П.3.3 Структура экономической науки
(предметно-дисциплинарный аспект)

Структурные характеристики метода	Методы		
	Эзотерический, сущностный	Экзотерический, явленческий	Целостный эзо-экзотерический (сущностно-явленческий)
<i>Парадигма</i>	Интуитивная; предполагает эгоистические начала с основанием культурных ценностей	Априори оговоренная; рациональные предпочтения при полной информации и нулевых трансакционных издержках	Эклектическая; реализация принципов холизма на междисциплинарной основе
<i>Социально-политическая детерминированность</i>	Присутствует в качестве объективных предпосылок, связей и отношений	Не присутствует по причине признания экзогенности этой среды к экономике	Институциональная детерминированность, создающая рамки экономического развития
<i>Технологическая детерминированность</i>	В рамках производительных сил	Отсутствует; земля, труд, капитал – главные факторы производства	Экономика – открытая система, имеющая ограниченный потенциал
<i>Организационная детерминированность</i>	Простая кооперация, мануфактура, фабрика	Абстрактная фирма, "черный ящик"	Осознанно сформированная организация (фирма, государство, мир-экономика)
<i>Предмет исследования</i>	Внутренние, устойчивые связи и отношения	Внешние и спорадические связи и взаимодействия	Органически целостное, сложное структурное образование
<i>Характер связей, отношения</i>	Причинно-следственные, субстанциональные	Функциональные, отражающих потоки движения доходов, расходов	Многоуровневая система связей, отражающих разные аспекты мир-экономики
<i>Цель метода</i>	Эвристическая; раскрыть политико-экономическую природу общества (почему работает система?)	Позитивистская; ответить на вопрос как работает система, чтобы достичь экономического эффекта	Теоретическая, аксиологическая (как обеспечить устойчивое развитие?)
<i>Характер метода</i>	Диалектический (по преимуществу)	Позитивистский	Синтетический (единство диалектического и позитивистского методов)
<i>Пространственно-временные рамки</i>	Национально-государственные; долгосрочный период	Не определяются в исходном; краткосрочный, текущий	Мировые, межнациональные; сочетание времени
<i>Уровень рациональности</i>	Преобладание общегосударственных интересов	Утилитарно-частная рациональность	Наднациональные, региональные интересы
<i>Отражение целостности, равновесности</i>	Стремление к общей политико-экономической картине, равновесию	Фрагментарная, функциональная, дискретная направленность; экономическое равновесие	Мир-экономика; глобальная система; институциональное равновесие
<i>Пользователь исследования</i>	Правящая элита государства	Менеджеры, политики в определенных рамках и сферах	Правящая мировая элита, менеджеры, политики разного уровня
<i>Единица измерения</i>	Стоимость	Ценность	Институциональная ценность

Рис. П.3.4 Главные характеристики методов экономического исследования

Рис. П.3.5 Эволюция типов методологии теоретической экономики

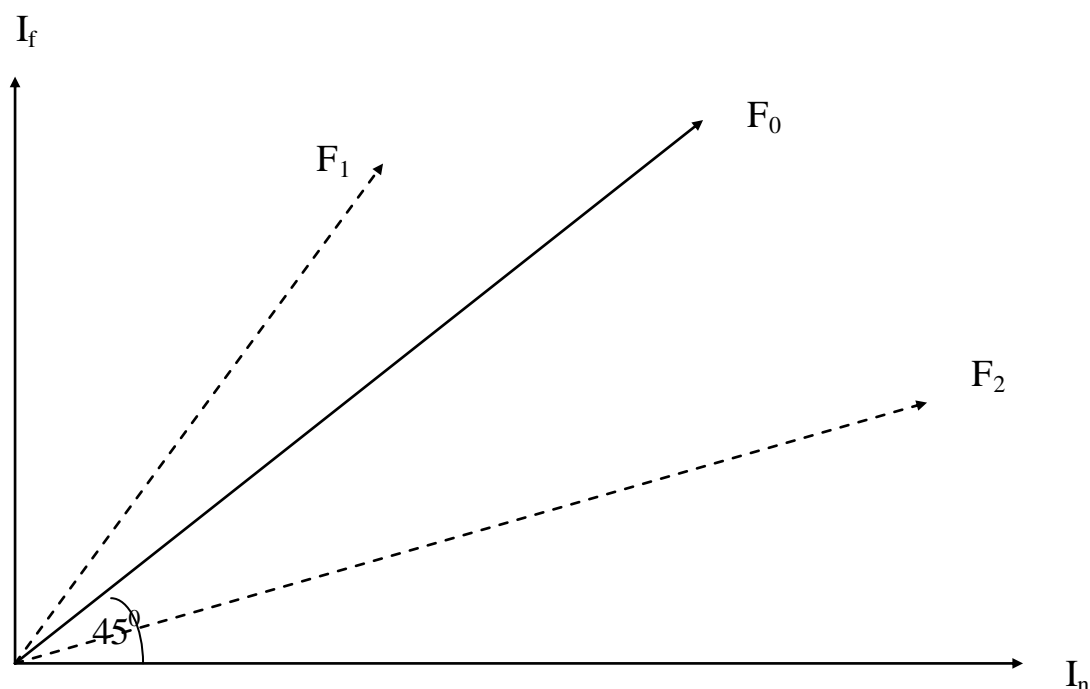

Рис. П.4.1 Институты и вектор социально-экономического развития

I_f – формальные институты;

I_n – неформальные институты;

F_0 – вектор или траектория стратегического развития, отражающая внутренний потенциал страны. Формальные институты находятся в адекватном отражении с формальными. Это является оптимальным условием для развития, когда ресурсы используются с наибольшей отдачей при минимальных транзакционных издержках. Естественно и данный вектор представляет наиболее благоприятным ориентиром;

F_1 – вектор развития, измененный отсутствием или нехваткой институтов; Транзакционные издержки возрастают за счет дополнительных затрат на согласование сделок и обеспечение защиты контрактов;

F_2 – вектор развития, обусловленный подавлением формальными институтами неформальных. Следствием этого является рост транзакционных издержек за счет увеличения цены внелегальности.

Таблица П.4.1

Общая институциональная система и собственность

Типы цивилизации			
Критерии	Доэкономическая	Экономическая	Постэкономическая
1	2	3	4
Ведущий сектор	Сельское хозяйство	Промышленность (индустрия)	Наука
Тип средств производства	Ручные орудия (1–2 технологический способ производства)	Система машин (3–4 технологический способ производства)	Информационные технологии и пр. (5–6 уклады)
Разделение труда	Естественное	Общественное	Перемена труда
Тип институциональной деятельности	Традиции, принуждение к труду	Рыночное соглашение (материальные стимулы)	Творчество
Типы и формы собственности	Общинная, государственная, частная	Частная, государственная	Смешанная, корпоративная, ассоциативная
Формы общественного богатства	Природно-материальная	Экономическая (денежно-стоимостная)	Социализированное богатство
Рынок	Потребительский	Совокупность условий воспроизводства (рынок капитала, труда, ден. рынок)	Совокупность всех условий воспроизводства (природ., экон., соц.)
Тип государственности	Этнический	Национальный	Децентрализованная, интернациональная
Доход	Природная рента	Произв. формы дохода: прибыль, рента, %	Интел. рента, политич. рента, глоб. рента
Тип человека	Патриархальный (традиционный)	Экономический	Социологический

1	2	3	4
Система ценностей	Общинная	Урбанизированная	Социологизированная
Характер общественных отношений	Сословный	Классовый	Социальный
Система интересов	Замкнуто-сословный	Классово–индивидуальная	Индивидуально–общинная
Организационный тип хозяйства	Простая кооперация	Мануфактура, фабрика	Гибкие производственные структуры
Форма обмена	Продуктообмен и простой товарообмен	Капиталистический рынок	Монополистический рынок, ГМК, ГKK, ТНК
Основа цены	Индивидуальная полезность	Стоимость, цена производства	Монополистическая цена, общественная полезность, институцион. ценность

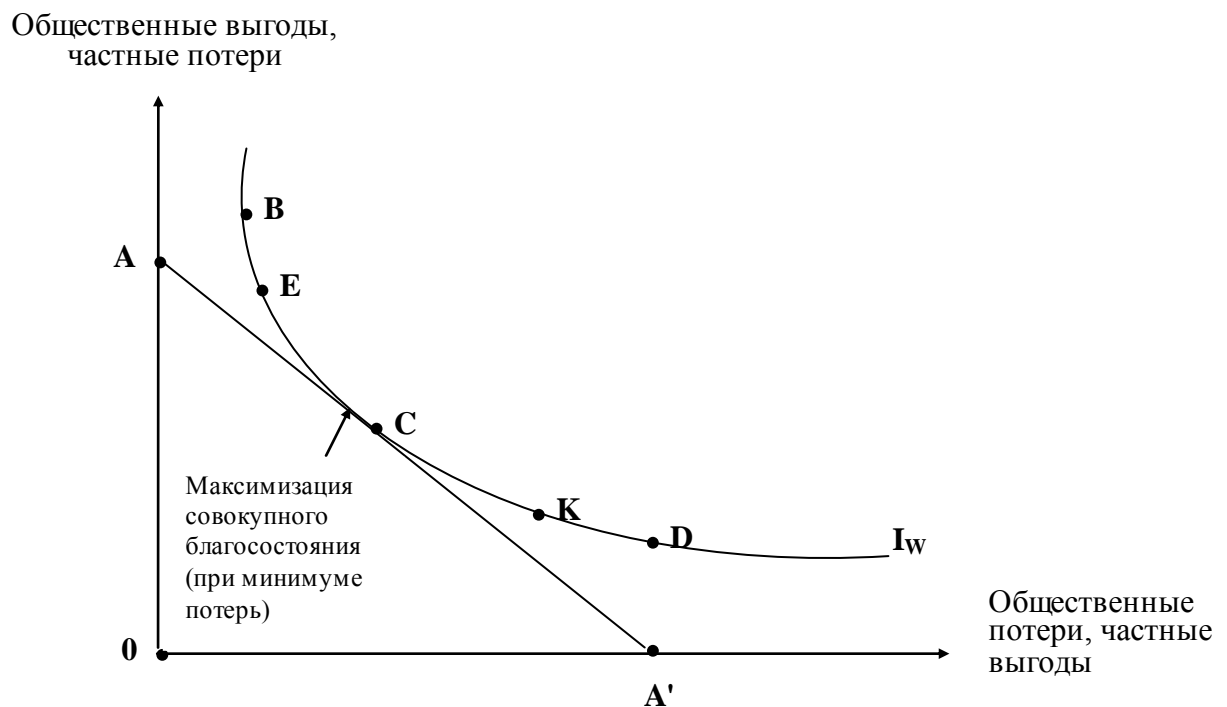

Рис. П.4.2 Между анархией и диктатурой: институциональный выбор

AA' — граница производственно-технологических возможностей;

I_w — граница институциональных возможностей;

В — наведение "порядка" *сильным государственным регулированием, доходящим до диктатуры*;

Д — наведение "порядка" частным образом, "группами давления"; диктатура частного интереса;

Е — экономическая политика с *доминирующим государственным регулированием*;

К — точка, фиксирующая преобладание частного интереса, где могут экспертные функции выполнять "третейский" суд, эксперты;

С — оптимальная точка, в которой достигается согласие общественного порядка и частного интереса. В этой точке минимизируются совокупные потери по транзакционным издержкам.

Любое общество всегда сталкивается с возможностью беспорядка и диктатурой, которые в конечном итоге проводят к росту транзакционных издержек и, естественно, к снижению социальных выгод. Нахождение согласия между этими двумя проблемами является следствием многих составляющих. Поэтому в реальности достичь "эффективного согласия" (порядка, интердепенденции порядков — В. Ойкен) в конкретный период каждой конкретной страны очень сложно. Эта процедура "согласия" еще только начинает разрабатываться экономистами.

Таблица П.4.2

**НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ НАЦИОНАЛЬНОГО БОГАТСТВА
И ПОДХОДЫ К ЕГО КОЛИЧЕСТВЕННОМУ ИЗМЕРЕНИЮ**
Оценочный потенциал ученых и инженеров в мировой экономике

Показатели	Численность ученых, инженеров и техников					
	Тыс. чел.			На 1 млн. населения		
<i>Регионы</i>	1980 г.	1985 г.	1995 г.	1980 г.	1985 г.	1995 г.
Мир в целом	79187	110760	216656	18200	23442	37771
Развитые страны	58903	81247	154572	52753	70452	185116
Развивающиеся страны	20284	29513	62531	6272	8263	13927
Африка	1052	1623	3865	2593	3451	5317
Африка (без Арабских стран)	243	469	-	831	1376	-
Америка	27692	37993	71490	45243	56956	90343
Сев. Америка	24172	33247	62904	96-23	126200	217916
Лат. Америка и страны Карибского бассейна	3154	4746	8666	9754	11759	17870
Азия	22925	32670	66294	8944	11686	20224
Азия (без Арабских стран)	22588	32108	64968	8958	11730	20043
Арабские страны	1148	1721	3868	7046	9143	15380
Европа (включая СССР-СНГ)	26733	36369	67321	37714	48600	80707
Океания	785	1105	2192	36941	48213	80064

Источник: Statistical Yearbook. UNESCO Paris, 1987-1999.

Таблица П.4.3

**Численность специалистов, выполнявших научные исследования
и разработки в СНГ (тыс. чел.)**

	Численность специалистов, выполнявших научные исследования и разработки (исследователи и техники)				Численность научно-педагогических работников, выполнявших научные исследования и разработки на кафедрах вузов				Вспомогательный персонал			
	1991	1995	1998	2000	1991	1995	1998	2000	1991	1995	1998	2000
Азербайджан	16,4	13,1	11,4	11,6	8,9	9,9	10,3	10,6	4,7	2,9	2,6	2,8
Армения	17,2	6,7	6,6	6,5	1,2	1,1	0,4	-	8,2	0,9	1,0	0,9
Беларусь	59,3	26,9	21,8	22,3	6,2	6,8	7	-	18,7	9,0	6,7	6,8
Грузия	24,9	18,9	13,7	11,1	3,6	6,9	4	4,4	8,2	-	1,4	2,4
Казахстан	27,6	18,0	12,5	10,2	8,0	3,2	3	4,8	9,9	7,0	3,1	3,0
Кыргызстан	5,7	3,6	2,6	2,3	0,5	0,9	1,7	1,3	2,3	1,0	0,6	0,6
Молдова	12,9	5,8	5,3	4,1	2,6	2,0	2,5	2,3	4,8	2,0	1,7	1,5
Россия	1097	620	492	501	89,9	72,7	75	-	417	275	220	236
Таджикистан	4,4	1,8	2,4	2,1	1,6	2,3	1,2	2,7	1,8	0,9	0,4	0,2
Туркменистан	5,7	4,0	2,2	-	0,5	-	-	-	1,9	-	1,0	-
Узбекистан	41,3	16,9	13,9	-	16	11,1	11,4	-	19,5	8,9	4,4	-
Украина	295	180	134	121	36,1	41,7	48,8	53,9	103,1	62,8	25,4	40,6

Источник: Тамашевич В.Н., Симченко Э.Е., Резникова И.Р. Международные сопоставления: экономика и человеческое развитие // – БЭЖ. – 2000.- № 4. – С.153.

Институт – это понятие для обозначения устоявшихся традиций и установленных норм, правил, регламентирующих поведение хозяйствующих субъектов, индивидов.

Учитывая историческую генетическую преемственность в традициях, образе мышления и поведения, а также возникающие спонтанно и целенаправленно социальные нормы регламентации, в основе института можно выделить: X – инстинкты и привычки, индивидуальные потребности, предпочтения; Y – социальные нормы регламентации (культура и пр.); Z – политико-правовые рамки и формальные ограничения (конституция и пр.).

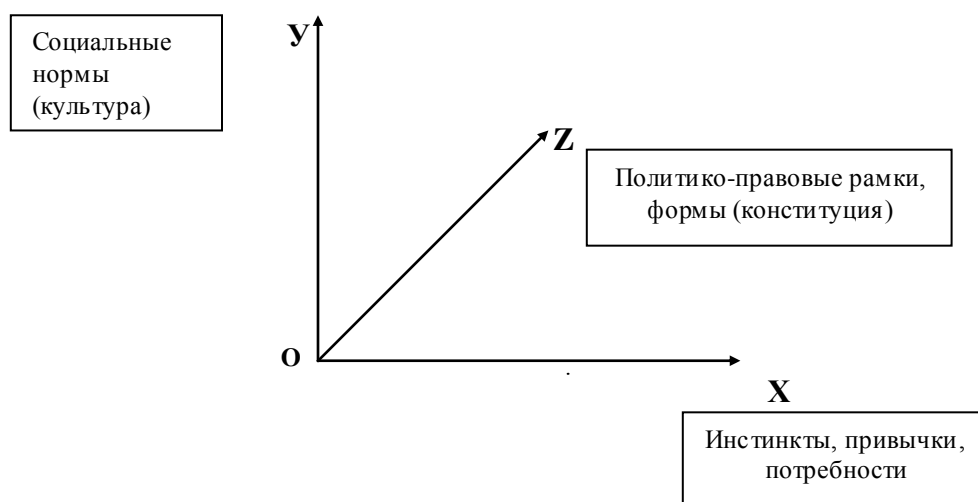

Рис. П.4.3 Структура института

По каждой из осей системы координат по нарастающей классифицируются соответствующие параметры от низших форм к высшим. Например, по оси ОХ уместна классификация потребностей по А. Маслоу. Культура в широком смысле слова выступит нравственно-этической формой регуляции, впитывающей различные соглашения неформального уровня (ОУ), ось ОZ отражает влияние и совокупность формальных институтов, где, например, базовым документом выступает конституция и другие правовые акты, порождающие условия для санкций за нарушение общепринятых и установленных соглашений.

Прикладной аспект данного подхода в том, что позволяет раскрыть природу института с точки зрения индивидуальных особенностей человека в его социокультурном и историческом контексте, а также формальных рамок в определенный для анализа период времени t .

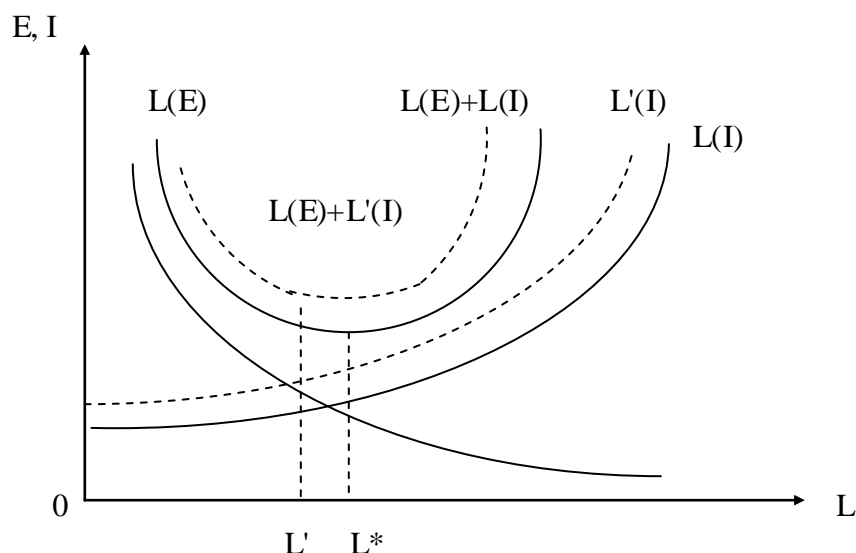

Рис. П.4.4 Зависимость между издержками контроля за соблюдением существующих правил игры и уровнем лояльности участников игры

$L(E)$ – лояльность игроков, обусловленная затратами на поддержание существующих правил игры; $L(I)$ – лояльность игроков, обусловленная затратами на формирование идеологии; $L(E) + L(I)$ – суммарные издержки поддержания лояльности игроков к существующим правилам игры.

Если игроки лояльны к имеющимся правилам игры при заданной технологии обучения и уровне социализации в целом, то издержки их соблюдения минимальны. В то же время лояльность к имеющимся правилам или законам повышаются при усилении идеологического обеспечения, что сопровождается ростом затрат. Такая постановка вопроса ориентирует на выбор между затратами на образование или содержанием и усилением правоохранительных органов, армии, судов и пр. Но технологии обучения (формы идеологической работы) могут при низких затратах существенно повысить лояльность граждан, игроков к существующим правилам игры, порядку. Это обеспечивает при прочих равных возможностях повышение эффективности имеющихся ресурсов.

Таблица П.4.4

Динамика индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)

Годы	Индексы			
	ожидаемой продолжительности жизни	уровня образования	ВВП на душу населения (по ППС)	развития человеческого потенциала
1990	0.768	0.901	0.938	0.869
1993	0.737	0.895	0.819	0.679
1995	0.727	0.897	0.412	0.771
1996	0.727	0.904	0.667	0.767
1997	0.725	0.904	0.689	0.775
1998	0.723	0.905	0.706	0.784
1999	0.715	0.927	0.714	0.785
2000	0.733	0.927	0.722	0.794
2001	0.725	0.927	0.734	0.795
2002	0.717	0.927	0.747	0.797

Составлено по: [41, 42,43].

Как следует из таблицы, ИРЧП снижался до 1996 г., после чего началась тенденция на увеличение. Это свидетельствует о хорошем потенциале для будущего экономического развития и роста. В 1991–1992 гг. ИРЧП составлял 0.847, и республика среди 174 стран мира занимала 40-е место. Это позволяло относить ее к государствам с высоким уровнем развития. Экономический кризис 1995 г. вывел Беларусь уже на 68-е место, т. е. в группу стран со средним уровнем развития. К 2002 г. ИРЧП РБ увеличился, не достигнув уровня 1990 г. Увеличение ИРЧП республики произошло за счет роста индекса ВВП на душу населения, пересчитанного по паритету покупательной способности, а также за счет увеличения индекса уровня образования. Сохранились тенденции снижения индекса ожидаемой продолжительности жизни. РБ занимает 58 место в мире и лидирует по этому показателю среди стран СНГ.

Однако в республике одной из проблем является реализация имеющегося человеческого потенциала, поскольку его раскрытие наталкивается на рост *транзакционных издержек* в обществе. Сопряжены эти издержки как с институциональным вакуумом, образовавшимся в результате реформаций, так и с тем, что новые формируемые институты разного уровня не способствуют индивидуальной и общественной результативности.

Рис. П.4.5 Взаимосвязь институциональной нестабильности, темпов роста и потенциала к развитию

<div>Новые планируемые институты</div> <div>Старые институты</div>	Системообразующие	Второстепенные	Экономические	Политические	Морально-этические	Переходные	Формальные	Метаинституты
Системообразующие	a ₁ b ₁							
Второстепенные		a ₂ b ₂						
Экономические			a ₃ b ₃					
Политические				a ₄ b ₄				
Морально-этические					a ₅ b ₅			
Переходные						a ₆ b ₆		
Формальные							a ₇ b ₇	
Метаинституты								a ₈ b ₈

Рис. П.4.6 Институциональная матрица

Данная матрица позволяет сориентировать исследователя на: а) изучение структуры уже имеющихся институтов в стране. Расставив их в определенной последовательности по степени важности, можно вычленить доминирующую силу и корректирующий ограничитель социально-экономической системы; б) ориентир новых институтов подталкивает к изучению процесса эволюционности, его механизма и процедуры; в) определение структуры новых институтов может зафиксировать на несовпадение "старых" и "новых" институтов. К тому же может оказаться, что в новой институциональной системе определяющими выступают далеко не те, которые имелись в прошлой системе; г) главная диагональ отражает институциональное равновесие. Здесь крайне важным компонентом является процедура управления институциональными изменениями.

Однако проблематичным для науки является *структуризация и систематизация институтов*. И вместе с тем, идет настойчивая наработка и по этому вопросу. В нашем подходе институты идеологии и собственности будут базовыми.

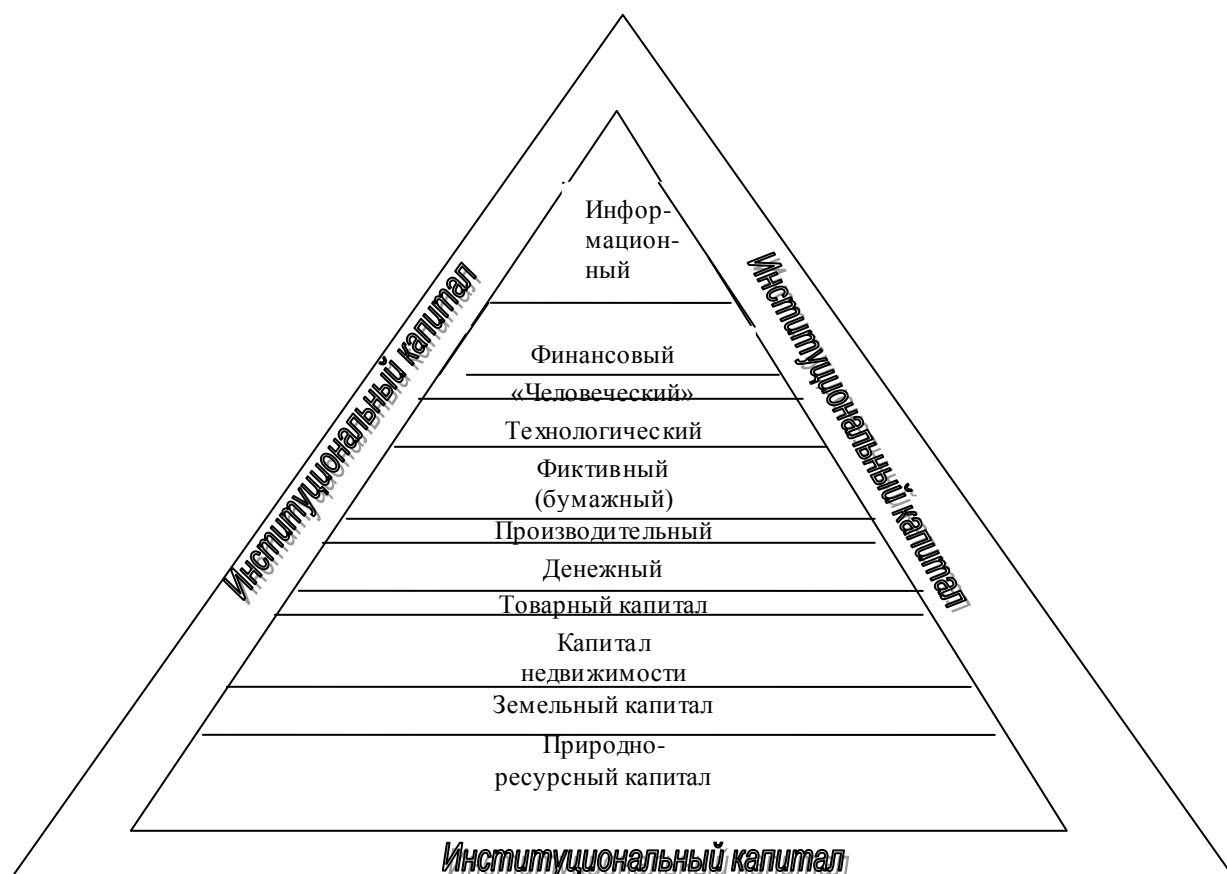

Рис. П.4.7 Структура капитала современной экономики

В общеэкономическом исходном смысле понятие "капитал" отражало основополагающую составляющую страны, нации, ее *капитальную ценность*, влияющую на взаимоотношения между людьми, их благосостояние. Элементы или формы капитала расположены в порядке значимости и ценности для жизнедеятельности человека. Это также своего рода основы, имеющие разную степень зависимости от конъюнктуры цен, устойчивости денег. Структурные элементы капитала отражают не только разную степень ликвидности, но и имеют особенности уровней развития в геополитическом и страновом размещении. Низкая ликвидность, например, земли и недвижимости объясняется не только специфическими свойствами данного актива, но и тем, что именно они определяли пространственно-генетическую основу своей страны. Поэтому при обосновании купли-продажи земли аргумент о "продаже государства" чаще всего выходит на первое место как самый решающий. Конечно, земля не уходит за национальные границы, но именно этот факт позволяет менять социокультурную среду собственнику земли, если его права подкреплены сильной властью и неформальным одобрением.

Институциональный капитал делает общество экономическим обществом определенной степени эффективности.

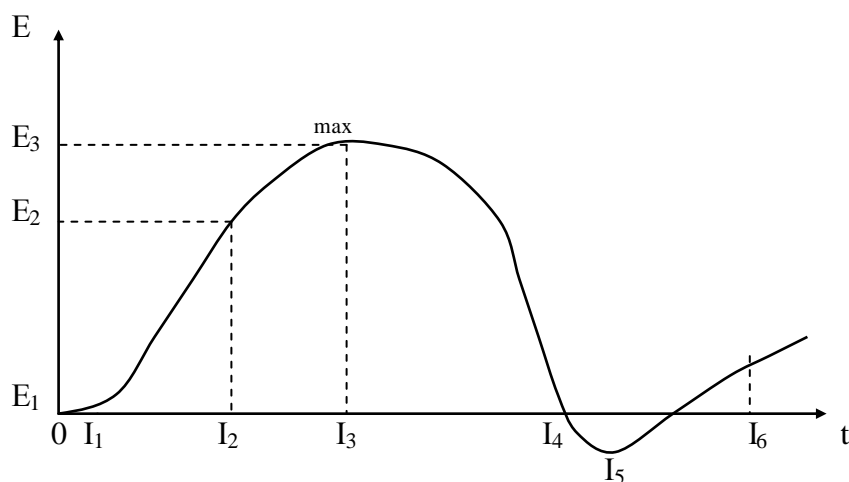

Рис. П.5.1 Экономическая политика, время и "эффект запаздывания" в достижении целей

OE – эффективность достижения целей;

Ot – время;

I – инструмент политики;

OI_1 – внедрение инструмента в силу инерционности системы может не принести желаемых результатов;

I_1I_2 – положительный результат с мультипликационным эффектом;

I_2I_3 – инструмент политики, достигнув \max , исчерпал себя;

I_3I_4 – резко снижается эффективность;

I_4I_5 – отрицательный эффект политического инструмента;

I_5t – эффект может увеличиться в силу изменения других инструментов или вследствие "политико-экономической забываемости".

Для разных инструментов политики степень их эффективности будет различная. Совокупность инструментов может вызывать противоречивые эффекты макроэкономической политики.

В трансформационных системах будет наблюдаться перерыв в последовательности фаз из-за смены базовых институтов и, соответственно, проводимой экономической политики. Отсутствие цельной и завершенной политико-экономической среды также не будет обеспечивать в полной мере последовательность проводимой стратегии экономической политики.

Таблица П.5.1

Национальное богатство: человеческий, физический и природный капитал, 1990

	Совокупное национальное богатство в расчете на душу населения (тысяч долларов США)	Человеческий капитал (% от совокупного богатства)	Физический капитал (% от совокупного богатства)	Природный капитал (% от совокупного богатства)	Доля сельского хозяйства в рабочей силе, %
Албания	33	74	15	10	55
Азербайджан	14	67	25	6	31
Беларусь	53	79	11	10	20
Болгария	23	61	15	24	13
Чехия	50	65	15	19	11
Эстония	55	72	14	15	14
Грузия	16	63	28	6	26
Венгрия	63	71	16	12	15
Казахстан	31	79	19	1	22
Кыргызстан	14	55	23	24	32
Латвия	35	66	20	12	16
Литва	24	64	30	9	18
Молдова	22	77	19	4	33
Польша	50	56	13	31	27
Румыния	17	70	17	13	24
Россия	98	15	15	70	14
Словакия	33	78	17	5	12
Словения	111	67	16	16	6
Туркменистан	29	23	15	63	37
Украина	30	77	17	6	20
Узбекистан	15	69	19	12	35
Югославия	71	18	54	28	30
В среднем	40	62	20	18	23
Страны с высоким уровнем дохода на душу населения	436	68	16	17	6
Страны с низким уровнем дохода на душу населения	21	51	17	32	66
Страны-экспортеры сырья	27	36	20	43	-

Источник: Monitoring Environmental Progress. Washington: World Bank, 1995; Development Indicators. Washington: World Bank, 1996.

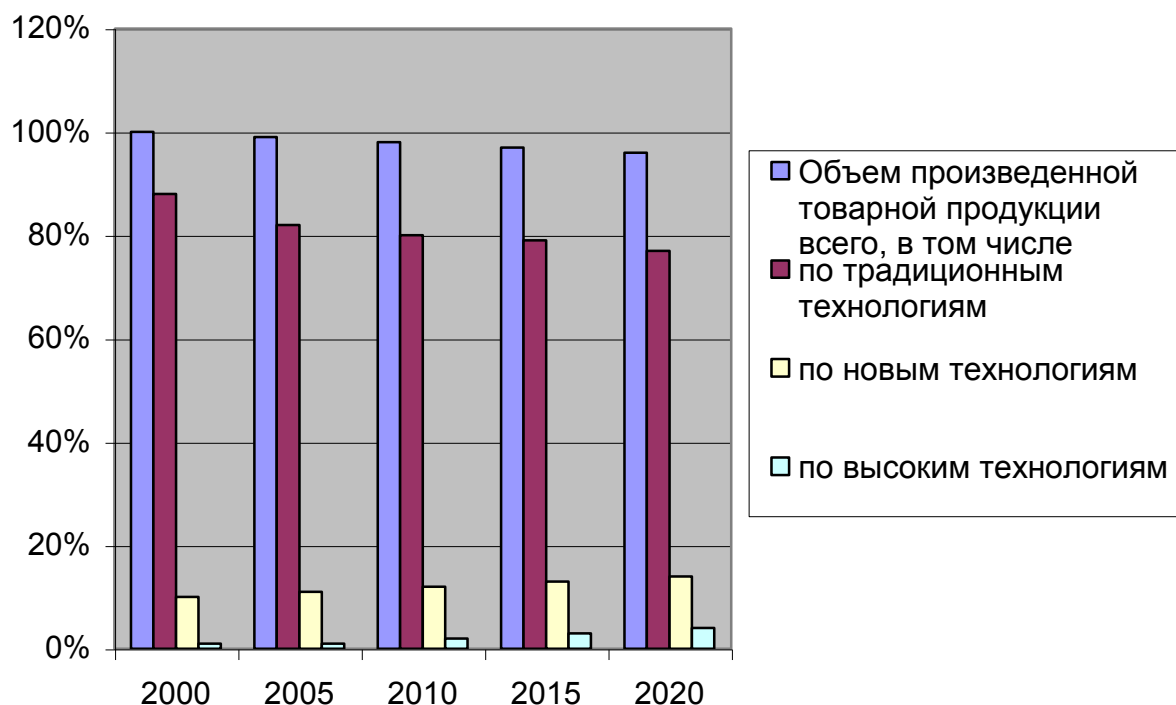

Рис. П.5.2 Структура используемых технологий в РБ

В целом по республике из общего количества используемых технологий 79 % относятся к традиционным, изначально соответствующим III или IV технологическим укладам, 15,8 % – к новым и 5,2 % – к высоким. В промышленности эти показатели еще ниже, они соответственно равны 87,3 %, 10,4 % и 2,3 %. Очевидно, что такое соотношение заведомо предопределяет низкую конкурентоспособность белорусских товаров на мировых рынках, что абсолютно недопустимо для страны, ориентированной на внешние рынки и международную кооперацию.

Можно констатировать, что доминирующими технологиями в Республике Беларусь даже в 2020 г. останутся по-прежнему традиционные. Их доля в общем объеме производимой продукции составит порядка 80 % (в 2000 г. – 91,5 %). Полученные данные позволяют сделать вывод, что столь незначительное использование высоких и новых технологий, даже в конце прогнозного периода, окажет негативное влияние на позиции белорусских производителей на мировом рынке и смену укладности экономики республики, не позволит Беларуси стать в один ряд с развитыми странами мира.

Таблица П.5.2

**Рост реального ВВП в странах с переходной экономикой, 1989-2000 гг.
(%, год к году)**

Страны	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	1999, 1989 =100
Албания	9,8	-10,0	-28,0	-7,2	9,6	8,3	13,3	9,1	-7,0	8,0	7,3	7,0	95
Болгария	0,5	-9,1	-11,7	-7,3	-1,5	1,8	2,1	-10,9	-6,9	3,5	2,4	4,0	67
Хорватия	-1,6	-7,1	-21,1	-11,7	-8,0	5,9	6,8	6,0	6,5	2,5	-0,3	3,5	78
Чехия	1,4	-1,2	-11,6	-0,5	0,1	2,2	5,9	4,8	-1,0	-2,2	-0,2	2,0	95
Эстония	8,1	-6,5	-13,6	-14,2	-9,0	-2,0	4,3	3,9	10,6	4,7	-1,1	5,0	77
Венгрия	0,7	-3,5	-11,9	-3,1	-0,6	2,9	1,5	1,3	4,6	4,9	4,5	6,0	99
Латвия	6,8	2,9	-10,4	-34,9	-14,9	0,6	-0,8	3,3	8,6	3,9	0,1	4,5	60
Литва	1,5	-5,0	-5,7	-21,3	-16,2	-9,8	3,3	4,7	7,3	5,1	-4,2	2,2	62
Македония	0,9	-9,9	-7,0	-8,0	-9,1	-1,8	-1,2	1,2	1,4	2,9	2,7	5,0	74
Польша	0,2	-11,6	-7,0	2,6	3,8	5,2	7,0	6,1	6,9	4,8	4,1	5,0	122
Румыния	-5,8	-5,6	-12,9	-8,8	1,5	3,9	7,1	3,9	-6,1	-5,4	-3,2	1,5	76
Словакия	1,4	-2,5	-14,6	-6,4	-3,7	4,9	6,7	6,2	6,2	4,1	1,9	2,0	100
Словения	-1,8	-4,7	-8,9	-5,5	2,8	5,3	4,1	3,5	4,6	3,8	4,9	5,1	109
ЦЕБ/Балканс кая группа	-0,1	-6,6	-10,7	-3,2	0,3	3,7	5,4	4,1	3,6	2,6	2,1	4,1	97
Армения	14,2	-7,4	-11,7	-41,8	-8,8	5,4	6,9	5,9	3,3	7,2	3,3	3,5	42
Азербайджан	-4,4	-11,7	-0,7	-22,6	-23,1	-19,7	-11,8	1,3	5,8	10,0	7,4	7,5	47
Беларусь	8,0	-3,0	-1,2	-9,6	-7,6	-12,6	-10,4	2,8	11,4	8,3	3,4	2,0	80
Грузия	-4,8	-12,4	-20,6	-44,8	-25,4	-11,4	2,4	10,5	10,8	2,9	3,0	3,0	34
Казахстан	-0,4	-0,4	-13,0	-2,9	-9,2	-12,6	-8,2	0,5	1,7	-1,9	1,7	8,2	63
Кыргызстан	8,0	3,0	-5,0	-19,0	-16,0	-20,1	-5,4	7,1	9,9	2,1	3,6	5,0	63
Молдова	8,5	-2,4	-17,5	-29,1	-1,2	-31,2	-1,4	-7,8	1,3	-8,6	-4,4	-3,0	31
Россия	0,0	-4,0	-5,0	-14,5	-8,7	-12,7	-4,1	-3,5	0,8	-4,6	3,2	6,5	57
Таджикистан	-2,9	-1,6	-7,1	-29,0	-11,0	-18,9	-12,5	-4,4	1,7	5,3	3,7	5,0	44
Туркмениста н	-6,9	2,0	-4,7	-5,3	-10,0	-17,3	-7,2	-6,7	-11,3	5,0	16,0	20,0	64
Украина	4,0	-3,4	-11,6	-13,7	-14,2	-23,0	-12,2	-10,0	-3,0	-1,9	-0,4	3,0	36
Узбекиста н	3,7	1,6	-0,5	-11,1	-2,3	-4,2	-0,9	1,6	2,5	4,4	4,1	1,0	94
СНГ	0,6	-3,7	-6,0	-14,1	-9,3	-13,8	-5,2	-3,5	0,9	-3,5	2,8	5,9	55
Весь регион	0,3	-5,0	-8,1	-9,3	-5,0	-6,0	-0,5	-0,2	2,0	-1,1	2,5	4,8	68

Источник: Transition Report (2000) European Bank for Reconstruction and Development.

Таблица П.5.6

**Изменение неравенства в переходный период:
коэффициент Джини, рассчитанный по доходу на душу населения**

Страны	1987 - 1990	1993 - 1994	1996 - 1998
<i>Страны ЦЕБ*</i>	0,23	0,29	0,33
Чехия	0,19	0,23	0,25
Венгрия	0,21	0,23	0,25
Словения	0,22	0,25	0,30
Польша	0,28	0,28	0,33
Болгария	0,23	0,38	0,41
Хорватия	0,36	--	0,35
Румыния	0,23	0,29	0,30
Литва	0,23	0,37	0,34
Латвия	0,24	0,31	0,32
Эстония	0,24	0,35	0,37
<i>Страны СНГ*</i>	0,28	0,36	0,46
Россия	0,26	0,48	0,47
Украина	0,24	--	0,47
Молдова	0,27	--	0,42
Беларусь	0,23	0,28	0,26
Армения	0,27	--	0,61
Грузия	0,29	--	0,43
Кыргызстан	0,31	0,55	0,47
Казахстан	0,30	0,33	0,35
Таджикистан	0,28	--	0,47
Туркменистан	0,28	0,36	0,45

* Медиана по странам, для которых имеются данные.

Источник: Transition. The First Ten Years. Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union (2002)
World Bank.

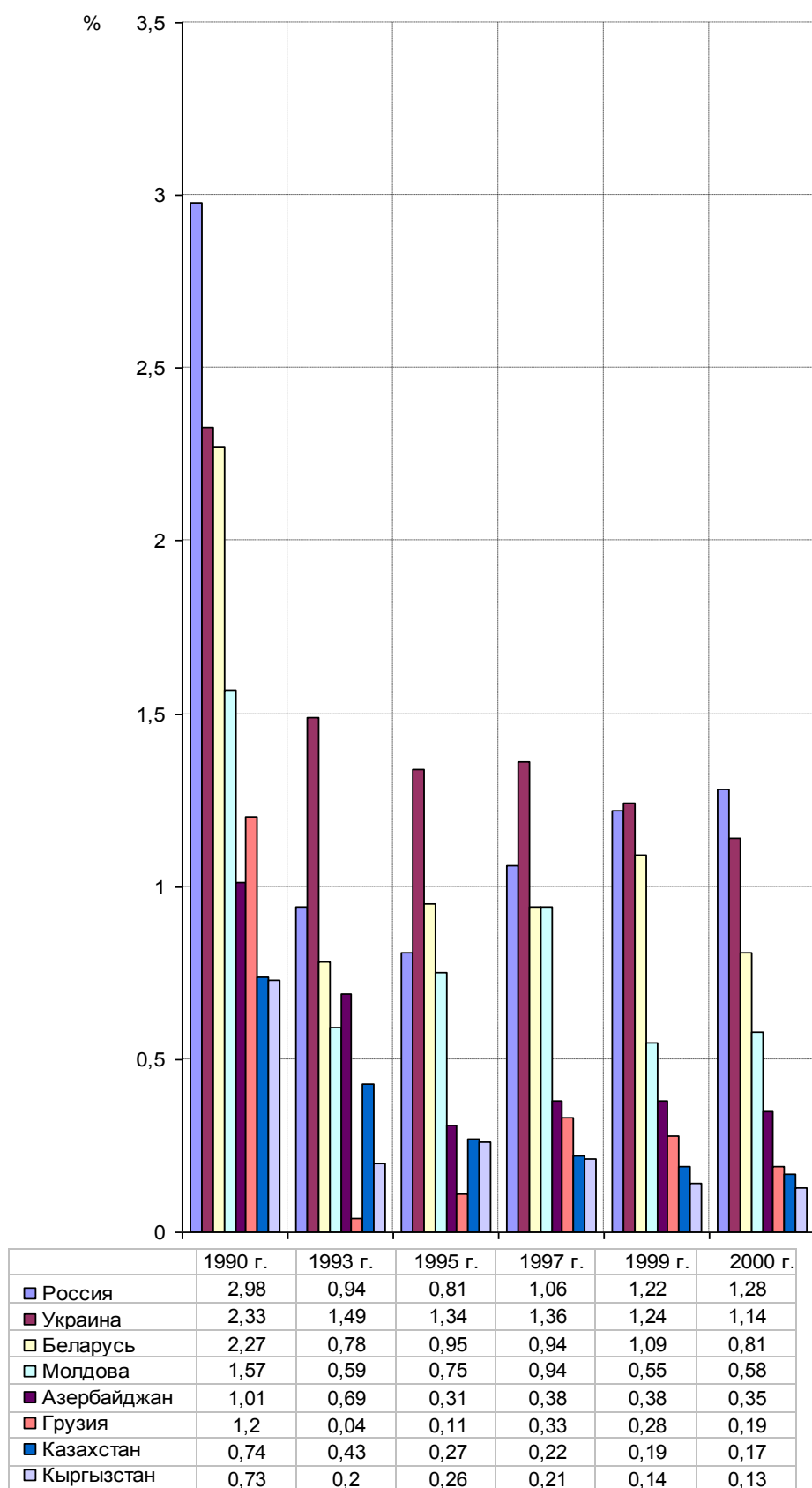

Рис. П.5.3 Научеёмкость ВВП по отдельным странам СНГ в 1990-2000 гг.¹

¹ Рассчитано по: Гулида О., Тамашевич В. Экономика стран СНГ в 1996-2000 гг.: статистические материалы // Белорусский экономический журнал. – 2000. – № 4. – С.147-163.

Таблица П.5.3

**Степень долларизации национальных экономик
(соотношение наличных \$ к ВВП, %)**

Аргентина	17,5 %
Беларусь	5,8 %
Болгария	2,8 %
Бразилия	0,1 %
Вьетнам	2,7 %
Гонконг	1,2 %
Доминиканская Республика	3,9 %
Египет	0,4 %
Индонезия	0,3 %
Камбоджа	25,2 %
Китай	0,9 %
Колумбия	2,4 %
Корея	2,3 %
Латвия	5,5 %
Литва	3,6 %
Мексика	0,6 %
Панама	11,1 %
Парагвай	0,6 %
Перу	3,8 %*
Польша	0,4 %
Россия	10,0 %*
Румыния	0,8 %
Сальвадор	7,5 %
Сингапур	1,4 %
Таиланд	0,1 %
Тайвань	0,3 %
Турция	2,6 %
Филиппины	1,0 %
Чили	0,4 %
Эквадор	7,3 %
Южная Африка	3,1 %

* Соотношение по паритету покупательной способности на начало 2002 г.

Распространение любой валюты влияет как на поведение граждан страны, так и на их экономическое мышление, изменение культурных ценностей. Из 630 млрд. наличных долл., находящихся в обращении мира, лишь четверть находится на американском рынке. Остальные три четверти "обслуживают" экономики зарубежных стран, создавая *специфические условия хозяйствования* зависимости и неопределенности в мир-системе.

Таблица П.5.4

**Динамика основных макроэкономических показателей стран СНГ
в 1995-2001 гг., % к предыдущему году**

Год	Азербай-джан	Армения	Беларусь	Грузия	Казахстан	Кыргыз-стан	Молдова	Россия	Таджики-стан	Туркмени-стан	Узбеки-стан	Украина
<i>Валовой внутренний продукт¹</i>												
1995	88	107	90	103	92	95	99	96	88	93	99	88
1996	101	106	103	111	100,5	107	94	97	83	107	102	90
1997	106	103	111	111	102	110	102	101	102	89	105	97
1998	110	107	108	103	98	102	94	95	105	105	104	98
1999	107	103	103	103	103	104	97	105	104	114	104	99,8
2000	111	106	106	102	110	105	102	109	108	-	104	106
2001	110	104	104	105	113	105	106	105	110	-	105	109
<i>Продукция промышленности¹</i>												
1995	79	102	88	87	92	82	96	97	86	91	100,1	88
1996	93	101	104	107	100,3	104	94	96	76	120	103	95
1997	100,3	101	119	108	104	140	100,0	102	98	78	104	99,7
1998	102	98	112	98	98	105	85	95	108	102	104	99
1999	104	105	110	105	103	96	88	111	106	-	106	104
2000	107	106	108	111	115	107	108	112	110	-	106	112
2001	105	104	106	99	114	105	114	105	115	-	-	114
<i>Индекс цен производителей промышленной продукции</i>												
1995	1865	375	561	-	240	143	154	275	376	-	934	2700
1996	198	122	134	-	124	132	132	126	355	-	233	117
1997	112	119	188	-	116	130	120	107	178	-	154	105
1998	88	113	172	102	101	109	110	123	130	-	141	135
1999	91	102	456	116	119	154	144	167	144	-	138	116
2000	125	101	286	106	138	132	128	132	144	-	-	121
2001	102	99,6	172	104	100,3	111	112	111	127	-	-	101
<i>Продукция сельского хозяйства¹ (хозяйства всех категорий)</i>												
1995	93	105	95	113	76	98	103	92	84	101	102	96
1996	103	102	102	106	95	115	87	95	91	87	94	91
1997	94	94	95	107	99	112	112	102	100,2	-	106	98
1998	106	113	99	90	81	103	88	87	106	-	104	90
1999	107	101	92	108	128	108	92	104	103	-	106	93
2000	112	98	109	85	96	103	97	108	113	-	-	110
2001	111	112	102	106	117	107	104	107	111	-	-	110
<i>Перевозки грузов предприятиями транспорта (без трубопроводов)</i>												
1995	91	99,7	75	103	73	70	86	88	63	72	99	80
1996	101	92	87	94	104	108	91	77	71	124	95	75
1997	117	94	109	139	105	94	105	86	105	102	100,1	97
1998	120	87	105	122	98	99	88	87	103	-	99,9	91
1999	133	91	96	107	101	115	63	104	89	-	100,4	92
2000	121	90	91	116	131	105	107	106	105	-	-	100
2001	117	113	99	110	123	97	122	101	75	-	-	102

¹ Показатели динамики рассчитаны на основе данных в постоянных ценах.

Источник: Белорусский экономический журнал. 2002. № 4. С. 141.

Таблица П.5.5

Год	Азербайджан	Армения	Беларусь	Грузия	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Украина
-----	-------------	---------	----------	--------	-----------	------------	---------	--------	-------------	--------------	------------	---------

Инвестиции в основной капитал (все источники финансирования)

1995	82	96	69	151	57	182	84	90	-	-	104	72
1996	212	113	95	106	60	119	92	82	-	-	107	78
1997	139	100	120	152	112	96	92	95	-	-	117	91
1998	123	117	125	180	142	64	110	88	-	-	115	106
1999	98	98	92	49	133	122	79	105	-	-	102	100,4
2000	103	127	102	97	149	137	85	117	-	-	-	114
2001	117	114	97	-	121	84	98	109	-	-	-	117

Экспорт

1995	98	126	191	97	162	120	132	119	152	88	111	128
1996	99	107	118	131	113	124	107	109	103	89	149	110
1997	124	80	129	121	110	119	110	99,9	97	45	96	99
1998	78	95	97	80	84	85	72	84	80	79	80	89
1999	153	105	84	124	103	88	73	102	115	-	-	92
2000	188	130	124	139	163	111	102	141	114	-	-	126
2001	133	113	102	105	95	94	121	98	83	-	-	112

Наука стран СНГ

Стоимость (объем) выполненных научных исследований и разработок, % к ВВП

Страна	1990г.	1992г.	1994г.	1995г.	1996г.	1997г.	1998г.	1999г.	2000г.	2001г.
Азербайджан	1,01	0,53	0,51	0,31	0,24	0,38	0,42	0,33	0,35	0,3
Армения	2,54	0,83	0,22	0,08	0,27	0,23	0,28	0,30	0,26	0,3
Беларусь	2,27	0,82	0,80	0,95	0,93	0,94	0,82	1,09	0,81	0,8
Грузия	1,20	0,48	0,09	0,11	0,20	0,33	0,25	0,28	0,19	0,2
Казахстан	0,74	0,26	0,33	0,27	0,35	0,22	0,22	0,19	0,17	0,3
Кыргызстан	0,73	0,31	0,27	0,26	0,22	0,21	0,21	0,14	0,13	0,2
Молдова	1,57	0,55	0,80	0,75	0,87	0,94	0,88	0,55	0,58	0,5
Россия	2,98	0,91	0,97	0,81	0,98	1,06	1,09	1,22	1,28	1,4
Таджикистан	0,73	0,46	0,29	0,11	0,06	0,04	0,04	0,06	0,07	0,1
Туркменистан	0,65	0,51	-	0,26	0,26	1,10	-	-	-	-
Узбекистан	1,22	0,86	0,70	0,39	0,41	0,33	0,37	0,36	-	-
Украина	2,33	1,40	1,49	1,34	1,38	1,36	1,22	1,24	1,14	1,1
Для справки: Беларусь ¹	2,11	0,84	0,91	0,93	0,87	0,81	0,78	1,04	0,81	0,81

¹ Расчет произведен НИИ статистики Министерства статистики и анализа Республики Беларусь

Таблица П.5.7

Ментальные характеристики белорусов

Качества белорусов	%	Ранг
Гостеприимство	66,7	1
Трудолюбие	64,7	2
Законопослушание	62,5	3
Теплота и сердечность в отношениях между людьми	54,5	4
Совестливость, сострадание	51,8	5
Толерантность	49,0	6
Патриотизм	41,6	7
Коллективизм	37,7	8
Уважение, следование традициям	33,1	9
Уважение младшими старших и забота старших о младших	22,0	10
Стремление к личной свободе	19,8	11
Чувство локтя	18,2	12
Духовность	14,0	13
Индивидуализм	12,7	14
Консерватизм	8,5	15
Точность, обязательность	5,5	16

Таблица П.5.8

Отношение предпринимателей к представителям религиозных конфессий и других социальных групп

Социальная группа или религиозная конфессия	Положительный рейтинг	Принял бы на работу в первую очередь, %	Отрицательный рейтинг	Не принял бы на работу ни при каких условиях, %
Православный	1	72		1
Католик	2	56		1
Атеист	3	42		2
Протестант	4	34	6	6
Член БПСМ	5	23	5	22
Иудей	6	21	4	23
Коммунист	7	25	3	29
Член БНФ	8	16	2	38
Мусульманин	9	12	1	39
Не имеет значения	10	8		

Таблица П.5.9

Оценка населением деловых и моральных качеств предпринимателей

Качества предпринимателей	1993		1995		1996		1998	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Трудолюбие	40,4	7-8	47,9	3-4	51,1	3	83,3	1
Неразборчивость в средствах достижения своих целей	42,2	6	47,9	3-4	38,4	6	53,2	7
Рационализм	32,2	11	18,8	11	33,2	9	49,9	8
Склонность к жульничеству	56,0	2	57,4	2	51,9	2	59,3	4-5
Деловая хватка	45,5	3-4	41,4	5-7	49,8	4	61,4	3
Авантюризм	43,1	5	35,9	9	35,9	7	56,0	6
Высокий профессионализм	9,6	14	11,1	14-15	10,1	14	38,5	12
Высокий уровень общей культуры	8,4	15	11,3	14-15	12,6	13	29,9	14
Нежелание честно трудиться	38,7	9	41,2	5-7	33,7	8	47,5	10
Непрофессионализм, некомпетентность	33,8	10	34,4	10	19,8	11	44,1	11
Инициативность, настойчивость	45,6	3-4	36,5	8	45,3	5	59,3	4-5
Жажда наживы	64,9	1	58,1	1	52,2	1	63,3	2
Честность, порядочность	12,8	12	11,8	13	8,5	15	35,7	13
Низкий уровень общей культуры	40,3	7-8	41,1	5-7	23,3	10	48,0	9
Склонность к благотворительности	13,2	12	13,0	12	15,1	12	25,0	15

Источник: [162].

Таблица П.5.11

Результаты опроса лидеров общественного мнения Беларуси и экспертов

Институты	Доверяю	Не доверяю	ЗО/НО	Индекс доверия*
Независимы исследовательские центры	80	11	9	+0,697
Негосударственные СМИ	58	23	19	+0,348
Объединения предпринимателей	51	23	26	+0,288
Католическая церковь	30	32	38	-0,015
Протестантская церковь	29	32	39	-0,031
Армия	33	43	24	-0,091
Свободные и независимые профсоюзы	29	38	33	-0,091
Оппозиционные политические партии	32	44	24	-0,121
Конституционный Суд	26	56	18	-0,303
Государственные исследовательские центры	20	54	26	-0,359
Правительство	13	67	20	-0,530
Православная церковь	15	70	15	-0,545
Государственные СМИ	12	74	14	-0,621
КГБ	9	76	15	-0,667
Суды	9	76	15	-0,667
Президент	12	80	8	-0,682
Профсоюзы, входящие в Федерацию профсоюзов	3	71	26	-0,692
Милиция	11	82	7	-0,712
Местные исполнительные комитеты	8	80	12	-0,738
Центральная избирательная комиссия	8	82	10	- 0,754
Местные Советы депутатов	5	80	15	- 0,758
Национальное собрание	5	83	12	-0,788
Политические партии, которые поддерживают нынешнюю власть	5	86	9	- 0,818

* Индекс доверия может принимать значения от +1 до -1 и вычисляется как частное суммы положительных ("доверяю") и отрицательных ("не доверяю") ответов к числу респондентов, ответивших на вопрос.

Источник: Данные, размещенные на сайте НИСЭПИ. Дата индексирования: 05.04.2003
(<http://www.iiseps.by/press1.html>). Опрос проведен НИСЭПИ в феврале 2003 г.

Конечно, очень важны сами количественные показатели, отражающие степень доверия к различным институтам. Если взять социологические других центров, то эти данные будут отклоняться от названных выше. Но мы обращаем внимание на то, что разные нормы доверия, которые имеют разные структуры, имеют различное влияние аналитические другие параметры, а также на принятие экономического решения. Например, при инвестировании или выбора формы сбережений. К тому же хозяйствующие агенты от нормы доверия принимают комплекс мер с сопровождающимися транзакционными издержками по страхованию своей деятельности.

Таблица П.5.10

Доверяете ли вы перечисленным ниже средствам массовой информации?

СМИ	Доверяю	Не доверяю	ЗО/НО	Индекс доверия*
Белорусская негосударственная пресса	56	20	24	+0,364
FM-радиостанции (Би-Эй, Альфа-Радио и т.п.)	47	20	33	+0,277
Западные радиостанции	40	15	45	+0,246
Российское телевидение	45	26	29	+0,197
Западное телевидение	30	12	58	+0,185
Польское телевидение	29	11	60	+0,185
Российские радиостанции	38	23	39	+0,159
Российская пресса	40	27	33	+0,121
Украинское телевидение	18	14	68	+0,046
Белорусская государственная пресса	9	83	8	-0,742
Белорусское телевидение	9	85	6	-0,758
Белорусское государственное радио	8	88	4	-0,803

* Индекс доверия может принимать значения от +1 до -1 и вычисляется как частное суммы положительных ("доверяю") и отрицательных ("не доверяю") ответов к числу респондентов, ответивших на вопрос.

Источник: Данные, размещенные на сайте НИСЭПИ, Дата индексирования: 05.04.2003
(<http://www.iiseps.by/press1.html>).

Неоклассическая теория в качестве своей методологической предпосылки имеет установку на рациональность, которая представляет собой "черный ящик". Но индивид, осуществляющий выбор, и белорусский человек здесь не является исключением, для своего рационального решения должен получить определенную информацию, которой бы он доверял. В этом смысле очень важным вопросом для аналитической процедуры является источники самой информации, их стоимость и процедура получения. Важным также является возможность поиска альтернативных источников информации. Это важно для власти более, чем для самого индивида, поскольку формируется среда, общественное мнение, что институт государства ничего не скрывает. Хозяйственные операции в таком случае будут более рациональны и целесообразны.

Таблица П.5.12

Число предприятий и организаций по формам собственности (на 1 января), Россия

	Число предприятий и организаций, тыс.							В процентах к итогу						
	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Всего	1946	2250	2505	2727	2901	3106	3346	100	100	100	100	100	100	100
в том числе по формам собственности:														
государственная	325	322	233	143	148	150	151	16,7	14,3	9,3	5,4	5,1	4,8	4,5
муниципальная	171	198	184	178	183	198	217	8,8	8,8	7,3	6,5	6,3	6,4	6,5
частная	1216	1426	1731	2014	2147	2312	2510	62,5	63,4	69,1	73,9	74,0	74,4	75,0
собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	53	95	130	158	183	213	223	2,7	4,2	5,2	5,8	6,3	6,9	6,7
	181	209	227	235	240	234	247	9,3	9,3	9,1	8,6	8,3	7,5	7,3

Таблица П.5.12

Число предприятий и организаций по формам собственности (на 1 января), Россия

	Число предприятий и организаций, тыс.							В процентах к итогу						
	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
<i>Всего</i>	1946	2250	2505	2727	2901	3106	3346	100	100	100	100	100	100	100
в том числе по формам собственности:														
Государственная	325	322	233	143	148	150	151	16,7	14,3	9,3	5,4	5,1	4,8	4,5
Муниципальная	171	198	184	178	183	198	217	8,8	8,8	7,3	6,5	6,3	6,4	6,5
Частная	1216	1426	1731	2014	2147	2312	2510	62,5	63,4	69,1	73,9	74,0	74,4	75,0
Собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	53	95	130	158	183	213	223	2,7	4,2	5,2	5,8	6,3	6,9	6,7
	181	209	227	235	240	234	247	9,3	9,3	9,1	8,6	8,3	7,5	7,3

Потребление продуктов питания (на душу населения в год, килограммов)

	Годы	Мясо и мясо-продукты в перерасчете на мясо (без сала и субпродуктов)	Молоко и молочные продукты (включая масло животное) в пересчете на молоко	Животное масло (в натуре)	Яйца, шт.	Рыба и рыбо-продукты (в товарном весе)	Сахар	Растительное масло	Картофель	Овощи и бахчевые (в пересчете на свежие)	Фрукты и ягоды (в пересчете на свежие; без переработки на вино)	Хлебопродукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, крупа, бобовые)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Россия	2000	41	216	3,2	229	10,4	35	10,0	118	86	34	118
Азербайджан	2000	18 ¹	145	...	74	3	10	2,5	47	129	60	158
Армения	2000	23	118	...	90	0,3	19	4,0	64	120	45	117
Белоруссия	2000	59	295	...	224	7,0	35	8,0	174	93	25	110
Болгария	1998	33	152	0,5	127	3,2	14	14,2	27	150
Венгрия	1998	62	177	1,1	269	2,8	41	15,0	65	99	63	91
Грузия	1997	16	218	...	108	11	45	93	60	154
Казах-стан	2000	44	235	...	102	3,5	21	8,6	66	86	15	105
Киргизия	2000	40	204	...	48	1,3	12	2,6	108	128	35	128
Молда-вия	1999	25	145	...	132	3,7	21	...	62	109	27	133
Польша	1999	63	309	4,6	182	...	42	18	131	120	54	119
США	1998	117	262	1,9	244	10,3	30	23,7	55	119	101	111
Таджикистан	1995	14	130	...	10	28	97	...	155
Туркмения		30	178	...	62	2,0	11	12	30	97	23	147
Узбекистан		33	160	...	53	...	10	14	23	120	29	157
Украина		33	198	...	164	8,3	37	9,3	135	101	29	124
Франция		91	427	7,8	271	20,0	35	15,3	84	132	92	82
Чехия		70	291	4,1	311	5,5	39	14,6	76	81	72	101
Япония		45	93	0,8	320	57,6	18	15,0	102	123	60	110

¹ С учетом сала и субпродуктов.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Общая характеристика работы</i>	3
Глава 1. Хозяйственная практика и экономическая наука как объекты теоретической рефлексии	21
1.1. Современная мир-экономика как форма хозяйствования и аналитическая единица.....	21
1.2. Противоречия развития теории в контексте мировых тенденций.....	32
1.3. Отечественная экономика и наука в поисках самоопределения.....	41
Глава 2. Наука экономика: классические традиции и гносеологические изменения	56
2.1. О предмете.....	56
2.2. Условия хозяйствования, экономический факт и методология науки....	65
2.3. Становление и эволюция теоретического анализа.....	82
Глава 3. Историко-логическая преемственность, парадигмальные изменения и структура современной экономической науки	98
3.1. Формирование "новой экономики" и метаморфозы научного опыта....	98
3.2. Диалектика парадигм теоретического знания.....	109
3.3. Структура и предметно-методологические рамки современной науки экономики.....	125
Глава 4. Экономика, институты и особенности теории институтов	138
4.1. Методологические предпосылки институционального анализа	138
4.2. Междисциплинарный аспект исследования института собственности...151	
4.3. Феномен экономической идеологии в теории и практике.....	159
4.4. Экономические изменения и их институциональное отражение в категориях "стоимость", "деньги", "капитал"	167
Глава 5. Направления и проблемы теоретического анализа трансформационных процессов	190
5.1. Переходный период как категория институциональной экономики.....	190
5.2. Экономическая политика переходного периода: общее и особенное	200
5.3. Институциональные конфликты трансформационных процессов	213
5.4. "Социально-экономическое развитие": классический смысл и институциональные особенности исследования.....	234
Заключение	252
Список использованных источников	258
Приложения	292